

МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

Д

Е.И. Нестерова

Русская администрация
и китайские мигранты
на Юге Дальнего Востока России

(Вторая половина XIX – начало XX вв.)

монографии

Дальневосточный
Межрегиональный Институт
Общественных наук

**Межрегиональные
исследования
в общественных науках**

**Министерство
образования
Российской
Федерации**

**«ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»**

**Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)**

**Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)**

**Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)**

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования РФ, «ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Е.И. Нестерова

Русская администрация
и китайские мигранты
на Юге Дальнего Востока
России

(Вторая половина XIX – начало XX вв.)

Владивосток

Издательство Дальневосточного университета

2004

Ответственный редактор:
В.Н. Соколов, канд. исторических наук

Рецензенты:
А.М. Кузнецов, докт. исторических наук;
А.А. Маслов, докт. исторических наук

Печатается по решению Совета научных кураторов программы «Межрегиональные исследования в общественных науках»

Нестерова Е.И.

Н 56 **Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Моногр. /**
Под ред. В.Н. Соколова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. –
372 с. (Серия «Монографии»; вып. 1).

ISBN 5-7444-1648-X

Работа посвящена чрезвычайно сложному периоду освоения Юга Дальнего Востока России и выработке политических, административных и экономических мер взаимодействия с мигрантами из Китая в городах и местах раннего заселения. Рассмотрены различные проекты территориального деления этого обширного края и систем управления мигрантским населением.

Для историков, краеведов, работников административных органов и других категорий читателей.

Н 0804000000
180(03)–2004

ББК 66.5

Книга распространяется бесплатно

ISBN 5-7444-1648-X

© Нестерова Е.И., 2004
© АНО «ИНО-Центр (Информация.
Наука. Образование)», 2004

Содержание

Предисловие	6
Историография	14
Глава 1. КИТАЙЦЫ НА РУССКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ПОПЫТКА ВКЛЮЧЕНИЯ В СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ РОССКОЙ ИМПЕРИЕЙ (конец 50-х–70-е гг. XIX в.)	
1.1. Население, хозяйственное развитие и административное устройство Дальнего Востока России в 50–70-е гг. XIX века	43
1.2. Китайцы в Приморье и Приамурье (50–70 годы XIX века)	66
1.3. Административное строительство в Приморье и Приамурье в 70-е гг. XIX века. Проекты управления населением	76
Глава II. ПОДДАННЫЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ (конец 70–80-е гг. XIX в.)	
2.1. Активизация усилий русских и китайских властей по созданию системы контроля за китайскими мигрантами на юге Дальнего Востока России (начало 80-х гг. XIX в.)	100
2.2. Русская администрация и китайское население в Приморской области (80-е гг. XIX в.)	108
2.2.1. Администрация и китайское население русских городов и сел	108
2.2.2. Русская администрация и китайские земледельческие общины в Южно-Уссурийском крае	117
2.3. Русская администрация и зазейские маньчжуры: административно-управленческие и территориальные проблемы	129
Глава 3. КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ И АДМИНИСТРАЦИЯ ПРИАМУРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА (1884-1917 гг.)	
3.1. Изменения в системе управления китайцами в Приамурье при генерал-губернаторах А.Н. Корфе и С.М. Духовском	159
3.2. Русская администрация и приисковые китайцы	182
3.3. Китайские кварталы в русских дальневосточных городах	193
3.4. Деятельность китайских коммерческих агентов и консулов в Приамурье (конец XIX – начало XX вв.)	216
3.5. Легализация китайских торговых обществ в русских дальневосточных городах	232
3.6. Деятельность китайской полиции	250
3.7. «Китайский вопрос» в деятельности приамурской администрации в конце XIX – начале XX вв.	262
Заключение	312
Приложения	320

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй половине XIX в., с включением Кавказа, Средней Азии, юга Дальнего Востока, завершилось формирование территории Российской империи. В связи с этим перед правительством возник комплекс задач, требовавших неотложного решения: укрепления новых рубежей, экономического развития этих регионов. Для Дальнего Востока становится актуальным создание контингента постоянного населения, что тесно связано с выбором способов колонизации и созданием оптимальной системы управления. Именно имперская система управления являлась одним из важнейших механизмов гомогенизации «политического пространства» России (П. Бурдьё) в процессе освоения новых территорий в составе империи, трансляции политических, социокультурных идеологий и свойственных центру форм жизни.

После подписания Айгуньского и Пекинского договоров открывается новая страница в истории русско-китайского диалога. На территории России формируется значительная по численности китайская диаспора, что делает необходимым принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности приграничного края. Одним из аспектов указанной проблемы являлась задача создания системы управления китайским населением, находившимся на территории русского Дальнего Востока. История создания системы контроля над этой этнической группой является, кроме того, частью общей проблемы формирования административно-управленческих структур на Дальнем Востоке. Одновременно это – часть важнейшей темы колонизации Россией Дальнего Востока. Разработка указанной темы позволяет проследить на новом фактическом материале один из важнейших аспектов колониационного процесса – возможные варианты взаимодействия власти с иноэтничной группой, подданными другого государства; а также дает возможность восполнить существующий пробел в современных представлениях о конкретных методах и способах управления китайцами в условиях приграничья.

Следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX вв. не только Россия, но и другие страны столкнулись с проблемой присутствия китайских мигрантов, и практически везде в связи с этим наблюдался рост

лармистских настроений. Так или иначе принимающее общество всегда настороженно относилось к появлению значительной по численности группы «чужих». Этот процесс затронул и США, с их невмешательством государства в колонизационный процесс, развитием местного самоуправления, обеспечением свобод личности, и имперскую Россию, где «вся сила общества сосредоточена в руках одного человека» (1).

Основные причины иммиграции китайцев лежали в экономической сфере. С 1873 по 1933 гг. посевная площадь в Китае (без Северо-Востока) увеличилась на 1 %. В то же время сельское население выросло более чем на 30 % (2). Земельный голод, отсутствие промышленности, способной принять излишек населения, вынуждали людей покинуть родину. Несмотря на реальный вклад в экономику разных стран, (3) слабо поддающиеся ассимиляции, но трудолюбивые и неприхотливые китайские рабочие вскоре стали рассматриваться как нежелательные гости.

В США с начала 60-х гг. XIX в. набирает обороты шовинистическая пропаганда в печати. Во время предвыборной кампании 1876 г. кандидаты на пост президента от демократической и республиканской партий включили в свои платформы антикитайские требования. В 1876-1877 гг. конгресс организовал слушания по китайской проблеме в Калифорнии. Большинство докладчиков высказали мысли о невозможности ассимиляции китайцев, об опасности для белых в Калифорнии оказаться в меньшинстве по сравнению с китайцами, о необходимости пересмотра Бурлингемского договора (1868 г.). Несмотря на то, что договор 1868 г. предоставлял китайцам «такие привилегии и иммунитеты в отношении въезда в США и проживания там, которые могли бы быть предоставлены гражданам государства, пользующегося режимом наибольшего благоприятствования» (4), в отдельных штатах существовали антикитайские законы. Для США, как и для многих стран, принимавших китайских эмигрантов, проблема «желтой опасности» лежала в большей степени в плоскости экономической конкуренции. Поэтому для ограничения численности китайцев предпринимались как меры, препятствовавшие въезду в страну, так и санкции, имевшие характер экономической дискриминации (5).

Первый закон в США, направленный на ограничение китайской иммиграции, был принят в штате Виктория в 1855 г. Начиная с этого времени и на протяжении более полувека введена целая серия законов, ограничивавших права китайцев. Федеральным законом от 6 мая 1882 г. (Chinese Exclusion Law) иммиграция из Китая останавливалась на десять лет, а китайцы, уже находившиеся в стране, были лишены права на натурализацию. Действие этого закона неоднократно пролонгировалось. Квинтэссенцией антикитайской политики стало принятие в 1902 г. закона, по которому на неограниченный срок запрещалась иммиграция для любого китай-

ца. Логически завершил этот процесс закон об иммиграции (5 февраля 1917 г.), согласно которому жители обширного района, так называемого азиатско-тихоокеанского треугольника (60° восточной долготы, 165° западной долготы, 26° южной широты), были лишены, за незначительным исключением, права на натурализацию и иммиграционный въезд в США (6).

Таким образом, анализ истории взаимодействия государственной власти США с китайскими мигрантами выявляет в качестве доминирующей достаточно жесткую стратегию ограничения численности этой группы населения с применением как политических, так и экономических мер, нередко носивших расистский характер, направленных на вытеснение китайцев из данного государства. Подобный характер взаимодействия (можно его обозначить как «американскую» модель) был характерен и для других «молодых государств», в частности, Австралии.

Иной вариант, «голландскую» модель, мы можем наблюдать на примере Нидерландской Индии (Индонезия). Хотя история китайско-голландских отношений в колониях не лишена драматических эпизодов, тем не менее этот тип связан со стратегией передачи части властных полномочий непосредственно объекту управления – китайской общине. Уже в XVII в. первый генерал-губернатор Нидерландской Индии Ян Питерсон Коэн положил начало системе управления китайцами, просуществовавшей почти без изменений около трехсот лет. В 1620 г. в Батавии он создал так называемую «Китайскую гражданскую службу», представлявшую собой систему должностных лиц китайской гражданской службы, помогавшим голландцам в управлении китайскими общинами. В каждой китайской общине голландской администрацией выбирался «капитан», которому предоставлялись власть и право решения незначительных гражданских и уголовных дел. Дела более важные не подлежали юрисдикции общины и находились в ведении голландского правосудия, рассматриваясь в суде юстиции «Raad van Justitie». В 1740 г. приказом генерал-губернатора было снова подтверждено право китайского «капитана» самому решать в «Китайском суде» (Chineeshe Raad) гражданские и уголовные дела небольшой важности. «Китайский суд» выполнял также функции службы регистрации, фиксируя случаи рождений, смертей и браков у китайцев. Эта система получила дальнейшее развитие в 1633 и 1837 гг. с учреждением званий и должностей «лейтенантов» и «майоров» (7).

В рамках этой модели взаимодействия шло закрепление ситуации параллельного сосуществования двух инокультурных миров при относительном невмешательстве европейцев в повседневную жизнь китайской общины.

Предлагаемая работа является попыткой проанализировать ситуацию взаимодействия властей и китайцев на русском Дальнем Востоке и выявить имевшуюся региональную специфику.

На дальневосточной окраине России, как и в США, китайский труд нашел широкое применение в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства, торговле. Значительный приток и экономическая активность китайцев вынудили Россию принять меры по защите своих политических и экономических интересов в регионе. Особенностью политики русского правительства явилось то, что достаточно длительный период шинги, так или иначе ограничивавшие интересы китайцев, предпринимались в рамках более широкого контекста – русского экономического проекционизма, при этом китайцы не выделялись в особую категорию иностранцев.

Несмотря на формирование у представителей власти негативного отношения к присутствию значительной массы китайцев в приграничном крае, последние никогда не лишались возможности принятия русского подданства. Русское законодательство разрешало эту процедуру, а законом от 17 мая 1888 г. приамурскому генерал-губернатору сроком на 10 лет предоставлялось право принимать китайцев и корейцев в русское подданство в пределах полномочий министра внутренних дел, что значительно сокращало канцелярскую волокиту (8). Российская империя не пошла на полный запрет китайской иммиграции и не принимала мер, как другие страны (9), по ограничению личных прав и свобод китайцев – были разрешены межрасовые браки, суды принимали к делопроизводству дела с участием китайцев, существовали русско-китайские школы.

Таким образом, целью данного исследования является рассмотрение на конкретно-историческом материале процесса взаимодействия русской администрации и китайских мигрантов на территории Юга Дальнего Востока в условиях колонизации Россией этой территории.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- рассмотреть особенности дальневосточной колонизационной политики России, возможности реализации различных моделей освоения территории Дальнего Востока и формы их практического воплощения;
- проанализировать этапы административного строительства, законотворческой и управленческой деятельности русской администрации при освоении Дальнего Востока;
- раскрыть основные направления и проследить изменения в государственной политике России по отношению к китайцам, проживавшим в этом регионе;
- рассмотреть наиболее типичные формы китайского общественного управления на русской территории и степень влияния на них русской администрации;

- исследовать новые аспекты регионального русско-китайского взаимодействия: влияние «китайского фактора» при создании системы управления и административно-территориального устройства Приамурья; деятельность китайских коммерческих агентов.

Территориальные рамки работы охватывают юг российского Дальнего Востока: Амурскую область и южную часть Приморской области, которые входили первоначально в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, а затем Приамурского генерал-губернаторства (современная территория Амурской области, Приморского и Хабаровского краев). Решающим фактором в выборе явились географические границы районов массовой концентрации китайцев на русском Дальнем Востоке.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1858 г. по 1917 г. Они определяются началом освоения Приамурья, после подписания Айгуньского договора (1858 г.), и падением монархии, которое нарушило естественное развитие русского законодательства и административной деятельности в «желтом» вопросе, коренным образом изменив приоритеты в политике и экономике.

Поставленная исследовательская задача может быть реализована в двух аспектах – теоретическом и собственно историческом. Необходимость теоретического аспекта обусловлена потребностью в разработке и уточнении концептуальной базы, позволяющей рассмотреть проблему формирования системы управления иноэтничной иностранной группой населения в условиях колонизационного процесса. При таком подходе актуализируется проблема использования и уточнения аналитического инструментария. В целом концептуальные основания исследования представлены комплексом теоретико-методологических положений, включающим: модели народной колонизации и имперского строительства, современные методики реконструкции систем мировидения, семиотический анализ. Кроме того были использованы научные труды, разрабатывающие современные подходы к анализу форм управления на колонизируемых территориях (10), а также работы, исследующие роль феномена колонизации в истории России (11).

Сегодня невозможно найти монистическое объяснение причин колонизационного процесса, любое из предложенных слишком просто для столь комплексного явления. В то же время достаточно перспективным представляется изучение модели народной колонизации и процесса создания империи (12) как самостоятельных тем. Это позволяет рассматривать процесс колонизации через призму механизмов идентификации общества, через осознание создающимся на новых землях сообществом своей идентичности с родовой матрицей «центра», а в конечном счете – через актуализацию категорий «свой», «чужой». Тем более, что мировой наукой нара-

ботан определенный опыт такого рода исследований, выполненных на стыке этнографии, истории, психологии, политологии, социологии, философии, где рассматриваются вопросы, связанные с механизмами адаптации на новых территориях, проблемы этнопсихологии, социальной идентификации (13). В последние годы сделан ряд шагов по развитию этого направления в нашей стране (14).

Процесс колонизации – это всегда еще и история взаимодействия нескольких культур. По сути колонизационный процесс можно рассматривать как актуализацию проблемы «свой – чужой», в нашем случае образ «чужого» идентифицируется с носителем китайской культуры. Попытки теоретического осмысления разности китайской и европейской культур предпринимались еще в XIX в. В книге дипломата И.Я. Коростовца «Китайцы и их цивилизация» отдельный раздел посвящен проблеме взаимопонимания между китайцами и европейцами. За рубежом публикации, освещавшие проблемы образов и стереотипов, выделились сегодня в самостоятельное направление – имеджинологию (имагологию) (15). В последнее время в нашей стране появляются работы, исследующие проблему образов и перцепций, связанных с формированием категории «чужой» (16).

При анализе фактического материала использован ряд традиционных подходов и методов: проблемно-хронологический, аналитический, историко-генетический, сравнительно-исторический. Их использование дает возможность выявления основных этапов и ключевых моментов, сопоставления конкретных форм взаимодействия русской администрации и китайцев, позволяет зафиксировать трансформацию форм управления, самоорганизации китайцев в зависимости от историко-социального контекста; показать причинно-следственные связи, последовательность развития как отдельных социальных феноменов и институтов, так и развитие ситуации в целом. Предпринята попытка использования системно-структурного подхода к изучению нормативных актов, предполагающего комплексное исследование процесса законотворчества: выяснение предыстории закона, условий его реализации, анализ текста. При этом уделяется внимание как реализованным, так и нереализованным проектам.

Предлагаемая работа написана на основе источников, взятых из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота Российской Федерации (г. Санкт-Петербург); Архива внешней политики Российской империи (г. Москва); Государственного архива Приморского края (г. Владивосток); Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток); Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва); Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург); Архива востоковедов Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН (г. Санкт-Петербург).

бург); Государственного архива Российской Федерации (г. Москва); Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток), Государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск), а также исследований отечественных и зарубежных историков.

История трехвекового соседства России и Китая имела разные периоды – улучшения и ухудшения отношений, интенсивного диалога и напряженного молчания. Сегодняшняя политика открытости и расширения сфер российско-китайского взаимодействия имеет и обратную сторону – реанимацию столь популярной в начале XX в. идеологемы «желтой опасности», вызванной притоком китайских мигрантов на российскую территорию. В связи с этим представляется необходимым исследование опыта решения подобных проблем в прошлом. Изучение исторического опыта особенно актуально сегодня, т. к. в период существования «железного занавеса» местные региональные власти были лишены возможности приобретения опыта взаимодействия с иноэтничным элементом – гражданами другого государства. Сегодня российское общество вновь оказалось перед необходимостью решения проблемы регуляции отношений с китайскими, корейскими, вьетнамскими мигрантами, поэтому дореволюционный опыт может если не научить, то предостеречь от уже совершавшихся ошибок.

Литература

1. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. – С. 296.
2. Симония Н.А. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959. – С. 20.
3. К началу 70-х гг. XIX в. китайское мужское население Калифорнии достигло 58,6 тыс. человек и составило 14 % всей рабочей силы. Благодаря китайцам в сельском хозяйстве Калифорнии появились новые отрасли – садоводство и овощеводство. В 1880 г. около 70 % сезонных сельскохозяйственных рабочих в Калифорнии составляли китайцы. Параллельно шел процесс концентрации в их руках капитала – к 1866 г. половина всех сигаретных фабрик, а к 1870 г почти все прачечные в Сан-Франциско принадлежали китайцам. В 1907 г. открылся банк «Бэнк оф Калифорния», владельцами которого были китайцы. См.: Бирюков В.И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М., 1983. – С. 14.
4. Филиппов С.В. США: иммиграция и гражданство. М.: Наука. 1973. – С. 38.
5. В 1878 г. в Калифорнии принимается закон, согласно которому найм китайца на работу становится уголовным преступлением. Параллельно продолжалось наступление на права китайцев. В 1860-1893 гг. был принят ряд законов и введены специальные налоги, практически вытеснившие китайцев из сферы морских промыслов. В 1880 г. в Калифорнии китайцы лишаются прав на получение лицензий от властей штата на любой вид предпринимательской деятельности. См. – Лайнгер С.Р. Из истории китайского эмиграционного движения середины XIX – начала XX веков. Днс. ... к.и.н. М., 1975. – С. 114.
6. Лайнгер С.Р. Из истории китайского эмиграционного.... – С. 113-114; Бирюков В.И. Китайцы в США ... – С. 39.
7. Лайнгер С.Р. Из истории китайского эмиграционного ... – С. 94-96.

8. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 158, л. 1.
9. Решением суда Калифорнии «монголы» (как официально называли выходцев из Азии) были приравнены к категории индейцев и лишены права свидетельских показаний против белых. Ряд законов (1888 г. – штат Юта, 1901 г. – штат Калифорния) возбранял смешанные браки. В 1885 г законом, принятым в Калифорнии, китайским детям было запрещено посещать общественные школы. В 1906 г. Сан-Францисский комитет по образованию принял решение о недопущении к занятиям в школах детей выходцев из Азии, для них была открыта публичная школа для азиатов. – См.: Савельев И.Р. Японцы за океаном. История японской эмиграции в Северную и Южную Америку. СПб., 1997.
10. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической географии. М., 1988.
11. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987 – Т. 1.; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. М. Мысль.-1988; Боле Л. Колонизация новейших народов. СПб., 1877; Лурье С.В. Российская и Британская империи на Среднем Востоке в XIX – начале XX века: идеология и практика. Автореферат дис. ... канд. ист. наук – М., 1996.
12. Лурье С.В. Российская и Британская империи на Среднем Востоке в XIX – начале XX века: идеология и практика. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
13. Mannoni O. Prospero and Colibian. The Psychology of Colonization. N.- Y. 1957; Memmi. The Colonizer and The Colonized. N.-Y., 1965; Royce A.P. Ethnic Identify. Bloomington. 1982.; Said E.W. Orientalism. N.-Y., 1978.; Social Change: The Colonial Situation. N.-Y. 1966.
14. Ерасов Б.С. Выбор России в евразийском пространстве // Цивилизации и культуры. – Вып. 1. – М., 1994; Лурье С.В. Геополитическая организация пространства экспансии и народная колонизация // Цивилизации и культуры. – Вып. 3. – М., 1996; Лурье С.В. Российская и Британская империи: культурологический подход // ОНС.-1996. – № 4; Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. – Вып. 1. – М., 1994; Очирова Т.Н. Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства // Цивилизации и культуры. – Вып. 1. – М., 1994.
15. О становлении этого направления см. Зак Л.А. Западная дипломатия и внешне-политические стереотипы. М., 1976. . с. 7-16; Дятлов В.И. Торгаши, чужаки или посланные Богом? М., 1996.
16. Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай-Япония: любовь или ненависть. М., 2001; Лукин А. Образ Китая в России (до 1917 г.) // Проблемы Дальнего Востока.-1998. – № 5, 6; Молодяков В.Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX в. М., Токио, 1996; Носов М.Г. Эволюция американских представлений о Японии // Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. М., 1994. С. 153-163; Петров Д.В. Механизм формирования стереотипов Японии и японцев в России // Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. М., 1994. С. 183-199; Новгородская Н.Ю. Становление и модификации дипломатического стереотипа русского государства в империи Цин в XVII – середине XIX в. Дис. ... к.и.н. М., 1987.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография поставленной проблемы многопланова и включает работы двух направлений. Первое – представлено исследованиями, предметами изучения которых являлись теория колонизации, колонизационная политика России на Дальнем Востоке, формирование системы управления этим регионом. Второе охватывает работы, затрагивающие проблему китайской иммиграции и условия жизнедеятельности китайских мигрантов в России.

Изучение проблем, отнесенных к первой категории, началось в XIX в. Колонизация интересовала российских исследователей преимущественно в двух аспектах: как исторический фактор государственного и имперского строительства и как инструмент формирования колонизационной политики государства. Необходимо отметить, что в русской историографии термин «колонизация» не носил негативного оттенка и по смыслу ближе всего стоял к термину «расселение». В известном словаре Брокгауза и Ефрона дается следующее определение этому понятию: «Колонизация – массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев какого-либо цивилизованного государства» (1).

Другой смысловой нюанс отмечен в работе французского исследователя Л. Болье «Колонизация новейших народов», оказавшей заметное влияние на русское общественное мнение в колонизационном вопросе. Давая определение колонизации, он разделял понятия «колонизация» и «эмиграция» – «эмиграция, занятие новой почвы (...) не есть еще колонизация в истинном смысле этого слова. Колонизация – результат сознания, явление, подчиненное своим правилам и порождаемое обществом, далеко ушедшим по пути развития ...» (2).

Однако со временем в отечественной историографии за понятием «колонизация» закрепляется негативный оттенок, так как основное содержание этого процесса стало связываться с политикой ограбления зависимых территорий развитыми государствами, что и привело к специфическому использованию термина. В связи с этим для описания ситуации колонизации более частое применение находят нейтральные термины, такие, как «освоение», «переселение». Представляется, что при такой терминологи-

ческой замене происходит некоторая утрата смысла, так как «колонизация» предполагает включение в себя целого ряда процедур, основная задача которых превратить «чужое» в «свое» посредством присвоения чужого пространства в экономическом, социальном, политическом и культурном планах.

Глубокое изучение процесса колонизации как исторического фактора государственного строительства в России начинается с работ С.М. Соловьева. Он был первым отечественным историком, показавшим связь природной среды с другими составляющими исторического развития России, в том числе и колонизации. Наиболее фундаментально тема «государство и колонизация» разработана В.О. Ключевским, для него колонизация являлась стержневым процессом в истории России, сформировавшим быт народа и определившим административное деление страны. Хорошо известно его замечание: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширяется вместе с территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» (3).

В 1864-1867 гг. А.П. Шапов опубликовал серию работ под заглавием «Историко-географическое распределение русского народонаселения». В этих работах интересен региональный аспект – начало колонизации Сибири он объясняет погоней за пушниной, а также истощением земли в Европейской России. По его мнению, движущими силами колонизации являлись прежде всего экономические факторы: «хлеб и земледелие были первыми, главными, преобладающими рычагами колонизации... От Волги хлебопахотная колонизация простерлась до Камчатки и проникла даже в самую Камчатку» (4).

Основные концептуальные положения В.О. Ключевского о ходе, особенностях русской колонизации и ее влиянии на экономический и общественный быт русского народа были той основой, на которой выросли конкретно-исторические наблюдения М.К. Любавского, преемника В.О. Ключевского по кафедре русской истории МГУ (5). Для него главным вопросом истории колонизации страны стал вопрос о том, как и почему русский народ «разбросался» на территории, далеко не соответствовавшей его численности. М.К. Любавский, выделив основные этапы колонизации Сибири, к третьему этапу отнес освоение Дальнего Востока. Он отметил, что заселение Амурского и Уссурийского краев стоит особняком в колонизации Сибири, т. к. колонизация Приамурья вызвана военно-стратегическими и политическими соображениями.

Опыт комплексного исследования колонизации в связи с ходом исторического развития России был предпринят П.Н. Милюковым, считавшим, что для понимания «русской истории знакомство с колонизацией русской

земли, хотя бы в общих чертах совершенно необходимо» (6). В своей работе он отмечал, что общего очерка колонизации России в литературе не существует. Декларируя незавершенность в настоящую минуту процесса колонизации русской земли, П.Н. Милюков тем не менее не рассматривал дальневосточные приобретения, сделанные Россией в XIX в.

Методологической базой большинства историко-географических исследований в русской историографии конца XIX – начала XX вв. являлись позитивистские теории, получившие обоснование в немецкой антропогеографии, в свете которых рассматривалась роль колонизации в историческом развитии России. Своими корнями это направление уходит в историко-философские построения И. Канта, В. фон Гумбольдта, К. Риттера и других мыслителей, которые уделяли значительное внимание физическому окружению и его влиянию на общественно-историческое развитие.

Таким образом, в XIX в. проблема колонизации Дальнего Востока фактически не рассматривалась в собственно исторических построениях. Однако историки «государственной» школы заложили основания традиции рассматривать Сибирь и Дальний Восток как «пространственные и ресурсно-силовые факторы «прирастания» российского могущества, идентифицируемого главным образом со «столичным» сегментом национального развития и политическим азимутом европеизма». Восточные регионы России осмысливались «как этапы или вехи экспансии европейской цивилизации (пусть даже в «перекодированном» русском варианте) на мировой периферии» (7).

В рамках второго подхода к колонизации как инструменту формирования колонизационной политики государства нужно отметить, что, несмотря на значительный интерес дореволюционной историографии к изучению освоения окраин Российской империи, все же большинство работ не являлись в точном смысле слова историческими исследованиями, т. к. процесс накопления исторического материала только начинался.

В большинстве случаев работы носили описательный характер, зачастую авторов более всего интересовали персоналии, хронология, артефакты, т. е. все то, что составляет совокупность фактов, но не имеет собственного проблемного поля исследования. Это признавали и дореволюционные исследователи: «... теория переселения не только не делает успехов, но и почти не существует. Между тем (...) без теории невозможно как следует уяснить нужды и задачи колонизационной политики» (8).

Особняком стоят немногочисленные работы, посвященные теории колонизации, в которых делаются попытки типологизации, определения движущих сил колонизации, выделения общего и особенного в российском колонизационном процессе (9).

Принципиальным вопросом, задававшим определенный ракурс изуче-

ния колонизации, являлся вопрос: «Чем является Азиатская Россия – окраиной или колонией?» В качестве примера можно привести точку зрения Г. Гинса, отмечавшего, что о русских колониях можно говорить лишь с большой оговоркой. Однако принимая во внимание, что Азиатская Россия заменяет для России колонии, к ней могут быть применены теории и практики колонизационной политики, и поэтому возможно условное обозначение сибирских и среднеазиатских окраин колониями. Размышляя о соотношении понятий «переселение» и «колонизация», Г. Гинс приходит к выводу: «дело переселения является лишь одним из средств колонизации, если под последней разуметь политику всестороннего культурного развития незаселенных и слабо заселенных пространств». В ходе анализа различных точек зрения Г. Гинс делает заключение: «у нас есть «переселенческая» политика, но нам нужна политика колонизационная» (10).

Достаточно распространенной в дореволюционной историографии была апелляция к метафизическим причинам колонизации – чувству экспансии, великому долгу России, ее миссии по отношению к азиатским народам. Наиболее ярко эти взгляды представлены в сочинениях князя П. П. Ухтомского, сопровождавшего цесаревича Николая в его путешествии на Восток. В книге «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества наследника цесаревича», которую, кстати, было рекомендовано выписать всем средним учебным заведениям России, Ухтомский выражал мнение о глубоком духовном родстве русского и азиатских народов, считая, что между Западной Европой и Азией разверзлась пропасть. «Россия, строго говоря, та же Азия, она занимает историческое, предвечное положение на гранях противоположных культур... Мы слишком двести лет оставались дома, ибо нельзя назвать естественное слияние с Туркестаном и Приамурьем политическими захватами». Характерной чертой русской колонизации от Эрзерума до Южно-Уссурийского края, по его мнению, являлось отсутствие «внутреннего разлада между так называемыми победителями и побежденными, развивающаяся и бьющая ключом народная жизнь, (...) которая ничего не завоевывает, так как весь этот выплескивающийся в нас инородческий люд нам брат по крови, по традициям, по взглядам». Задачу России Ухтомский видел не в том, чтобы нести западную цивилизацию в Азию, а в признании собственной азиатской сущности и слиянии с Азией в единое самодержавное антизападное пространство, где поисторжествуют ценности самодержавия, которые он находил близкими восточной политической культуре (11).

Фундаментальным исследованием по интересующей нас проблеме может быть признан труд Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении». В этой работе, посвященной колонизации Сибири, отдельные главы он отводит Дальнему

Востоку, и в частности Приамурью. Автор приходит к выводу, что процесс приобретения и заселения Сибири есть продукт двух сил – государственной и вольнонародной (12). Причину, по которой русская колонизация не имеет успехов европейской, Н.М. Ядринцев видит в том, что «бюрократическая самоуверенность и привычка вмешательства затмевает здоровую государственную политику и задерживает культурную историческую работу в сфере колонизации» (13).

Одним из наиболее ранних исследований, содержащих описание колонизационной политики в Приамурье, является работа Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае», изданная в 1870 г. Проблема колонизации Уссурийского края становится более выразительной в контексте представлений Н.М. Пржевальского о миссии России в Азии. Его идеи были вполне созвучны распространенным в то время в европейских колониальных державах теориям европейской культурной миссии. Подводя первые итоги русской колонизации Уссурийского края, автор выделяет несколько факторов, оказавших негативное влияние на ее результаты – принудительное переселение казаков, малочисленность населения, недостаток рабочего скота, неблагоприятные климатические условия, неудачные действия администрации. Кроме того, Н.М. Пржевальский предложил ряд общих мер, которые могли способствовать изменению ситуации в крае в лучшую сторону (14). Работа Н.М. Пржевальского представляет особый интерес для данного исследования, т. к. в ней зафиксировано присутствие в крае китайских мигрантов, дано описание их быта и деятельности.

Нельзя обойти вниманием и работу М.И. Венюкова «Опыт военного обозрения русских границ в Азии», в которой впервые были изложены научные подходы к процессу освоения окраин (15).

Ценную разноплановую информацию содержит сборник «Приамурье. Факты, цифры, наблюдения» (16), явившийся результатом командировки на Дальний Восток ста сорока уполномоченных от земских организаций весной 1908 г. Активное участие в подготовке этого труда, получившего большой отклик в радикальных кругах общества, принял Г.Е. Львов.

Особый интерес в связи с проблемой административного устройства и управления представляет работа «Новое административное разделение Сибири» (17), опубликованная в «Сборнике историко–статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах». Издатели сборника ставили перед собой задачу на основании статистических материалов и архивных документов «провести и укрепить в читающей публике здравый, правильный взгляд на край, его настоящее положение, потребности и способ удовлетворения их» (18). В указанной статье рассматривается история складывания системы управления вплоть до 1875 г. В заключении автор при-

ходит к выводу о невозможности управления Амуром из Иркутска и констатирует, что четыре последовательно сменивших друг друга генерал-губернатора Восточной Сибири не пришли к единому решению по поводу административного устройства края (19).

Информация о системе управления Дальним Востоком содержится в работах К. Куртеева, П.Ф. Унтербергера, Г.Г. Савича (20).

В целом работы, рассматривавшие особенности русской дальневосточной колонизационной политики, условно можно разбить на несколько категорий:

- публикации социально-экономического и политико-правового характера, зачастую содержащие элементы ретроспективного подхода к изучению этих проблем (21);
- естественно-научная и этнографическая литература, содержащая информацию о колонизации Россией Дальнего Востока, этническом составе населения (22);
- публицистика и мемуарная литература, размышления о целях России на Дальнем Востоке (23);
- различного рода информационные бюллетени, цель которых – «освещение всех сторон современной постановки колонизационного дела» (24).

В ряде публикаций делается попытка обобщить колонизационный и переселенческий опыт России в Сибири и на Дальнем Востоке (25). Особняком стоят работы, в которых предпринята попытка сравнительного анализа колонизационной политики России и сопредельных стран (26).

Таким образом, анализ дореволюционной историографии показывает, что колонизационная политика России не была включена в проблематику исторической науки. Большинство исследователей – это чиновники, офицеры, путешественники, решавшие свои профессиональные или научные задачи, работы которых могут служить для современных историков источниками по этой теме. Широко распространенной в дореволюционной историографии являлась точка зрения, сложившаяся в результате попыток осмыслить ход и результаты русской колонизации, выделявшая в качестве особенности русского колонизационного процесса – взаимодействие народной и государственной колонизаций. Сторонники вольнонародной модели колонизации отмечали, что успешность государственной политики в этой области напрямую связана с экономическим фактором, являющимся основой данного типа колонизации. Рассматривая колонизацию Приамурья, большинство исследователей отмечало, что она занимает особое место в российском колонизационном процессе, т. к. процесс инициирован глубоко государственными интересами.

В советский период становятся актуальными несколько иные аспекты

темы – общие вопросы дальневосточной политики царского правительства, хозяйственно-экономическое освоение региона, переселенческая политика, история географических открытий.

Уже в 20 – начале 30 гг. XX в. в историко-экономической литературе была заявлена проблема изучения колонизации Дальнего Востока Россией. Особый интерес для исследователей представляли темы методов и итогов дореволюционной колонизации, периодизации колонизации, численности переселенцев (27). Для работ этого периода характерно критическое отношение к предшествующему опыту колонизации. Источниковой базой этих работ являлись не архивные документы, а книги и статьи дореволюционных историков.

Во второй половине 20-50 гг. расширилась исследовательская тематика, больше используется периодика, архивный материал, статистические сведения. В эти годы идет дальнейшее изучение процесса колонизации Дальнего Востока в дореволюционный период. В конце 20-х – начале 30-х гг. увидел свет ряд монографий и статей, посвященных различным аспектам истории колонизации Дальнего Востока (28). Пристальное внимание уделяется истории крестьянской колонизации Приморья и социальному составу переселенцев, тема истории управления краем как самостоятельное научное направление отсутствует.

Новый этап в изучении истории Дальнего Востока, в том числе и проблемы колонизации, связан с общим подъемом советской исторической науки в конце 50 – начале 60-х гг., с созданием академических и вузовских центров на Дальнем Востоке, подготовкой квалифицированных научных кадров. Советская историография этого периода характеризуется количественным и качественным ростом исследований регионального значения. После войны появляются первые кандидатские диссертации, посвященные вопросам заселения и хозяйственного освоения Дальнего Востока русским народом во второй половине XIX – начале XX в., колонизационной политике царизма в Приамурье и Приморье (29).

Достижением дальневосточных историков стало появление первой обобщающей работы по истории края – «Очерки по истории русского Дальнего Востока (XVII – нач. XX вв.)» Н.И. Рябова и М.Г. Штейна. Весомый вклад в разработку проблемы колонизационно-переселенческой политики царизма на Дальнем Востоке внесли работы Н.К. Кольцовой, Л.Б. Белявской (30).

Как отмечалось выше, после революции отечественная историография долгое время не обращалась к проблемам административного устройства и управления Дальним Востоком России в XIX в. Одной из первых таких работ стала статья А.И. Крушанова «Административное устройство Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века» (31).

Вопросы дальневосточной политики на этапе первоначального заселения и освоения Приамурья и Приморья подробно рассматриваются в работах П.И. Кабанова, написанных на основе широкого привлечения архивного материала. В его книге «Амурский вопрос» (32) излагается история политики России на Дальнем Востоке начиная с XVII в., при этом главное внимание уделяется событиям «муравьевского времени». Тема переселения крестьян в Южно-Уссурийский край в 1883-1893 гг. исследована в статьях Уродкова (33). В 60-70 гг. становятся приоритетными исследования, освещающие ход переселенческой политики и экономическое положение новоселов Дальнего Востока. Обобщающим исследованием стала работа И.И. Рыбаковского «Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет», в которой раскрыты сущность и особенности колонизации Дальнего Востока, представлены результаты анализа статистических данных, содержащих сведения о численности населения, этническом и половом составе (34). Проблемы освоения Дальнего Востока в связи с обсуждением их в периодике рассмотрены в исследовании Ю.Д. Акашева (35).

В 1973 г. увидела свет работа В.М. Кабузана «Как заселялся Дальний Восток», в которой рассматривалась история формирования населения Приамурья и Приморья в эпоху капитализма, определены этапы заселения, проанализирован национальный состав (36).

В 60-80-е гг. появляются крупные обобщающие работы по истории восточных районов страны, в которых освещаются вопросы колонизационной политики и заселения Дальнего Востока. В этих работах сделаны попытки выявить общие закономерности и особенности развития Дальнего Востока (37). В рамках изучаемой темы представляет интерес работа А.И. Алексеева, в которой понятие «освоение территории» рассматривается как теоретическая проблема (38). Важной вехой в развитии региональной исторической науки стало появление первых томов коллективной «Истории Дальнего Востока», в которой комплексно представлены основные этапы развития дальневосточных окраин России, особенности административного строительства и колонизационной политики (39).

Продолжают разрабатываться и частные аспекты колонизации, так, тема, поднятая в начале 70-х гг. Ю.Д. Акашевым, была продолжена в диссертационном исследовании А.В. Азова (40). Удачной попыткой обобщения дореволюционного опыта административного строительства стала работа Л.Л. Лариной (41).

В 90-е гг. продолжает привлекать внимание тема, связанная с историей приобретения и начальным этапом освоения юга Дальнего Востока. Исследованию места амурского вопроса в русской дальневосточной политике посвящена работа А.С. Мамаева (42).

Обращает внимание интенсивная и плодотворная работа сибирских

ученых, рассматривающих различные аспекты правительственной политики в отношении Сибири, частью которой являлся Дальний Восток, историю формирования системы управления, характер взаимоотношений центра и регионов (43).

Проблемы управления Сибирью в XIX в. – основная тема исследований А.В. Ремнева и Н.П. Матхановой, появившихся в 90-е гг. и продолжившихся в начале XXI в. Если А.В. Ремнев рассматривает преимущественно складывание системы управления Сибирью (44), то сфера научных интересов Н.П. Матхановой – персоналии высших сибирских чиновников (45).

В этот же период появляются работы дальневосточных исследователей по проблеме местного управления (46). В 1998 г. А.В. Умрихиным защищена кандидатская диссертация «Политико-административное устройство Дальнего Востока России во второй половине XIX в. – начале XX в.» (47). Обратившись к этой достаточно сложной и малоизученной теме, автор, к сожалению, допустил ряд фактических ошибок.

Подводя итог, мы должны констатировать, что тема формирования системы управления Дальним Востоком ждет своего комплексного исследования.

Определенный интерес тема колонизации Россией Дальнего Востока вызывает и у зарубежных исследователей. Анализ изученности темы хозяйственного освоения юга Дальнего Востока в эпоху капитализма в зарубежной историографии дан В.Н. Чернавской (48), в связи с этим мы не будем останавливаться на этой теме. Из работ, не вошедших в этот обзор, можно отметить монографию Д. Даллина (49), увидевшую свет в 1949 г. и посвященную русскому продвижению в Азию. Автор выделил три основных фактора, влиявших на дальневосточную русскую политику в Азии: глобальный политический вакуум вблизи восточных границ, собственная специфическая русская конфигурация (*the peculiar configuration of Russian proper*), отставание в развитии Китая и Японии (*the basic divergence in the recent evolution of China and Japan*) (50). Интересной представляется его идея о несовпадении политической и географической России. «Политическая Россия – место, где в течение столетий проживало русское население и происходило русское историческое развитие, не идентична России географической, как не идентична Канада политическая и географическая (...), или Африка (...). В случае с Россией политическая и географическая составляющие наиболее различны. Политическая Россия занимает около 35 % российской территории, при том, что на ней проживает 90 % населения. Это та территория, на которой русская история обрела очертания. В Западной Сибири политическая Россия включала в себя плодородные земли и индустриальные центры на территории от Урала до о. Байкал. Далее на

посток карта показывает обширную пустыню (Восточная Сибирь), социально-экономическое и политическое развитие идет в узком коридоре, ведущем к Тихому океану. Только в восточном окончании этого коридора, по реке и в низовьях Амура, политическая территория расширяется вновь. Новый, приобретенный Россией Дальний Восток был ключом ее влияния на Востоке» (51). Автор отмечает, что в отличие от русского продвижения в Европу, движение России в Азию преследовало не стратегическую цель, не было вызвано необходимостью расселения населения или потребностью торговой экспансии.

Среди исследователей русской колонизации в XX в. не была забыта концепция «фронтара» Тернера, делались интересные попытки применить ее к русскому историческому процессу. Новая схема развития Азиатской России была представлена в работах А. Лобанова-Ростовского и Дж. А. Ленсена. Концептуальная новизна подхода заключалась в двух аспектах: в рассмотрении Азиатской России как самостоятельного центра «кристаллизации» российской исторической жизни, воспроизведенного не столько «московско-петербургскими» замыслами и стратегиями, сколько принципиально новым азиатским (природным, этническим, геополитическим и цивилизационным) окружением континентального масштаба, и в попытке исследования того, как урало-сибирский «фронтар» инверсивно подействовал на российское общество и его институты, на культурно-психологический склад россиянина, на национальные цели и приоритеты. Метифорически этот взгляд предполагает, что российская цивилизация, ее существенные свойства формировались в пространстве пересекающихся геополитических импульсов и культурно-цивилизационных иррадиаций, исходящих от двух обращенных друг к другу исторических «зеркал» – европейского и азиатского (52).

Из недавно опубликованных работ можно отметить статью С. Коткина, посвященную Роберту Кернеру и его научному семинару (53), работавшему в середине 30-х - начале 40-х гг. XX в. в северной Калифорнии. Цель семинара – изучение вопросов взаимодействия Европы и Азии. При такой постановке вопроса Россия рассматривалась как связующее звено, причем гораздо более интересное, чем Британская морская империя. Р. Кернер организовал свой семинар вокруг проблемы силовой экспансии в Азию. Среди целей, которые он выносил на первый план, были заявлены «история продвижения России на Восток до Тихого океана от истоков до наших дней и анализ современных позиций России в Азии и на Тихом океане».

С. Коткин отмечает, что, несмотря на подготовку участниками семинара нескольких интересных монографий (54), все же главный проект – изучение экспансии России, Китая, Японии в Северо-Восточной Азии остался не реализованным.

В середине 90-х гг. появляется и переводится на русский язык ряд книг, затрагивавших вопросы территориального расширения Российской империи, например, труд руководителя семинара по истории Восточной Европы Кельнского университета, профессора А. Каппелера (55). Автор считает, что Россия никогда не являлась колониальной державой в истинном смысле этого слова, т. к. – русские никогда не были господствующим народом в империи, национальная политика России отличалась прагматизмом и терпимостью по отношению к нерусским народам, российское государство держалось в решающей степени на династических и сословных принципах, в экономическом отношении русский Центр уступал западной периферии. Автор отмечает, что стимулами к созданию империи являлись не экономические, а в первую очередь стратегические и внешнеполитические соображения. По его мнению, русские, как правило, ограничивались освоением тех территорий, которые пустовали. При этом представителям других этносов не запрещалось переселение на русские территории.

Другой подход, основанный на геополитической модели развития русского империализма в «сердцевине» Евроазиатского земельного массива, продемонстрирован Ле Донном. Он пытается доказать, что Россия, в силу чисто географических предпосылок ее существования и местности, обязана расширяться до весьма обширных географических пределов этой сердцевины (56).

Анализу отличий пограничности русской культуры к Востоку и Западу посвящена статья Й. ван Баака, отметившего, что хотя пограничное положение России по отношению к Востоку имеет типологический характер открытой смежности в пространстве, это принципиально асимметричное положение. По обе стороны границы находится разнородное культурное пространство. На ранних этапах Руси приходилось сдерживать натиск с Востока, но с возникновением Московского государства наступает обратная фаза, т. е. возникает колонизаторское, а потом имперское отношение со стороны России. Остановившись на отношении России к Сибири, автор замечает, что это отношение характеризовалось не только проникновением, завоеванием и освоением территориальным, но и идеологическим и культурным присвоением. Колонизация Сибири сопровождалась тенденцией русификации восточного пространства. Россия проявляет признаки поведения колониальной державы, но в течение многовекового контакта неизбежно происходит внедрение элементов и влияние на культуру колонизатора со стороны колонизованной культуры. В заключении автор отмечает, что Дальний Восток для России всегда имел политическое значение (57).

Попыткой понять «исторические традиции в России во взгляде на

Ашио», причины ее территориального распространения является статья корейского исследователя Хон Ван Сук (58). Несмотря на обозначенные в названии географические рамки – Азия – речь идет большей частью о русском продвижении в Сибири.

Тема колонизации восточных пространств в связи с постройкой транс-сибирской магистрали стала основной в монографии С. Маркса (59). Написанная на основании отечественных архивных материалов, работа особое внимание уделяет идеологическим течениям, возникавшим в процессе колонизации (сибирское областничество, восточники), а также анализу позиций в отношении дальневосточной политики в высших эшелонах власти. Та же тема, продвижения России на Дальний Восток, продолжена в монографическом исследовании Дж. Эванс, написанном на основе опубликованных отечественных источников и литературы (60). Событием в историографии стал выход в свет в 1994 г. обобщающего труда по истории Дальнего Востока Д. Стефана (61). В частности, представляет интерес данный Д. Стефаном обзор исторического развития региона, в рамках которого он уделяет внимание двум интересующим нас проблемам – системе административного устройства Приамурья и положению китайской диаспоры России.

Начало перспективному направлению в изучении темы «Россия на Дальнем Востоке» – исследованию образов неизвестных дальневосточных земель, а также их влияния на геополитическое поведение – положила диссертация В.Н. Соколова. В том же году вышла работа М. Бассина (62).

Политическая история движения России на Дальний Восток, приведшая к войне с Японией, стала предметом анализа Д. Схиммелпеннинка ван дер Ойе (63), использовавшего для написания работы литературу на русском, английском, немецком, французском языках, а также документы 19 архивных фондов из 11 российских и американских архивов. Безусловно интересной представляется попытка автора показать связь между существовавшими в обществе идеологическими течениями («конквистадорского империализма» (Н.М. Пржевальский); восточников (Э.Э. Ухтомский); «мирного проникновения» (С.Ю. Витте) и других) и принятием конкретных политических решений. Обращается автор и к теме «желтой опасности» (на примере взглядов А. Куропаткина). Однако положение: «По сравнению с другими идеологиями, «желтая опасность» не оказала сильного воздействия на воображение россиян», по нашему мнению, может подвергнуться корректировке, особенно если привлечь для анализа региональный материал.

Таким образом, несмотря на явный интерес зарубежных историков к проблеме колонизации Россией Дальнего Востока, тема управления данного освещения не получила. Большинство работ написано на основании

опубликованных источников, однако их явным преимуществом являются попытки теоретического осмысления исторических феноменов, создание моделей тех или иных процессов.

Обратимся к анализу работ, отнесенных ко второй категории – затрагивающих проблему китайской иммиграции, условия жизнедеятельности китайских общин и взаимодействие русской администрации с указанной категорией населения.

Как и в ситуации с изучением колонизации Россией Дальнего Востока, исследованием положения китайцев в русских пределах в XIX в. занялись не историки, а военные и гражданские чиновники, служившие на Дальнем Востоке. Наиболее ранние сведения мы находим либо у них (64), либо у путешественников, посетивших край как самостоятельно, так и в составе научных экспедиций (65).

Впоследствии людьми, принадлежавшими именно к этим категориям, написано большинство заслуживающих внимания исследований, посвященных общим вопросам истории и жизни края, разных по жанру и стилистике, являющихся сегодня ценным источником. Среди этих работ, в большей или меньшей степени касавшихся китайского присутствия на русском Дальнем Востоке, можно отметить труды полковника Генерального штаба А.Ю. Назарова (66), секретаря начальника Тихоокеанской эскадры В.В. Крестовского (67), офицера для особых поручений при командующем войсками Приморской области И.П. Надарова (68); штаб-офицера для поручений переселенческого управления, командированного в распоряжение Приамурского генерал-губернатора В.К. Арсеньева (69); чиновника I департамента МИДа Л. Богословского (70); П.Ф. Унтербергера, не одно десятилетие отдавшего краю, закончившего службу Приамурским генерал-губернатором (71); офицера генерального штаба Н.М. Пржевальского (72), Д.И. Шрейдера (73); чиновника министерства финансов Н. Слюнина (74).

На начальном этапе исследований (60-70 гг.) не ставилась задача целенаправленного и систематического сбора сведений о китайских мигрантах на русском Дальнем Востоке. В силу этого интересующие нас сведения мы находим в географических описаниях края, составленных исследователями, где попутно фиксировалась информация о быте, деятельности, численности, местах концентрации китайцев (75).

Особый интерес представляют мемуары, путевые заметки. Так, в воспоминаниях Е.С. Бурачека, командира поста Владивосток, в увлекательной и живой манере описана жизнь на далекой окраине России в 1861-1862 гг. Хорошо знавший китайские традиции и язык, Бурачек смог установить добрососедские отношения с этой группой населения. Именно ему принадлежит одно из наиболее ранних наблюдений о существовании у

китайцев самоуправления и выборных старшин. Кроме того, он одним из первых среди русских исследователей, чиновников Дальнего Востока, поставил вопрос о необходимости миссионерской деятельности среди китайцев, предложив вызвать из Пекина албазинца Никиту в качестве переводчика и миссионера (76). Ценность этой работы заключается, на наш взгляд, и в том, что Е.С. Бурачек помимо этнографических сведений обратил внимание на особенности русско-китайской коммуникации, считая важным в общении с китайцами соблюдение китайского этикета, проявление уважения к иной культурной традиции. Свою задачу он сформулировал так: «я понял, что должен хлопотать и работать не для одного только своего поста, но иметь всегда в виду весь край и в особенности необходимость сближения с китайцами так, чтобы и отдаленные китайские деревни возымели желание присоединиться к русской семье народной» (77).

Сходное суждение высказывал С. Максимов, посетивший в 60-е гг. Амур и Южно-Уссурийский край. С. Максимов отмечал: «... мы должны сказать и признаться, что там, где нет живой души, где нет правильно и знакомо сложившейся жизни, принявшей округлые и законченные формы, для наблюдений и впечатлений – пожива плохая. К незнакомому мудреному китайцу мы не можем подойти слишком близко за незнанием его языка, за недостатком доверия с его стороны, доверия, которое мы еще не успели и не умели возбудить и вызвать. Мы можем судить обо всем только гадательно, и потому скорее ошибочно, чем вероятно» (78).

Первым исследованием, полностью посвященным китайцам в Уссурийском крае, является работа Палладия (Кафарова), посетившего Приморскую область в начале 70-х гг. (79). Детально рассматривая историю появления китайцев в крае, их социальный состав, численность, Палладий касается и системы самоуправления китайцев, отмечая, что во главе больших групп китайцев стояли выборные старшины. Отмечая, что старшины ибирались «обыкновенно из людей почтенных, распорядительных и справедливых», Палладий достаточно подробно описал функции и полномочия старшин.

Новый этап в процессе накопления фактического материала и анализа темы «Китайцы на русском Дальнем Востоке» относится к началу 80-х гг. XIX в. В 1883 г. увидело свет фундаментальное исследование этнической картины края, подготовленное Л. Шренком, – «Об инородцах Амурского края» (80), созданное на основании материалов, собранных в ходе экспедиций 1855-1856 гг. Л. Шренк подробно остановился на географии расселения китайцев в крае, проанализировал этимологию термина «манцзы». К сожалению, проблема управления, существовавшего у китайских мигрантов, фактически не нашла отражения.

Публикация в 1884 и 1887 гг. работ И.П. Надарова о китайцах Примор-

ской области стала значительным шагом вперед в деле изучения «манзовского» вопроса (81). И.П. Надаров впервые указал на существование 14 самоуправляющихся китайских округов, поднял вопрос о жестокой эксплуатации китайцами местных жителей. В статье «Материалы к изучению Уссурийского края» И.П. Надаров провел тщательный анализ статистических данных, касающихся китайцев в Уссурийском крае. Причем он не слепо заимствовал данные из других источников, а тщательно перепроверял их. Так, в ходе исследования он пришел к выводу, что данные, собранные Висленевым, оказались достоверными. Надаров пришел к заключению, «что труд его представляет вполне ценный материал для изучения инородческого населения Южно-Уссурийского края». Таким образом, в своем анализе И.П. Надаров первым из дальневосточных авторов применил научную критику использованных источников. Ему удалось собрать наиболее полные сведения о численности китайцев, количестве фанз, динамике миграционного процесса. И.П. Надаров опроверг распространенное мнение о том, что в Уссурийском крае проживают только китайцы-холостяки. Ему удалось установить национальный состав женщин, вышедших замуж за китайцев. При этом он пришел к выводу, что число семейных китайцев находится в прямом отношении к числу гольдов, ороحوнов, а также корейцев. Многолетние исследования китайских мигрантов в Уссурийском крае приводят И.П. Надарова к заключению, что польза, «приносимая манзами населенным пунктам страны, несомненна. Но ввиду политических причин, а также ввиду того, что Уссурийская страна должна иметь чисто русскую физиономию, манзовский элемент в ней вовсе нежелателен» (82).

В 90-е гг. появляются обобщающие работы, освещавшие положение китайцев и маньчжур в Амурской области (83).

В начале нового века для дальневосточных ориенталистов становятся привлекательными сюжеты, глубоко не изучавшиеся ранее из-за отсутствия фактического материала. В контексте интересующей нас проблемы представляется важным отметить две статьи, связанные с системой управления: «Цзинь-лань-пу» (о системе управления в Сучанской долине) (84) и «Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае» (об одноименном обществе, действовавшем в Приморской области) (85). В первой статье приводится подробная номенклатура выбираемых должностей и основные правила поведения. Во второй работе также приведен перевод правил общества, сопровождаемый краткими комментариями.

Важной вехой в изучении «желтого» вопроса явилась работа В.В. Граве (86), созданная как на основании изучения документов канцелярии, так и благодаря личным наблюдениям. Это исследование стало настоящей энциклопедией, освещавшей различные аспекты пребывания китайцев в России и историю их взаимодействия с русской администрацией. Несмот

ря на имеющиеся неточности, работа В. Граве не потеряла своей актуальности и сегодня.

Вслед за трудом В.В. Граве появилось не менее фундаментальное, основанное как на материалах, собранных в ходе многочисленных экспедиций, так и на других источниках, – исследование В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» (87).

Проблема присутствия китайцев на Дальнем Востоке затронута не только в работах гражданских и военных чиновников, которым приходилось сталкиваться с сынами Поднебесной по роду службы. Не обошли вниманием этот вопрос и представители дальневосточной общественности и буржуазии. Преимущественно их интересовали два аспекта – политический и экономический (88). В этот же период появляются работы, предметом рассмотрения которых становится тема «желтой опасности» (89). Для работ этой группы характерны публицистичность, государственная позиция авторов, личное знакомство с ситуацией по «желтому вопросу» на Дальнем Востоке.

Таким образом, анализ дореволюционной историографии демонстрирует отсутствие обобщающих работ по интересующей нас проблеме. В этот период шел процесс накопления фактов, благодаря которым сегодня возможны исторические исследования: собирались сведения о численности, географии расселения, социальном составе, основных принципах самоуправления, культурных особенностях, национальном характере китайских мигрантов в Приамурье. Тогда же предпринимаются первые попытки анализа значения и перспектив развития дальневосточного региона России, в которых учитывается наличие «китайского фактора». Тем не менее вопрос взаимодействия русской администрации и китайских общин, затрагивавшийся в работах И.П. Надарова, В.В. Граве, В.К. Арсеньева как самостоятельная тема не ставился.

В советский период приоритетными направлениями в исследовании русско-китайских отношений являлись вопросы межгосударственного взаимодействия, история территориального разграничения в регионе (90). Особый интерес для понимания исторического контекста и региональной специфики представляют работы В.С. Мясникова, рассматривающие русско-китайские отношения как форму междивизиационного диалога. Фундаментальное исследование В.С. Мясникова, посвященное истории территориального размежевания России и Китая на Дальнем Востоке, затрагивает и некоторые аспекты внутренней русской дальневосточной политики (91).

Тем не менее необходимо отметить, что советская историография никогда не проявляла заметного интереса к теме «Китайцы на русском Дальнем Востоке». Историков больше интересовало китайское миграционное

движение в более широком – мировом – контексте (92). Благодаря этим работам стал возможным сравнительный анализ отношения к китайской миграции правительств разных стран в XIX в.

Первыми и долгое время единственными оставались работы Ф.В. Соловьева, посвященные положению китайцев на Дальнем Востоке России (93). В них автор рассматривает исторические предпосылки появления и распространения китайцев на Дальнем Востоке России, их численность, основные виды занятий, различные стороны общественной жизни и быта. Особый интерес представляет обращение к темам правового положения и формам самоуправления этой группы населения. Однако при рассмотрении указанных вопросов Ф.В. Соловьев основной акцент делает на исследовании отрезка, ограниченного хронологическими рамками – 90-е гг. XIX – начало XX вв., фактически не затрагивая более ранний период и не рассматривая динамику изменений основных принципов взаимодействия русской администрации и китайцев.

Вопросы изменения динамики численности китайского населения на русском Дальнем Востоке рассматривались в монографиях В.М. Кабузана (94). Несмотря на ряд спорных выводов, отмеченных Ф.В. Соловьевым, в целом работы В.М. Кабузана содержат ценные сведения.

Активизация исследовательского интереса к этой проблеме происходит в 80-90 гг. Появляется ряд работ, затрагивавших положение китайцев (95), их экономическую деятельность на русском Дальнем Востоке (96), особенности миграции (97). Попытка анализа феномена «желтой опасности» предпринята В.Л. Лариным (98). Дореволюционные традиции изучения китайских тайных обществ на русском Дальнем Востоке (99) продолжены Г.А. Сухачевой (100). Отдельные аспекты политики местной администрации в отношении китайцев, «торгующих и селящихся на территории края», рассматриваются в диссертации В.В. Синиченко (101).

Проблема управления китайским населением затрагивается в работах В.Г. Дацышена, Т.Н. Сорокиной (102). Не останавливаясь подробно на истории взаимоотношений русской власти и китайского населения, В.Г. Дацышен высказал мысль о том, что к концу XIX в. эффективный контроль и управление этой группой населения отсутствовал. Кроме того, по его мнению, за полвека так и не намечилось сближения двух этнических общин – русской и китайской.

Существенным вкладом в историографию проблемы стало диссертационное исследование Т.Н. Сорокиной, а также изданная на его основе монография, посвященные хозяйственной деятельности китайских подданных на Дальнем Востоке России и связанной с ней политикой администрации Приамурского края. Для решения поставленной задачи автору было необходимо реконструировать исторический контекст, на фоне которого

осуществлялась экономическая деятельность китайцев, формировалась и реализовывалась политика русской администрации. В связи с этим автор обращается к фактическому материалу, позволяющему определить правовой статус китайцев, выявить тенденции в политике местной администрации. Исследователь делает ряд принципиальных выводов: об отсутствии единой линии в «китайском вопросе»; ведущей роли местной администрации в формировании данной политики; отсутствии в центре и на местах конкретной программы, которую необходимо было реализовать по отношению к хозяйственной деятельности и, шире, к пребыванию китайцев в русских пределах.

Как видно из приведенного обзора, в 90-е гг. возник разноплановый и устойчивый интерес к вопросу, однако тема управления китайскими подданными как самостоятельная проблема, за исключением статей Т.Н. Сорокиной, не ставилась (103).

В последние годы история существования китайской диаспоры на русском Дальнем Востоке продолжает привлекать внимание отечественных историков. В 2000 г. увидела свет монография сотрудника института Дальнего Востока РАН А.Г. Ларина. В книге впервые изложена целостная история китайцев в России с середины XIX в. до наших дней. Особое внимание автор уделил истории зазейских маньчжур, возникновению и функционированию китайских торговых палат, вопросам взаимоотношений русских и китайцев. Несомненным достоинством работы является использование китайских источников и исследований (104). В том же году появилось исследование профессора Иркутского государственного университета В.И. Дятлова «Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта?» (105) Вторая глава этой работы посвящена изучению дискуссии «желтой опасности» в дореволюционной России. По наблюдению автора очевидны не только параллели, но и аналогии в дореволюционной и современной риторике, посвященной присутствию китайцев в России. Идеологема «желтой опасности» по сути является квинтэссенцией отношения принимающего общества к появлению значительной по численности группе «чужих», и это делает вдвойне интересным исследование этого феномена. Анализируя тексты различных общественных деятелей начала XX в., В.И. Дятлов впервые в отечественной историографии столь подробно рассматривает спектр существовавших позиций по отношению к китайской миграции в Россию.

Экономическая деятельность китайцев на Дальнем Востоке стала предметом изучения хабаровского исследователя А.В. Алепко, посвятившего ряд статей (106) и главу монографии (107) этому вопросу. В результате А.В. Алепко приходит к выводам, что предпринимательская деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке оказывала существенное воз-

действие на развитие экономики дальневосточного региона, но китайское экономическое проникновение носило неоднозначный характер и было во многом связано с запрещенной деятельностью. Однако есть ряд спорных моментов: недостаточно убедительным представляется утверждение, что «вся социально-экономическая деятельность китайцев в крае строго регламентировалась и направлялась правительством через систему нелегальных китайских обществ, существовавших в крае» (108); нуждается в корректировке интерпретация событий 1882 г. на Сучане.

Вопросы, связанные с численностью китайской диаспоры на Дальнем Востоке, ее половозрастным составом, правовым положением, а также ролью в городской экономике нашли отражение в диссертационном исследовании Т.З. Позняк. На основе изучения обширного фактического материала автор приходит к выводу, что приток китайцев во Владивосток становится массовым в конце 70-х гг. XIX в., а в остальные города края с 1890-х гг. Китайцы являлись наиболее массовой группой иностранцев, проживавших в дальневосточных городах (в 1897 г. – 82,6 % всех иностранцев). Особенностью китайских общин на Дальнем Востоке являлось превалирование холостых или оставивших семью на родине мужчин трудоспособного возраста (80–90 %). В работе Т.З. Позняк впервые в отечественной исторической науке определены основные этапы иммиграции в регион и составлена комплексная характеристика иностранного, в том числе и китайского, населения, проживавшего в городах Дальнего Востока (109).

Заметным явлением стал выпуск в 2001 г. тематического номера независимого научного журнала «Диаспоры» – «“Ветер с Востока” – китайцы и корейцы в рассеянии» (110). В контексте рассматриваемой темы наибольший интерес представляют статьи Т.Н. Сорокиной и В.Г. Дацышена. В статье В.Г. Дацышена «Формирование китайской общины (вторая половина XIX в.)» (111) наряду с констатацией факта, что история китайской диаспоры в России изучена слабо, делается попытка дать обзор исторических судеб различных групп подданных Цинской империи, так или иначе оказавшихся в России. Т.Н. Сорокина (112) на основе богатого исторического материала прослеживает историю возникновения и логику дальнейшего развития китайских кварталов в дальневосточных городах.

Обобщающий характер, зафиксировавший уровень современных знаний о китайской диаспоре на юге Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX вв., носит коллективная монография «Этномиграционные процессы в Приморье в XX в.» (113). В работе, посвященной роли различных этнических групп в формировании населения этого региона, особенностям их социально-экономической и культурной адаптации, значительное место отведено выходцам из Китая.

Весомый вклад в изучение межэтнических и международных отношений на Дальнем Востоке России, российско–китайского экономического и культурного взаимодействия, различных аспектов пребывания китайских мигрантов в Приамурье внесла конференция «Россия и Китай на Дальневосточных рубежах», ежегодно проводимая Амурским государственным университетом. По результатам работы конференции выпущено шесть сборников, содержащих ценный материал по истории торговли России и Китая (114); об отношении русской региональной элиты к Китаю, китайцам и «желтому вопросу» (115); духовной жизни китайцев на территории Приамурья (116) и ряду других проблем.

В 2003 г. в Благовещенске опубликована монография О.А. Тимофеева «Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX – начало XX вв.)», явившаяся первой попыткой комплексного исследования этой проблемы. В работе затрагивается достаточно широкий спектр вопросов: проблемы делимитации и демаркации государственной границы; международных миграционных процессов в Приамурье; развитие внешнеэкономических связей; делается попытка рассмотреть культурно-цивилизационные аспекты региональных русско-китайских отношений. Безусловным достоинством работы является использование широкой источниковой базы, в том числе и документов, хранящихся в китайских архивах. Это позволило автору провести процедуру верификации источников на китайском языке материалами российских архивов и частичную обратную верификацию. Подобный подход помог выявить ряд несоответствий в данных, содержащихся в российских и китайских источниках, что нашло отражение в тексте. Вместе с тем ряд положений автора вызывает сомнения. Так, вряд ли «пренебрежительное отношение друг к другу» является сущностной чертой русской и китайской цивилизаций (117). Нет в тексте монографии подтверждений высказывания, на наш взгляд, требующего аргументации: «... в отношении русских к азиатским народам проявлялся синдром исторической мести – за жестокое завоевание русских княжеств монголо-татарами в XIII в.» (118).

Анализ историографии советского и постсоветского периода выявил в качестве приоритетной тенденцию изучения хозяйственной деятельности китайцев на русском Дальнем Востоке. Проблема взаимодействия китайцев и русской власти на Дальнем Востоке почти не рассматривалась как самостоятельная тема. Изучение этого аспекта русско-китайских отношений невозможно без понимания китайского отношения к власти и чиновникам, традиционного административного устройства, психологии ханьского крестьянина. В связи с этим автором использовался ряд работ как дореволюционных, так и современных исследователей, посвященных указанной тематике (119).

Зарубежная историография китайской диаспоры на русском Дальнем Востоке не столь обширна. До настоящего времени не вышло ни одного исследования по рассматриваемой теме, поднявшегося до уровня монографического обобщения. Как и среди отечественных историков, популярной оказались темы экономического вклада китайцев в дальневосточную экономику (120), а также возникновения и функционирования идеологии «желтой опасности» (121).

Таким образом, если пребывание корейцев на Дальнем Востоке России не было обойдено вниманием исследователей (122), то тема взаимодействия русской администрации и китайцев до сих пор остается малоисследованной страницей отечественной истории. К числу почти неизученных вопросов относятся такие аспекты проблемы, как деятельность китайских общественных управлений, обществ взаимного вспомоществования, китайских коммерческих агентов на территории Приамурья и их взаимоотношения с русскими властями. Нуждаются в более детальном освещении многие вопросы, затрагивающие историю формирования политики в отношении китайского элемента на русском Дальнем Востоке. В связи с этим требуется углубленное изучение раннего периода взаимодействия русской администрации и китайцев, когда закладывались принципы, на которых в дальнейшем строилась русская политика в отношении этой этнической группы.

Литература

1. Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон. – Т. 30. – СПб., 1895. – С. 736.
2. Болье Л. Колонизация новейших народов. СПб., 1877. – С. III.
3. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. – Т. 1. – С. 50.
4. Шапов А.П. Сочинения. СПб., 1906. – Т. 2. – С. 193.
5. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.
6. Милоюков П. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904. – Ч. 1. – С. 54.
7. Алексеев В. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. Постановка проблемы // Вестник ДВО РАН.-1998. – № 3. – С. 64.
8. Тресвятский В.К теории переселений // Вопросы колонизации. СПб.-1913. – № 12. – С. 52.
9. Там же. – С. 52.
10. Гинс Г. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. 1913. – № 12. – С. 73.
11. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1583, л. 29 – 32.
12. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892.
13. Там же. – С. 217 – 220.
14. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. СПб., 1870.
15. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873.
16. Приамурье. Факты, цифры, наблюдения М., 1909.

17. Новое административное разделение Сибири // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. – Т. 2, вып. 1. – С. 1 – 24.
18. Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. – Т. 1, вып. 1, ч. 1. – С. 4.
19. Новое административное разделение Сибири // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. – Т. 2, вып. 1. – С. 12.
20. Савич Г.Г. Законы об управлении областей Дальнего Востока. СПб., 1904; Куртеев К. Краткий очерк внутреннего устройства Приамурья. Хабаровск, 1909; Унтербергер П.Ф. Приамурский край (1906-1910). СПб., 1912; Унтербергер П.Ф. Приморская область (1856-1898). СПб., 1905.
21. Афанасьев Д. Амурский край и его значение. СПб., 1863; Бартоломей. Описание Амурского края // Военный сборник.-1860. – № 8, 9; Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 –1893 гг. СПб., 1896; Грум – Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. СПб., 1894; Панов А.А. Сахалин как колония. М., 1905; Плаксин. Приморская область Восточной Сибири // Сибирский Восточный сборник.-1869. – № 12. – С. 177 – 206; Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб, 1908; Холодов Н. Уссурийский край. СПб., 1908.
22. Богданов Д. Наши богатства. Промыслы Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1910; Будищев А.Ф. Описание лесов части Приморской области // Западно-Сибирское отделение ИРГО. Иркутск, 1867. – Кн. 9, 10. – С. 95 – 432; Маак Р. Путешествие на Амур. СПб.. 1859; Максимов А. Уссурийский край. Иностранческое население края // Русский вестник.-1888, август – С. 137-163; декабрь – С. 19 – 46; Надаров И.П. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884; Надаров И.П. Северо-Уссурийский край. СПб., 1884; Надаров И.П. Южно-Уссурийский край в современном его состоянии // Известия российского географического общества.-1889. – Т. XXV, вып. 3. – С. 197 – 228;
23. Алябьев А.А. Далекая окраина. Уссурийский край. СПб., 1872; В трущобах Маньчжурии и наших восточных окраин. Одесса, 1910; Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка // Бурачек Е.С., Бурачек В.В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток, 1999; Барсуков И. Граф Н.Н. Муравьев – Амурский // Материалы для библиографии. М., 1891. – Кн. 1-2; Венюков М.И. Воспоминания о заселении Амура в 1857-1858 гг. // Русская старина.-1879, январь. – С. 81-112; февраль – С. 267 – 304; Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб.,1904.; Жданов Л.Г. Движение России на Дальний Восток. СПб., 1913; Заборинский А.И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в 1848-1856 гг. // Русская старина.-1883. – Ч. 6; Завалишин Д.И. Амурское дело и его влияние на Восточную Сибирь и государство // Русская старина. СПб., 1881. – Т. 32, кн. 9-10; Кейзерлинг А. Воспоминания о русской службе. М., 2001; Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М., 1913; Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. Томск, 1901; Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края // Военный сборник.-1909. – № 8-12; Хмелева О.Н. Правда об Уссурийском крае и его обитателях. М., 1899; Суботич Д.И. Амурская железная дорога и наша политика на Дальнем Востоке. СПб., 1908.
24. Вопросы колонизации. СПб. Издание А.В. Успенского.-1907 – 1916. – Вып. 1 – 14.
25. Кауфман А.А. Сибирское переселение на исходе XIX века. СПб., 1901; Он же: Материалы по вопросу колонизационной вместимости Приамурского края. СПб.,

- 1901; Коржинский. Амурская область как земледельческая колония // Записки Восточно-Сибирского отделения географического общества. 1892; Панов А.А. Сахалин как колония. М., 1905; Патканов С. Краткий очерк колонизации Сибири // Ежегодник России за 1907 г. СПб., 1908; Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб., 1899; Елисеев А.В. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация. СПб., 1891.
26. Кохановский А.И. переселенческое дело в Китае и наша Дальневосточная окраина. // Известия Восточного института. Владивосток. 1909. – Т. XXIX, вып. 2. – С. 1-14.
 27. Кобозев П.А. Колонизация Дальнего Востока // Труды государственного колонизационного научно-исследовательского института. М., 1924. – Т. 1. – С. 213-268; Глуздовский В. Дальневосточная область. Владивосток, 1925; Грачев В.А. Присоединение Приморского края к России (1850 – 60 гг.). Никольск-Уссурийский, 1920.
 28. Целищев М.И. Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток, 1925; Лежнин П.Д. Богатства Приамурья и Забайкалья. Чита, 1922; Лежнин П.Д. Приморский край. Владивосток, 1923; Чарницкий Л. Методы и итоги прошлой колонизации Приморья и дальнейшие колонизационные мероприятия в будущем / Советское Приморье. Владивосток, 1925. – № 3. – С. 10-12; Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Владивосток, 1926; Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики в Камчатском крае. Л., 1935.
 29. Штейн М.Г. Переселенческая политика Столыпина на Дальнем Востоке. Автореферат дис. ...к.и.н. М., 1947; Шергилова К.Ф. Заселение и экономическое освоение русского Дальнего Востока в 50 – 80 гг. XIX в. Автореферат дис. ... к.и.н. М., 1951; Кольцова Н.К. Колонизационно-переселенческая политика царизма в Южно-Уссурийском крае в конце XIX – начале XX века (1860-1904). Автореферат дис. ... к.и.н. Томск, 1952.
 30. Кольцова Н.К. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край накануне Первой русской революции // Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы Первой русской революции. Владивосток, 1956. – С. 127-147; Белявская Л.Б. Крах переселенческой политики царизма в период столыпинской реформы на Дальнем Востоке (1906-1914). Автореферат дис. ... к. и. н. Томск, 1958.
 31. Крушанов А.И. Административное устройство Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века // Материалы по истории Владивостока. Владивосток, 1961. – Кн.1.
 32. Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.
 33. Уродков С.А. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1883 -1893 гг. // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1959. – Вып. 32. – № 270.
 34. Рыбаковский Л.Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. М., 1969.
 35. Акашев Ю.Д. Poleмика о заселении Приамурья на страницах русской периодической печати (1858-1860) // Вопросы всеобщей истории. Хабаровск, 1972; Он же. Заселение Приамурья и политика царизма в 60-е гг. XIX в. // История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973. Вып. 1.
 36. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1973.
 37. Алексеев А.И., Морозов Б.И. Освоение русского Дальнего Востока. М., 1989; Очерки истории Советского Приморья. Владивосток, 1963; Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – II. XX вв. М., 1985.
 38. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки. М., 1982. – С. 3.

39. История Дальнего Востока СССР. М., 1989, 1991. – Т. 1, 2.
40. Азов А. В. Русская периодическая печать (1850–1880 гг.) о проблемах освоения Приамурья. Дис. ... к. и. н., Ярославль, 1985.
41. Ларина Л.Л. Административно-территориальное устройство и население Приамурского края в период империализма (1900–1913 гг.). Владивосток, 1986.
42. Мамай А.С. Амурский вопрос в дальневосточной политике России в середине XIX в.: Н.Н. Муравьев-Амурский. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1997.
43. Агеев А.Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002. Кузнецов А.С. Второй Сибирский Комитет // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1987; Рабцевич В.В., Ремнев В.А., Конев А.Ю. Итоги и проблемы изучения административной политики самодержавия в Сибири (XVII – и. XX в.) // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск, 1997. – С. 30 – 34;
44. Ремнев А.В. Управление Сибирью и Дальним Востоком в XIX – начале XX вв. Омск, 1991; Он же. Проблемы организации дальневосточного управления накануне и в начале первой российской революции // Революция 1905–1907 г. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995; Он же. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – и. XX вв. Омск, 1997; Он же. Проблемы управления Дальним Востоком России в 1880-е гг. // Исторический ежегодник. Омск. 1996. С. 17 – 30; Он же. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab imperio* / – 2000. – № 3 – 4. – С. 343 – 358).
45. Матханова Н.П. Губернаторский корпус Восточной Сибири в середине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия Отечественная история. Новосибирск, 1996. – № 2; Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири. Новосибирск, 1998; Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. (конец 1830 – середина 1860 гг.). Автореферат дис. ... д.и.н. Новосибирск, 1999; Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Новосибирск, 2002.
46. Александровская Л.А. Приамурское генерал-губернаторство // Губернаторское управление в России: история, современность, будущее. Владивосток, 1997; Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997; Она же. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2002; Нарыжная С.М. Николай Иванович Гродеков – генерал-губернатор Приамурского края, просветитель и меценат // Гродековские чтения. Хабаровск, 1996. – Ч. I.; Петров А.И. Военный губернатор Приморской области Иосиф Гаврилович Баранов // Россия и АТР. – 2000. – № 2. С. 51 – 60; Торопов А.А. Административно-территориальное Сибирь и Дальнего Востока (конец XVI в.-1917г.): историческая справка // Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. Владивосток, 1999. – С. 11 – 20; Троицкая Н.А. Слово о чиновниках // Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. Владивосток, 1999. – С. 218 – 232; Шинковская Н.В. Владивостокская Дума. К истокам самоуправления в России // Россия и АТР. - 1997. - 2.
47. Умрихин А.В. Политико-административное устройство Дальнего Востока России во второй половине XIX в. – н. XX в. Дис. ... к.и.н. Благовещенск, 1998.
48. Чернавская В.Н. Хозяйственное освоение юга русского Дальнего Востока эпохи капитализма в оценке англо-американских авторов // Хозяйственное освоение русскими Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. – С. 99–109.
49. Dallin D. J. The Rise Russian in Asia. New Haven. 1949.
50. Dallin D. J. The Rise Russian ... – P. 1.

51. Dallin D. J. The Rise Russian ... – P. 6.
52. Алексеев В.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. Постановка проблемы // Вестник ДВО РАН. 1998 – № 3. – С. 64 – 65.
53. Stephen Kotkin. Robert Kerner and Northeast Asia Seminar // Acta Slavica Japonica. The Slavic Research Center, Hokkaido University.-1997. – Tomus 15. – P. 93-113.
54. Kerner R. The Urge to the Sea: The course of Russian History. The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs». Berkeley, 1942; Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy. 1881-1904. Berkeley – Los Angeles, 1958.
55. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1996.
56. Le Donne John. The Russian Empire and the World, 1700-1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. New-York- Oxford, Oxford university press, 1997. // Цит. по: Отечественная история.-1998. – № 3 – С. 186.
57. Баак Й. О границах русской культуры // Русская литература.-1995. - № 3. - С.12-20.
58. Хон Ван Сук. Влияние исторических традиций на внешнюю политику России в Азии // Восток.-1998. – № 5. – С. 89 – 99.
59. Marks Steven G. Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia (1850-1917). Ithaca, New York, 1991.
60. Evans J. Russian expansion on the Amur. London, 1999.
61. Stephan J.J. The Russian Far East: A history. Stanford, 1994.
62. Соколов В.Н. «Никанское царство»: образ неизвестной территории в истории России XVII-XVIII вв. Автореф. дис. ... к.и.н. Владивосток, 1999; Bassin M. Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840-1865. Cambrige, 1999. В начале 1996 г. В.Н. Соколов и М. Бассин встретились в Лондоне и обсудили сюжет «неизвестных земель». См. также: Соколов В.Н. Образ «христианского царства» на крайнем Востоке в европейской картографии XIV-XVIII // Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. Часть 1. Владивосток: Изд-во Дальн. ун-та, 2000. С. 76-81; Его же. История становления российско-корейского диалога (XVII-XIX вв.) // История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке. Владивосток: Изд-во Дальн. ун-та, 2001. С. 44-80.
63. David Schimmelpenninck van der Oye. Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. Northern Illinois University Press, 2001, фрагмент этой книги под названием «Идеологии империи в России имперского периода» опубликован. в журнале «Ab Imperio». 2001. – № 1-2, с. 211-226.
64. Будишев А.Ф. Описание лесов части Приморской области // Западно-Сибирское отделение ИРГО. Иркутск, 1867. – Кн. 9, 10. – С. 95 – 432; Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка // Бурачек Е.С., Бурачек В.В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток, 1999.
65. Палладий. Уссурийские маньчжы // Известия ИРГО, 1871.-1872. – Т. 7; Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб.. 1883. – Т. 1.
66. Назаров А.Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО.-1883. – Т. 14. -№ 1 – 2.
67. Крестовский В.В. О положении и нуждах Южно-Уссурийского края. СПб., 1881.
68. Надаров И.П. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884.
69. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914.
70. Богословский Л. Крепость-город Владивосток и китайцы // Вестник Азии. 1913 – № 1. – С. 20-33.
71. Унтербергер П.Ф. Приамурский край (1906-1910 гг.). СПб.. 1912.
72. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. Владивосток, 1990.

73. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897.
74. Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908.
75. Будишев А.Ф. Описание лесов части Приморской области // Западно-Сибирское отделение ИРГО. Иркутск, 1867. – Кн. 9, 10. – С. 95 – 432; Гельмерсен П.А. Исследования штабс-капитана П.А. Гельмерсена в южной части Уссурийского края летом 1865 г. // Известия ИРГО, 1868.-1869. – Т. 4; Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. Владивосток, 1990.
76. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 125.
77. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 34.
78. Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.). Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. – С. 343.
79. Палладий. Уссурийские маньчзы // Известия ИРГО, 1871. Т. 7. – СПб., 1872. – С. 369 – 377.
80. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. – Т. 1.
81. Надаров И.П. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884; Надаров И.П. Северо-Уссурийский край. СПб., 1884; Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. – Вып. XXLI.
82. Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. – Вып. XXLI. – С. 144.
83. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. СПб., 1894; Назаров А.Ю. Маньчжур, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО.-1883. – Т. 14. -№ 1 – 2.
84. Иванов Л. Цзинь-лань-пу // Вестник Азии.-1914. – № 30. – С. 5-18.
85. Петелин И.И. Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае // Известия Восточного института. 1909. – Т. XXIX, вып. 3.
86. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912.
87. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае...
88. Меркулов С.Д. Вопросы колонизации Приамурского края. Вып.3. Желтый труд и меры борьбы с наплывом желтой расы в Приамурье. Владивосток, 1911; Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке. СПб., 1912; Панов В.А. Дальневосточное положение. Владивосток, 1912.
89. Мснгден О.Ф. Желтая опасность или эмиграция китайцев и влияние, оказываемое ею на белую и желтую расы. СПб., 1906; О желтой опасности в связи с золотопромышленностью. Томск, 1913; Левитов И.С. Желтороссия как буферная колония. СПб., 1905; Панов А.А. Грядущее монгольское иго. СПб., 1906; Сартorius фон-Вальтерсхаузен А. Вопрос о труде китайцев // История труда в связи с историей некоторых форм промышленности. СПб., 1897. – С. 250 – 270; Тавокин С.Н. К вопросу о «желтой опасности». СПб. – Киев, 1913.
90. Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века: Русско-китайские противоречия в 1911-1919. М., 1997; Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995; Воскресенский А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и Китае (80-90-е годы XX в.). М., 1994; Ткаченко Б.И. Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII -XX веков. Владивосток, 1998.
91. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы (XVII – XX вв.). М., 1996; Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры. М., 1995. – Вып. 2.

92. Лайнгер С.Р. Из истории китайского эмиграционного движения середины XIX – начала XX вв. Дис. ... к.и.н. М., 1975; Симония Н.А. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959; Бирюков В.И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М., 1983; Скрозникова В.А. Китайцы США // Расы и народы-1990. М., 1990; Филиппов С.В. США: иммиграция и гражданство. М., 1973; Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1986.
93. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М., 1989; Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973.
94. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1973; Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – н. XX вв. М., 1985.
95. Дацышен В.Г. Проблема зазейских маньчжур во второй половине XIX в. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII – XX вв. Владивосток, 1993. – Т.1. – С. 88-90; Сорокина Т.Н. Китайские подданные в Амурской области в конце XIX в. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII – XX вв. Владивосток. 1993. – Т. 1. – С. 85 –88; Ларин А. Желтый вопрос // Родина.-1999. – № 1. – С. 66 – 71; Петров А.И. Об одном из первых нововведений Н.Л. Гондатти в отношении китайских иммигрантов // Из истории российско-китайских отношений. Благовещенск.-1999. – С. 54 -57.
96. Хроленок С.Ф. Китайские и корейские отходники на золотых приисках русского Дальнего Востока // Восток. 1995. – № 6. – С. 70-81; Дацышен В.Г. Уссурийские купцы // Родина.-1995. – № 7. – С. 54-57; Алепко А.В. Китайцы в Амурской тайге. Отходничество в золотопромышленности Приамурья в конце XIX – начале XX в. // Россия и АТР.-1996. – № 1. – С. 79. – 86. Ромас А.А. Импорт рабочей силы на русский Дальний Восток (60-е гг. XIXв.-1913 г.) // Из истории российско-китайских отношений. Благовещенск.-1999. – С. 51 – 53;
97. Авилова И.К., Ситникова Н.А. Из истории колонизации Приамурья и Приморья выходцами из сопредельных стран Азии (Китай и Корея) // VI Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения. Уссурийск, 1994. – С. 4 –7; Дацышен В.Г., Осипов Ю.Н. Китайская эмиграция в Приморье и отношение к ней российских властей в конце XIX в. // Миграционные процессы в Восточной Азии. Владивосток, 1994. – С. 107-108; Анисимов А.Л. Особенности китайской, корейской, японской и русской колонизации российского Дальнего Востока в середине XIX в. // Российское Приамурье: история и современность. Хабаровск, 1999. – С. 79-87; Волохова А. Китайская и корейская иммиграция на российский Дальний Восток в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – № 6. – С.105-114.
98. Ларин В.Л. Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и конце XX века // Известия РГИАДВ.-1996. – Т. 1. – С. 34-53.
99. Петелин И.И. Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае // Известия Восточного института. 1909. – Т. XXIX, вып. 3; Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы...
100. Сухачева Г.А. Китайские тайные общества во Владивостоке в к. – н. XX в. // Китай, китайская цивилизация и мир. М., 1993. – Ч. 2. – С. 176-180; Она же. Обитатели «Миллионки» и другие. Деятельность тайных китайских обществ во Владивостоке в конце XIX – XX начале вв. // Россия и АТР.-1993. – № 1. – С. 62-69.

- 101 Смирченко В.В. Восточная Сибирь в российско-китайских отношениях (середина 50-х гг. XIX в.-1884 г.). Автореферат дис. ... к.и.н. Иркутск, 1998.
- 102 Данышен В.Г. Русско-китайская война в Маньчжурии 1900-1901 гг. Дис. ... к.и.н. Иркутск, 1995; Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (к. XIX – н. XX вв.). Дис. ... к. и. и. Омск, 1998.
- 103 Сорокина Т.Н. Отношение администрации Приамурского края к китайскому общественному управлению на русском Дальнем Востоке в конце XIX в. // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – н. XX вв.) Омск, 1994. С. 48 – 60; Она же. Отношение администрации Приамурского края к китайским обществам взаимного вспомоществования в дальневосточных городах России в начале XX в. // Таре 400 лет. Материалы научно-практической конференции. Омск, 1994. – Ч. 1. – С. 116-119; Она же. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999.
- 104 Парин А.Г. Китайцы в России. М. 2000.
- 105 Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М., 2000.
- 106 Алепко А.В. Китайское предпринимательство на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // Россия и Китай: история и современность. – Хабаровск, 2000; Он же. Труд китайских рабочих в освоении Приамурья в 1906-1914 гг.// Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2001. – Г 2. – С. 30-35; Он же. Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX – начале XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 4.
- 107 Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.). Хабаровск, 2001.
- 108 Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство.... – С. 251.
- 109 Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис. ... кандидата исторических наук. Владивосток, 2001.
- 110 Диаспоры. – 2001. – № 2 – 3.
- 111 Данышен В.Г. Формирование китайской общины (вторая половина XIX в.) // Диаспоры. – 2001. – № 2 – 3. – С. 36-53.
- 112 Сорокина Т.Н. Китайские кварталы дальневосточных городов // Диаспоры. – 2001. – № 2 – 3. – С. 54-74.
- 113 Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002.
- 114 Устюгова О.А. К вопросу о формах торговли на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в. // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. – Т. 6. – С. 215-219; Молчанова Е.Г. Из истории китайской торговли на Дальнем Востоке России во второй половине XIX в. – начале XX в. // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. – Г. 6. – С. 220-224.
- 115 Лубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер в российско-китайских отношениях // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. – Т. 5. – С. 127-130; Сорокина Т.Н. Отношение русской администрации к китайским обществам в Приморской области в начале XX в. // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. – Г. 5. – С. 156-161; Поповичева Ю.Н. «Желтый вопрос» в деятельности высшей

- дальневосточной администрации (1883-1900) // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. – Т. 2. – С. 14-19.
116. Аниховский С.Э. Этносоциологический портрет и религиозные верования «зайских маньчжуров» Амурской области // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. – Т. 5. – С. 384-391.
117. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX начало XX вв. Благовещенск, 2003. – С. 218.
118. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения ... – С. 218.
119. Спицын А.В. Административное устройство Маньчжурии // Вестник Азии. 1909. – № 2. – С. 26-54; Яшнов Е.Е. Китайское и русское крестьянское хозяйство на Дальнем Востоке. Опыт сравнительной характеристики // Вестник Маньчжурии.-1926. – № 9. – С. 1-13; Он же. Основы быта китайской деревни. Вестник Маньчжурии.-1930. – № 8. – С. 53-61; Хо Д.И.Ф. Самость и идентичность в конфуцианстве, даосизме, буддизме индуизме: отличие от Запада // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки зарубежная литература. Востоковедение и африканистика. Серия 9.-1998. – № 1. – С. 140-144; Алексеев В.М. В старом Китае. М., 1958; Рудаков А. Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции. Владивосток, 1903. – Т. 1; Франке С. Земельные правоотношения в Китае // Известия Восточного института. Владивосток, 1908. – Т. XXIII, вып 1; Смит В.М. Характеристики китайцев. Владивосток, 1916.
120. Sigelbaum L. H. «Yellow Peril»: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // Modern Asian Studies. Vol. 12, part 2, April, 1978 Чжан Цзунхай. Ша э гэчжань Хэйлунцзян, Усулицзян дицюй, шиюн хуагу вэньти-дэ таньтао (К вопросу об использовании китайских рабочих в захваченных царской Россией Приамурском и Уссурийском краях) // Сиболия ю юаньдун.-1985. – № 1; Го Юньшэнь. 19 шицзимо чжун-э Хэйлунцзян хэ Усулицзян яньань-дэ шаоцзю маои (Китайско-русская торговля спиртом на берегах рр. Амур и Уссури в конце XIX в.) // Бэйфан луныцун. 1990. – № 2.
121. Malozemoff A. Russian Far Eastern...; Stephan J.J. The Russian Far East...; Davi Schimmelpenninck van der Oye. Toward the Rising Sun...
122. Вагин В.И. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений Сибири и сопредельных ей странах. – Т.1. – СПб., 1876; Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993; Нам С. I Российские корейцы: история и культура (1860-1925 гг.) М., 1998; Пак Б. I Корейцы в Российской империи. М., 1993; Петров А. И. Корейцы на русском Дальнем Востоке в эпоху российского капитализма: 1860 – февраль 1917 г Автореферат дис. ... к.и.н. Владивосток, 1988 и др.

Тема 1. КИТАЙЦЫ НА РУССКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ПОПЫТКА ВКЛЮЧЕНИЯ В СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ (конец 50-х – 70-е гг. XIX в.)

1.1. Население, хозяйственное развитие и административное устройство Дальнего Востока России в 50 – 70-е гг. XIX века

В 1639 г. русские первопроходцы впервые вышли на берега Тихого океана. С основанием Усть-Ульянского зимовья и первого сбора ясака с аборигенов начался процесс присоединения и колонизации дальневосточных земель. В результате походов В. Пояркова, Е. Хабарова, О. Степанова в 30-х гг. XVII в. в Приамурье возникают Албазинский, Усть-Стрелочный, Ачинский, Кумарский остроги. Важнейшей чертой этих поселений было то, что они являлись не только военными и административными укреплениями пунктами, но и земледельческими центрами. В XVII в. крупным центром земледельческой культуры стал Албазинский острог, который в 60–80 гг. не только полностью обеспечивал себя хлебом, но и вывозил излишки в Нерчинск.

Центральным органом управления дальневосточными землями являлся Сибирский приказ, основанный в 1637 г. Именно он ведал назначением воевод и таможенных голов. В административном отношении эти территории подчинялись первоначально якутскому и енисейскому воеводам, а с 1655 г. они вошли в состав Даурского (Нерчинского) воеводства. С увеличением количества населенных пунктов в Приамурье в 80-х гг. XVII в. из состава управляемой Нерчинском земли выделяется самостоятельная административная единица – Албазинское воеводство (1). Успешно начавшаяся русская колонизация этой территории была прервана на сто с лишним лет. По Нерчинскому договору, заключенному в 1689 г., граница устанавливалась только в районе верхнего течения Амура – по рекам Аргунь и Горбича. Таким образом, к Китаю были присоединены земли, как докладывал Государственный совет цинскому императору, «лежащие на Севе-

ро-востоке на пространстве в несколько тысяч ли никогда ранее Китаю не принадлежавшие» (2).

С уходом русских фактически прекращается развитие и освоение региона, т.к. официальный Пекин не стремился к освоению этих территорий. Еще в 1668 г. указом императора Канси Маньчжурия была закрыта для китайских переселенцев. «Ивовый палисад» обеспечивал изоляцию южной части Маньчжурии от ее северной и восточной частей, а также от Внутренней Монголии. Несмотря на императорский указ, китайцы постепенно иммигрировали на запретную территорию: выходцы из провинции Шаньдун селились на Ляодунском полуострове, а крестьяне из Чжили и Шаньси стремились попасть в плодородную долину р. Сунгари. С 1750 по 1806 гг. издается серия императорских указов, подтверждающих запрет на такое переселение (3). Во второй половине XIX в. политика китайского правительства изменяется: в этот период колонизация Маньчжурии становится для Китая «жизненно важным политическим делом» (4). Такая трансформация во многом связана с появлением в Приамурье русских и подписанием Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров, законодательно оформивших присоединение Амурского и Уссурийского краев к России.

В XIX в. исследование и заселение южной части Дальнего Востока русскими людьми началось ранее официального включения этой территории в состав Российской империи. В 1850 г. было положено начало Николаевскому посту, в 1853 г. были основаны посты: Мариинский, Александровский, Константиновский, Муравьевский.

В 60-х гг. начинается исследование природных богатств края не только с общенаучными, но и с практическими целями. Экспедиции инженеров Н.П. Аносова (1857–1860 гг.), И.В. Баснина (1861–1863 гг.), И. Лопатина (1863 – 1869 гг.), И. Боголюбского (1870 г.) обнаружили на юге Дальнего Востока золотоносные месторождения, залежи каменного и бурого углей, железных и полиметаллических руд, нефти (5).

К 1860 г. численность русского населения в Приморской области составляла 3399 человек, в Амурской – 2950. Всего в Приамурье к моменту подписания русско-китайских договоров проживало 24 тыс. человек (в Приморской – 15594 человека и в Амурской области – 8370). Таким образом, численность подданных Российской империи составляла около 26 % от общего числа жителей.

По мнению В.М. Кабузана, население Приморья и Приамурья в 1858–1860 гг. можно разделить на две группы:

- 1) коренных жителей края;
- 2) русских поселенцев, осевших в начале 50-х гг. в низовьях р. Амура, а также тунгусов и якутов, заочевавших из Сибири (6).

Положив в основу принцип оседлости, представляется целесообразным выделить третью группу – китайских мигрантов в Уссурийском крае и зазейских маньчжур, проживавших на левом, отошедшем к России берегу Амура.

После 1863 г. становится заметным присутствие еще одной этнической группы – корейцев. По свидетельству В.В. Граве, первые корейцы во Владивостоке и в Южно-Уссурийском уезде (тогда округе) стали появляться еще до 1863 г. – они приходили поодиночке, исключительно на летние заработки, возвращаясь осенью обратно (7). В 1863 г. началось переселение семьями (8). Первые 13 семей самовольно заняли казенные земли в По-сьетском участке (9). В 1869 г. после ряда стихийных бедствий, опустошивших поля Кореи, число переселенцев измерялось уже тысячами. К началу 80 гг. XIX в. в пограничных с Кореей и Китаем местах Приморской области корейское население насчитывало 8768 душ обоего пола (10).

Таким образом, по Айгуньскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам Россия приобрела не просто «пустынный край» (11), а значительно удаленную от центра, приграничную территорию, где в течение первых десяти лет подданные Российской империи не имели значительного численного перевеса среди прочего населения. Несмотря на то, что за период с 1858 г. по 1869 г. число русских в Амурской и Приморской областях возросло на 32935 человек (12) и достигло цифры 43059 (13), это составило около половины всего населения края. В середине 70-х гг. любое перемещение военного отряда, как образно отметил служивший в крае сотник Маевский, представляло собой не военный поход, а своеобразное переселение, в силу пустынности края (14). В связи с этим особую актуальность обрела проблема заселения, при решении которой принципиальными являлись два аспекта: способ заселения и выбор контингента переселенцев.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский еще в 1858 г. представил в Сибирский комитет правила, согласно которым разрешался переход на Амур лицам всех свободных состояний и даже крепостным, «только не иначе как на их собственный счет, с выдачей им пособий от правительства в виде ссуд» (15). Сибирский комитет «вполне согласился с основной мыслью всех предположений генерал-губернатора Восточной Сибири», но исключил статью о предоставлении свободы крепостным, вступившим в пределы Приамурского края (16).

Территория, отошедшая к России в результате заключения Айгуньского и Пекинского договоров, реально включилась в процесс имперского строительства указом императора от 26 марта 1861 г. – «Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях». Амурская и Приморская области объявлялись открытыми для заселения «крестьянами, не

имеющими земли, и предприимчивыми людьми всех сословий, желающими переселиться за свой счет».

Наряду с этим, указом Сената от 27 апреля 1861 г. переселенцам предоставлялись значительные льготы: они освобождались в течение 10 наборов от рекрутской повинности, в течение 20 лет от поземельного налога, навсегда от подушной подати (17). Однако льготами могли воспользоваться только те переселенцы, которые на старом месте уплатили все недоимки, отказались от надела, получили согласие схода на выход из общества. Тем не менее, эти мероприятия создавали в народном сознании образ дальневосточных земель, как «изобилующего млеком и кисельными берегами крае», свободного от государственной опеки, где нет никакого начальства, и будет полное приволье (18). Край становился привлекательным для разных групп крестьянства, в том числе и как одно из мест локализации мифического Беловодья. Руководитель переселенческой партии амурской экспедиции С.П. Шликевич выделял три основных фактора, обусловивших стремление крестьян на Амур – свобода от воинской повинности, полная свобода вероисповедания, безграничный земельный фонд (19).

В первое время действия закона 1861 г. о переселении крестьян в Приморье и Приамурье число переселенцев на Дальний Восток колебалось от одной до полутора тысяч в год (20). Первыми переселенцами были казаки, крестьяне, ссыльные. Л.Л. Рыбаковский выделяет несколько форм колонизации Дальнего Востока: крестьянскую, казачью, военную, криминальную, промышленную (21). В 70-е гг. наблюдается резкое сокращение переселенческого потока, но, несмотря на это, только в Приморье в 60–70-е гг. было основано порядка ста населенных пунктов, среди них пост Владивосток, села Никольское, Турий Рог, Шкотово, Раздольное, Камень-Рыболов (22). В 60-70-е гг. возникают первые русские торгово-промышленные предприятия: разработка дуэских каменноугольных копей на о. Сахалин, Михайловский винокуренный завод, Верхне-Амурская и Ниманская золотопромышленные компании и другие. Тем не менее господствующее положение в экономике региона в 60-80 гг. XIX в. занимал торговоростовщический капитал (23).

В течение первого десятилетия обладания этим краем среди представителей русской власти сформировалось и окончательно укрепилось мнение, что для прочного закрепления за собой новых территорий Российской империи необходимо создать на Дальнем Востоке постоянный контингент русского оседлого населения. Контр-адмирал И.В. Фуругельм в записке о Приморской области (1872 г.) отмечал, «что край этот, соприкасаясь с густо населенной Кореей и Маньчжурией, не может быть обороняем одними лишь войсками, сила которых тогда только может иметь надлежащее значение, когда она опирается на производительное и преимуще-

Вид Владивостока
в 1866 г.
(ГОПМ им. Арсеньева.
МПК 3847 (01))

ственно соплеменное население. Для упрочения Приамурского края за нами необходимо водворить в нем свое русское население...» (24).

К 1882 г. этот принцип становится стержневым в русской дальневосточной переселенческой политике. Тем значительнее была возможность реализации на начальном этапе либерального варианта колонизации, для которого характерны невмешательство государства в колонизационный процесс, развитие местного самоуправления, обеспечение свобод личности, слова и т.д. Именно так видел перспективу региона командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал И.Ф. Лихачев, писавший в 1862 г.: «...свободная колонизация и правильный образ передачи земель в несомненную и полную собственность колонистов могут обеспечить прилив в новую страну полезных колонистов, т. е. таких, которые принесут с собой капиталы, которые заключаются не в одних деньгах, но и в предприимчивости, уме и здоровых мышцах» (25). Роль правительства, по его мнению, должна была заключаться лишь в покровительстве и поощрении переселения в Приморскую область, и регуляции слишком большого прилива переселенцев, в том числе и иностранного элемента, «который бы мог грозить опасностью в будущем для национальности страны» (26). Обязательной чертой административного устройства Приморской области Лихачев считал введение свободных муниципальных учреждений и самоуправления колонистов.

В конце 50-х – начале 60-х гг. в правительстве, Сибирском комитете и других высших инстанциях неоднократно обсуждались условия допуска в Приамурье иностранных колонистов. Так, в ноябре 1858 г. Сибирский комитет, обсуждавший «Правила о заселении Амурского края», признал полезным допущение в край иностранцев. В 1860 г. с проектом заселения края выступил Н.П. Игнатъев, предложивший «для заселения бесплодной части Амура ниже Хабаровки до Николаевска составить особые правила для поселяющихся в этой местности колонистов – выходцев из-за границы» (27). Одно из наиболее ранних свидетельств позиции Н.Н. Муравьева

ва-Амурского по этому вопросу выражено в ответе на ходатайство американского гражданина Д.К. де Фриза о разрешении поселения на берегах Амура 30 семейств немецких и голландских колонистов из Европы и Америки. Будучи противником заселения устья Амура иностранцами, генерал-губернатор Восточной Сибири «не желая его удерживать через одобрение позволения от высшего правительства», просил довести до сведения де Фриза – «внутри государства могут поселяться только лица, которые являются подданными Российского государства». В случае принятия русского подданства, американцы могли рассчитывать на получение выбранных ими участков земли на 25 лет в беспошлинное владение. На этих землях разрешалась постройка фабрик для переработки сельскохозяйственных продуктов без уплаты купеческих сборов. Колонисты объявлялись свободными от рекрутских наборов. Правила, касавшиеся внутреннего устройства колоний, предполагалось выработать со временем (28). Для Н.Н. Муравьева-Амурского эта территория представляла собой неотъемлемую часть государства, поэтому основным условием поселения иностранцев было принятие ими российского подданства.

Несмотря на различные исторические условия развития США и России, дальневосточной русской администрации представлялось полезным использование американского колонизационного опыта. Оценивая политический расклад сил в регионе, Н.Н. Муравьев-Амурский предрекал, что на Тихом океане будут доминировать только две нации: США на востоке, Россия на западе. В 1860 г. чиновник для особых поручений коллежский асессор А.И. Малиновский обратился к военному губернатору Амурской области Н.В. Буссе с прошением о командировке в США. Отмечая сходство Амурского края с западными частями Северо-Американского материка, он полагал полезной командировку для ознакомления с системой и ходом колонизации в Северо-Американских Соединенных Штатах и изучения как правительственных мер, способствовавших быстрому заселению западных штатов, так и опыту переселенцев, устраивавшихся на пустынных землях (29). В качестве конечной цели своей поездки А.И. Малиновский избрал западные штаты.

Идея А.И. Малиновского получила одобрение во всех инстанциях – от военного губернатора Амурской области до императора, и судьба командировки была решена положительно. Параллельно возник вопрос о возможности создания славянской (чешской) колонии в Приморье. Анализ проекта правил заселения славянами Приамурского края (30), одобренного Корсаковым, показывает, что в их основу были положены принципы либерализма. Славянам предоставлялось право самостоятельного выбора земель для поселения, колонисты должны «сами устроить внутреннее управление» и избрать должностных лиц, провозглашалась свобода вероиспо-

ведения (в России оно было официально введено лишь в 1905 г.), отменялись телесные наказания, разрешалось учреждение собственного суда для рассмотрения гражданских дел. Членом обществ мог стать любой русский подданный, а не только славянин-колонист. Летом 1862 г. на Дальний Восток прибыли чешские депутаты – Мрачек и Барто-Литовский. Они осмотрели побережья Амурского и Уссурийского заливов и выбрали место для основания колонии. Однако реализация проекта столкнулась как с финансовыми сложностями, так и с соображениями политической нецелесообразности, и 4 июня 1865 г. император утвердил решение Сибирского комитета, отложившее вопрос о переселении до более благоприятного времени. Таким образом, проект чешской колонии являлся одним из нереализованных шансов применения либеральных методов колонизации на Дальнем Востоке.

Практический интерес к переселению на русский Дальний Восток возник во многих странах. Русский посланник в Пекине Е.К. Бюцов просил уточнений у генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова (1869 г.), разрешено ли поселение иностранцев на Амуре, ссылаясь на конкретные запросы англичан, проживавших на Филиппинах, а также сообщая, что во время его пребывания в Японии к нему «не раз обращались иностранцы за разъяснениями относительно покупки в крае поземельной собственности» (31).

Несмотря на то, что, с одной стороны, существовал определенный интерес иностранных граждан к переселению на новые российские земли, а с другой – была объективная необходимость в специалистах, предпринимателях, полноценная реализация либеральной модели ограничивалась политическими интересами России.

Е.К. Бюцову было разъяснено, что, хотя и принят закон, разрешавший поселение иностранцев на Амуре, но в новом крае необходимо усилить «русский элемент населения прежде, нежели допустить туда иностранных переселенцев», поэтому «вводение сих последних если не запрещалось, безусловно, то, по крайней мере, не поощрялось» (32).

Не были реализованы проекты создания на Дальнем Востоке американской, немецкой, чешской колоний, ни одна из проектировавшихся европейских колоний в Приамурье как нечто целое не состоялась. Тем не менее, переселение, до 1882 г. обладало рядом черт, характерных для либеральной модели – оно было добровольным, естественным, стихийным, при минимальном участии государства. Однако, несмотря на дарованные льготы, темпы заселения края подданными Российской империи оставались низкими, что особенно ярко видно на фоне темпов заселения сопредельных стран.

Д. Даллин приводит следующую динамику заселения Дальнего Востока России и стран-соседей по АТР.

**Изменение численности населения русского Дальнего Востока
и сопредельных стран (в млн. чел.)**

Регион	1860 – 1870 гг.	1895 – 1900 гг.
Русский Дальний Восток	0,01	0,3
Маньчжурия (всего)	3	9
Гири и Хэйлунцзян	1	2 – 4
Калифорния	0,5	1,4

Источник: Dallin D. J. The Rise Russian in Asia. New Haven. 1949. – P. 14.

В силу того, что к началу 80-х гг. становится очевидным факт отставания темпов народной колонизации от роста потребностей процесса имперского строительства, в регулирование процесса колонизации все весомее вмешивается государство. В результате мы видим явное доминирование идейно-ментальных установок. Опредмечиваясь в государственных, политических, хозяйственных, социокультурных формах, они выразились как в отказе от либеральных методов заселения, в провозглашении лозунга «Дальний Восток для русских», так и в закрытии этой территории для некоторых категорий экономически активного населения, что препятствовало появлению в Приамурье значительного массива постоянного экономически активного населения. Несмотря на то, что курс на освоение края своими силами фактически взят с момента его присоединения, эпиграфом к повествованию об освоении Россией Приамурья могут служить слова Александра I, сказанные совсем по другому поводу – «некем взять». Идет ли речь о создании контингента оседлого русского населения, или о формировании административного аппарата, рефреном проходит мысль о крайней скудости населения и, если так можно выразиться, качественном его неблагополучии.

Возможно, такое развитие ситуации обуславливалось взаимодействием ряда факторов.

Во-первых, значение этой территории осмысливалось не в экономических, а в геополитических терминах. В «Программе деятельности администрации Приамурского края» (1887 г.), составленной генерал-губернатором А.Н. Корфом, прямо говорится, что Приморский край имеет «...главное и существенное значение для Империи исключительно политическое» (33). В «Записке об организации гражданского управления Приморской области» (1886 г.), подготовленной военным губернатором Приморской области И.Г. Барановым, отмечалось, что «за 30 лет своего существования [Приморская область] не успела ни заселиться, ни развить своих сил ...», но «Приамурский край (...) был предметом вековых стремлений России, искавшей выхода из замкнутого круга своей территории в Европе. Присо-

единение этого края к России, осуществив веками преследовавшуюся государственную идею, обеспечило русскому народу широкое развитие сил и выполнение той роли, которую он призван играть на сцене всемирной истории и принять участие в деле грядущей цивилизации» (34). На раннем этапе заселения края такая позиция обусловлена представлениями политиков о существовании вполне реальной угрозы занятия Англией этой территории. Позже появляется образ «просыпающегося Китая», и, параллельно, доминирующими становятся представления о стратегическом значении Тихого океана, как Средиземного моря будущего, а этой территории – как форпоста России на Дальнем Востоке. В 1881 г. военный губернатор Приморской области И.Г. Баранов отмечал, что со строительством Панамского канала «очень вероятно политический центр тяжести в скором времени окончательно переместится из Атлантического в Тихий океан» (35). В связи с этим, по его мнению, конкуренцию США в политическом преобладании на Тихом океане могли составить только две державы – Китай и Россия.

Во-вторых, у России отсутствовал опыт реализации либеральной модели колонизации (мы не берем в расчет переселение в Россию немцев или сербов, единственный пример такого рода – КВЖД – появится спустя столетия).

В-третьих, определенную роль сыграла угроза сепаратизма, которой опасались в центре, причем ее возможность рассматривалась с разных точек зрения – учитывалась вероятность отторжения этой территории от России в пользу какого-либо государства (прецедент с Мексикой), либо отпадение Дальнего Востока как самостоятельного государственного образования (мировой опыт развития колоний).

В-четвертых, в центре отсутствовал единый подход к определению социально-экономического и политического статуса юга Дальнего Востока в составе Российской империи. Рассматривая этот аспект, мы видим, что при принятии решений на первый план всегда выступали очевидные вещи – необходимость создания постоянного контингента населения, увеличение военного присутствия, формирование эффективной системы управления. Однако все эти вопросы не могли успешно решаться без определения того, что же в конечном итоге приобрела Россия – новую окраину или колонию. Ясный и однозначный ответ на этот вопрос вытекал из возможности формирования региональной окраинной политики, т. к. именно с его решением связывались будущие варианты развития края, объемы финансирования и государственных вложений в экономику региона, участие государства в создании инфраструктуры.

Такой ответ долгое время не мог быть сформулирован ни на уровне политических решений, ни на стадии теоретического осмысления фено-

мена. Анализ позиции центра, проведенный А.В. Ремневым, доказывает, что высшая администрация не склонна была рассматривать Сибирь в качестве колонии в европейском понимании этого термина. На протяжении всего XIX в. «правительственная политика зависела в значительной степени от разрозненных и подчас сиюминутных ведомственных интересов, от непоследовательной во взглядах и решениях местной высшей администрации» (36). Необходимость выработки программы развития Приамурского региона отмечалась на разных уровнях. Полковник М.П. Тихменев в записке «Главные выводы относительно настоящего положения Приамурского края» (1868-1869 гг.) высказывал мысль о необходимости создания особого специального комитета по решению Амурского вопроса и создания правительственной программы «в отношении Приамурских колоний, т.к. существующий законодательный порядок, по исключительной сложности и (...) по особой специальности Амурского дела не вполне применим к нему» (37). Попытка создания целостной программы развития края и утверждения ее в Комитете министров в 1882 г. предпринята генерал-губернатором Восточной Сибири Д.Г. Анучиным. Позже, в 1887 г., с подобной инициативой выступил Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф, но и он не смог добиться финансирования своей программы.

В-пятых, сказывалась отдаленность территории от центра, незнание местных условий центральными властями, и принятие в связи с этим решений, не отвечающих нуждам края вкупе с отсутствием у местных властей полномочий самостоятельно решать принципиальные вопросы. Глава администрации – генерал-губернатор Восточной Сибири – до 1884 г. (момента образования Приамурского генерал-губернаторства) имел резиденцию в Иркутске, поэтому, при том уровне развития средств коммуникации, возможность принятия оперативных решений сводилась к минимуму.

Для динамичного развития требовалось использование либеральных методов колонизации. Присоединение Приамурья и Приморья совпало со временем «великих реформ». Наряду с освобождением крестьян были осуществлены либеральные реформы в области городского и сельского самоуправления, судопроизводства, военной и налоговой системах. Атмосфера либерализма повлияла и на решение дальневосточного вопроса, о чем свидетельствует характер документов, определявших условия и перспективу развития края. Однако реальное воплощение проектируемых мер в жизнь встречало препятствия, порой сводившие на нет все благие начинания. На практике правительство оказалось неспособным к реализации либеральной модели колонизации, т.к. приоритетными оставались задачи имперского строительства, в рамках которого государство ставило перед собой и решало не столько проблему колонизации, сколько проблему заселения края.

Как отмечали А.В. Ремнев и П.И. Савельев, «Российская империя была поливариантно организованным государством. На различных территориях империи существовала своя организация управления, различные формы сочетания национальных и российских правовых норм, дореформенных и пореформенных порядков. Российскую империю характеризовала разностатусность различных регионов и народов. Общеимперское законодательство распространялось только на так называемые внутренние губернии. Управление в Сибири, Казахстане, Средней Азии и многих других регионах регламентировались особыми законами. Даже для Сибири, где к концу XIX столетия более 80 процентов жителей составляло славянское население, существовала правовая и управленческая обособленность, закрепленная в особом «Сибирском учреждении»» (38). Основные принципы интеграции окраин в единое имперское пространство довольно точно определил в начале 1880-х годов восточно-сибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин: «При всяком увеличении нашей территории (...), вновь присоединенные области не включались тотчас же в общий состав государства с общими управлениями, действовавшими в остальной России, а связывались с империей через посредство Наместников или Генерал-губернаторов, как представителей верховной власти, причем на окраинных наших областях вводились только самые необходимые русские учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения и страны и нередко с сохранением многих из прежних органов управления. Так было на Кавказе, в Сибири, во всей Средней Азии... Только впоследствии, по прошествии многих лет, когда окраина прочно связывалась с ближайшими частями государства, когда тяготение к русскому центру укреплялось вполне и местные условия сглаживались и приближались к общим русским, правительство решалось ввести такую область в общую систему управления и непосредственно подчинить ее центральным правительственным установлениям» (39).

А.В. Ремнев и П.И. Савельев отмечают, что «самодержавие не имело четко определенной имперской политики, она складывалась стихийно, постепенно, многовариантно, применяясь к политическим, экономическим условиям того или иного региона. Российская империя представляла собой систему взаимосвязанных географических, социально-экономических, административных компонентов с асимметричным распределением военно-политической власти». В отличие от А.В. Ремнева, исследователь Д.В. Васильев высказывает предположение, что «царское правительство имело не только концептуально общий подход в отношении места и роли российских окраин в составе империи, но и применяло на вновь присоединенной территории (например, в Туркестане) уже опробованные в других национальных районах те или иные законодательные нормы» (40). Ос-

новной целью этой политики было максимальное приближение государственной окраины по уровню развития к внутренним областям империи, включение их в общеимперскую систему управления с учетом некоторых местных особенностей, используя на вновь приобретенных землях с преобладанием нерусского населения административный опыт других территорий.

По мнению автора, обе позиции отражают особенности управления окраинами в Российской империи. Можно согласиться с А.В. Ремневым и П.И. Савельевым в том, что четко определенная имперская политика управления окраинами и интеграции их в единое политическое пространство отсутствовала. Тем не менее представляется справедливым замечание Д.В. Васильева о применении на вновь присоединенных территориях уже опробованных в других национальных районах законодательных норм. Так, на Дальнем Востоке формируется система управления, при разработке которой учитывается опыт Кавказского наместничества, основными характеристиками которого являются создание сильной местной власти, концентрация гражданской и военной власти в одних руках. Весомую роль в принятии решений об устройстве и управлении края играют представители различных министерств и ведомств, в первую очередь военного, морского, внутренних дел. Это приводит к тому, что в различных проектах, связанных с перспективами края, на первый план выдвигаются либо общеимперские интересы, либо ведомственные, прикрытые фразеологией об общегосударственной пользе, но отнюдь не региональные. Кроме того, при создании местной системы управления не удалось избежать проблем, характерных для всей системы государственного управления России. «Это отсутствие четко определенного соотношения отраслевого и территориального принципов в управлении, нескоординированность в действиях как центральных, так и местных ведомственных учреждений, нерешенность на центральном и региональном уровнях проблемы «объединенного правительства», отсутствие наверху и на местах ясного понимания, в какой степени допустима на окраинах децентрализация власти. В правительстве отсутствовало единство взглядов не только на содержание политики на Дальнем Востоке, но не было даже ясного представления о социально-экономическом и политическом статусе региона в составе Российской империи» (41).

Несмотря на многолетний и пристальный интерес историков к теме заселения Дальнего Востока, проблема формирования системы управления ждет своего комплексного исследования. Еще менее разработан вопрос формирования управления китайским населением, проживавшим на русском Дальнем Востоке. Анализ поставленной проблемы предполагает рассмотрение ряда принципиальных вопросов.

Представляется, что проблема управления как теоретическая проблема возникает на стыке изучения двух процессов – имперского строительства и колонизации того или иного региона. Формирование тех или иных управленческих институтов служит своеобразной скрепой народа, осуществляющего колонизацию, и государства, включающего в себя новую территорию, средством гомогенизации имперской территории. Эти процессы могут иметь как синхронную, так и асинхронную направленность, иными словами, народная колонизация может опережать процесс имперского строительства, либо отставать от него.

В последнее время наблюдается устойчивый интерес к этим проблемам среди историков, политологов, этнологов, однако теоретическое осмысление и того, и другого феноменов находится в начальной стадии: нет ни детально разработанной теоретической модели народной колонизации; ни модели имперского строительства России. Тем более не приходится говорить об изучении в указанном аспекте региональных инвариантов этих процессов.

Наиболее перспективной нам представляется модель русской народной колонизации, предложенная С.В. Лурье. По ее мнению, русская колонизация может быть представлена как конфликт крестьянского мира с государством, который описывался следующим алгоритмом: «бегство народа от государства – возвращение беглых вновь под государственную юрисдикцию – государственная (официальная) колонизация новоприобретенных земель (42).

Основой, предполагавшей территориальную экспансию на уровне народного сознания, являлось представление о «Святой Руси», которое существовало параллельно и в рамках государственной идеологии, выраженное в идеологеме «Москва – Третий Рим». Следствием явилось то, что любое место, где селились русские, уже в силу самого этого факта воспринималось в народном сознании как Россия, вне зависимости от того, было ли оно включено в состав ее государственной территории официально. Еще в XIX в. русский историк Н.Я. Данилевский подметил несколько иной аспект этого же феномена – направляющиеся из центра страны колонизационные потоки русских людей, как правило, «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, неразделимый круг ее». Поэтому процесс русской колонизации предстает как последовательное расширение целостного континентального массива, политической и духовной «осью» которого остается исторический центр. В связи с этим становится возможным использование в имперском строительстве результатов народной колонизации. По мнению Ш. Эйзенштадта, складывается практика предельной монополизации центральной элитой всех сколько-нибудь существенных властных решений, а, следовательно, импульсы к развитию

определяются не возвышением периферии в качестве новых организующих центров, а сменой правящих элит в стране.

Особенностью дальневосточного региона, на наш взгляд, является, то, что на этом пространстве алгоритм народной колонизации, характерный для центральной России, трансформируется. Во-первых, принятый оборот «русская колонизация» верен лишь отчасти. Переходя в ту плоскость, где должны учитываться этнические особенности колонистов, следует помнить, что колонизация велась различными группами восточных славян (43). Модели народной колонизации этих групп, вероятно, отличались друг от друга. Во-вторых, здесь складывается ситуация, противоположная той, что описана историком Л. Сокольским: «Вслед за народом шла государственная власть, укрепляя за собой вновь заселенные области». На Дальний Восток сначала приходит государство в лице «служилых людей», а затем уже оно организует заселение этого региона. Таким образом, если речь и идет о бегстве от государства, то осуществляется оно при помощи, а в определенные периоды за счет государства.

В административном отношении Дальний Восток в середине XIX в. входил в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, включавшего Енисейскую и Иркутскую губернии, Якутскую область, Охотское и Камчатское приморские управления. Законодательной базой управления дальневосточными землями являлось «Учреждение для управления Сибирских губерний», разработанное М.М. Сперанским и утвержденное в 1822 г. Александром I. Согласно «Учреждению...» в управлении Сибирью и Дальним Востоком выделялось четыре властных уровня:

1. Главное Управление Восточной Сибири в лице Генерал-губернатора Восточной Сибири, его канцелярии и Совета главного управления;
2. губернское (областное) управление во главе с губернатором;
3. органы и должностные лица окружного и городского управления
4. органы волостного и инородческого управлений (44).

Кроме того, для выработки основных направлений сибирской и дальневосточной политики создавались особые комитеты – I Сибирский комитет, II Сибирский комитет и др.

Вторая половина XIX в. стала временем интенсивных поисков наилучшего административно-территориального устройства. По Положению от 10 января 1851 г. Камчатское приморское управление получило статус области, при этом в ведении камчатского военного губернатора находились районы, прилежавшие к устью Амура.

14 ноября 1856 г. образована Приморская область из бывшей Камчатской области, территории Нижнего Амура и Сахалина, а в 1858 г. в ее состав вошел Охотский округ. Резиденцией губернатора стал Николаевский пост.

С присоединением Приамурья актуализировался вопрос о новом административном делении Восточной Сибири. Процесс поиска оптимального решения не прекращался на протяжении последующих 30 лет.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский в рапорте генерал-адмиралу в 1858 г. сообщал: «Айгуньский договор, утвердив за нами Приамурский край, положил начало новой деятельности правительства административного устройства сего обширного края и заселения его» (45). Далее генерал-губернатор указывал на необходимость безотлагательного разделения Приамурского края на две части: одну – от морского побережья к вершине реки Уссури, по течению до самого устья и от устья до Удского острога, находящегося в Приморской области, присоединить к Приморской области, к ней же присоединить и Охотский округ Якутской области, вторую часть – устье Уссури до соединения с реками Шилкой и Аргунью включить в Амурскую область (46). В этом же документе была высказана мысль о необходимости учреждения окружного земского и городского управлений в присоединенной к Приморской области части Приамурского края, в связи с тем, что между устьем Уссури и Николаевском находилось многочисленное туземное население и селения русских (47).

Н.Н. Муравьев предлагал Приморскую область выделить из Главного управления Восточной Сибири, оставив ее в ведении военного губернатора, но предоставив последнему все права генерал-губернатора. Однако Сибирский комитет это предложение отклонил. В 1858 г. по указу императора от 8 декабря образована новая область, включившая все земли по левому берегу Амура – Амурская – с центром в г. Благовещенске. Амурская область состояла из двух единиц – г. Благовещенска и Амурского округа, охватывавшего всю область в целом, хотя официально Амурский округ был учрежден только в 1888 г. (48).

Вплоть до 1864 г., когда генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков внес свои предложения об изменении административного устройства, вопрос о переделе Сибири на высшем уровне не поднимался, так как необходимо было решить вопрос об административном устройстве земель Средней Азии.

В 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, вновь заявил о необходимости предложенных им в 1864 г. преобразований (49). Ряд его предложений был связан с созданием органов управления на местах. Так, он предлагал весь Южно-Уссурийский край в административном отношении разделить на 5 округов: Суйфунский, Сучанский, Ханкайский, Аввакумовский, Уссурийский. Округа должны управляться окружными начальниками, которые находились бы в подчинении военного губернатора Приморской области и командующего войск. Окружные начальники

должны были соединить в себе военное и гражданское управление. Помимо окружных начальников в каждом округе должны были создаваться окружные управления (50). По сообщению М.С. Корсакова, его предложение о разделении Южно-Уссурийского края на округа одобрил председатель высочайше назначенной комиссии в Приамурский край генерал-адъютант И.Г. Сколков (51).

Мы располагаем данными о численности населения в проектировавшихся округах. В Суйфунском округе кроме войск русского населения не было, китайцев 142 человека, корейцев 1801 человек, в Сучанском округе туземного населения – 457 человек, русского 51, в Ханкайском округе насчитывалось 996 «манз», 459 – русских, в Уссурийском-1424 человека составляли манзы, орочи, гольды, 5310 – русские (Уссурийский казачий батальон), в Аввакумовском округе – 809 тазов и манз, 257 – русских (52).

14 января 1870 г. ходатайство М.С. Корсакова рассматривалось в комиссии Лутковского, созданной в 1869 г. для обсуждения проекта Корсакова по переустройству системы управления в Уссурийском крае. Однако решение вопроса было отложено до возвращения И.Г. Сколкова и членов его комиссии из поездки на Дальний Восток (53).

Дело в том, что весной и летом 1869 г. в Приамурском крае работала комиссия под руководством генерал-адъютанта И.Г. Сколкова, направленная на Дальний Восток по высочайшему повелению для изучения ситуации и выработки рекомендаций по дальнейшему устройству края. Комиссия признала целесообразным создать из всего Приамурского края одну область – Приамурскую, исключив из нее морское побережье, что должно было повлечь упразднение Приморского областного управления и подчинение области Приамурскому военному губернатору. С упразднением Амурской области планировалось образовать Благовещенский округ с окружным земским управлением, которое подчинить особому окружному начальнику, соединяющему в то же время в себе должность пограничного комиссара для сношения с Китаем. Так же предполагалось образовать Южно-Уссурийский округ с окружным земским управлением, который планировалось подчинить особому окружному начальнику, с возложением на последнего должности пограничного комиссара для сношений с Китаем и Кореей. Состав окружных земских управлений в других местностях Приамурского края оставался без изменений. Полицейское заведование гражданским населением возлагалось на местное военное начальство. При этом полицейские должности оставались в Николаевске, учреждались в Хабаровске, ликвидировались в Благовещенске (54). Кроме того, комиссия И.Г. Сколкова предлагала Главному Командующему портов Восточного океана присвоить звание и права Военного губернатора Колонии (55).

В русле этих решений работала созданная в начале июня 1870 г. при Морском министерстве комиссия под руководством В.Ф. Казакевича, подготовившая проект положения о гражданском управлении Восточного Поморья. Согласно этому проекту предполагалось упразднить Приморскую область Восточной Сибири. Входившие в нее Софийский округ, долину р. Усури и Южно-Уссурийский (Ханкайский) край предлагалось включить в состав Амурской области. Морское побережье – от корейской границы и далее на север: Николаевский, Охотский, Гижигинский, Петропавловский округа, о-ва Русский, Сахалин, Шантарские, Курильские и Командорские – образовывало проектируемое гражданское управление Восточного Поморья. В проекте положения отдельный раздел посвящался управлению в селениях оседлых жителей и в кочевьях инородцев. Предполагалось, что «состав, предметы, пределы власти и ответственности волостного и сельского управления определяются общими правилами сибирского учреждения. В управлении кочевыми и бродячими инородцами в Восточном Поморье военный губернатор руководствуется особыми об инородцах сибирских положениями», но учитывая местные обычаи инородцев и местные условия (56). Военные губернаторы Приморской области И.В. Фуругельм, а затем и А.Е. Кроун поддержали идею создания отдельной области, подчиненной Морскому министерству. И.В. Фуругельм (1872 г.) предлагал Приморскую область в «настоящих ее границах» выделить из Восточно-Сибирского генерал-губернаторства и подчинить ее Морскому министерству (57).

В 1871 г. было создано особое совещание по Амурским делам, в компетенцию которого входило рассмотрение вопроса о необходимости образования самостоятельного управления на Амуре. Однако в ходе работы совещания выяснилось, что в этом деле есть подводный камень, о который разбиваются все проекты – вопрос о Забайкальской области. Участники совещания не могли прийти к единому мнению: в состав какой административной единицы должна входить Забайкальская область. Для выработки компромиссного решения все материалы работы совещания были переданы в МВД, сотруднику которого действительному статскому советнику В.Д. Карпову и поручили выработать предварительный проект. Проект был создан, одобрен МВД, но отвергнут происходившим в ноябре 1871 г. совещанием под руководством военного министра. В рамках этого проекта предполагалось упразднить генерал-губернаторства Западно- и Восточно-Сибирские, Оренбургское, вместо них образовать два генерал-губернаторства: Амурское (в пределах указанных генерал-лейтенантом М.С. Корсаковым) и второе – из областей Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и северной части Семиреченской с центром в Омске. Автор очерка «Новое административное разделение Сибири» отмечал: «Проект этот, замечательный тем, что в нем в первый раз подвергнута сомне-

нию необходимость генерал-губернаторской власти для Сибири, не был одобрен на совещании». Именно в этом он видел одну из причин неодобрения проекта (58). В ходе обсуждения родилось два контрпроекта – проекты Венюкова и Проценко. И тот, и другой проекты предусматривали образование четырех генерал-губернаторств, однако расходились в определении границ. Кроме того, совещание поручило контр-адмиралу А.Е. Кроуну представить свой проект устройства Амурского края. А.Е. Кроун полагал, что создание военно-земледельческих колоний – устаревшая идея, поэтому перспективы развития края он связывал с развитием морского элемента: созданием промыслового и коммерческого национального флота, сильного военно-морского флота. Исходя из этого, он считал, что устройством края «должна руководить исключительно морская специальность». Поэтому он поддержал идею создания Восточного Поморья, определив его географические рамки в границах Приморской области и части Амурской (от Хингана до впадения в Уссури) (59), а верхне-амурский край, от Хингана до стрелки признал возможным присоединить к Забайкальской области (60). Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П. Синельников согласился с идеей передачи в ведение Морского министерства береговой полосы Тихого океана, Енисейской губернии в Западно-Сибирское генерал-губернаторство, а из оставшейся части предлагал сделать самостоятельное генерал-губернаторство. Совещание 1871 г. под руководством Великого князя Константина Николаевича не решило окончательно вопрос об административном устройстве края. Для обсуждения новых предложений учреждалась особая комиссия, которой поручалось дать окончательное заключение. Комиссия приступила к действию в марте 1873 г. и окончила свою работу в мае 1874 г. Она действовала в двух составах: постоянными членами были лишь А.И. Деспот-Зенович, М.И. Венюков, В.Д. Карпов, кроме них в работе комиссии принимали участие генерал-лейтенант Дитмар, контр-адмиралы И.В. Фуругельм и А.Е. Кроун, генерал-майоры Черкесов и Макшеев, действительный статский советник Скропышев и капитан первого ранга А.С. Сгибнев. Из десяти человек только председатель А.И. Деспот-Зенович близко знал административные условия обеих частей Сибири, двое – среднеазиатские, семеро – исключительно восточносибирские. В ходе работы комиссия пришла к выводу о возможности создания трех генерал-губернаторств: Степного, Туркестанского и Амурского (61). Двое участников совещания высказали особое мнение – военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм высказался против учреждения генерал-губернаторства на Амуре, М. Венюков считал целесообразным оставить генерал-губернаторство в Иркутске, пока не будут введены в Восточной Сибири земские и судебные учреждения.

Однако окончание работы комиссии совпало с назначением генерал-губернатором Восточной Сибири барона П.А. Фредерикса, который поставил под сомнение необходимость гражданского переустройства края. Им было предложено объединить приамурские области в одну и центром сделать город Благовещенск. Кроме того П.А. Фредерикс предлагал учредить окружные полицейские управления в округах Южно-Уссурийского края. Главную трудность в управлении областью он видел «в соединении гражданской, военно-сухопутной и морской частей в лице одного губернатора, не имеющего возможность, за отдаленностью своего местопребывания от центрального управления областью, разделить свое внимание и деятельность одинаково равно для каждой из этих частей, тем более в Приморском крае, который так сильно нуждается в гражданском устройстве и экономическом развитии» (62).

Таким образом, первые четыре генерал-губернатора Восточной Сибири, многочисленные комиссии самого высокого ранга в вопросе административного устройства не пришли к одинаковым решениям. Не нашли однозначного решения такие принципиальные вопросы, как границы административно-территориальных единиц, оптимальная форма административного устройства новых территорий, необходимость введения гражданских органов управления, выделение территории юга Дальнего Востока из состава Восточно-Сибирского генерал-губернаторства в отдельную единицу.

Вновь к рассмотрению вопроса административного устройства вернулись в 1876 г. на особом совещании под председательством великого князя Константина Николаевича. Совещание пришло к выводу о необходимости создания из Амурской и Приморской областей особого генерал-губернаторства с центром в г. Благовещенске (63).

Можно констатировать, что, несмотря на осознание в начальный период освоения края необходимости создания сильной власти, сосредоточенной в руках приамурского генерал-губернатора, выработка эффективного административного устройства растянулась на десятилетия. Реализация этой идеи стала возможна лишь в 1884 г., что, разумеется, отрицательно сказывалось на ситуации в крае.

Вплоть до этого времени все три области дальневосточного региона – Забайкальская, Амурская, Приморская – были подчинены генерал-губернатору Восточной Сибири.

Генерал-губернатор Восточной Сибири являлся высшей контролирующей и управляющей инстанцией на Дальнем Востоке. Он назначался царем, обладал широчайшими полномочиями: командовал всеми вооруженными силами, возглавлял гражданскую администрацию, осуществлял дипломатические функции.

Области возглавляли военные губернаторы, сосредотачивавшие в своих руках гражданское, военное, а губернатор Приморской области с 1871 г. и морское управление. Все военные губернаторы по вопросам гражданского управления и военного командования замыкались на генерал-губернатора Восточной Сибири. Как глава морской части военный губернатор Приморской области являлся главным командиром портов Восточного океана и начальником Сибирской флотилии, подчиняясь непосредственно Санкт-Петербургу.

Управление генерал-губернатора находилось в Иркутске, областное управление и штаб войск Приморской области – в Николаевске, а военный губернатор и управление морской частью во Владивостоке. Все эти три центра управления были разделены пространством в несколько тысяч километров с плохими, а весной и осенью непроходимыми путями сообщения (64). Типичным было положение, когда исполнители на местах с большим опозданием узнавали о принятых в столице документах, призванных регламентировать жизнь в крае, а руководители в центре не успевали адекватно реагировать на меняющуюся ситуацию в регионах. В 1861 г. начальник Владивостокского поста лейтенант Е.С. Бурачек, описывая визит английского вице-адмирала Гопа, сокрушался, что попал в неловкое положение, так как не мог рассказать контр-адмиралу о направлении нашей границы, ибо ничего не знал о содержании Айгуньского, Тяньцзиньского, Пекинского договоров (65). А ведь с момента подписания Айгуньского договора прошло уже три года.

Низовое управленческое звено в рассматриваемый отрезок времени было крайне малочисленным. Так, Н.Н. Муравьев-Амурский докладывал великому князю Константину в 1858 г., что в Николаевске полиция состояла только из полицмейстера и письмоводителя, «а между тем быстрое увеличение в г. Николаевске населения, как русского, так и иностранного, надзор за окрестными гиляками и разбирательство их дел, пока не будет здесь особого окружного земского управления, требует усиления полиции» (66). В этом же рапорте он отмечал, что «учреждение окружного земского и городского управления в присоединенной к Приморской области части Приамурского края необходимо, потому что между устьем Уссури и Николаевском находится множественное туземное население и селения русских» (67). В заключение генерал-губернатор высказывал мысль о необходимости создания местного управления, мотивируя еще и тем, что при возникновении спорных ситуаций местные жители обращались к представителям русской администрации, но «при отсутствии местной полиции не всегда [их просьбы] могут быть удовлетворены, через что (...) у дикарей теряется доверие к русским» (68).

С разделением в конце 60-х гг. Приморской области на округа вводилась должность окружных начальников. Начальники округов, подчинявшие-

ся генерал-губернатору Восточной Сибири, военному губернатору области, областному управлению, обладали полномочиями исправников, в их руках сосредотачивалась вся полнота полицейской и гражданской власти на местах.

Как отмечалось выше, население юга Дальнего Востока не было однородным. В связи с этим требовались разные формы и методы управления им. Проще всего было с русскими подданными, чьи права и обязанности определялись российским законодательством.

Однако к моменту вхождения юга Дальнего Востока в состав России здесь проживали нанайцы, ульчи, негидальцы, нивхи, эвенки, маньчжуры, тазы, удэгейцы, орочи, а также отдельные группы солонов (69). Основу хозяйства этих народов составляли охота, морской зверобойный промысел и рыболовство. К середине XIX в. коренные жители края стояли на разных стадиях процесса разложения первобытнообщинных отношений, что осложняло создание системы управления этим населением. К сожалению тема взаимодействия русской администрации с коренным населением не получила достаточного освещения в отечественной историографии (70). Следует отметить, что с вхождением этой территории в состав Российской империи, коренные жители были объявлены ее подданными, и управление ими осуществлялось на основе «Устава об управлении инородцев» (1822 г.), по которому они делились на оседлых, кочевых и бродячих. Большинство проживавших в Приамурье народов относилось к разряду «бродячих» и освобождалось от ясачной подати. С присоединением Амурского края к России жившие в Удском округе эвенки стали перекочевывать в верховья р. Зеи и р. Буреи. В связи с этим военный губернатор Амурской области сделал запрос, «следует ли льготы, дарованные инородцам, перекочевывающим в пределы области из Китая», распространить и на тех, кто перекочевывает из Якутской и Забайкальской областей (71). Сибирский комитет принял решение по этому вопросу в 1862 г., разрешив остаться в Амурской области тем, кто уже там находился. На будущее же предписывалось поощрять лишь лиц, собиравшихся перейти к оседлому образу жизни и заняться хлебопашеством. «Переселение бродячих и кочевых инородцев велено было приостановить». Такое решение мотивировано тем, что переселявшихся предполагалось в 1860 г. наряду с другими переселенцами освобождать от ясака, что сулило недополучением казной мехов. Вторая причина связана с необходимостью создания на Амуре земледельческого населения.

Однако немногочисленная русская администрация не могла контролировать маршруты кочевков местного населения, и в июле 1868 г. было решено перекочевки разрешить официально, не освобождая при этом от уплаты ясака (72).

Помимо «Устава...» законодательным актом, регулировавшим систему управления местным населением, являлись правила управления Амурской областью (1858 г.), составленные Н.Н. Муравьевым-Амурским и утвержденные императором. В пункте, посвященном управлению в «селениях оседлых жителей и в кочевьях инородцев», в частности, говорилось: «Сельские учреждения должны быть вводимы постепенно по мере образования сельских обществ на основаниях, которые местным начальником будут признаны на первое время удобоприемлемыми к краю и достаточными для управления, а Советом Главного Управления Восточной Сибири рассмотрены и законным порядком утверждены. Управление кочевыми и бродячими инородцами предоставляется военному губернатору на основаниях, указанных в положениях о них, но с строгою осмотрительностью в местном применении и соображаясь при этом с обычаями разных племен, вошедших в состав области, и с местными условиями» (73). Реализацию этой системы на практике затрудняло то, что некоторые группы, кочевавшие на территории России, остались китайскими подданными. Так, в 1894 г. в Амурской области в Черняевском и Кумарском округах не было представителей коренных народов – русских подданных. Кочевавшие в зейской тайге и выходившие в октябре, ноябре на берега Амура эвенки (манегры) являлись подданными Китая (74). Кроме того, на протяжении всего XIX в. сохранялась экономическая зависимость коренных народов от китайцев. В виду этого определенная законом схема управления давала сбои – аборигенное население не всегда осознавало себя русскими подданными. Помимо экономической эксплуатации китайскими купцами, даже после присоединения края к России китайские чиновники продолжали сбор дани. Для этого они либо сами отправлялись в русские владения (75), либо дань доставляли местные старшины. Так в начале 80-х гг. обнаружилось, что один из старшин Софийского округа собирал дань и отвозил ее в Саньсин. За это китайский амбань наградил его шапкой с шариком, сделав официальным чиновником (76).

Не менее сложной была ситуация и с корейцами, являвшимися иностранными подданными. Тем не менее, корейское движение в Приамурье начинается как иммиграционное, к моменту переселения эта территория уже маркирована в сознании корейцев как «чужая» земля, как не Корея. Об этом свидетельствуют заявления первых мигрантов, что в Корею они не вернуться, т. к. там их ожидает смерть за переход границы. Однако около двадцати лет, вплоть до 1884 г., неясность политико-административного статуса корейцев, поселившихся на русской земле, создавала значительные препятствия для включения корейцев в единое политическое пространство Российской империи. Во всеподданнейшем отчете Восточно-Сибирского генерал-губернатора за вторую половину 1876 г. и весь 1877 г. отме-

чалось, что корейцы еще не переписаны и не несут никаких повинностей, нет сведений о составе корейских и других инородческих поселений, об их образе жизни и отношении к русскому населению (77). П.А. Фредерикс отмечал, что весь объем работ, связанный с переписью, могли выполнить только полицейские управления. До решения этого вопроса им был направлен в Приамурский край чиновник, которому было поручено вместе с пограничным комиссаром составление правил по управлению инородцами, «дабы поставить этот класс населения в совершенно определенное положение, внушив этим инородцам, что с поселением их на нашей территории они должны безусловно подчиняться установлениям наших законов и, считаясь подданными России, обязаны устраивать свой быт прочно и приносить пользу краю и правительству, дозволившему им водвориться на избранных ими местностях...» (78). Придание определенного законного статуса корейцам, поселившимся в России, стало возможным лишь после заключения 25 июня 1884 г. договора с Кореей, а приведение к присяге на русское подданство корейцев I категории началось, спустя еще десять лет, лишь в 1894 г. Неопределенность ситуации понимали и сами переселенцы. На вопрос миссионеров, почему корейцы Янчихэского стана не принимают русской веры и обычаев, был получен ответ: «... нет еще на то царского указа. Если бы русский царь захотел, чтобы мы сделались русскими, то исправники объявили бы нам об этом, а то кто знает, может быть нас еще прогонят с русской земли» (79).

Несмотря на неизбежную в такой ситуации сложность самоидентификации, корейцы демонстрировали желание и готовность остаться на этой земле, принимая русские имена, христианство, строя церкви и школы, отказываясь от национальной одежды, выполняя повинности и т.д. Однако при анализе нельзя не учитывать, что среди общего массива корейцев на русском Дальнем Востоке существовали значительные по численности группы, которые никогда не связывали проект своей жизни с Россией, для которых Приамурье всегда оставалось лишь местом сезонных заработков. Они являлись дополнительным фактором, стимулировавшим поддержание корейской культурной традиции и актуализировавшим связь с родиной среди принявших русское подданство, что затрудняло деятельность русской администрации по ассимиляции корейцев.

Таким образом, управление малоисследованным, полиэтничным, удаленным, слабозаселенным пограничным краем было объективно нелегким делом. Это обуславливалось как отсутствием единой политики, одобренной центром; влиянием ведомственных интересов на решение многих ключевых вопросов; так и малочисленностью русской администрации. К тому же время присоединения Приамурья совпало с осознанием российской политической элитой того факта, что прежние методы управле-

ния Сибирью и использования ее природных ресурсов устарели, но время серьезных реформ еще не наступило. Тем не менее, в 50 – 70-е гг. XIX в. русским правительством и местной администрацией прилагались значительные усилия по выработке оптимального административно-территориального устройства и системы управления Приамурским краем. Местной администрации удалось ограничить и поставить под контроль миграцию на Дальний Восток иностранцев-европейцев. Однако стихийно сформировавшийся азиатский миграционный поток долгое время оставался нерегулируемым, создавая трудности в управлении краем. Установление контроля над этим потоком осложнялось тем, что восточно-азиатские мигранты являлись подданными соседних государств, имевших с Россией сухопутную, плохо охранявшуюся на тот момент границу. Это обусловило необходимость создания в системе управления структур, позволявших оперативно решать возникавшие вопросы и надежно контролировать ситуацию с корейским и китайским населением.

1.2. Китайцы в Приморье и Приамурье (50–70 годы XIX века)

Айгуньский (ст. 1) и Пекинский договоры (ст. 1) зафиксировали присутствие на территории, отошедшей к России, китайских подданных. Согласно ст. 1 Айгуньского договора следовало: «находящихся по левому берегу р. Амура от р. Зеи на юг, до дер. Хормолдзин, маньчжурских жителей оставлять вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали» (80). Ст. 1 Пекинского договора гласила: «если бы в вышеизложенных местах (Уссурийский край – Е.Н.) оказались поселения китайских подданных, то русское правительство обязуется оставить их на тех же местах и позволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами». В связи с этим не достаточно аргументированным выглядит утверждение американского исследователя Дж. Стефана о том, что поселения китайцев в Приамурье и Приморье были оставлены под юрисдикцией Цинов и после 1860 г. (81). Представляется важным отметить, что в текстах этих статей зафиксирован разный уровень знания китайских властей о местах проживания и деятельности своих подданных. Если в первом случае речь идет о четких географических границах территории их проживания, фактически оговорена экстерриториальность зазейских маньчжур, то во втором отражена скорее гипотетическая возможность такого присутствия.

С заключением Пекинского договора количество китайских подданных, проживавших на русской территории, увеличилось. Однако их численность и места проживания оставались тайной для обеих империй, подписавших

договор. Анализ 1 статьи Пекинского договора, как справедливо отмечает В.С. Мясников, показывает, что «китайских подданных в крае предоставилось обнаружить русским властям, маньчжурское правительство не могло сказать о них ничего определенного!» (82). Уполномоченный России в Китае Н.П. Игнатьев к моменту подписания договора располагал присланными Н.Н. Муравьевым картами предлагаемого разграничения территории в Приморье. Н.Н. Муравьев также информировал Н.П. Игнатьева, что при ознакомлении с местностью (от р. Усури до моря) обнаружены лишь одинокие беглые китайцы, а постоянное китайское население находится только у р. Хуньчунь при впадении ее в р. Тумынь в 45 верстах от моря, «чем и доказывается, что китайское правительство места эти признавало вне своих владений» (83). В ходе переговоров Н.П. Игнатьев согласился «оставить на своих местах и в ведении китайских властей холостых китайцев, находившихся в Усурийском крае» (84), однако документально это обещание зафиксировано не было.

В отличие от Айгуньского договора, в котором четко оговаривалось место проживания китайских подданных и подчиненность их маньчжурскому правительству, в 1 статье Пекинского договора нет конкретных указаний на статус китайского населения в Усурийском крае. По сути, текст этого пункта договора оказался «открытым». Как и в случае с Нерчинским договором, обе стороны описывали неизвестное и «чужое», что создавало возможность различных интерпретаций (85). Впоследствии это позволит китайской стороне предъявлять ноты российскому правительству, ссылаясь на 1 статью Пекинского договора, о нарушении прав китайцев в Приморье, под которыми понимались: запрещение им заниматься хищническим способом различными таежными промыслами; вытеснение земледельцев с занятых ими ранее мест и т.д. В начале 80-х гг. китайская сторона цитировала 1 ст. Пекинского договора даже так: «пустопорожние места, в которых поселились китайские подданные, а также места, которыми владеют китайцы и занимаются там звериными и рыбными промыслами, русские никоим образом не могут присвоить себе» (из письма гиринаского цзянцзюня военному губернатору Приморской области (1881 г.)) (86). В свою очередь, русская сторона в ответных нотах, ссылаясь на ту же статью, будет смешать акценты на то, что действие этой статьи распространяется не на всех китайцев, а лишь на тех, кто был в Приморье в момент заключения договора, и по договору им разрешено заниматься только рыбными и звериными промыслами. Таким образом, если русская власть делала акцент на зафиксированное в договоре невмешательство в дела и хозяйственную жизнь китайцев, то китайская сторона подчеркивала право на владение территорией, занятой их соотечественниками. Но все эти разночтения и интерпретации одного и того же текста возникнут позже.

Итак, в результате подписания Айгуньского и Пекинского договоров на территории Российской империи появилось китайское население двух категорий – зазейские маньчжуры, управлявшиеся из Китая, и китайцы и маньчжуры в Уссурийском крае, численность и система управления которых оставалась некоторое время неясной.

Рассмотрим, какими сведениями о китайских подданных на русском Дальнем Востоке обладали представители русской администрации, и какими терминами обозначалась эта группа населения в текстах. В документах русского делопроизводства, мемуарной литературе, публицистике встречаются несколько терминов, обозначающих подданных Цинской империи (исключая коренные народности Приамурья) – китайцы, манзы (манзцы), никане, маньчжуры. Если первым и последним обозначались конкретные этнические группы, то употребление остальных зачастую носило ситуативный характер.

Зафиксированное самоназвание «потуйза» китайцев в Приморье (от кит. паотурдза – бегун, бобыль) (87), или «паотуррди», «паофу» (пешеход, бегун) (88) в русском делопроизводстве не встречается. В. Висленев, проводивший перепись в 1878-1879 гг., считал, что термин «потуйза» применялся для именованя детей китайцев от смешанных браков. И.П. Надапов, оспаривая эту точку зрения, свидетельствовал, что «потуйза» означает личность, не имеющую ни фанзы, ни жены, ни своего хозяйства. «Таким образом, бессемейный работник, живущий в фанзе, есть потуйза» (89).

В основном массиве документов этнонимы «китайцы» и «манзы» выступают в качестве синонимов. По мнению Ф.В. Соловьева, в Маньчжурии местное население называло именем «манца» всех выходцев из Шаньдунской провинции, а в Приморье это название распространилось на всех китайцев (90).

В русских текстах мы находим разный перевод слова «манзы» – «беглые», «выходцы» (91), «вольные» (92). А.Ф. Будишев, ссылаясь на комментарии французского миссионера, посетившего Амур в 1862 г., считал, что «манца» является калькой с французского «vagabond» («бродяга») (93). Однако такое толкование термина «манца» вызвало критику у пекинского корреспондента Российского географического общества, скрывавшегося под инициалами П.К. (Палладий Кафаров?), заметившего, что «если следует называть бродягами китайских промышленников в Уссурийском крае, то всего приличнее идет к ним китайское простонародное выражение «гуань гун», означающее именно бродягу, который при удобном случае не прочь ограбить и обокрасть. Так и называл их китаец-христианин, проезжавший из Нингуты на юго-восток к границам Кореи» (94).

Архимандрит Палладий в «Дорожных заметках на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 г.» отмечал, что манзцы – это

Надаров Иван Павлович (1851 – ?) – генерал от инфантерии, писатель. Окончил курс в Академии Генерального штаба. Участвовал в русско-турецкой кампании 1878 г. Правитель канцелярии при военном губернаторе Владивостока (80 – 90 гг.), военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска (1901 – 1904 гг.). В русско-японскую войну был начальником Военно-окружных управлений Маньчжурских армий, а затем до 1906 г. начальником тыла Маньчжурских армий. В 1906 – 1908 гг. – Степной генерал-губернатор и Наказной атаман Сибирского казачьего войска.

не маньчжуры, а китайцы или выходцы из Китая. По рассказу знакомого ему китайца маньцзцами называли китайцев временно или постоянно живших в Маньчжурии. «Многие китайцы, говоря о своей национальности, тоже называют себя не хань жень, а маньцзы» (95). Эти наблюдения подтверждает Л. Шренк, указывая, что этноним «манцзы» («мань-цзы») употреблялся в качестве самоназвания китайцев в сношениях с чужеземцами. Он отмечал, что это название встречалось еще в донесениях Е.П. Хабарова. Этот же автор приводит несколько возможных версий происхождения термина. Согласно Дэвису и Васильеву, термин «маньцзы» получил широкое распространение на севере благодаря монголам. По их мнению, во время правления династии Юань монголы заимствовали термин у китайцев, обозначавших им («мань», «мань-цзы») народ, живший на юге («южных дикарей»). Дэвис зафиксировал это название только применительно к Южному Китаю, Васильев же отмечал его употребление в отношении маньчжурских китайцев (96).

Е.А. Федоров полагал, что термин «маньцзы» означал выходец из Маньчжурии (97), близок к этой версии и Д. Стефан, по предположению которого, «манза» являлось местным русским сленговым словом, образованным от разговорного названия маньчжур (98).

Интересный перевод мы находим у В.К. Арсеньева, объяснявшего, что китайцы Уссурийского края, в основном беглые из своего государства, желавшие жить в полнейшей свободе на воле, отсюда и название «манцзы» – «свободный сын» (99). В другой работе – «Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае» – В.К. Арсеньев дает следующее объяснение: «Манзами (ман-цзы) называются китайцы, свободно проживающие на русской территории и не подчиняющиеся ни русским, ни китайским законам» (100).

Однако в ряде текстов эти названия (китайцы и манзы) приведены как описывающие разные этнические группы (101). Особняком стоит текст, в

котором И.В. Шкловский (Дионео), переводя английский текст, называет манзами корейских крестьян (102).

Рудиментами традиции XVII – XVIII вв. является употребление термина «никане» для описания китайцев. Большинство документов, содержащих этот термин, относится к середине XIX в., и фактически не встречается после 1880 г. (103).

Таким образом, можно сделать вывод: несмотря на то, что этимология и перевод термина имели несколько вариантов, слово «манзы» являлось общепотребимым этнонимом. В большинстве официальных документов термины «манзы» и «китайцы» являлись синонимами, и обозначали одну этническую группу – ханьцев. В незначительном количестве документов, видимо в силу слабого знания их авторами китайских реалий, разводятся эти понятия, что делает неясным, какая этническая группа скрывалась под этим термином в ряду «маньчжуры, китайцы и манзы».

Традиционно считается, что первые китайские поселенцы в Южно-Уссурийском крае относились к маргинальным группам населения: беглые преступники, находившие здесь убежище от преследования властей и те, кто не хотел «подчиняться законам Империи и желал жить в полнейшей свободе, на воле» (104). Говоря о первых китайских поселенцах в Уссурийском крае, Л. Шренк отмечал, что желающие приобрести новую родину шли на Сунгари, а в Уссурийский край стекался «худший элемент – люди, не знавшие семейного очага, бедные работники и поденщики, особенно же всякого рода негодяи, подозрительные личности, преступники, беглые и тому подобный сброд» (105). Абсолютное большинство исследователей свидетельствует о том, что в Приморье жили бессемейные китайцы. По подсчетам И.П. Надарова, в 1880 г. из 6628 китайцев, пребывавших в Приморье, женатых было всего 228 человек (3,4%). При этом все китайцы были женаты на аборигенках (99 чел.) или корейках (129 чел.) (106).

Китайские мигранты на территории русского Приамурья в основном были выходцами из провинций Шаньдун, Шаньси и Чжили. Среди сезонных мигрантов, приходивших добывать морскую капусту в 40-50 гг. XIX в., по свидетельству А.В. Рудакова, преобладали маньчжуры, а китайцы, главным образом выходцы из провинции Шаньдун, «являлись тогда единичными личностями» (107). Палладий к этому списку добавляет гарнизонных маньчжур из Хуньчуня, выходцев из Мукденского воеводства (108). Л. Шренк, посетивший Маньчжурию и Амурский край в 1855-1856 гг., отмечал существование региональных особенностей в характере и поведении выходцев из этих провинций: «при достаточном знакомстве с китайцем, можно, несмотря на общее наречие, сейчас же узнать шаньдунцев, чжилийцев и прочих. Точно так же как Шаньдун, Чжили доставляет

Маньчжурии по большей части трудолюбивых, способных и навсегда в ней остающихся хлебопашцев и ремесленников. Шаньсийцы – предприимчивые, практичные и ловкие люди, завладевшие благодаря своей неутомимой деятельности всю мелочной и оптовой торговлей в городах и деревнях Маньчжурии. В противоположность шаньдунцам, шаньсийцы лишь редко и неохотно поселяются навсегда в Маньчжурии (109).

Вопрос о численности китайцев, проживавших в Приморье, остается одним из наиболее сложных для изучения, тем более, что современные китайские исследователи продолжают рассматривать этот период русско-китайских отношений в терминологии территориальных захватов, а сам факт наличия китайских мигрантов на этой территории склонны трактовать как прямое доказательство принадлежности края Китаю (110).

Проблема осложняется еще и тем, что культура статистической обработки данных была низкой. В статье «Тайны сибирской статистики» (1885 г.), посвященной анализу состояния статистического учета, отмечалось: «Если статистика в губерниях Европейской России далеко еще не поставлена на ноги..., то можно себе представить, чем является статистика в Сибири, (...) где не было даже попытки ее освежить и воспользоваться при собирании материала и разработке его современными научными методами» (111). В результате несовпадение реальной численности китайцев в крае с данными, фигурировавшими в отчетах русской администрации, стало постоянным явлением, и мы можем констатировать отсутствие у русской администрации в течение первых 10 лет владения краем точных данных о численности китайцев. Тем не менее, собранные в результате экспедиций сведения позволяют приблизительно определить эту цифру. Исследователи по-разному оценивали численность китайцев в Уссурийском крае в конце 60-х – начале 70-х гг.: Палладий говорил о 40-50 тыс. человек, М.И. Венюков и А.А. Алябьев считали, что их не более 2 тыс., Н.М. Пржевальский допускал цифру 4-5 тыс. человек, П.А. Гельмерсен от 5 до 7 тысяч (112). Столь существенная разница между данными Палладия и остальными исследователями видимо объясняется тем, что Палладий включал в общую цифру и численность сезонных мигрантов, в отличие от М.И. Венюкова, Н.М. Пржевальского и П.А. Гельмерсена, указавших только оседлых жителей. Начальник партии лесничих, описывавший приамурские леса с 1859 по 1867 гг., А.Ф. Будищев свидетельствовал, что на всем огромном пространстве описываемого края (271950 квадратных верст) всех местных жителей (гиляков, орочей, китайцев, гольдов) едва ли насчитывается более 10 тысяч человек (113).

В 1868 - 1869 гг. по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова проведена перепись китайского населения в Южно-Уссурийском крае (114). К сожалению, автор не располагает ее оконча-

тельными результатами, однако возможно, что они были частично использованы комиссией под руководством И.Г. Сколкова, работавшей в крае весной – летом 1869 г. Согласно полученным комиссией данным, в 1869 г. в Суйфуиском округе насчитывалось 142 китайца, в Сучанском – туземное население исчислялось 457 душами, в Ханкайском – 996, в Уссурийском проживало 1424 китайца, ороча и гольда, в Аввакумовском были учтены совместно китайцы и тазы – 809 человек (115). Однако эти сведения комиссией И.Г. Сколкова, по свидетельству И.П. Надарова, были собраны путем расспросов местных жителей, которые сами мало знали о крае. Несмотря на то, что комиссия смогла приехать в такой далекий край, она «не пошла далее наших населенных пунктов, которых тогда, кстати сказать, было очень немного». Анализируя подобный метод сбора информации, И. Надаров указывал, что от «расспросных сведений вообще бывает мало пользы, а не сортированные и перекрестно не проверенные расспросные сведения и подавно не заслуживают доверия» (116).

Особняком стоят данные, полученные командиром I Восточно-Сибирского линейного батальона подполковником Рябиковым. Согласно его подсчетам, в 1870 г. в Суйфунском округе проживало около 20 тысяч китайцев, в Сучанском – 10 тысяч, в Аввакумовском – 10 тысяч, из них около 15 тысяч жили оседло. Число китайцев увеличивалось каждое лето на 15 тысяч человек за счет сезонных мигрантов (117).

Необходимостью точных данных о численности китайцев на территории Южно-Уссурийского округа обусловлено проведение в 1878 – 1879 гг. переписи под руководством старшего чиновника главного управления Восточной Сибири Висленева. Согласно собранным им сведениям, китайцев в 1819 – 1823 гг. в край прибыло 11 человек, в 1824 – 1828 гг. – 6 человек, и т. д. Всего в 1858 – 1860 гг. на территории Приморской и Амурской областей находилось около 6300 оседлых и 2 – 3 тыс. бродячих китайцев (118). Однако трудно судить, насколько эти цифры отвечали реальному положению дел, т. к. перепись проводилась одним лицом путем маршрутного обследования китайских фанз, сведения вносились в перепись со слов тех, кто находился в данный момент в фанзе (119).

В целом же примерную численность китайцев в Уссурийском крае в начальный период освоения можно оценить в пределах от 2 до 5 тысяч человек. Принимая во внимание огромные размеры края, цифра, безусловно, невелика.

Количество китайских подданных, относившихся к другой категории – зазейским маньчжурам, тоже долгое время оставалось невыясненным. В 1859 г. их численность ориентировочно составляла около 3 тыс. человек (120), а в конце 60-х гг., по данным комиссии И.Г. Сколкова, она оценивалась в 10646 человек (121). Лишь в 1881 г. представилась возможность

провести их перепись: на пространстве 1500 кв. верст от р. Зеи до ст. Черняевой проживало постоянно китайских подданных около 13700 человек, из них 12204 человека жили семьями на местах своих поселений (122).

По указанию Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского зимой 1894 г. в селения зазейских маньчжур для сбора информации командирован чиновник по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе П.П. Шимкевич. Согласно его данным, в 63 населенных пунктах, состоявших из 1364 дворов, проживало 16102 человека. Из них собственно маньчжурскими были 27 деревень, насчитывавшие 510 дворов, в которых проживали 5780 человек. Остальное население было китайским и даурским. П.П. Шимкевич отмечал, что и до подписания договора население этого района состояло из маньчжур, китайцев и дауров. В связи с тем, что после присоединения края к России перепись не проводилась, динамику роста численности населения он рассчитывал приблизительно. П.П. Шимкевич полагал, что в 1867 г. население исчислялось цифрой около 11 тыс. душ, что коррелирует с данными комиссии И.Г. Сколкова, в 1882 г. – 14 тыс., в 1894 г. – 16 тыс. (123). В 1896 г. зазейских маньчжур насчитывалось 7601, из них 3270 женщин (124).

Если говорить о географии расселения китайцев в Уссурийском крае, то представляет интерес свидетельство Л. Шренка (1855-1856 гг.). Он, не оставив количественных данных по китайскому населению, отмечал, что «больше всего китайцев в плодородной долине Сучана и по его притокам. Затем следуют по густоте населения долины р. Тазуши, Цимухе, Тасудухэ, Пхусун, Майхэ» (125). Согласно наблюдениям Л. Шренка, количество китайцев уменьшалось с продвижением вглубь края от береговой полосы на север. В этих районах их максимальная концентрация зафиксирована на рр. Сандогу и Даубихэ (126). Это подтверждают и наблюдения И.П. Надарова, согласно которым на 1 января 1884 г. в Северо-Уссурийском крае проживало в 85 фанзах 282 китайских подданных (256 – мужчин, 26 – женщин, но женщины – нанайки и ороchonки) (127). По наблюдениям В.К. Арсеньева, относящимся, правда, к концу XIX – началу XX вв., китайцы в Уссурийском крае расселились главным образом в Посьетском районе, около оз. Ханка, в Сучанском районе (по рр. Майхэ, Цимухе, Сучану, Судзухэ), в верховьях Усури (по долинам рек Даубихэ, Улахэ, Ното и Фудзину), по всему Иману до местности Сидатун и по долине р. Ваку, затем по Бикину в нижнем течении до местности Сигоу и Цамодынза, по р. Хору в его низовьях до Табандо, по обоим берегам р. Усури, особенно около устья Имана и в Зауссурийском крае, узкою полосой по берегу моря до мыса Гиляк (128).

В Приморской области китайцы возводили как отдельно стоящие фанзы, так и образовывали небольшие деревни. Газета «Амур» в 1860 г. сооб-

шала своим читателям: «Жилища этих невольных отшельников расположены по всему пространству течения р. Уссури в различных одно от другого расстояниях. В некоторых местах 4 - 5 домов образуют небольшую деревеньку с 10-15 человеками жителей. Самая большая деревня находится в 40 верстах ниже верховья Уссури. В ней 12 домов и 30 человек жителей. Много можно встретить таких домов, в которых живут одинокие дряхлые старики» (129).

История возникновения промыслового поселка Ши-мынь (Северные ворота) изложена А.В. Рудаковым. По его данным «в 1831 г. в залив Ольги... прибыло несколько маньчжурских лодок. Здесь на берегу были построены две фанзы. В 50-х гг. мы находили здесь уже целый поселок Ши-мынь. Преобладающий элемент населения были маньчжуры. Китайцы, главным образом выходцы из Шаньдуня, являлись тогда единичными личностями». Поселок населяли промысловики, занимавшиеся добычей морской капусты, трепангов, крабов, морских гребешков. Руководили добычей представители крупных торговых фирм из Чифу и Циндао (130).

К концу 60-х гг. относятся первые попытки русских исследователей определить социальную структуру китайского населения, тогда же сделаны наблюдения о том, что среди китайцев в Уссурийском крае можно выделить две основные категории: сезонных мигрантов и оседлых земледельцев. Палладий, посетивший весной 1870 г. Южно-Уссурийский край, разделил всех находившихся в нем китайцев на 4 основных класса. Как он указывал, основным критерием данной классификации стал род занятий. Первый класс – торговцы, ведущие меновую торговлю в бассейне р. Уссури, главным образом приезжавшие из Саньсина. Второй – временно оседлые, имеющие фанзы. Третий – занимавшиеся извозом полученной продукции, летом – караванами, зимой – на санях. Четвертый, самый многочисленный класс, «бродячие промышленники, приходящие партиями на заработки» (131). К сожалению, принцип, положенный в основу данной классификации, во втором пункте подменен принципом оседлости, однако из дальнейшего текста следует, что имелись в виду земледельцы.

Ему же принадлежит и одно из наиболее ранних описаний организации китайского самоуправления. Основываясь на сведениях, собранных среди китайцев, Палладий сообщал, что до 1868 г. «маньчзы по исконному навыку китайцев к порядку и для успешного производства разделялись на правильно организованные промышленные партии: «ва цзинь ди» (золотопромышленников), «ва шень ди» (искателей женьшеня)». Каждая из партий состояла из нескольких тысяч человек и занимала особый участок земли, во главе партии стоял старшина (да-е), он обычно избирался из уважаемых людей и имел помощников (эрг-е и сан-е). Старшина обладал правом решать распри, наказывать виновных своей партии не только палоч-

ными ударами, но и смертной казнью. В его функции входил справедливый дележ всего добытого на промысле. Да-е должен был обеспечить в случае необходимости уход за больными и принять меры по обеспечению семей тех членов партии, которые попадали в руки правосудия к маньчжурам, и были казнены или сосланы. Помимо административно-судебных, за старшиной закреплялись и хозяйственные обязанности по устройству ферм, складов, перевозки результатов промысла. Каждый человек мог перейти из одной партии в другую. По мнению Палладия, в 1868 г., в ходе «манзовской войны», организации золотопромышленников был нанесен невосполнимый урон, но, несмотря на разгром, «дух солидарности между маньчзами остался прежний» (132). О существовании самоуправления у китайских земледельцев упоминает начальник поста Владивосток Е.С. Бурачек, в беседе с китайцами выяснивший, что окрестные жители подведомственны избранному ими старшине (тайе) и его четырем помощникам, жившим на р. Цимухэ. По свидетельству собеседников Е.С. Бурачека, старшина обладал абсолютной властью – «его распоряжениям мы подчиняемся совершенно». В свою очередь старшина «заботился о них», «дурных наказывал по суду с помощниками» (133).

В этот же начальный период на основе личных впечатлений, опыта взаимодействия с подданными Цинской империи формируются разные типы образа сына Поднебесной.

Начальник партии лесничих, описывавших приамурские леса с 1859 по 1867 гг., А.Ф. Будишев оставил сообщение о китайцах, живших в долине р. Цимухе: «Манзы народ обходительный и добрый, снабжают охотно русских семенами хлебными и огородными, ведут с ними хлеб-соль». Столь же лицепрятно отзываясь о них помощник А.Ф. Будишева Корзун, посетивший район Даубихе: «это народ очень тихий, миролюбивый и гостеприимный, к русским они очень расположены» (134).

Проводивший исследования в южной части Уссурийского края летом 1865 г. штабс-капитан П.А. Гельмерсен отмечал, что для развития края необходимы руки и капитал. «Руки можно привлечь из Китая и Кореи. Китайцы отличные колонизаторы, но они имеют недостаток, что трудно сливаются с другими народами, сохраняя везде свои особенности» (135).

Любопытно, что генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков был первоначально настолько доброжелательно настроен к китайскому населению, что в 1862 г., по просьбе Е.С. Бурачека, даже консультировался с российскими дипломатами в Китае о возможности представления жившим в Южно-Уссурийском крае китайским подданным «средств к жизни семейной», ради упрочения и усиления «этого трудолюбивого и развитого клана населения» (136). Он поддерживал идею выдачи китайцам и корейцам, живущим в наших владениях, временного заимообразно-

го пособия к устройству оседлости. «Пособия эти были бы не бесплодны и принесли бы несомненную пользу, ибо в населении этом развито два элемента: склонность к мирной трудовой земледельческой жизни и морской промысел рыбою, моллюсками и морской капустой, которым занимаются здесь массы туземцев, оба элемента одинаково пригодны для колонизации наших приморских местностей нового края» (137).

Командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал И.Ф. Лихачев в записке, посвященной Приморской области Восточной Сибири (1862 г.), тоже рассматривал китайцев как полезный переселенческий элемент. Он отмечал, что «если бы им было обеспечено у нас некоторое невмешательство в их частные дела и отсутствие притеснений и взяточничества, которым они подвергаются со стороны маньчжурских чиновников, (...) то можно с уверенностью полагать, что они стали бы переселяться к нам с большою охотою» (138).

Однако, в начальный период освоения края, несмотря в целом на доброжелательное отношение к китайцам, цель сблизиться с ними, «так чтобы и отдаленные китайские деревни возымели желание присоединиться к русской семье народной», ставилась далеко не всеми русскими чиновниками, стремление «привязать китайцев к русским» не стало господствующими (139). В этот же период во властных сферах начинает формироваться представление, что китайцы, как колонизационный элемент – элемент сложный и в некоторой степени опасный: значительное численное преимущество китайцев может привести к тому, что в результате окажется, что Россия приобрела маньчжурскую провинцию для китайцев и корейцев (140).

1.3. Административное строительство в Приморье и Приамурье в 70-е гг. XIX века. Проекты управления населением

Фактически сразу после заключения Айгуньского договора генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским был поставлен вопрос о необходимости изменения административного деления и создания новых структур управления в Восточной Сибири. Как уже отмечалось, он предлагал учредить окружное земское и городское управления в присоединенной к Приморской области части Приамурского края (141), разделить Приамурский край на две части. Н.Н. Муравьев-Амурский отмечал, что во вновь приобретенном районе часто появляются китайские и маньчжурские купцы, которые ведут несправедливый торг с местными жителями. Кроме того, «некоторые из торгашей, являясь под видом китайских чиновников, отбирали у инородцев силою дорогие меха как подать, следующую будто бы правительству» (142).

Для изменения ситуации генерал-губернатор приказал заведующему Мариинским постом принять соответствующие меры, но «меры эти не могли остановить зла», т. к. требовался постоянный контроль, а малочисленная русская администрация не могла его обеспечить. Таким образом, генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским предлагалось создание органов местного управления гражданским населением, причем, как это видно из рапорта, одним из аргументов принятия такого решения было китайское влияние на местное население.

Однако предложение Н.Н. Муравьева-Амурского в полной мере реализовано не было, и до 80-х годов XIX в. в Южно-Уссурийском крае гражданской администрации вообще не существовало. Гражданское управление сосредотачивалось в руках военных и военно-морских чинов, больше занятых выполнением своих непосредственных обязанностей.

С присоединением к России Южно-Уссурийского края в 1860 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков рекомендовал генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому при занятии правого берега р. Усури «поступать с теми из китайских поселенцев, которые захотят оставаться в наших владениях, совершенно так же, как с туземными жителями при-Амурского края, то есть, нисколько не вмешиваясь в их внутреннее устройство, сохранить им все те права, которыми они пользовались до сих пор» (143). Этот принцип невмешательства во внутреннюю жизнь китайского населения характерен для представителей русской администрации вплоть до конца 60-х гг. XIX в. Такая позиция обусловлена, во-первых, малочисленностью русской администрации, во-вторых, взглядом на китайское население как на временный атрибут этой территории, как на «неудобное» наследство, от которого предстоит со временем избавиться.

26 марта 1861 г. были высочайше утверждены правила, разрешавшие как русским, так и иностранцам селиться в Амурской и Приморской областях, приобретая участки казенной земли в собственность, или арендуя их, с освобождением от платежей и налогов на 20 лет. Такие же условия устанавливались правилами и для лиц, желавших приписаться к городам, причем все, владевшие в городе недвижимостью, независимо от их национальности и подданства, входили в состав городских обществ с правом голоса. Разумеется, что китайцы, как и прочие иностранцы, попадали под действие этих правил. В 1861 г. в Уссурийском крае по китайским фанзам разослано объявление генерал-губернатора о том, что «китайцы, живущие на русской земле, могут заниматься тем же, чем занимались и прежде» (144). Однако малочисленность русской администрации привела к тому, что после подписания договоров, закрепивших за Россией Приамурье, в первые годы не обращалось должного внимания на китайское население,

и фактически отсутствовали меры, направленные на реальное подчинение китайцев русской власти.

Итак, на заре освоения края позиция российской администрации по отношению к китайскому населению определялась принципом невмешательства. Отношение к китайскому населению было большей частью благодушным, факт китайского присутствия не рассматривали как проблему, требующую неотложного решения.

Коренным образом ситуация изменилась в конце 60-х гг. Обстоятельством, инициировавшим внимание русской администрации к китайцам, а также задавшим определенный спектр отношений к китайскому населению, явились события 1868 г. на о. Аскольд, вошедшие в историографию под названием манзовского восстания или манзовской войны (145), когда китайцы впервые оказали вооруженное сопротивление представителям русских властей. Летом 1867 г. на о. Аскольд было открыто золотое месторождение, привлекшее к себе внимание китайских старателей. Однако добыча золота была запрещена русскими властями, и китайцев вынудили покинуть остров. В следующем, 1868 г., на о. Аскольде сконцентрировались уже значительные силы – в апреле 500 – 600 человек начали промывку золота. Во Владивостоке было принято решение: вновь командировать отряд в район Аскольда с целью пресечения незаконной добычи золота. В отличие от прошлого года прибывшая на шхуне «Алеут» военная команда встретила сопротивление, но смогла вытеснить китайцев на материк. Изгнанные китайцы сожгли три русские деревни – Шкотово, Суифунскую (Раздольное), Никольское и два поста.

Представляется, что именно эти события высветили для русской администрации проблему существования китайского населения как фактора, который необходимо учитывать при принятии политических решений.

Взгляд через призму этих событий на протяжении многих лет оказывал влияние на формирование мнения русской администрации о китайцах. Расхожим стало представление, что здесь мы имеем дело с населением хитрым, опасным, не терпящим русских. Это также стимулировало законотворческую активность администрации с учетом складывавшегося образа китайцев.

Во время манзовской войны в Приморской области находился генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков. Результаты его поездки изложены во всеподданнейшей записке (17 декабря 1868 г.). В ней М.С. Корсаков докладывал, что в южной части Приморской области находится довольно значительное китайское население, пользующееся богатствами страны бесконтрольно и нисколько не производительно для России, оно «частью занимает плодородные долины рек и обрабатывает земли, а частью занимается разными промыслами, которые доставляют ему

леса и море. Это население не считает себя в зависимости от Русского Правительства, управляется своими выборными, на основании обычаев, и всякое вмешательство русских властей считает посягательством на свои права» (146). Далее он отмечал, что: «эти выходцы не имеют прочного водворения на нашей земле, они приходят в наши пределы без семейств, и, обогатившись, возвращаются в Китай, унося с собой все нажитое и приобретенное». До 1868 г. мер по созданию системы управления этим населением не принималось, т. к. власти занимались «более насущными потребностями Южно-Уссурийского края: внесением русского элемента в заселение его, охранением войсками ...» Тем не менее, М.С. Корсаков считал, что «... настало время к безотлагательному устройству китайского населения на прочных основаниях и преподанию средств к постоянному за оным наблюдению и направлению в видах русского правительства» (147). В применении к китайцам экономических мер воздействия (введение натуральных повинностей) он видел один из действенных способов подчинения китайского населения русским законам (148).

Для определения степени вины арестованных участников беспорядков на о. Аскольд по распоряжению М.С. Корсакова была создана особая комиссия под председательством командующего линейной забайкальской артиллерийской бригадой полковника Педашенко. Действия комиссии регламентировались следующим распоряжением генерал-губернатора:

- 1) всех китайцев, признанных виновными отправить морем на о. Сахалин, в пост Дуэ, где они должны приступить к работе на каменноугольных коях;
- 2) подозрительных лиц выслать в Китай, запретив им возвращаться в пределы Российской империи;
- 3) невиновных освободить, выдать им виды на жительство, «предоставив им отправиться, куда пожелают» (149).

Одновременно для недопущения в будущем беспорядков, подобных произошедшим на о. Аскольд, М.С. Корсаков распорядился о создании во Владивостоке особого комитета под председательством окружного интенданта Восточно-Сибирского Военного округа генерал-майора Шульмана. Цель его работы – определение причин, вызвавших образование разбойничьих шаек в Южно-Уссурийском крае (150).

Комитет назвал зачинщиков беспорядков: Джин-зоа (проживал в Нингуте, имел фанзу на р. Цимухе), Янхали (богатый китаец, жил на р. Цимухе), Чуган-фа (самый богатый цимухинский житель). Двум из них удалось скрыться, а Янхали был казнен сучанскими китайцами (151).

По мнению комитета, зачинщики стремились «померяться силами с русскими и истребить всех русских в крае, дабы не встречать более сопротивления к беспрепятственному пользованию богатствами края» (152).

В ходе работы были высказаны общие соображения о китайском присутствии на русском Дальнем Востоке. Так, указывая на сезонный характер китайской миграции, отмечалось, что «временный ежегодный наплыв к нам китайцев не может быть подвергнут излишним стеснениям, но с другой стороны, требует подчинения правильному и постоянному надзору, как внутри, так и за границей» (153). Для этого признавалось целесообразным открытие русских консульств в Хуньчуне и Нингуте. Китайцы обязывались брать национальные паспорта для перехода границы.

Ряд конкретных мер, предложенных комитетом в рекомендательном порядке в виде опыта, должен был стабилизировать ситуацию в крае и предотвратить новые беспорядки. Для улучшения охраны края предлагалось передислоцировать один из отрядов на р. Монгугай, установить в д. Ханьшин, где концентрировалось значительное число сборщиков морской капусты, ловцов трепанга, – пост. Кроме того, до открытия консульств предполагалось визировать билеты в корейской деревне на р. Монгугай, в Посьете, Камень-Рыболове (154).

Необходимой мерой признавалась перепись. Планировалось, что информацию о численности и местах проживания китайцев соберут и доставят русским властям китайские старшины, рискуя в случае содержания ложных сведений, быть подвергнутыми штрафу. На офицеров и чиновников, заведовавших гражданским населением, возлагалась проверка этих данных (155).

Выказавшие желание китайцы могли вступить в русское подданство, им, в отличие от всех остальных, разрешалось строить для себя фанзы. Продажа, дар, наследование фанз разрешалось только с разрешения окружного начальника.

Часть этих предложений была реализована как во время пребывания генерал-губернатора в крае, так и вскоре после его отъезда: введены конные посты вдоль границы, взят под охрану 500-верстный участок границы от Турьего Рога до р. Тюмень-ула, край разделен на округа.

Тогда же, в 1868-1869 гг., предпринимается первая попытка создания реальных структур для управления гражданским населением и подчинения органов китайского самоуправления русской администрации. Следует отметить, что еще в августе 1866 г. генерал-губернатором Восточной Сибири было поручено создать Суйфунский округ, с подчинением гражданского населения округа одному из офицеров Новгородской постовой команды, на правах земского исправника. Однако это не было сделано своевременно (156).

Летом 1868 г. в качестве временной меры все гражданское население как русское, так и иностранное отдавалось в ведение начальника Новгородской команды (Суйфунский округ), управляющего землями удельного ве-

домства (Сучанский округ), командира 3 батальона (Ханкайский округ), начальника Ольгинской команды (Аввакумовский округ) и командира Уссурийского пешего казачьего батальона (Уссурийский округ) (157). Под руководством военного губернатора Приморской области Фуругельма был разработан ряд документов, регламентирующих взаимоотношения русской администрации и китайцев. Наиболее значимыми представляются две инструкции, адресованные:

- 1) заведующему Суйфунской округой по управлению туземным, корейским, китайским и маньчжурским населением;
- 2) окружным начальникам Южно-Уссурийского края (158).

Первая инструкция признавала удовлетворительным существовавшее среди китайцев самоуправление, в связи с чем предлагалось поставить его под контроль русской администрации. В каждом селении или урочище требовалось избрать сроком на три года старшину и двух помощников, утверждаемых в должностях областным правлением и военным губернатором Приморской области.

В обязанности старшин входило предупреждение и принятие мер против беспорядков, донесение обо всех происшествиях и вновь прибывших китайцах постовому начальнику, исполнение всех распоряжений русского начальства. В документе отмечалось, что «старшины своею властью никаких взысканий налагать не могут» (159). За мелкие проступки мог наказывать окружной начальник, а за преступления провинившихся следовало предавать суду. При этом во всех случаях применения полицейской власти требовалось соблюдать «умеренность и осмотрительность».

Представителям русской власти предписывалось ознакомиться с бытом и нравами местных жителей, оказывать в случае необходимости медицинскую помощь, не препятствовать религиозным обычаям, а также разъяснять старшинам их обязанности и «сущность русских законов по делам гражданским и особенно уголовным» (160). Кроме того, предусматривалось ежегодное предоставление сведений вышестоящему начальству о численности населения, количестве убранных урожая, подготовке к будущей посевной.

Параграф 20 разрешал привлечение китайцев к выполнению натуральных повинностей (постройке мостов, гатей, дорог).

Во втором документе – «Инструкции окружным начальникам» разработана более сложная управленческая структура. Округа делились на участки, в которые входило несколько селений, поэтому помимо института сельских старшин вводились должности главных участковых старост. Старшинами и старостами можно было избирать только хозяев фанз.

Ряд пунктов касался изменений правил перехода границы и условий пребывания на Дальнем Востоке. В частности вновь прибывшим китай-

цам не разрешалось селиться «в наших пределах», а также увеличивать число существовавших фанз. Допускалась продажа, наследование, дар недвижимого имущества, но разрешение на заключение сделки давал окружной начальник. Особо оговаривалось, что живущие вне пределов России не могли считаться владельцами фанз. Хозяевам фанз строго запрещалось давать приют беспаспортным соотечественникам. За нарушение этого правила предусматривались штрафы: до 3 руб. (в первый раз), до 6 руб. (во второй), до 12 руб. (в третий). В случаях последующих нарушений виновных надлежало предать суду как неблагонадежных и подозрительных лиц, или выслать на родину.

Таким образом, указанные документы являются первыми проектами системы гражданского управления, включавшей китайский элемент Уссурийского края, и разработанной местной администрацией с учетом реальной ситуации в крае. В рамках этих проектов предполагалось сохранение существовавшего у китайцев самоуправления, и создание следующей административной цепочки: старшины – участковые старосты – окружные начальники – военный губернатор. Фактически, мы можем говорить о начале процесса легитимизации русскими властями традиционной китайской системы самоуправления. Создание подобной управленческой структуры, на наш взгляд, могло бы принести положительный эффект лишь в том случае, если бы на должности окружных начальников назначались люди, хорошо знавшие как китайский язык, так и русское право. Однако в связи с отсутствием в крае гражданских чиновников в качестве временной меры управление населением возлагалось на командиров расквартированных в Приморской области частей, в первую очередь уделявших внимание выполнению своих непосредственных обязанностей. Обращает на себя внимание стремление русских властей действовать на правовой основе как при создании нормативных документов по управлению китайским, корейским и аборигенным населением, так и при реальном взаимодействии с этими этническими группами. Другим вопросом, заботившим русскую администрацию, являлась необходимость подчинения китайцев русским законам и установления среди них порядка, действующего на территории всей Российской империи. В июне 1868 г. приморский военный губернатор докладывал генерал-губернатору Восточной Сибири, что для достижения этой цели первой задачей является знакомство китайцев с российскими законами. Для этого И.В. Фуругельм предлагал составить на китайском языке выписки главных законоположений, а также ввести в практику объявление всех касающихся их распоряжений на китайском языке.

Существенным препятствием, мешавшим реализации этой идеи, было отсутствие в тот момент в распоряжении военного губернатора Приморской области переводчиков, знавших китайский язык. О том, в каком слож-

ном положении оказались окружные начальники, свидетельствует выдержка из рапорта начальника Ханкайского округа капитана Мельвиля (март 1869 г.). Во «вверенном мне округе, весьма часто приходится иметь дело с китайцами, между тем при переговорах с ними положительно нет никакой возможности понять их» (161). Для изменения сложившейся ситуации Мельвиль ходатайствовал о прикомандировании надежного переводчика, а до его прибытия о высылке русско-китайского словаря. Подобные рапорты поступали и от других окружных начальников.

Важным для понимания обстановки, в которой создавались эти документы и принимались изложенные в них меры, является пункт 14 «Инструкции окружным начальникам Южно-Уссурийского края». «Все вышеизложенные постановления, вызванные беспорядками нынешнего года, есть меры временные (...). До событий минувшего года, как туземное население, так и китайские пришельцы, не стеснялись никакими полицейскими постановлениями» (162). Военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм подчеркивал, что необходимо действовать «с крайней осторожностью и не прибегать к крутым мерам», постепенно «приучать туземцев к новому порядку вещей, ибо предпринимаемые меры осторожности, вызванные особыми обстоятельствами, не есть мера карательная», а наоборот, имеющая целью восстановить внутренний порядок и спокойствие (163).

В качестве другой меры по стабилизации положения и улучшению управления местным начальникам поручалось «произвести полную опись всем находящимся в крае фанзам и живущим в них китайцам, и вообще иметь за (их – Е.Н.) действиями (...) постоянный бдительный надзор» (164). Перепись, начатую летом 1868 г., планировалось завершить к 1 января 1869 г. Ответственность за своевременное проведение переписи возлагалась на окружных начальников. Для проведения переписи из экстраординарных сумм генерал-губернатора Восточной Сибири каждому постовому начальнику было выдано по 300 руб. Удалось установить имена офицеров, проводивших ее в Ханкайском (сотник Маевский), Суйфунском (штабс-капитан Збержковский), Уссурийском (зауряд-хорунжий Бянкин) округах. Все они характеризовались военным губернатором Приморской области как «благонадежные и исполнительные» офицеры.

В круг вопросов переписного листа входили: название фанзы (деревни), название местности, пол, возраст, наличие скота, количество обработанной земли и засеянного (собранного) хлеба. В примечании оговаривалось, что нанайцев и удэгейцев необходимо учитывать отдельно от китайцев. Все урочища и участки земли, занятые китайцами, должны были наноситься на карту (165). Каждому «переписанному» китайцу предписывалось выдать виды на жительство (билеты) сроком на один год. Если же

таких билетов по какой-либо причине у проводивших перепись не оказывалось, то вплоть до их получения следовало выдавать особые ярлычки с отметками о приметах, роде занятий, наличии оседлости в русских владениях (166). Наемные рабочие не имели права покидать своих хозяев в течение года, а хозяева в этот же период не должны были нанимать новых работников. После получения билетов хозяевам запрещалось иметь безбилетных работников.

В инструкции отмечалась необходимость «избегать сколь возможно, неприязненных столкновений с манзами» (167). Китайцы лишались права вселяться в пустующие фанзы без разрешения заведующего Ханкайским округом. Для получения разрешения они должны были явиться в Камень-Рыболов с удостоверением хозяев соседних фанз, подтверждающим, что фанза действительно принадлежит ему, и что он не замечен в связях с хунхузами. Через месяц после окончания переписи хозяева должны были собраться в Камень-Рыболове для выбора старшины.

Рассмотрим ход и методы проведения переписи на примере Ханкайского округа. Распоряжением № 1315 от 22 июля 1868 г. заведующего Ханкайским округом и временно командовавшего 3-м линейным батальоном подполковником Марковым в распоряжение сотника Маевского поступили юнкер Дыхов, рядовой Сарафанников, 12 казаков, гольд Губу и китаец Ильюшка для проведения переписи.

Перепись предполагалось начать с Турьего Рога и далее двигаться вдоль границы не отдаляясь от нее 20 верст до границы Ханкайского округа (пограничный столб на р. Суйфун), затем возвращаться к Турьему Рогу, описывая все фанзы между нашей границей с Китаем (р. Суйфуном) до Суйфунского поста, почтовой дорогой из Посьета и озером Ханка (168).

29 июля Маевский двинулся в путь. Ему удалось пройти больше предписанного – 16 августа он добрался до поста Новгородского. Командировка в Нингуту отвлекла его от участия в переписи, руководство которой возложили на урядника Скобельцина. В первых числах октября Маевский вернулся в Камень-Рыболов, и, несмотря на болезнь, приступил к обследованию ближайших фанз на реках Сиен-хо и Мо. В ходе этой работы он убедился в том, что перепись в его отсутствие проводилась качественно, и отправился на р. Лефу и р. Даубихэ. Маевский планировал со своим отрядом пройти еще и систему р. Улахэ, однако исследовать ее тщательно ему не удалось из-за больших снегов. В связи с этим численность и местонахождение фанз китайцев по рекам Нота, Фудзин, Сандогу наносились по их словесным заявлениям. Собрав эти сведения, отряд Маевского форсированными переходами – до 50 верст в сутки – двинулся в обратный путь, и 6 декабря прибыл в ст. Бельцову. В том же месяце Маевский и топограф поручик Вялов составили подробную (5 верст в дюйме) карту Ханкайского округа.

Таким образом, перепись в Ханкайском округе проводилась двумя отрядами путем подворной переписи. Часть территории округа оказалась не доступной для переписи, в связи с чем пришлось довольствоваться непроверенной информацией. Сотник Маевский в своем рапорте командующему войсками Приморской области отмечал: «...долгом считаю заявить Вашему Превосходительству, что к цифрам обозначающим в книгах моих разные проявления жизни китайцев на нашей земле следует относиться крайне осторожно. Манзы уменьшают выгоды, преувеличивая неудобства и риск положения своего» (169).

Тем не менее благодаря проведению переписи русская администрация получила некоторые сведения о численности китайцев, характере их занятий, местах проживания. Так, стало известно, что в Ханкайском округе количество китайцев варьировалось от 979 человек (зимой) до 1421 (летом), проживавших в 149 фанзах. Выяснилось, что большая часть китайского населения находилась в восточной части округа. Отмечалась и некоторая специализация: так, китайцы в западной части округа занимались сбором грибов, а в восточной – заготовкой пушнины. Хлебопашество и для первых, и для вторых не являлось основным видом деятельности. В связи с этим интенсивность движения караванов имела сезонные отличия: в западной части выделялись весна, лето, осень, в восточной – зима. В отличие от наемных рабочих, хозяева фанз, зачастую представители крупных торговых домов, либо родственники богатых купцов из Нингуты, Гирина, Сан-Сина, Шаньдуна, являлись более-менее постоянным элементом китайского народонаселения (170).

Несмотря на проведенную перепись, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П. Синельников в 1871 г. в рапорте военному министру докладывал: «не мыслим порядок в пограничном краю, если начальник не знает определенно в большей части оного, не только характера населения, но числа жителей» (171). Такая ситуация возникла в связи с тем, что миграционный процесс находился, большей частью, вне ведома русской администрации, во многом из-за того, что отсутствовал надлежащий контроль за переходом границы. Однако ряд распоряжений по усовершенствованию порядка перехода китайцами границы и условий пребывания их в России был сделан М.С. Корсаковым в 1868 г. Так, для китайцев, пришедших на промыслы в Уссурийский край, оставались открытыми только три дороги: через Посьет, по долинам р. Монгугая и через Камень-Рыболов. В русских постах, расположенных в вышеуказанных пунктах, китайцы должны были визировать свои национальные билеты (паспорта), выданные китайским начальством. Начальники русских постов в специальных шнуровых книгах обязывались фиксировать следующую информацию: приметы предьявителя, количество оружия, откуда и с какой целью прибыл, где и

сколько времени будет проживать. На китайских документах ставился тот порядковый номер, под которым сведения заносились в книгу. Те китайцы, которые на момент издания распоряжения находились на Дальнем Востоке, должны были получить билеты в течение одного года.

Безбилетные и шедшие иными дорогами объявлялись бродягами. С ними предписывалось, в зависимости от обстоятельств, либо поступать по русским законам, либо передавать китайским властям. Для оповещения китайцев об этих нововведениях в июле 1868 г. специальным предписанием начальнику Новгородского поста полковнику Я.В. Дьяченко поручалось «войти в сношение с гириным фудутуном», с тем чтобы эти распоряжения «были опубликованы китайским начальством на всеобщее сведение» (172).

Еще одним результатом визита генерал-губернатора М.С. Корсакова в Приморскую область явилось издание в августе 1869 г. секретного постановления о том, что с переходом Южно-Уссурийского края в наше владение жители его должны считаться русскими подданными (173). Таким образом, русская администрация создавала возможность для дальнейших действий по устройству управления местным населением, автоматически сделав китайцев русскими подданными. Единственно, чего не сделала администрация – не довела до сведения жителей информацию об изменении их статуса. Поэтому до конца 70-х гг. XIX в., а в ряде случаев и позже, не редкостью были ситуации, когда китайцы не знали, что они находятся на русской территории, как и того, что являются русскими подданными. На наш взгляд, половинчатость действий русской администрации свидетельствует о том, что и сам М.С. Корсаков не был твердо уверен в законной силе этого решения, так как по русским законам акт вступления иностранцев в русское подданство осуществлялся через личное принесение присяги. Посещение Приморской области окончательно изменило взгляд М.С. Корсакова на китайское население. Отмечая необходимость переписи, установления наблюдения и внушения этому населению обязанности подчинения русским законам и властям, М.С. Корсаков считал возможным проведение этих мероприятий лишь в том случае, если «гражданское управление этим населением будет непосредственно опираться на военную силу» (174).

Ситуация в крае привлекла внимание центра, поэтому на заседании особого совещания по делам Приамурского края 2 февраля 1868 г. рассматривался вопрос о необходимости скорейшего заселения Южно-Уссурийского края переселенцами из России. Было предложено ходатайствовать о выделении в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири по 100 тысяч рублей в течение 3 лет. Однако это предложение вызвало категорическое несогласие министра финансов, в принципе не разделяв-

шего мысли о пользе колонизации отдаленных окраин при помощи искусственных мер. Вмешательство великого князя Константина позволило включить в резолюцию решение о ежегодном отпуске на заселение о. Сахалина и южного побережья Приамурского края 30 тыс. руб. (175).

В 1869 г. по высочайшему повелению в Приамурский край направляется комиссия под руководством генерал-адъютанта И.Г. Сколкова, которая работала в крае весной и летом 1869 г. В отчете, представленном зимой 1870 г. и озаглавленном «Соображения Высочайше назначенной в Приамурский край комиссии», задача русской власти в отношении китайцев сформулирована следующим образом: «подчинение их нашим законам и властям и затем (...) наблюдение, дабы неизбежное исчезновение их с лица земли, обуславливаемое отсутствием у них семейного начала, не задерживалось искусственными мерами, как-то допущением к ним подобных же выходцев из Китая или обновлением манз искусственным притоком женщин. Как ни много нуждается Южно-Уссурийский край в усилении населения, но, во всяком случае, усиление это не должно быть произведено посредством китайских выходцев, коих размножение в наших пределах представляет серьезную политическую опасность, а к тому же не может обещать никакого, в смысле европейской цивилизации, развития для принимающего их края» (176). Комиссия возбудила вопрос о возможности обложения незначительной поземельной податью тех китайцев, которые имели свои фанзы и занимались земледелием, «с целью укоренения убеждения, что они проживают на русской территории» и уточнения их численности, а также предложила «выдавать за незначительную плату билеты или свидетельства промышленникам морской капусты» (177). Однако это предложение вызвало возражения военного губернатора Приморской области И.В. Фуругельма, находившего эту меру преждевременной и считавшего, что «пока для прочих жителей области существуют Высочайше дарованные льготы в отношении избавления от всяких податей и повинностей, несправедливо было бы обложить ими туземное население, хотя и в самом незначительном размере». По его мнению, необходимо было ограничиться введением между ними лишь некоторых земских повинностей (178).

Подводя итог деятельности комиссии И.Г. Сколкова, нельзя обойти вниманием мнение члена этой комиссии от военного ведомства. Его позиция отражала распространенное в центре суждение, что затрачивать существенные средства на создание управления китайским населением нет смысла, так как численность его после «манзовской войны» существенно сократилась, и ввиду этого, оно в скором времени должно исчезнуть за счет естественной убыли. Признавая необходимость надзора за китайским населением, отмечалось, что оно «по малочисленности своей, в настоящее время не

заслуживает особых жертв, и вряд ли нужно создавать для него особую администрацию, хотя бы и в ограниченных размерах. Гораздо естественнее было бы принять какие-нибудь меры к тому, чтобы ближайшее местное начальство могло всегда следить за действиями туземцев и вовремя принимать меры к отклонению всяких с их стороны беспорядков» (179). В этом докладе признавалась преждевременность создания органов гражданского управления не только для китайского, но и для русского населения.

В результате комиссия не сочла нужным подчинить образованные округа особым гражданским властям, а оставила «заведование ими на офицерах войск, в крае находящихся» (180). Эти офицеры получили в отношении гражданского населения объем прав, равный компетенции исправников (181). На неэффективность подобного решения указывал генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, который уже использовал этот прием в качестве временного средства в период «манзовской войны». Он отмечал, что основной заботой постовых командиров оставалось обеспечение подчиненных им нижних чинов, а на выполнение гражданских дел не было ни времени, ни средств. В связи с этим он считал необходимым для дальнейшего развития области отделение гражданской власти от военной, с созданием полицейских управлений: в Посъете (Суйфунский округ), Камень-Рыболове (Ханкайский), заливе Ольга (Аввакумовский), ст. Бельцовой (Уссурийский). В каждый округ М.С. Корсаков предлагал назначить исправника с помощниками. При каждом управлении планировались должности переводчиков с китайского и гольдского языков (182).

Однако возражения генерал-губернатора Восточной Сибири приняты в расчет не были, и подчинение китайцев русской власти осталось лишь номинальным, т. к. отсутствовал механизм реального контроля и управления этой группой гражданского населения.

Всю гражданскую администрацию в этих округах составляли «четыре лица, служившие единоличными органами по всем отраслям гражданского управления». В Суйфунском округе должность окружного начальника была возложена на заведующего командой Новгородского поста, который в течение нескольких лет не выехал в округ – «за окончательным отсутствием средств к передвижению, кроме пары собственных ног» (183). Не лучше обстояли дела и в других округах. А ведь именно в обязанности окружных начальников входило производство дознаний и следствий между инородцами и русскими, ведение подушной переписи и списков населенных мест, сбор этнографических и статистических сведений, разбор дел в пределах власти мировых судей. Вся полученная информация должна была отражаться в отчетности по всем статьям гражданского управления. Для этой сложной работы, требовавшей специальных знаний, офицерам нужно было бросать своих подчиненных и уез-

жать на неопределенный срок, превращаясь в земско-полицейского чиновника.

Картина будет не полной без напоминания об отсутствии дорог, нехватке вьючных лошадей, которых, кстати, окружному начальнику не полагалось по должности, равно как и урядников, проводников, переводчиков (184).

Таким образом, в начальном периоде освоения и административного строительства можно выделить некий рубеж – «манзовскую войну», который, являясь поворотным, рассекает период на две фазы:

- 1) 1858–1868 гг., характеризующийся относительным невмешательством русской администрации в жизнь китайских общин;
- 2) 1868–70-е гг. XIX в. – осознание необходимости включения китайского населения в общую структуру управления, принятие практических шагов по улучшению охраны границы, попытки подчинения органов китайского самоуправления русской администрации, появление первых проектов управления, учитывавших китайский фактор.

В 1871 г. М.С. Корсакова на посту генерал-губернатора Восточной Сибири сменил Н.П. Синельников. Несмотря на преклонный возраст, он вскоре после назначения на должность посетил Владивосток и осмотрел край. В письме военному министру от 14 февраля 1872 г. генерал-губернатор сообщал: «меня очень занимает Уссурийский край, и я бы желал посвятить свою деятельность на скорейшее приведение его в порядок, к чему не вижу никаких затруднений, даже с подчинением его Амурскому губернатору» (185). Н.П. Синельников предложил в порядке эксперимента в течение 5 лет, пока не введено гражданское управление, руководствоваться разработанным им «Проектом правил об управлении Уссурийским краем». В основу проекта была положена инструкция, адресованная заведующему Суйфунской округой по управлению туземным, корейским, китайским и маньчжурским населением. Согласно проекту, край предполагалось разделить на два округа – Суйфунский и Аввакумовский. В обязанности окружных начальников входило составление списков жителей округа. При составлении списков окружные начальники «обязаны вникать с полным вниманием в характер населения и образ управления, степень преданности правительству и благонадежности инородческого населения, в особенности манз, удаляя из сельских обществ всех неоседлых и не принадлежащих к семействам манз, не имеющих видов на увольнение от китайского правительства с засвидетельствованием нашего пограничного чиновника» (186).

Пункт, касавшийся механизма выбора старшины и его полномочий, аналогичен изложенному в «Инструкции», однако в отличие от первого варианта расширены полномочия общины: судебные функции передавались

частично окружному начальнику, частично общине. Гражданские споры должны были разрешаться на основе местных обычаев, но лишь в том случае, если в споре не участвовали русские, в качестве альтернативы любой участник спора мог обратиться с иском к окружному начальнику.

Пункт 12 правил фиксировал обязанность старшин направлять к окружному начальнику «бродячих или злонамеренных людей» для дальнейшей высылки их за границу (187), в отличие от обязанности информировать о прибытии подобных людей в раннем варианте инструкции. Генерал-губернатор считал, что «при введении системы нашего законодательства и порядка окружные начальники должны действовать мерами кротости и осторожности, но если будет замечено умышленное противодействие со стороны населения, то употребить меры настоятельные и энергичные, а в случаях явного неповиновения употреблять ... и военную силу», тех же, кто способствовал учреждению порядка, награждать подарками и медалями (188). На окружных начальников возлагалась обязанность вести среди нерусского населения разъяснительную работу о сущности русского законодательства, а также собирать информацию о юридических обычаях населения. Отдельный пункт разъяснял конфессиональную политику – не препятствовать исполнению религиозных обрядов, но оказывать защиту и покровительство желающим обратиться и обратившимся в православие.

Пункт 34 оговаривал отношения русской власти и китайцев. «В виду того, что между китайцами и манзами существует уже некоторого рода общественное управление, которое по результатам оказывается удовлетворительным, окружной начальник, не отменяя его, должен иметь общий полицейский надзор за этими жителями и не допускать действий, противных духу нашего законодательства».

Существенным недостатком этой необходимой и стройной на бумаге системы являлось то, что, как и раньше, окружными начальниками предполагалось назначать военных, с сохранением их прямых обязанностей, что превращало выполнение многочисленных обязанностей окружного начальника в формальность. Проект вызвал возражения военного губернатора Приморской области, военного министра и не был реализован (189). Главным доводом являлось признание, что «пространство проектируемых округов и количество гражданского населения, в особенности последнее, так не велико, что едва ли есть надобность в промежуточной инстанции для облегчения военному губернатору в управлении гражданским населением в названном крае» (190). Для Санкт-Петербурга главным критерием выступала малочисленность населения, а не его, если так можно выразиться, качественное своеобразие – там явно недооценивали необходимость своевременного подчинения китайского населения российской системе управления, считая,

что это достижимо не ежедневной методичной работой с данной группой, а волонтаристским путем, одной лишь декларацией принадлежности территории России.

Тем не менее, в связи с тем, что областное правление, ведавшее делами гражданского населения, находилось в Николаевске, Н.П. Синельников командировал в распоряжение Приморского военного губернатора А.Е. Кроуна полковника Г.Ф. Черняева с задачей «заведования всем населением, как русским, так и инородческим» (191). Особое внимание обращалось на необходимость прочного устройства последнего. Таблица 2, отражающая численность нерусского населения в области в 1872 г., наглядно демонстрирует своевременность такого решения.

Таблица 2.

**Численность коренного и китайского населения
в Приморской области в 1872 г.**

Округ	Национальный состав	Мужчины	Женщины
Софийский	Гиляки, гольды, маньчжуры	2319	2187
Уссурийский	Манзы, гольды, орочи (примерно)	750	750
Николаевский	Гиляки (примерно)	2000	2000
Ханкайский и Суйфунский	Манзы, гольды, орочи (примерно)	647	609
Аввакумовский	Манзы, гольды, орочи (примерно)	149	122
Сучанский	Манзы, гольды, орочи (примерно)	292	47
Петропавловский	Камчадалы, коряки, ламуты	1899	1809
Гижигинский	Чуванцы, юагаиры, тунгусы, якуты, коряки, чукчи	2961	2813
Охотский	Тунгусы, якуты	2384	2436
Удский	Тунгусы, якуты	808	584
Итого		14209	13357

Источник: РГИАДВ. Ф. 1, оп. 5, д. 542, л. 7 – 7 об.

В инструкции, данной Г.Ф. Черняеву Н.П. Синельниковым, нас интересуют, прежде всего, те положения, которые касались китайского населения. Генерал-губернатор, обращая особое внимание на существование в крае промысла морской капусты, поручил полковнику Черняеву осмотреть прибрежные селения китайцев и представить «начальнику области соображения (...) о том, какими налогами следует обложить их за сбыт этой капусты, внушив им, что они обязаны уплачивать правительству за сбыт оной, как продукта добываемого в территории принадлежащей Российскому государству» (192). Конфликт между А.Е. Кроуном и Н.П. Синельниковым не дал возможности полковнику Черняеву выполнить возложенное на него поручение. Тем не менее предписанием военного губерна-

тора от 21 сентября 1872 г. китайцам запрещалось добывать морскую капусту без взятия надлежащих промысловых свидетельств (193).

Тем временем и среди представителей низшей местной русской администрации, вынужденной при принятии решений учитывать постоянное присутствие китайского населения, рождались различные проекты его устройства и налогообложения. В 1869 г. помощник начальника Ханкайского округа сотник Забайкальского казачьего войска Маевский докладывал военному губернатору Приморской области: «китайцы привыкли к безусловному подчинению власти со всеми ея тяжелыми последствиями в земле своей, и обычное великодушие, оказываемое русским правительством всем прежним жителям вновь занимаемых краев, в данном случае для людей, молящихся одной только силе, не только что непонятно, но кажется слабостью и бездействием» (194). Далее он напоминал о предложении бывшего начальника Ханкайского округа подполковника Маркова, суть которого сводилась к необходимости иметь на реке выборного старшину, отвечавшего за хозяев, параллельно предлагая ввести ответственность каждого хозяина за своих рабочих. Заканчивая рапорт, Маевский отмечал: «Имеем мы дело с населением умным, промышленным, злым и не терпящим нас, волнуемых вдобавок против русских своим бывшим пограничным начальством. Оно смотрело прежде на все места, нами занятые, как на имение полуофициальное, назначало туда агентов для сбора податей, а в настоящее время боится потерять безвозвратно прежние доходы с пушнины, грибов и капусты, (...) только чувство силы нашей будет страховать от убытков на подавление совершенно возможных в будущем не только беспоконств, но даже восстаний. Возможен денежный или натуральный налог» (195).

В 1870 г. управляющий Сибирским удельным имением Г. Фуругельм (брат военного губернатора) в докладной записке военному губернатору Приморской области предложил ряд мер по налогообложению проживавших в Южно-Уссурийском крае инородцев. Он писал: «было бы удобным, по крайней мере, на первое время, обложить китайских уроженцев и других инородцев, живущих оседло на землях Южно-Уссурийского края, подушно податью. Например, обязать хозяина вносить ежегодно в казну за себя – 8 руб., за постоянного работника 4 руб., временного – 2 руб. с человека». Г. Фуругельм считал, что оптимальный вариант налогообложения – это введение подушного, а не поземельного налога, т. к. китайцы часто меняют местожительства, в том числе и хозяева фанз. Для реализации предложенного плана, по мнению Г. Фуругельма, каждому хозяину необходимо выдать особо учрежденные билеты как на хозяина, так и на работников, сроком не более как на три года, плюс, по желанию годовые билеты (196). Касаясь вопроса о продаже земли китайцам, управляющий считал,

что было бы наиболее удобным оставить у каждого в пользовании обработанный уже его трудом участок земли или же предоставить желающим право приобретать участки в полную собственность, за известную плату на общем основании (197).

Надо отметить, что большинство предлагавшихся в конце 60-х – начале 70-х годов мер не были реализованы в этот период как целостный комплекс мероприятий, однако они послужили тем фундаментом, на котором строилась в 80-90 годы политика русской администрации в отношении китайцев, проживавших в Приамурье.

Ряд источников свидетельствует о том, что после «манзовской войны» количество китайцев, находившихся в Приамурском крае, значительно сократилось. Однако в начале 70-х годов ситуация начала меняться в связи с решением использовать китайцев на строительных работах.

Так, в феврале 1872 г. между Окружным инженерным управлением Восточно-Сибирского военного округа и германским подданным владивостокским купцом I гильдии Густавом Гуммелем заключен контракт на поставку к 15 апреля 1872 г. двадцати китайских мастеровых для выполнения строительных работ в Новгородском посту (198). По контракту Г. Гуммель должен был доставить двух кузнецов, пятерых столяров, двенадцать каменщиков и повара. Однако квалификация китайских рабочих оказалась низкой, и 17 человек были переведены в разряд чернорабочих.

Китайцы нанимались на 1 год, и по истечении срока действия контракта их должны были доставить в Китай. На оплату труда рабочих в течение 11 месяцев, перевозку, содержание во время пути планировалось истратить 4546 рублей. Однако из-за недостатка пищи и одежды все китайцы к 11 ноября 1872 г. сбежали со строительства (199).

Несколько позже, для тех же целей, из Шаньдуна и Чжили были выписаны по контракту на два года 150 человек. Поездка за китайскими рабочими и их доставка обошлись казне примерно в 30 тыс. руб. Согласно контракту, ежемесячное жалование исчислялось в 16 руб. Подрядчики брали на себя найм помещения, доставку рабочих на родину по истечении контракта, а также отправку в Китай трупов, если кто-то из них умрет в России. В целом операция обошлась казне в сумму до 200 тыс. руб.

По мнению современников, этот казенный подряд вновь открыл китайским выходцам двери в Уссурийский край, сделав его привлекательным как место возможных хороших заработков (200).

Увеличение численности китайцев в Приамурье в конце 70-х годов заставило русскую администрацию сформулировать основные принципы налогообложения и управления китайским населением, которые легли в основу конкретных мероприятий.

Из предлагавшихся вариантов поземельного и подушного обложения,

впоследствии получил широкое развитие второй. Тогда же была предложена впоследствии широко распространенная на Дальнем Востоке билетная система. Интересно, что многими администраторами сам факт введения русского налогообложения рассматривался не столько с точки зрения экономической, сколько с точки зрения политической, как способ укоренения сознания принадлежности данной территории к русскому государству. Уже на начальном этапе взаимодействия была сформулирована идея коллективной ответственности китайцев, наряду с ответственностью старшин за свою группу. Все эти принципы легли в основу управления китайским населением.

Таким образом, несмотря на отсутствие в этот период законодательного оформления положения китайцев в Приамурском крае в проектах, рапортах, докладах излагались основные принципы того направления, в русле которого впоследствии развивалась русская политика в отношении этой группы населения. Именно в этот период происходит формирование образа китайского населения как чуждого и опасного элемента со всеми вытекающими последствиями. Тогда же возобладала точка зрения, что китайское население привыкло подчиняться только сильной власти и понимает по преимуществу язык силы. Однако вопрос об истоках и этапах формирования идеи «желтой опасности» на региональном уровне – тема отдельного исследования.

Литература

1. Сергеев О.И. Русское казачество и проблемы заселения, хозяйственного освоения и обороны дальневосточных рубежей России в XVII – XIX вв. Дис. ... к.и.н. Владивосток, 1979. – С. 34 – 37.
2. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Владивосток, 1987. – Кн. 1. – С. 181.
4. Ping-ti Ho. Studies on the population of China (1368-1953). Harvard University Press, Cambridge. Massachusetts, 1959. – P. 158-160.
4. Ping-ti Ho. Studies on the population ... – P. 160.
5. Троицкая Н.А. Формирование и деятельность крупной буржуазии на русском Дальнем Востоке. Дис. ... к. и. н. Томск, 1989. – С. 33.
6. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1976. – С. 41.
7. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. – С. 128.
8. Существует и другая точка зрения, согласно которой отчет корейской иммиграции в Россию нужно производить с 1 января 1864 г. См.: Петров А.И. Когда же началась корейская иммиграция в Россию? // Россия и АТР. – 2000. – № 2. – С. 103.
9. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы... – С. 128.
10. Там же. -- С. 128.
11. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – н. XX вв. М., 1985. – С. 8; Malosemoff A. Russian Far Eastern Policy. 1881-1904. Berkeley – Los Angeles, 1958. – P. 23.
12. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII – XX вв. Хабаровск, 1997. – С. 324.

13. Рассчитано автором. – См.: Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток... – С. 63.
14. РГВИА. Ф. 400, оп.1, д. 4790, л. 6.
15. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 116, л. 3.
16. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 116, л. 7 об.
17. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) – М., 1990. –Т. 2. – С. 231, 240.
18. Аничков И. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899. – С. 117.
19. Шликевич С.П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. СПб, 1911. – С. 98.
20. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М., 1989. – С. 11.
21. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. – С. 18.
22. Деревянко А.П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия. Владивосток, 1999. – С. 29.
23. Троицкая Н.А. Формирование и деятельность крупной ... – С. 145.
24. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4246, л. 85.
25. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 4716, л. 5.
26. РГВИА. Ф. 400, оп. 1. д. 4716, л. 6 об.
27. Алепо А.В. Законодательное регулирование иностранного предпринимательства в Приамурье в 1860-1917 гг. // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков. Хабаровск, 1999. – С. 50 – 51.
28. РГИАДВ. Ф. 704, оп. 4, д. 9. л. 1.
29. РГИАДВ. Ф. 704, оп. 1. д. 502. л. 2
30. РГАВМФ. Ф. 410. оп. 2. д. 2474. л. 50 – 60
31. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 121, л. 71.
32. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1. д. 121, л. 72 об.
33. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 37, л. 102 об.
34. РГИАДВ. Ф. 702. оп. 1, д. 34, л. 116 об.-117.
35. РГИАДВ. Ф. 701. оп. 1, д. 124. л. 12.
36. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск. Изд-во: Омский университет. 1995. – С. 17.
37. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 4790, л. 8 – 8 об.
38. Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997.
39. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. – Т. 1. Вып.1. – Иркутск, 1884. – С. 66.
40. Васильев Д.В. Организация и функционирование главного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве (1865-1884) // Вестник МГУ. Серия 8 (история). 1999. – № 3. – С. 60.
41. Ремнев А.В. Проблемы управления Дальним Востоком России в 1880-е годы // Исторический ежегодник. Омск, 1996. – С. 17 – 30.
42. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. – С. 164.
43. Фетисова Л.Е. Хозяйственная и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока // Этнос и природная среда. Владивосток, 1997. – С. 87-104.
44. Умрихин А. В. Политико-административное устройство Дальнего Востока России во второй половине 19 в. – начале 20 в. Дис. ... к.и.н. Благовещенск. – С. 31.
45. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 63.

46. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 63 об.
47. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 68 об.
48. Умрихин А.В. Политико-административное устройство... – С. 54.
49. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1086, л. 4 об.
50. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 158, л. 46 – 46 об.
51. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 158, л. 57 об.
52. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4179, л. 148.
53. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 158, л. 68 об.
54. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4183, л. 239 об.
55. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4190, л. 45 об.
56. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4190, л. 214 об.
57. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4246, л. 88 об.
58. Новое административное деление Сибири. Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. – Т. 2. – Вып. 1. – СПб., 1875. – С. 7.
59. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4246, л. 218 – 221.
60. Новое административное деление ... – Т. 2. – Вып. 1. – СПб., 1875. – С. 9.
61. Там же. – С. 9.
62. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4323, л. 114 об.
63. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол (1799-1922), оп. 487, д. 1086, л. 5.
64. Санкт-Петербургские ведомости.-1879. – № 275. – С. 1.
65. ГАПК. Ф. 530, оп. 1, д. 6, л. 27.
66. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 68.
67. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 68 об.
68. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 70.
69. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1990. – С. 379 – 380.
70. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Управление народами Сибири и Дальнего Востока (XVII – начало XX вв.) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII – XX вв. – Т. 1. – Владивосток. 1993.– С. 20 – 22; Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XX в.). Якутск, 1978.
71. РГИАДВ. Ф. 704, оп. 4, д. 103, л. 43 об.
72. РГИАДВ. Ф. 704, оп. 4, д. 103, л. 25, 52 об.
73. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 91 об. – 92.
74. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 208.
75. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 856, л. 114 об., 180; РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 69 об.; Ф. 1122, оп. 1, д. 301, л. 34 об.
76. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 21, л. 13 об.
77. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4323, л. 110-111.
78. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4323, л. 112.
79. Д. Тр. Из записок миссионера // Владивосток-1884. – № 50. – С. 8.
80. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 5.
81. Stephan J.J. The Russian Far East: A history. Stanford, 1994. – P. 71.
82. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили... – С. 322.
83. Там же. – С. 319.
84. Там же. – С. 320.
85. Соколов В.Н. «Никанское царство»: образ неизвестной территории в истории России XVII – XVIII вв. Дис. ... к.и.и. Владивосток.-1999. – С. 184.

86. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 52.
87. Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973. – С.-115.
88. Палладий. Уссурийские маньчзы // Известия ИРГО, 1871. – Т. 7. – СПб., 1872. – С. 369 – 377.
89. Надаров И. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884. – С. 9.
90. Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их... – С. 115.
91. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 770, л. 160.
92. Плаксин. Приморская область Восточной Сибири // Военный сборник. – 1869. – № 12. – С. 195.
93. Будищев А.Ф. Описание лесов части Приморской области // Западно-Сибирское отделение ИРГО. Кн. 9 и 10. – Иркутск, 1867. – С. 182.
94. П.К. О маньчзах и корейцах // Известия ИРГО. – Т. 6. – СПб., 1870. – С. 19-20.
95. Палладий. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 г. СПб., 1872. – С. 34.
96. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. – Т. 1. – СПб., 1883. – С. 197.
97. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. – С. 48.
98. Stephan J.J. The Russian Far East: A history. Stanford, 1994. – P. 73.
99. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском... – С. 48.
100. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 143, л. 53 об.
101. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 55, л. 140 об.; Ф. 1, оп. 1, д. 634, л. 306.
102. Дионео. Из Англии // Русское богатство.-1904. – № 4. – С. 111-112.
103. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 1; Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.). Дорожные заметки и воспоминания. СПб.. 1864. – С. 431, 467, 474.
104. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском... – С. 48.
105. Шренк Л. Об инородцах Амурского ... – С. 69.
106. Надаров И. П. Северо-Уссурийский край. СПб., 1884. – С. 121.
107. АВ СПБОИВ РАН. Ф. 96, оп. 1, д. 101, л.
108. Палладий. Уссурийские маньчзы ... – С. 370.
109. Шренк Л. Об инородцах Амурского... – С. 63.
110. Общая характеристика Енбенской корейской национальной автономной области. Краткий письменный портрет. Енгиль, 1984 // Цит. по Нам С.Г. Российские корейцы: история и культура. М., 1988. – С. 25; Чжан Гэньфу. О роли переселения колонистов в укреплении приграничных районов Китая в Новое время / / Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение.-1998. – № 3. – С. 114-121.
111. Тайны сибирской статистики // Восточное обозрение.-1885. – № 33. – С. 2.
112. Известия ИРГО, 1871. – Т. 7. – СПб., 1872. – С. 410 – 411; Алябьев А.А. Далекая окраина: Уссурийский край. СПб., 1872.
113. Будищев А.Ф. Описание лесов части ... – С. 122.
114. РГИАДВ. Ф.1, оп. 1, д. 282, л. 2.
115. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4179, л. 148.
116. Надаров И.П. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край // Записки Приамурского отдела ИРГО. – Т. 4. – Вып. 4. – Хабаровск, 1898. – С. 41.
117. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 856, л. 178 об.-179.
118. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем... – С. 37 – 38.

119. Соловьев Ф.В. Там же. – С. 5.
120. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII... – С. 51.
121. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 1.
122. РГИАДВ. Ф.701, оп. 1, д. 232, л. 46.
123. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 166.
124. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339, л. 41.
125. Шренк Л. Об инородцах Амурского ... – С. 66.
126. Шренк Л. Там же. – С. 66.
127. Надаров И. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884. – С. 8, 10.
128. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском... – С. 61.
129. С. Прибрежья р. Усури // Амур.- 1860. – № 17. – С. 219 – 220
130. АВ СПОИВ РАН.. Ф. 96, оп. 1, д. 101, л. 1. об.
131. Палладий. Уссурийские маньчзы ... – С. 369.
132. Там же. – С. 372.
133. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка // Бурачек Е.С., Бурачек В.В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток, 1999. – С. 82.
134. Что такое хунгузы? // Восточное обозрение.-1885. – № 39. – С. 15.
135. Исследования штабс-капитана П.А. Гельмерсена в южной части Уссурийского края летом 1865 г. // Известия ИРГО, 1868. -Т. 4. – СПб., 1869. – С. 192.
136. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Дис. ... к. и. н. Омск, 1998. – С. 30; Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 124.
137. ГАПК. Ф. 530, оп. 1, д. 10, л. 83 – 84.
138. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 4716, л. 6 об. – 7.
139. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 34.
140. ГАПК. Ф. 530, оп. 1, д. 2, л. 53.
141. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 68 об.
142. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 69 об.
143. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1633, л. 267 об.
144. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 81.
145. Розенфельд С. «Маньчжурская война» // Утро России.-1994. – № 27. – С. 3; Холодов Н. Уссурийский край. СПб.. 1908. – С. 74 – 75; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб.. 1897 – С. 357 – 358; Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy... – P. 5; Stephan J.J. The Russian Far East... – P.73.
146. ГАПК. Ф. 530, оп. 1, д. 17, л. 33.
147. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 162, л. 11.
148. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 162, л. 96 об.
149. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 134, л. 34 об. – 35.
150. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 134, л. 35 об.
151. По данным Ф.В. Соловьева Янхали (Ян Халин) – богатый китайский купец, постоянно проживавший в Нингуте, вел торговлю с крупными фирмами Шанхая, Тяньцзиня и других городов Китая. Имел в долине р. Цимухе промышленные фанзы. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на... – С. 63.
152. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 12.
153. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 14.
154. В 1915 г. в Приморской области насчитывалось 65 учреждений и должностных лиц, на которых возлагалась выдача русских билетов китайцам и корейцам. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 420, л. 16 об.

155. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 16 об.
156. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 42, т. 1, л. 61.
157. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 42, т. 1, л. 44.
158. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 42, т. 1, л. 13-18; 71 – 76.
159. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 42, т. 1, л. 13, 14, 18.
160. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 42, т. 1, л. 14.
161. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 42, т. 1, л. 69.
162. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 42, т. 1, л. 71 об.
163. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 42, т. 1, л. 71 об.
164. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 34, л. 180 об.
165. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 4949, л. 1.
166. РГИАДВ. Ф.1, оп. 1, д. 42, т. 1, л. 35; д. 54, л. 66.
167. РГИАДВ. Ф.1, оп. 1, д. 54, л. 67.
168. РГИАДВ. Ф.1, оп. 1, д. 54, л. 65.
169. РГИАДВ. Ф.1, оп. 1, д. 54, л. 53.
170. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 49 – 50.
171. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 290, л. 2 об.
172. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 42, т. 1, л. 34 – 34 об.
173. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 34, л. 180 об.
174. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 158, л. 18 об.
175. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 2984, л. 11.
176. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 178, л. 84.
177. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 282. л. 1.-1 об.
178. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 282. л. 2.
179. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 178, л. 166.
180. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2. л. 4184, л. 208.
181. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2. л. 4272, л. 378.
182. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 42. т. 1, л. 87, 89.
183. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 856, л. 194 об.
184. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 856. л. 194 об.
185. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4246, л. 60.
186. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 290, л. 6.
187. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 290, л. 7.
188. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 290, л. 8.
189. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 290, л. 2-16.
190. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 290. л. 65 об.
191. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4246, л. 67.
192. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4246, л. 70.
193. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 4, л. 229.
194. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 43 – 50.
195. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 43 – 50.
196. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1. д. 282. л. 12 об.-14 об.
197. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 282. л. 14 об.
198. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 5, д. 190, л. 21.
199. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 5, д. 190, л. 21об., 24 об.
200. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832. л. 299 об.; Панов А.А. Желтый вопрос на Дальнем Востоке // Сибирские вопросы. СПб., 1909. – № 40 – 50. – С. 16; Р-ъ. Китайцы и Амурский край // Владивосток. 1884. – № 40. – С. 4.

Глава II. ПОДДАННЫЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМ ГЕНЕРАЛ- ГУБЕРНАТОРСТВЕ (конец 70 – 80-е гг. XIX в.)

2.1. Активизация усилий русских и китайских властей по созданию системы контроля за китайскими мигрантами на юге Дальнего Востока России (начало 80-х гг. XIX в.)

С момента присоединения Уссурийского края к России привлекательность этой территории для китайских иммигрантов возрастает. Так, если до 1858 г. прилив китайцев в Уссурийский край шел довольно равномерно и в небольших размерах (от 3 до 25 человек в год, за исключением 1840, 1849, 1850, 1855 гг.), то в период с 1858 по 1868 гг. ежегодно в среднем переселялось по 70 китайцев, а с 1868 по 1879 гг. – по 440 человек (1). В 1870 г. численность китайцев в Уссурийском крае составляла 1797 человек, а в 1880 г. их количество достигло 6628 (2).

Кроме того, по мнению Ф.В. Соловьева, изменился контингент мигрантов. До 1860 г. в край приходили в основном беглые из Маньчжурии, ссыльные китайцы, а в рассматриваемый период стали появляться в одиночку и целыми артелями китайские рабочие и промысловики (3), занимавшиеся таежными и морскими промыслами. Представляется недостаточно аргументированным объединение в одну группу рабочих и промысловиков. Приход групп промысловиков можно отнести к более раннему периоду, но следует признать, что появление рабочих явилось следствием развития экономической жизни в российских владениях.

Дальнейшее увеличение численности китайского населения в Южно-Уссурийском крае требовало от администрации создания целостной системы управления и контроля, вместо отдельных мер, принятых в предшествующий период.

Начальный период формирования системы управления китайским населением на русском Дальнем Востоке (к. 50-х – к. 70-х гг. XIX в.) характеризуется знакомством и формированием определенного отношения со стороны русской администрации к этой категории населения, а также появлением первых проектов управления китайцами, большей частью так и

оставшихся на бумаге. С начала 80-х гг. мы можем говорить о новом периоде, характерной чертой которого являлись попытки русской администрации реально подчинить китайское население контролю русских властей.

Тем не менее и в середине 70-х гг. позиция центра, в частности министерства внутренних дел, к введению гражданского управления в Приамурье остается неизменной. В разгар обсуждения целесообразности создания нового генерал-губернаторства с центром в Благовещенске (1876 г.) министр внутренних дел сообщал военному министру о том, что в проектируемом генерал-губернаторстве население не превышает 75 тыс. человек, из которых около 40 тыс. русских. «Остальные жители этого края суть инородцы, стоящие на самой низкой степени гражданственности, и для коих вовсе не требуется какой-либо сложной администрации» (4). Несмотря на периодически появлявшиеся заявления о необходимости гражданского управления в связи с огромным объемом работ по обустройству местности и населения, положение в этом вопросе не менялось.

Первые шаги по подчинению китайцев русскому праву были сделаны в финансовой области еще в первый период. В мае 1876 г. дано разрешение налагать на китайцев штрафы за нарушение табачного устава, в июле того же года «было велено преследовать уличенных в промысле хищническим золотом». Спустя три года, в мае 1879 г., принято решение ввести обложение пошлинами и сборами наравне с русскими подданными китайцев за право торговли далее 50 верстного расстояния от границы (5). В рапорте от 21 октября 1878 г. на имя председателя Государственного Совета генерал-губернатором Восточной Сибири П.А. Фредериксом изложена идея обложения китайцев податью. Суть предложений сводилась к введению небольшого налога (от 50 коп. до 1 руб.), уплачиваемого каждым работником в возрасте от 18 до 60 в течение первых 5 лет (6). Как отмечал П.А. Фредерикс, эта мера необходима «для утверждения авторитета русской власти между инородцами, которые продолжают считать себя китайскими подданными» (7). Министр внутренних дел, ознакомившись с проектом П.А. Фредерикса, предложил средства, полученные в результате его реализации, направить на содержание окружного начальника, который бы осуществлял надзор за китайцами, как жившими в крае, так и за сезонными мигрантами. На окружного начальника предполагалось возложить заведование пограничными делами и подчинить ему все полицейские чины в области и учрежденную для надзора за китайскими выходцами казачью сотню (8). Однако положительного ответа не последовало, и введение предложенного налогообложения затянулось.

Ситуация начинает несколько меняться в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. в связи с осложнением международной обстановки в Европе, ознаменовавшейся столкновением с Турцией, и событиями в северо-

западном Китае, приведшими к ухудшению русско-китайских отношений. Эти обстоятельства заставили русское правительство обратить внимание на оборону границ Восточной Сибири, впервые рассмотрев ее территорию как возможный театр военных действий с Китаем. Хорошо знавший ситуацию на Дальнем Востоке полковник Я.Ф. Барабаш писал в начале 80-х гг.: «...всякая почти европейская война влечет за собой для нас необходимость быть готовым к войне и в Приамурском крае, ибо неготовность к войне и здесь, и там одинаково грозит ущербом самым дорогим нашим интересам» (9).

В связи с этим администрация Восточной Сибири активизировала свои попытки поставить китайское население под контроль.

Другим фактором, повлиявшим на активизацию действий русской администрации по решению китайского вопроса являлось то, что к началу 80-х гг. прошлого века китайское население русского Дальнего Востока стало объектом пристального внимания со стороны китайских властей.

В связи с этим уместно подчеркнуть, что фактически вплоть до последней четверти XIX века не возникало даже вопроса о защите китайских эмигрантов со стороны официальных властей Китая. Правящая верхушка считала, что если «они, «сяожень», этот «низкий, подлый люд», осмеливались, пренебрегая своими обязанностями перед государством, покинуть свою землю, то они тем самым автоматически выпадали из категории даже этого «подлого люда» и становились отныне в глазах закона никем, фикцией, т. е. понятием для власти несуществующим и несущественным» (10). Только в конце 70 – начале 80-х гг. прошлого века появляются ноты вай-ву-бу (китайского МИДа) по делам, связанным с нарушением прав китайцев в Российской империи. Таким образом, в целом отношение маньчжурских императоров к эмиграции своих подданных было резко отрицательным.

Не имея шансов получить официальную поддержку китайских властей, китайские иммигранты для защиты своих интересов еще в XVIII в., главным образом в Юго-Восточной Азии, стали создавать легальные объединения по диалектному и земляческому принципу («гунсы»). Каждое из них действовало на определенной территории, осуществляя частично юрисдикцию над своими членами путем разбора уголовных и гражданских дел и представляя на этой территории интересы китайских иммигрантов перед местной властью. Не стала исключением и территория русского Приамурья, но уже в веке XIX. Существование китайских самоуправляющихся общин было зафиксировано на самом раннем этапе взаимодействия русской администрации с китайцами.

Фактически одновременно с началом освоения Россией Южно-Уссурийского края китайское правительство начинает уделять все более при-

стальное внимание колонизации сопредельной России Маньчжурии. Как известно, долгое время территория Маньчжурии была запретной зоной для китайцев. Переселение китайцев на северо-восток вплоть до середины XIX в. происходило стихийно, скрытно от маньчжурских властей, фактически китайцы, находившиеся в Маньчжурии, считались людьми вне закона. Первый шаг к изменению такого положения сделан в 60-х гг. XIX в., когда, по докладу хэйлунцзянского военного губернатора Тэбцина, цинское правительство разрешило китайское заселение местности Хулань и Суйхуа. Однако переход через Великую Китайскую стену китайцам запрещался, поэтому на северо-восток ехали в основном мужчины, что не способствовало закреплению там переселенцев и снижало естественный прирост. Спустя почти 20 лет, в 1878 г., цинское правительство отменило все указы и постановления, запрещающие или ограничивавшие переселение китайцев в Маньчжурию. Эти переселенцы уравнивались в правовом отношении с маньчжурами, постепенно вводилось и гражданское управление для китайского населения (11).

Несмотря на изменение позиции правительства относительно колонизации Маньчжурии, существовали и психологические причины, затруднявшие процесс колонизации окраин. О.Е. Непомнин выделил ряд факторов, лежавших в основе этого явления. Ханьский крестьянин, как правило, был воспитан в традициях высокой культуры земледелия с ухоженным полем и сравнительно высокой урожайностью, поэтому он не всегда стремился в колонизируемые районы с землей менее плодородной, некультуренной и сулящей более низкий урожай, нежели в собственно китайских провинциях. Пограничные с русским Дальним Востоком районы Маньчжурии считались тогда малопригодными для земледелия. Уход в такую «дикую» местность означал для китайского крестьянина падение на несколько порядков вниз, к уровню далеких предков. Кроме того, культ предков не позволял легко бросить их могилы, родню, соседей. Трудно было ему как конфуцианцу порвать с традиционной культурной и общинной средой, ему в какой-то мере нужен был «свой» шэньши, «свой» староста, сельская кумирня и остальная деревенская обстановка. Уход в неханьские районы наименьшинств, т.е. варваров, означал для ханьца-ксенофоба «падение до их уровня, отрыв от более высокой цивилизации, т.е. той историко-культурной среды, вне которой конфуцианец мыслил себя с трудом» (12).

Для привлечения земледельческого китайского населения маньчжурские власти вводили различные льготы – поселенцам пограничных районов отводилась бесплатно земля, временно они освобождались от налогов (13). Переселившимся в районы, смежные с Уссурийским краем, помимо этого бесплатно выдавались земледельческие орудия, рабочий скот и ссуда на постройку дома и обзаведение. Учитывая сложный климат этих рай-

онов, первоначально туда переселяли китайских крестьян из Маньчжурии, жители которой обладали опытом земледелия в маньчжурских условиях (14).

Как и для России, для Китая важным поводом к колонизации Маньчжурии была причина политическая. Интересны дневниковые записи китайского разведчика Юй Сысина, проехавшего по Амуру до Хабаровска: «Всякая граница должна быть прочно укреплена. (...) Границу можно укрепить двумя способами: первый – это увеличение войск; второй – заселение пограничной полосы китайскими переселенцами. (...) Пустынный берег – это ворота, которые нельзя закрыть перед нашествием врага» (15). В одном из докладов по устройству колонизационного дела в Маньчжурии генерал-губернатор Маньчжурии Сюй Ши Чан и губернатор Хэйлунцзянской провинции Чжоу Шимо указывали: «главная цель колонизации Маньчжурии и в частности Хэйлунцзянской провинции состоит в укреплении государственных границ. Надо привлечь переселенцев в Маньчжурию. Это главное в укреплении государственных границ... заселять при помощи военных поселений очень трудно, требуется много средств, а разработать много земли они не могут. Поэтому следует командировать чиновников для привлечения народа в Маньчжурию из внутренних провинций Китая» (16).

По приблизительным данным, за последнюю четверть XIX в. из внутреннего Китая в Маньчжурию эмигрировало около 3 млн. человек, тем не менее ее северо-западная часть оставалась малозаселенной. По сведениям, собранным полковником Генерального штаба Трусовым, к 1894 г. население Айгуня составляло 10 тыс. человек, Мергена – 5 тыс., Бодунэ – 30 тыс., Саньсина-15 тыс., Хуньчуня – 60 тыс., Нингуты – 60 тыс., Гирина – 120 тыс. человек (17).

Эмиссары китайского правительства направлялись не только во внутренние провинции, но и к китайцам, жившим на русской территории. В начале 80-х гг. в руки русских властей неоднократно попадали объявления, приглашавшие китайцев-земледельцев переселяться в Маньчжурию, при этом им обещалось на несколько лет освобождение от земельного налога (18), возмещение расходов в связи с переездом за счет правительства (19). Однако этим призывам вняло не более 100 семей, живших прежде в долине р. Суйфун (20).

Наряду с этим китайские власти пытались подчинить себе уже сложившуюся систему самоуправления китайцев на русском Дальнем Востоке (в основе – община, во главе которой выборные старшины), сделав старшин подотчетными приграничным китайским властям. Китайская администрация, включая старшин в государственную систему управления, наделяя их инсигниями власти, значительно повышала статус таких старшин в гла-

зах китайского населения, делая законной их власть на уровне признания ее государством. Таким образом, старшина общины становился государственным чиновником, а пространство, на которое распространялась его власть, воспринималась китайским населением как часть Китайской империи. В подобных случаях устанавливались тесные контакты общин с ближайшей китайской администрацией, откуда в Приамурье командировались чиновники, присылались императорские указы и другие распоряжения.

В этом отношении показательно объявление гиринаского фудутна Юй, вывешенное в урочище Новокиевском (1882 г.), в нем, в частности, говорилось: «Просим вас, жителей подведомственных нам мест, жить спокойно, не заниматься худшими делами. В случае, если кто будет заниматься худшими делами, то мы (...) будем посылать войска и арестовывать. Внутри нашего государства всюду спокойно, но нельзя сказать этого про здешний край. В случае появления хунхузов, заведующим всеми делами края, генералом У, будут немедленно отданы все распоряжения о их поимке» (21).

Из приведенного фрагмента видно, несмотря на то, что территория признается некитайской, существует должность «заведующего всеми делами края», и китайские власти считают вправе посылать на территорию другого государства свои войска для наведения порядка.

Безусловно, подобная деятельность не могла остаться без внимания русских властей. Отметим, что русские власти в стремлении поставить под свой контроль китайское население тоже пытались опереться на сложившуюся систему самоуправления китайцев, с той лишь разницей, что старшины должны быть подконтрольны не китайским, а русским властям.

Следует отметить и то, что 1882 г. стал годом начала очередного этапа активизации переселения русских крестьян в Приамурский край. Ввиду осложнения международной обстановки в 80-х гг. XIX в. русское правительство организовало с 1883 г. переселение крестьян на казенный и собственный счет морем в Южно-Уссурийский край (22).

С этого момента, как справедливо отметила исследователь Т.Н. Сорокина, наряду с политикой «приручения» китайцев к русской власти начинает применяться политика выселения оседло проживавших в крае китайцев (23). В 1882 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин отдал распоряжение Приморскому губернатору: «В тех случаях, когда по серьезным причинам новое поселение желательно водворить на землях, уже занятых китайцами, местная полицейская власть разбирает право китайцев на занятие участков и если эти права недостаточны, то можно удалить китайцев, не иначе как с Вашего каждый раз разрешения, по зрелом обсуждении дела, дозволит им беспрепятственно снять посеянный хлеб

и овощи, перевести постройки и прочее» (24). Это решение послужило для местной областной администрации той законодательной базой, на основании которой совершалась экспроприация земель. Китайские власти делали попытки защитить своих соотечественников, апеллируя к соответствующим статьям Пекинского договора. При этом, не ограничиваясь дипломатическими протестами, они посылали своих чиновников для изучения ситуации на месте. Так, в январе 1884 г. долины рек Лефу, Майхе, Нота-Коу-цза, Сучана лично посетил ротный командир То-лунь-то-лэй. Согласно его данным, из 6 балок, осмотренных им, было изгнано более 190 семейств китайцев (около 2000 человек) (25).

Однако в силу «открытости» текста, описывавшего на момент заключения малоизвестные обеим договаривающимся сторонам территории, русские дипломаты вполне резонно отвечали, что «рыбные и зверовые промыслы ничего не имеют общего с земледелием» (26). Русское общественное мнение в целом отнеслось к этому явлению нейтрально. Высказанное в газете «Восточное обозрение» (1885 г.) суждение, что «к такому решению китайского вопроса нельзя относиться равнодушно, это не решение его, а первый шаг к вызову китайцев на те беспорядки, какие явились в «манзовскую войну», (...) нельзя нарушать права людей добытые временем, и лишать их последних средств к жизни, и вместе с тем требовать, чтобы они остались спокойными» – осталось лишь газетным выступлением (27).

В 1883 г. И.Г. Баранов, характеризуя положение, писал, что «по истари заведенному порядку китайцы без всяких заявлений властям и по собственному произволу селятся в разных трущобах и разрабатывают землю, при этом будучи несемейными они не привязываются к одному месту, часто меняя местожительства и род занятий, что затрудняет осуществление контроля за ними». Из всех категорий проживающих в области китайцев (купцов, земледельцев и промышленников, к последним Баранов относил и промысловиков), лишь купцы ежегодно брали установленные торговые документы, остальные не только не платили никаких сборов, но даже не несли общественных повинностей (28). Для изменения ситуации И.Г. Баранов считал необходимым принятие ряда мер, способствовавших укреплению русской власти. Прежде всего, для совершенствования учета выдачи билетов и введения билетного сбора с китайцев, вне зависимости от их вида деятельности, И.Г. Баранов предлагал отмечать в билете имя, фамилию, возраст, род занятий, время прибытия в область, место постоянного проживания, торговли, промысла, по возможности приметы. Билет должен даваться на один год, при этом взималось с фанзовладельца – 5 руб., работника и промышленника – 3 руб., плюс гербовый сбор – 60 коп. При выдаче билета появлялась возможность взыскивать все положенные для

торговцев и промысловиков налоги и сборы. Кроме того, по мнению И.Г. Баранова, нужно «...стремиться изжить фермерство, и сгруппировать манзовское население в известных пунктах, образовать деревни и затем постепенно ввести относительно управления китайским населением действующие в Приморской области правила по управлению крестьянским населением в Амурской области. Это даст возможность администрации самостоятельно распоряжаться китайским населением и иметь фактический надзор» (29).

Вопрос о необходимости устройства органов низшей администрации китайского оседлого населения обсуждался в Санкт-Петербурге на особом совещании по Амурским делам, посвященном целесообразности выделения из состава Восточной Сибири Приамурского генерал-губернаторства. Председательствовал на совещании генерал-адъютант Э.Т. Баранов. В итоговых документах, принятых на заседаниях 18 и 24 июня 1883 г., отмечалось, что Приамурский край имеет для России высокое государственное значение в политическом отношении, в связи с чем констатировалась необходимость создания отдельного генерал-губернаторства. Среди главных мер по упрочению положения в крае называлось подчинение проживавших в крае китайцев русским законам и властям. Отмечалось, что введение полицейского контроля за китайским населением являлось явно недостаточной мерой. Указывалось на необходимость организации сельского управления в китайских деревнях и отдельных фанзах, для этого предлагалось назначить в каждый участок необходимое число нижних полицейских агентов. Для обеспечения законности министру внутренних дел поручалось разработать предложения «о лучшей организации низших административных полицейских органов в Южно-Уссурийском крае для обеспечения в нем спокойствия, а также о необходимых мерах для подчинения нашим законам и властям живущих там китайцев» (30). Кроме того, министерства финансов, государственных имуществ и генерал-губернатором Восточной Сибири предлагалось ввести обложение податями и пошлинами китайцев за право производства на территории Приамурья различных промыслов. Все предложения 5 июля 1883 г. получили высочайшее одобрение императора (31).

Как уже отмечалось, китайское население на русском Дальнем Востоке не было однородным: на начальном этапе освоения, помимо сезонных мигрантов, можно выделить две категории постоянного китайского населения на русской территории-1) фактически экстерриториальных зазейских маньчжур; 2) группы оседлых земледельцев в Уссурийском крае (32).

В силу этого мы можем сделать вывод, что во второй половине XIX в. на территории Приамурья сложилась система китайского самоуправления посредством объединения, по территориальной принадлежности, самоуп-

равляющихся общин, испытывавших разную степень влияния официальных китайских властей (от прямого подчинения до эпизодических контактов).

Первый вариант административного устройства существовавших в Примурье китайских общин – сформировавшееся до прихода русских административное управление на основе государственного права Китая характерен лишь для определенного района Амурской области, района проживания так называемых зазейских маньчжур. Группы оседлых земледельцев Южно-Уссурийского края были организованы в самоуправляющиеся общины, имеющие собственные кодифицированные законы (Гун и хуэй), вариантом этого типа являлись общины, руководство которых получало со временем статус государственных чиновников Китая.

Характерной особенностью рассматриваемого периода является формирование значительных по численности китайских общин (33) в городах и селах края, где они были востребованы как чернорабочие, прислуга, торговцы, что дает нам основания выделить их в отдельную группу – китайское население крупных населенных пунктов.

Логично предположить, что различные группы китайского населения требовали разного административного подхода. Рассмотрим действия русской администрации в отношении каждой из вышеперечисленных групп.

2.2. Русская администрация и китайское население в Приморской области (80-е гг. XIX в.)

2.2.1. Администрация и китайское население русских городов и сел

«Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» (26 марта 1861 г.) были определены одинаковые условия для поселения как русских подданных, так и иностранцев. Для лиц, желавших приписаться к городам, также устанавливались не дискриминационные правила – те, кто владел в городе недвижимостью, независимо от национальности и подданства, входили в состав городских обществ с правом голоса (34). Не были исключением и китайцы. Среди подписавших приговор об избрании первого владивостокского старосты – Я.Л. Семенова, был и один крещеный китаец (35). К сожалению, пока не удалось установить его имя. В архивах хранятся документы, содержащие информацию о фактах продажи земли в районе Владивостока китайцами. Так, в июле 1868 г. к коменданту Владивостока А.А. Этолину поступило прошение об утверждении факта покупки участка земли в 1,5 верстах от порта у китайца Ли-тин-сина купцом I гильдии Г.И. Кунстом (36).

Если в 50-70 гг. XIX в. отчетливо прослеживается тенденция расселения мигрантов из сопредельных азиатских стран вне российских населенных пунктов (37), то в начале 80-х гг. ситуация меняется.

Из-за развития промышленности на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX в. в условиях постоянного дефицита рабочей силы, возникшую лауну на рынке труда заполнили выходцы из Азии. «Китайцы – строительные рабочие, старатели, носильщики, торговцы и крестьяне были одинаково необходимы ...» (38), и численность их возрастала. Рассмотрим проявление этой тенденции на примере Владивостока. В 1860 г., в момент основания поста, в нем поселяются 2 китайца (39), в 1865 г. их уже 15 человек (40). По свидетельству И.П. Надарова приток китайцев во Владивосток усиливается с 1870 г. (в 1870 г. – 43 человека, в 1871 г. – 50, в 1872 г. – 99 и т.д.) (41). Переломным становится 1875 г., с этого момента становится заметной китайская торговля в городе, появляются значительные группы китайских рабочих (42). В 1878 г. во Владивостоке насчитывалось 7933 жителя, из них, согласно официальной статистике китайцев было 200, манз – 3271 (в том числе 15 женщин), корейцев – 500 (43). В 1880 г. в г. Владивостоке было 8837 жителей, в том числе 3461 китаец (44), а четыре года спустя их насчитывалось уже 4698 человек (45). И в 1880 г., и в 1884 г. численность китайцев во Владивостоке приближалась к 40 % от общего числа жителей. Данные, относящиеся к концу 80-х гг. (март 1889 г.), свидетельствуют, что общая численность китайского населения в Приморской области достигла 12983 человек, из которых 54 % приходили на летние заработки. Из оставшихся 46 % (6033 человек) 3048 проживало в городах области, причем абсолютное большинство во Владивостоке (46). В начале 90-х гг. во Владивостоке насчитывалось постоянного русского населения (без войск) 3167 человек, китайцев – 3607, корейцев – 840, японцев – 278 человек (47). Сопоставление приведенных выше цифр показывает уменьшение китайского населения Владивостока на рубеже 80–90-х гг. XIX в., это могло отражать как реальную ситуацию, так и являться результатом неточности статистических сведений. Тем не менее, приведенные данные свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период в городах края появляются значительные по численности китайские общины. Со временем роль этой этнической группы в городской экономике становится все более и более существенной.

Таблица 3 иллюстрирует выборку китайцами торговых документов во Владивостоке в 1882 г.

В 1884 г. 60 % (34723 руб. 61 коп.) поступлений в бюджет Владивостока было внесено китайцами в качестве платы за аренду лавок на базаре (25497 руб. 50 коп.), сбора с лодок (6003 руб.), за торговые документы (1157 руб. 28 коп.) и прочих выплат (2065 руб. 83 коп.) (48).

**Ведомость выбранных торговых документов
во Владивостоке (1882 г.)**

	I гиль- дии	II гильдии		Мелочная торговля		Приказ. свидетельства		Мещан. про- мыслы
		Свиде- тельства	Билеты	Свиде- тельства	Билеты	1 класса	2 класса	
Китайцы	0	25	30	62	60	20	24	2
Всего	8	78	88	92	89	69	54	12
% к общей выборке	0	32 %	38,5 %	67,4 %	67,4 %	29 %	44,4 %	16,7 %

Источник: РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 78, л. 32 об. – 33.

Вывранные из привычной социальной среды, китайские мигранты в российских городах и селах прибегают к характерному для общественной жизни Китая способу самоорганизации – созданию союзов, в которых возобновляется традиционная для Китая практика выбора старшин. Появление «тайных» организаций, неподвластных русским властям, непроницаемость внутренней жизни китайских общин для стороннего наблюдателя потребовали особого внимания местной администрации к этой проблеме.

25 января 1879 г. пограничный комиссар Южно-Уссурийского края Н.Г. Матюнин сообщил владивостокскому городскому голове М.К. Федорову, что генерал-губернатор Восточной Сибири поручил ему составить проект управления китайцами и корейцами, проживавшими в Приморской области, и попросил разработать этот вопрос относительно г. Владивостока не позднее июля 1879 г. (49). Вероятно в связи с этим в 1879 г. владивостокской городской управой разрабатывается проект «Об устройстве быта манз в п. Владивосток». В документе городские власти определили свое в целом позитивное отношение к китайскому населению: «... взаимные отношения общественного управления к проживающим в п. Владивосток китайцам, суть чисто коммерческие и влекущие к экономическому благосостоянию обеих сторон» (50). Для улучшения ситуации признавалось необходимым установить контроль «над самоличностью китайца», чтобы не допустить вторжения «пролетариата» и хунхузов; определить законодательно личные и имущественные права китайцев; ввести преследование за уголовно наказуемые в России привычки; сделать «манзов неперменными факторами в колонизации Южно-Уссурийского края» (51). Переходя к разработке практических вопросов члены управы сочли необходимым отметить важность китайского элемента в развитии экономики Южно-Уссурийского края. В первоначальный вариант проекта они даже включили фразу: «без прикосновения китайцев к Южно-Уссурийскому краю таковой никогда не войдет в экономическое совершенство». По-

размыслив, члены Управы все же решили, что Россия способна самостоятельно развивать экономику края, и написали «не может скоро войти в экономическое совершенство» (52). Итак, в качестве конкретных шагов предлагался ряд мер, в том числе и введение паспортной системы. Городская управа, свидетельствуя условия купли-продажи и выдавая торговые документы, была заинтересована в точном определении личности китайцев, что и была призвана обеспечить паспортная система. Полезным признавалось распространение на китайцев прав, изложенных в IX, X, XI томах гражданских законов, и даже «дарование им некоторых льгот для приохочивания к легальной колонизации в наших пределах» (53). За уголовные преступления предлагалось подвергать китайцев русскому суду, а также наказывать за опиумокурение, педерастию и азартные игры. В проекте нашло и законное желание предпринимателей распространения на китайцев налогового бремени, был выдвинут лозунг: «эксплуатация их, а не нас посредством обложения их правильными налогами». Статистические данные за предшествующий 1878 г. наглядно демонстрируют правомерность такого требования. По данным городской администрации за год с китайцев было получено 8971 руб. 88 коп. Сумма эта складывалась следующим образом – из 3456 китайцев, находившихся во Владивостоке, торговые свидетельства выбирали 54 человека, еще 514 уплатили различного рода налоги и пошлины в городскую и государственную казну. Несложное арифметическое действие показывает, что «законопослушных» китайцев насчитывалось 568 человек, а 2888 проживало абсолютно свободно, без внесения всяких налогов. С 616 европейцев мужского пола, проживавших во Владивостоке, за тот же период было взыскано 8251 руб. 21 коп. (54). Таким образом, по самым грубым подсчетам городская казна недополучила с китайских мигрантов около 45000 рублей.

Анализ статей проекта фиксирует отсутствие у членов городской администрации негативного этностереотипа, китайцы воспринимаются ими как равноправные субъекты экономической жизни. По сути все предложения сводятся к распространению на эту группу действующего законодательства Российской империи, дававшего как права, так и накладывавшего определенные обязанности.

Для воплощения в жизнь намеченных планов городская администрация создала исполнительную комиссию для разработки вопроса о выдаче видов китайским подданным, проживающим во Владивостоке постоянно. В сентябре 1879 г. был сделан первый шаг – перепись владивостокских китайцев, организованная следующим образом: члены комиссии В.В. Ланин, Гек и У.И. Пиллер проводили опись базара и Федоровского покоса, а А.М. Вальден, В.Я. Кирпичников и еще один человек, фамилию которого установить не удалось, описывали обитателей фанз

Купера, Демби, китайца Чая и Семеновского покоса (55). Кроме того городские власти обратились с ходатайством к военному губернатору Приморской области о том, чтобы пограничный комиссар довел до сведения китайской стороны необходимость национальных паспортов при прибытии во Владивосток.

Несмотря на то, что выдача китайцам билетов на жительство являлась прерогативой военного губернатора, в сентябре 1879 г. Управа обратилась к нему за разрешением выдавать их самостоятельно, мотивируя это тем, что штаты путевой канцелярии губернатора ограничены. Временное разрешение было получено. Сбор, взимавшийся при выдаче билетов, распределялся следующим образом: 60 копеек получала казна, а три рубля – город. По предложению исполнительный комиссии постановили выдавать билеты при поручительстве трех оседлых благонадежных китайцев, которые должны были явиться в Управу и зарегистрироваться. Для регистрации китайцев в Управе планировалось создать специальный билетный стол, в котором помимо выдачи билетов в особом журнале велся бы учет численности этой группы населения. Впоследствии эта инициатива была заморожена, а позже право выдачи билетов получило местное полицейское управление. Специальные решения были приняты и в отношении домовладельцев. Управа планировала заказать определенное количество жестяных крашенных досок с номерами, и обязать владельцев фанз прикрепить их к своим домам. Одновременно им выдавались учетные книжки под теми же номерами. Хозяева домов обязывались записывать имена всех жильцов, а также фиксировать прибывающих и убывающих. Согласно постановлению от 15 октября 1879 г. полиция не должна была выдавать удостоверения на выезд без разрешения Управы. Тогда же было принято решение о высылке в Хуньчунь, по прошествии года, китайцев, приезжавших во Владивосток без документов (56). В городе были расклеены объявления на китайском и русском языках о том, что с сентября проживание во Владивостоке возможно только при предоставлении национального паспорта.

В ноябре 1880 г. военный губернатор Приморской области М.П. Тихонов постановлением № 3025 утвердил китайца Юнгу в должности китайского старшины г. Хабаровки. Этому предшествовало состоявшееся 2 ноября 1880 г. общее собрание китайских подданных в Хабаровском городском полицейском управлении, посвященное выбору старшины. Общественный приговор, подписанный 33 китайцами, гласил: «Мы, нижеподписавшиеся китайские подданные, (...) избрали из среды своей старшину, который мог руководить нами, следить за нашим поведением, делать между нами разбирательства, о результатах которых давать знать Хабаровской полиции, доводить до сведения полиции о пороках китайцев, о

прибывающих и выбывающих из города китайцах и вообще обо всем, что будет касаться полиции» (57).

Однако, единичное постановление не могло решить проблемы создания системы контроля за китайцами в молодых русских городах. Необходимо было дать анализ складывавшейся ситуации, в том числе четко определить место и роль китайцев в городах, выбрать оптимальную линию поведения и, исходя из этого, выработать комплекс мероприятий. Рассмотрим ряд проектов, появившихся в начале 80-х гг. XIX в.

В опубликованной в 1881 г. записке В.В. Крестовского, секретаря главного начальника русских морских сил в Тихом океане С.С. Лесовского «(о) положении и нуждах Южно-Уссурийского края», немало внимания уделено вопросу «об урегулировании здешних отношений к инородцам вообще». В.В. Крестовский считал, что китайцев, живущих в городах, следует рассматривать не как временных жителей, а приложить усилия к превращению их в людей, окончательно поселившихся в наших пределах, включив их в мещанское сословие, распространив на них все права и обязанности. Для этого необходимо подчинить их не фиктивно, а на самом деле русскому влиянию, для чего нужно «ознакомить их с духом русских законов». Для «наибольшей прочности мещанской оседлости, обусловить пользование гражданскими правами (...), не иначе как вступлением манзов в семейную брачную жизнь» за отсутствием китайцев, с кореянками и нанайками.

Другим фактором, способствовавшим закреплению китайцев, по мнению В.В. Крестовского, стало бы обзаведение ими недвижимостью – земельными участками и домами. Отдельный пункт касался необходимости создания миссионерской школы для китайских детей, которых «уже не мало шатается по Владивостоку», с целью обучения их русской грамоте, письму, элементарным понятиям о России, русской истории и законодательству. Приходя к выводу, что при реализации этих мер из китайцев со временем может образоваться сословие, которое будет существенно способствовать экономическому благосостоянию Владивостока, В.В. Крестовский признает, что пока это область благих пожеланий. В действительности «громадное большинство их не поддается никаким усилиям нашей «цивилизации», потому что справедливо или нет – считает свою китайскую цивилизацию несравненно выше и совершеннее европейской». Автор видел два пути по изменению сложившегося положения – вообще не пускать их в край, либо обложить большими пошлинами их промышленную деятельность и само право находиться в крае (58).

В 1881 г. на рассмотрение генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина представлены проекты управления китайцами и корейцами во Владивостокском губернаторстве (59) и Приморской области, подго-

товленные военным губернатором Владивостока А.Ф. Фельдгаузенем и военным губернатором Приморской области И.Г. Барановым. Проект И.Г. Баранова рассмотрим ниже. Остановимся подробнее на мерах, предла­гавшихся А.Ф. Фельдгаузенем.

А.Ф. Фельдгаузен, указывая на «увеличивавшийся наплыв манз», отмечал, что надзор и управление китайцами (манзами) до настоящего времени принадлежал полиции, которая на практике показала свою неспособность осуществлять эти функции, т. к. незнание языка не давало возможности проверить подлинность китайских билетов, разрешить между ними спор и расследовать преступления, а переводчик-китаец, состоявший при полиции, из боязни мести, или в результате подкупа, зачастую переводил неточно. В связи с этим А.Ф. Фельдгаузен предлагал образовать при канцелярии губернатора отдельный стол по делам китайцев и корейцев. Кроме того, предполагалось разделить всех китайцев на два участка, избрать из их среды старшин и по одному помощнику на каждый участок, которые были бы ответственными лицами за китайцев. Особо оговаривалось, что если китайцы не выберут участковых, то их назначит полиция. Старшинам планировалось дать некоторую власть над китайцами: они могли назначать на работу для чистки улиц и других подобных мероприятий.

Все китайские подданные, приезжавшие во Владивосток, обязывались иметь билеты своего правительства. Визированные в русском консульстве билеты китайцы должны предъявлять в проектировавшемся столе канцелярии, где им выдавали русские билеты после уплаты налога (60). В инструкции, данной владивостокской полиции, приводились обязанности участковых выборных китайцев и их помощников. В круг их обязанностей входило наблюдение за прибывшими (отбывшими) китайцами, помощь полиции в расследовании уголовных дел, наблюдение не только за отсутствием в участках хунхузов, но и за чистотой во внутренних помещениях дворов и канав, информирование полиции обо всех заболевших, требовавших госпитализации, а также об умерших. Присутствие старшин считалось необходимым при разбирательствах в полиции дел, где одной из сторон спора выступал китаец. Также они должны были выступать в качестве помощников при найме китайцев по подрядам, выполнять функции переводчика в цепочке власть – китайцы, содействовать в сборе налогов с китайского населения, контролировать подлинность билетов, не разрешать китайцам меняться билетами между собой, доставлять китайцев по повесткам в полицию. Содержание участковых возлагалось на плечи китайского населения. Особо подчеркивалось, что цель – не самоуправление, а подчинение властям. Последний пункт гласил: «... если (китайцы) не согласны, то вся бродячая масса населения будет высылаться из города» (61).

В рассматриваемый период китайцы, проживавшие во Владивостоке, не облагались специальными налогами, а должны были нести повинности наравне с другими горожанами. А.Ф. Фельдгаузен считал, что «...кроме повинностей и городских сборов манзы и китайцы должны платить от фанзы по 5 рублей и с каждого лица по 3 руб. при выдаче русского билета на жилье в пределах России. Проектируемые налоги не только не будут тяжки, обременительны или несправедливы, а напротив – слишком легки, незначительны, манзы и китайцы (...) являются эксплуататорами естественных богатств края и его населения. (...) Манзы не только не могут приносить пользу краю, быть колонистами, а составляют тяжесть страны, истощают край, являются, так сказать, саранчюю в крае и паразитами, а в настоящее время являются первыми и злейшими врагами, шпионами и предателями. (...) Польза края и государства требует беспощадной эксплуатации манз и применения во всей строгости русских законов к ним» (62). Частичная реализация плана А.Ф. Фельдгаузена несколько упорядочила управление китайцами во Владивостоке, но не сняла остроты проблемы во всем крае.

Параллельно с созданием проектов на местах работа по этому вопросу велась и в канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири. Д.Г. Анучин, озабоченный тем, что китайцы, «пользуясь бесконтрольно всеми естественными богатствами края не отбывали и не отбывают до сих пор никаких денежных или натуральных повинностей, которые, между прочим, лежат исключительно на нашем населении», обратился 12 января 1881 г. к секретарю Русской императорской миссии в Пекине А.И. Кояндеру с письмом. В нем он отмечал, что «благодаря такому порядку вещей эти маньчжуры, китайцы и инородцы до сих пор считают себя настоящими хозяевами края, совершенно игнорируя тамошнюю нашу администрацию. Китайские власти (...) по-прежнему не оставляют попыток то явно, то скрытно, под видом торговцев собирать с них подати, не упуская при этом случая наживаться самим, поэтому необходимо обложить туземцев повинностями» (63).

Для лучшего практического разрешения вопроса Д.Г. Анучин, человек образованный, перечитавший по-русски и по-французски половину всего опубликованного о Сибири, считал полезным держаться по возможности размера и характера поземельных налогов и повинностей, существовавших в Китае, вполне знакомых иноплеменному населению Амурской и Приморской областей. Однако он же отмечал, что «из сочинений Иакинфа и наших путешественников, мы можем представить весьма смутно характер аграрного законодательства в Китае» (64). Это обстоятельство и вынудило Д.Г. Анучина обратиться к А.И. Кояндеру. Однако из ответа, вскоре пришедшего из Пекина, следовало, что китайский опыт не применим к

нашим условиям, т.к. «собрание точных статистических данных о налогах и повинностях представляется затруднительным даже для провинции Внутреннего Китая, для областей, лежащих за Великой Стеной, оно является почти невозможным отсюда, так как в них большей частью еще не введено гражданского управления и для каждой существуют отдельные местные положения» (65).

Тем не менее и позже Д.Г. Анучин продолжал интересоваться мировым опытом в этом вопросе. В 1882 г. он обращается к Н.К. Гирсу с просьбой выслать ему текст принятого палатой представителей конгресса США билля о запрещении переселения китайцев в течение 10 лет, мотивируя тем, что ознакомление с ним может принести немалую пользу у нас, ввиду увеличения переселения китайцев в наши пределы (66).

В мае 1882 г. состоялся съезд Приморского и Владивостокского губернаторов, на котором рассматривался вопрос о привлечении китайцев к уплате денежных сборов русскому правительству. Введение налогов было одобрено, т.к. «удачное осуществление сего ознакомит нас ближе с этим населением, докажет подчинение его нашим властям» (67).

Позиция центрального русского правительства в отношении иностранного присутствия на Дальнем Востоке была продемонстрирована указом императора от 26 января 1882 г., которым все установленные правилами 26 марта 1861 г. льготы были продлены лишь для русских подданных. Этот указ можно считать тем рубежом, с которого начинается политика протекционизма в отношении подданных Российской империи. Однако в тексте указа азиатское население не выделяется как самостоятельный субъект. Действие указа в равной степени распространяется и на китайцев, и на американцев, и на немцев.

В марте 1882 г. Анучин обратился к Н.П. Игнатьеву с предложением назначить особое совещание для разрешения китайского вопроса, которое, по его мнению, должно выработать особую инструкцию для генерал-губернатора (68). Такой инструкции разработано не было, тем не менее, вопрос о принятии китайцев в русское подданство обсуждался в 1882 г. в Государственном Совете, члены которого высказались против приема, оставив генерал-губернатору право делать в важных случаях исключения (69). В связи с этим проект И.Г. Баранова, как комплекс мероприятий по совершенствованию управления краем, реализован не был. Однако указом от 8 июня 1882 г. юрисдикция над китайцами в Приамурском крае была сосредоточена в ведении учрежденного тем же актом окружного суда г. Владивостока. 15 июня 1882 г. высочайше был утвержден ежегодный отпуск 20800 рублей на устройство полицейских учреждений в Южно-Уссурийском крае в составе: одного исправника, шести земских заседателей, двух переводчиков при исправнике и по одному толмачу при каждом заседате-

ис (70). В Петербурге, видимо, полагали, что этих сил достаточно для осуществления управления и полноценного надзора за многотысячным китийским населением.

2.2. Русская администрация и китайские земледельческие общины в Южно-Уссурийском крае

По мнению А.В. Рудакова, первые китайские земледельцы появились в крае за 10-15 лет до прибытия русских. Они «построили фанзочку около р. Уссури. (...) Постепенно появились и другие станции: одна в устье р. Ното, другая около урочища Анучина на р. Даубихэ» (71).

К началу 70-х гг. XIX в. русская администрация располагала сведениями о нескольких районах концентрации китайского земледельческого населения в Южно-Уссурийском крае, наиболее крупными из них являлись долины рек Цимухе и Сучана. Рассмотрим существовавшую там систему самоуправления, а также то, как складывались отношения между земледельческим населением и русской администрацией на примере группы китайских поселений в Сучанской долине.

Но сначала несколько слов о месте действия. Вот как описывал долину р. Сучан посетивший в 1867-1869 гг. этот край Н.М. Пржевальский: «Из всех прибрежных долин Зауссурийского края самая замечательная по своему плодородию и красоте есть, бесспорно, долина р. Сучана. (...) Эта долина, гладкая, как пол, тянется в длину верст на шестьдесят. (...) Почва Сучанской долины, (...) чрезвычайно плодородна и состоит из чернозема в смеси с суглинком. (...) Давнишние обитатели Сучанской долины – китайцы – говорят, что это самый лучший и плодородный край из всего нашего побережья Японского моря» (72).

По данным комиссии И.Г. Сколкова (1869 г.), в проектируемом Сучанском округе постоянно проживало «туземного населения» (китайцев и тазов) 457 человек (73). Е.С. Бурачек и Н.М. Пржевальский оценивали численность китайцев, проживавших в 75 фанзах, в 500 человек (74). Побывавший в Сучанской долине несколько ранее Н.М. Пржевальского А.Ф. - Будищев нанес на свою карту 67 лично увиденных им фанз, что, как он считал на основании расспросов китайцев, составляло половину всех фанз. Учитывая это, А.Ф. Будищев допускал численность китайцев в этом районе в 1000 человек (75). Эту же цифру называл и штабс-капитан П.А. Гельмерсен, посетивший Сучан летом 1865 г. (76). Таким образом, численность китайского населения Сучанской долины во второй половине 60-х годов прошлого века может быть приблизительно оценена от 500 до 1000 человек. С течением времени количество оседлых китайцев на Сучане выросло. Командир роты I Восточно-Сибирского Линейного батальона штабс-капитан Г. Порохин, побывавший в этом районе весной 1882 года, посе-

тивший две самые крупные долины притоков Сучана – Сицу и Фан-гоу и познакомившийся с жившими там китайцами, оценил численность оседлых жителей в две тысячи человек.

Оседлые китайцы занимались земледелием. Н.М. Пржевальский констатировал: «Поля, находящиеся при их жилищах, или фанзах, могут служить образцом трудолюбия, так что урожай хлеба, в особенности проса, составляющего главную пищу, бывает чрезвычайно велик и обеспечивает годичное существование хозяина фанзы и его работников» (77). Кроме проса китайцы выращивали сорго, бобы, фасоль, кукурузу, ячмень, пшеницу и другие сельскохозяйственные культуры. Г. Порохин делил сучанских китайцев на три разряда – земледельцев, охотников и приискателей. С наступлением зимы появлялось значительное число сезонных рабочих, занятых летом таежными промыслами, добычей морской капусты, трепангов, золота. Возможно, скопление именно этого разношерстного люда закрепило за Сучаном недобрую репутацию. А.Ф. Будишев отмечал, что китайцы неоднократно его предупреждали, что «на реке Сучан живут преступники, люди без страха и совести» (78).

У живших на Сучане китайцев существовало самоуправление, возникшее в процессе стихийной самоорганизации, в принципе традиционное для китайцев в Маньчжурии. В каждом поселении находился старшина, разбиравший мелкие жалобы своих подчиненных. Стоящая отдельно фанза всегда приписывалась к какому-нибудь месту. Старшины выбирались самими китайцами на определенный срок, по истечении которого переизбирались или оставались на дальнейшую службу. Каждый район имел одного главного старшину (также выборного), которому подчинялись все прочие (79). Подполковник генерального штаба И. Надаров сообщал, что в 1885 г. ему было известно о существовании 14 китайских округов: по р. Тазуши; в заливе Св. Ольги; по р. Пхусуну; по р. Тауху; по р. Сяуху; по р. Сузахэ; по р. Улахэ, в местности Сандагоу; по р. Улахэ (местность Суаньсао); по р. Лефудину; в д. Ното-хоуза; в местности Эрль-Хао (близ телеграфной станции Бельцовой); по р. Даубихэ; близ Верхне-Романовой (в местности Кавальян; на р. Сантахезе) (80).

Первый подобный союз (hui-fang) в районе Танг-хо (Чанбошань) возник в 1858 г., а в 80-х гг. XIX в. китайским чиновником Цао подобные организации были выявлены в районе Уссури (81).

По свидетельству китайского чиновника Цао поселенцы между Уссури и Японским морем жили в долинах, между горами и вдоль побережья, занимались охотой и земледелием. Жители каждой долины управлялись старостой, а несколько долин вместе выбирали главного старосту. Когда проводилось собрание, участники записывали решения на деревянных табличках и руководствовались этими законами в ежедневной жизни. За-

коны долины просты: смерть за убийство и телесные наказания за разные поступки (82).

В своем исследовании «Маньжурская граница в Цинской истории» Р. Ли реконструирует процесс формирования подобных союзов. Большинство нелегальных поселенцев являлись выходцами из Чжили и Шаньдуна. Они уходили жить в дикую местность либо из-за нужды, либо чтобы исчезнуть от возмездия закона. У них не было предшествующего опыта жизни в чаще, так как их родные провинции были наиболее плотно заселенными регионами в Китае, где горы уже были полностью очищены от деревьев. В сознании таких китайцев лес был населен духами, опасность таилась за каждым камнем и деревом, а вся природа настроена против людей. Вне леса чиновники и солдаты использовали любую возможность для их преследования. Ради безопасности родственникам и друзьям приходилось группироваться вместе в маленькие группы (83). По мнению того же автора, общества в Чанбошани и правительства в долине Уссури являются вариациями одного типа объединений, базировавшихся на принципах родства, землячества или уходивших корнями к секретным братствам, к созданию которых китайцы склонны везде, где появляется необходимость принятия защитных мер в чужой или враждебной окружающей среде.

Такие общества были широко распространены в Юго-Восточной Азии. Не являющиеся демократическими институтами в западном смысле слова, в большинстве случаев они базировались на патриархальном принципе: старшие брали на себя роль законотворцев и арбитров в спорах (84).

Благодаря приведенному в статье Л. Иванова «Акту побратимства», можно детально восстановить систему китайского самоуправления в Сучанской долине. Однако необходимо заметить, что текст относится к 18 году Гуан-Сюй, т. е. к 1892-1893 гг. Первые статьи акта предусматривают наказания за воровство женьшеня и продуктов, потраву полей, преднамеренный поджог имущества, регулируют порядок возвращения долгов и обмена продуктами питания. За неподчинение законам, обман старшин, пьянство, буйное поведение предусматривалась высылка из Сучанской долины. Судя по изложенным правилам, не приветствовались на Сучане азартные игры. Любой житель Сучана, имевший «важное дело», мог объявить общий сход, на который все обязаны явиться и выслушать его. За отказ участвовать в собрании предусматривались разные формы наказания, как денежные штрафы, так и удары бамбуковыми палками, варьировалось лишь их количество в зависимости от статуса человека в общине.

Всеми делами, являясь в то же время высшей законодательной властью, заведовал чжун-да-е (старший брат). Приказания, отдаваемые им, поступали к представителям исполнительной власти (бан-лао-да и бан-

бань-лао-да), претворявших их в жизнь (85). Для сношения с русскими властями и частными лицами служил старшина, знакомый с русским языком, имевший 2 помощников. Для производства следствий имелось четверо цзунь-чжун-вэнь-гуань-лао-да. Суд происходил под председательством чжун-да-е. Функции полицейских исполняли двое сюэ-ши-вэнь-гуань-лао-да, один из них заведовал морским отделом, под их начальством находился дун-си-хай-янь-цзун-гуань, который командовал низшими полицейскими чинами (сюэ-ши-вэнь-гуань). Для сбора жителей долины на собрания и передачи сведений служили четверо скороходов (те-тоу-лао-у) и четверо глашатаев (пао-гоу-лао-у) (86). Итак, основной единицей административно-территориального устройства являлась община, формировавшаяся по территориальному признаку. Во главе общины стоял выборный старшина. Такая структура в общих чертах заимствована из практики местного самоуправления в Китае. И. Коростовец отмечал, что в Китае: «Самые мелкие судебные органы среди крестьянского населения – сельские старшины. В решениях своих сельские старшины, а равно и старейшие члены общины, являющиеся с совещательным голосом, руководствуются обычным правом, которое пользуется у столь консервативного народа, как китайцы, еще большим значением, чем писанный закон» (87).

Начальник Приморской области в декабре 1868 г., когда события на о. Аскольд уже стали фактом истории, писал, что «все манзы, живущие в долине Сучана, подчинены власти старшины, который живет в долине Пинсау на верхнем Сучане и судит важные преступления (воровство, убийство). Власть его так велика, что он может наказывать даже смертью» (88). Возможно этим старшиной был китаец по имени Лигуй (Лингуй, Люгуй), по крайней мере, именно так записано его имя в большинстве официальных документов. Следует заметить, что незнание китайского языка, фиксация китайских имен на слух, приводили к их серьезным искажениям. Даже имена китайских дипломатических представителей, не говоря уже о рядовых китайцах, имели несколько вариантов написания в русском официальном делопроизводстве. Это составляет серьезную проблему для современного исследователя, делая порой невозможной точную идентификацию личности китайца.

К сожалению, кроме того, что Лигуй был женат, нам известно очень мало о его личной жизни. Мы не знаем, какие причины заставили его покинуть Китай, но обосновался он на Сучане около 1845 г. (89), став к 1868 г. зажиточным земледельцем. Возможно, что Лигуй и Люгуй, зафиксированный в списке Висленева под № 118, одно и то же лицо. Люгуй, проживавший в Сучанском округе, был женат на удэгейке по имени Тагеза. В 1879 г. ему было 62 года, из них 29 он провел в Уссурийском крае. На момент переписи он являлся одним из самых крупных фанзовладельцев на р. Су-

чии. В его доме жили приемные дети, племянники, компаньоны, работники, уважаемые старики – более 40 человек (90). Фанза Лигуя располагалась на правом берегу р. Сучана между устьями Суанбингоу и Хуанихезы, главных притоков Сучана (91).

Одно из первых появлений Лигуя на страницах русской официальной переписки, зафиксированное зимой 1867 г., связано с недоразумением между китайцами, жившими на Сучане, и русскими властями. Тогда начальник Суйфунского военного округа был вынужден предпринять экспедицию на Сучан «для того, чтобы привести в покорность тамошних манз, отказавшихся повиноваться офицеру на посту в Находке, *которому они были подчинены*» (курсив мой – Е.Н.) (92).

Несмотря на формальное подчинение китайцев начальнику отряда, располагавшегося в гавани Находка, стесненность в средствах не позволила местной русской администрации наладить реальное управление. Поэтому вопрос о том, знали ли об этом подчинении китайцы, остается открытым, так значительный массив высказываний связан с констатацией неведения китайцами этого факта. Однако отсутствие подобной информации в изученных архивных источниках не означает, что такие исторические факты не имели места.

Зачастую принимались решения и совершались действия в отношении китайцев с априорным расчетом на то, что сам факт появления русских войск и поселений должен продемонстрировать китайцам их подчиненность русскому правительству. Не редкостью были свидетельства представителей русской администрации подобные тому, который мы находим в отчете капитана второго ранга И. Чайковского о командировке в Приморский край в 1879 г., где он отмечает, что китайцы, живущие между заливом св. Ольги и р. Уссури, еще не знали о том, что земля принадлежит России (93), а ведь Россия уже 19 лет владела Южно-Уссурийским краем. Даже в начале XX в. целесообразными оказывались экспедиции, подобные экспедиции А.М. Казаринова в 1907 г. в Иманский район, в ходе которой он оставлял в китайских фанзах, под расписку владельцу, объявления на русском и китайском языках, которые информировали живших там китайцев об их положении как иностранных подданных, и о том, что орошены, как русские подданные, пользуются соответствующими правами. Эти же объявления зачитывались на сходах китайцев и орочен (94).

В событиях «манзовской войны» Лигуй и подведомственные ему жители Сучана заняли прорусскую позицию. 1 мая Лигуй, через китайца, немного говорившего по-русски, известил русских крестьян, живших на Сучане в селениях Владимирское и Александровское, о том, что китайские разбойники сожгли русские деревни на р. Цимухе и движутся на Су-

чан. Благодаря этому предупреждению крестьяне смогли укрыться в посту Находка, захватив с собой ценное имущество и скот. В Находке крестьяне пробыли с 3 мая по 11 июня. Более месяца по приказанию Лигуя по ночам выставлялись китайские караулы около русских домов для того, чтобы не допустить поджогов и грабежей. Кроме того, любой незнакомец, появившийся на Сучане, перехватывался и доставлялся к Лигую для допроса. Переправа с одного берега реки на другой совершалась только по билету с его подписью.

Таким образом, к 1868 г. Лигуй был не просто формальным старшиной, а человеком, имевшим огромное влияние на местное китайское население. Старшина местности Да-чжо-шу Сун Сисян писал Лигую: «Подобно тому, как весною распускается повсюду зелень, и плоды дают ростки, так и имя Ваше получило известность» (95).

В течение всего смутного времени русские, приходившие на Сучан (как крестьяне, так и солдаты), получали от Лигуя радушный прием. Китайский старшина предоставлял им ночлег в своей фанзе, т. к. она охранялась лучше других, помогал в переправе через реку. В мае Лигуй по требованию заведующего железным баркасом и сухопутным отрядом поста Находка снарядил лодку с тремя китайцами для доставки сведений во Владивосток. Несмотря на опасения, что русские могут принять их за смутьянов, в лодке находился и родственник Лигуя. Кроме того, Лигуй распорядился выдать русским властям нескольких разбойников. Трех же человек, в то время как Лигуй был в Находке, по приговору старейшин деревни казнили, в том числе и зажиточного крестьянина с р. Цимухе – Янхали, возглавлявшего цимухинских китайцев, примкнувших к шедшим с Аскольда (96).

В мае 1868 г. под руководством Лигуя была создана сучанская и союзная милиция, насчитывавшая 850 человек. Часть этого формирования располагалась на р. Цимухе (около 500 человек), порядка 250 человек дислоцировались в верховьях р. Сучана, а на р. Таудеми находился отряд до 100 человек, которым командовал лично Лигуй. Кроме того, на нем лежала обязанность обеспечения продовольствием всей милиции. Хотелось бы отметить, что организация земледельцев в отряды сельской милиции для охраны деревень и полей от чужаков и бандитов была традиционна для Китая (97).

По окончании смуты начальник поста Находка обратился к командиру Сибирской флотилии с ходатайством о награждении Лигуя памятным подарком в благодарность за помощь и в пример другим китайцам (98). В бытность Н.П. Синельникова генерал-губернатором Восточной Сибири Лигуя наградили «за содержание в порядке» китайского населения в долине р. Сучан почетным кафтаном (99).

После этих событий Лигуй выпадает из поля зрения русской администрации почти на 12 лет. Хотя в течение всего этого периода Лигуй продолжал оставаться главой китайского населения в районе, это не нашло отражения в документах. Складывается впечатление, что русская власть, наградив Лигуя и выделив его из массы китайского населения, сразу же забыла о нем.

В 1880 г. в силу неизвестных нам причин Лигуй отказался переправить через Сучан отряд штабс-капитана Наперсткова, между китайцами и отрядом произошла стычка. Лигуя арестовали и должны были выдать китайским властям с запретом появляться на территории России. Однако пограничный комиссар Н.Г. Матюнин, руководствуясь распоряжением М.С. Корсакова № 170 от 20 августа 1869 г. (все китайцы, находящиеся на территории Южно-Уссурийского края, являются русскими подданными) не выдал Лигуя, предложив сослать его в отдаленные районы края. Но в это время произошла смена высшего руководства области. На пост военного губернатора Приморской области был назначен М.П. Тихменев, который прекратил это дело в силу того, как глухо говорят документы, что Наперстков был не совсем прав (100).

В 1881 г. на пост военного губернатора Приморской области назначен И.Г. Баранов, с деятельностью которого связан новый подход к вопросу формирования системы управления китайцами. Отмечая, что при существующих порядках не может считать себя хозяином, настолько «сильно парализующее влияние китайской пограничной администрации на китайское население Края...» (101), он полагал, что «взгляд на китайцев вообще всеми пограничными властями был усвоен непонятно ошибочный, считали вправе всякие репрессарии и произвол над ними. Надеюсь (...) всем внушить, что на нашей земле все без различия должны пользоваться покровительством закона наравне с русскими» (102). В связи с этим им приняты меры к «ограждению китайцев, живущих на нашей территории, от насилия и смешивания с хунхузами» (103).

Для нормализации ситуации с управлением китайским населением под его руководством в 1881 г. составлена «Записка о личной и юридической правоспособности китайцев в Приамурском крае» (104), отправленная генерал-губернатору Восточной Сибири с первой зимней почтой. В сопроводительном письме он писал: «Огромный и безотложный труд организации пограничного дела и китайского населения сегодня окончен» (105).

В записке отмечалось, что вопрос о подданстве всех проживающих китайцев и маньчжур (за исключением зазейских маньчжур) остается открытым, так как предписание М.С. Корсакова считать китайцев русскими подданными «так и осталось без всякого применения тайною канцелярии», так как не было указано «ни способа натурализации, ни административно-

го строя для новых подданных». В силу этого предлагалось разделить население на две категории:

- I) натурализованных русскими;
- II) подданных Китая.

Для решения вопроса о подданстве проживавших у нас китайцев и выработки правил для дальнейшего управления ими, он предлагал созвать съезд с участием военных губернаторов Приморской и Амурской областей, цзян-цзюней (губернаторов) Хэйлуцзянской и Гиринской провинций. По мнению составителей записки, решение необходимо оформить в виде дополнительного договора, получить правительственные санкции, а затем объявить населению. Далее совместная русско-китайская комиссия должна провести перепись с целью установления гражданства и вручить каждому соответствующий национальный паспорт. Независимо от деятельности этой комиссии, русским властям нужно разработать и утвердить порядок натурализации в России желающих китайских подданных. Лиц I категории распределить по сословиям, а II – признать иностранцами. Особо отмечалась необходимость выяснения вопроса о подсудности китайцев российским законам, при этом высказывалось мнение о нежелательности признания права их экстерриториальности (106).

Практические шаги сделаны в Приморской области в 1881 г., когда на русском и китайском языках были вывешены объявления, в которых от имени Приморского военного губернатора китайцам, проживающим в Южно-Уссурийском крае, разрешалось оставаться в нем и свободно заниматься земледелием, торговлей и разными промыслами. Вводился запрет на истребление лесов для добычи древесных грибов и устройства засек для ловли зверей, а также хищническая разработка золотых россыпей. Из текста объявления следовало, что проживающие в крае китайские крестьяне находятся под покровительством русских законов и подчиняются русским властям. До сведения китайцев доводилось, что отныне они будут привлекаться к несению натуральных повинностей наряду с русскими крестьянами. Китайскому населению предписывалось избрать из своей среды старшин и их помощников, кандидатуры которых должны утверждаться начальником и пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края, после чего им предполагалось выдать печати. Выдача печати, кстати, стала нормой в практике российского делопроизводства, связанного как с крестьянскими обществами, так и с малочисленными народами. Это удивительно совпало с китайской традицией – печать была непременным атрибутом не только чиновника, но и любого социально значимого человека – печати имели купцы, промышленники и т.д.

В объявлении излагались обязательные для всех китайцев требования о беспрекословном исполнении законных требований старшин, через ко-

торых до них планировалось доводить распоряжения русских властей. Интересно то, что китайцам разрешалось выбирать из своей среды судей, имевших право судить и приводить в исполнение наказания в соответствии с китайскими обычаями, однако строжайше запрещалось приговаривать виновных к смертной казни. Отдельный пункт касался необходимости выборки русских билетов. Пойманные без билета китайцы должны высылаться за границу как бродяги (107).

Меры, принятые русской администрацией, не остались незамеченными в Китае. Китайские власти неоднократно заявляли протесты. Показателен текст одного из них, перевод которого И.Г. Баранов представил генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину 22 ноября 1881 г. Гиринский цзян-цзюнь Мин Ань отреагировал нотой на имя военного губернатора Приморской области, в которой он, напоминая содержание 1 и 8 статей Пекинского договора, ставил в вину пограничному комиссару то, что последний в Сучанском и Суйфунском округах «разослал объявления народу и, поставив чиновника для заведования китайцами, останавливает их занятия промыслами, не уведолив об этом местного чиновника Среднего государства и не посоветовавшись с ним, что поистине не согласуется с статьями договоров». Далее он отмечал, что «если подданные Китая не слушая властей возбудят злоупотребления, то причиною сего будет небрежное отношение к дружбе, чего следует опасаться» (108).

Для стабилизации ситуации, по высочайшему повелению китайского императора, в Приамурье был командирован чиновник 3 разряда Лицзинюн (109). Цель его визита декларировалась с подкупающей откровенностью – «для ограждения китайцев в местностях Хунчуня, Сучана и других». Небезынтересно отметить, что полномочия китайского чиновника распространялись не только на китайцев, проживавших в Китае (Хунчунь), но и в России (Сучан), что являлось нарушением договоров. Гиринский цзян-цзюнь обращался к военному губернатору Приморской области с просьбой приказать пограничному комиссару, «чтобы он со дня приезда имеющего павлинье перо Ли по делам заведования китайцами сносился с ним для избежания могущих возникнуть пререканий и для вешего укрепления дружественных отношений» (110).

Действительно, в середине октября 1881 г. в урочище Новокиевское прибыл гражданский начальник Хунчуньской области Лицзинюн с намерением встретиться с военным губернатором Приморской области. Военный губернатор оказался в Хабаровске и встреча не состоялась. Как частное лицо Лицзинюн посетил Владивосток, где ему оказал торжественный прием военный губернатор Владивостока А.Ф. Фельдгаузен (111). В ходе визита Лицзинюн пытался решить вопрос о размещении во Владивостоке отряда китайских войск (20-25 человек) для поимки хунхузов, но в этом

было отказано. Судя по документам, именно с фигурой Лицзинюна связано назначение старшины Лигуя главой всех китайцев от Сучана до Ольги и присвоение ему звания чиновника. Наш персонаж стал одним из трех получивших чиновничий ранг старшин, о которых стало известно русской администрации.

Таким образом, все меры, предпринимавшиеся русской администрацией, пристально отслеживались китайскими властями и вызывали ответную реакцию, как по дипломатическим каналам, так и по каналам неофициальным.

Однако вернемся к Лигую. Когда он вновь возникает на страницах русской официальной переписки, это уже далеко не прорусски настроенный человек. Известно, что в период между 1880 г. и вплоть до марта 1882 г. в его жизни произошли большие перемены: он посетил Хунчунь, получил белый хрустальный шарик чиновника 5 степени и должность правителя Сучана и соседних мест. 18 марта 1882 г. на сходе 300 китайцев, проживавших в Сучанской долине, был зачитан указ китайского правительства о назначении Лигуя правителем Сучана (112). По высочайшему повелению губернатор провинции Вэй-юн-фу, сановник 3 степени Ли передал следующее: «Всех китайцев, проживающих в Сучане, Су-цзы-хэ, Да-у-ху, Сяо-у-ху, Бу-сун должно руководить к счастью, преданности престолу, как доброму народу, проживающему вне пределов Империи и сыновьям одного Неба...» В обязанности Лигуя входили: обнаружение и захват воров и разбойников в местностях, «принадлежащих русским», снаряжение отряда для поимки хунхузов (113).

Русские власти узнали об этом событии к середине апреля от корейца Ивана. Интересно, что в рассказе Ивана о Лигуе появляется столь традиционный для русской политической истории периодов ослабления государственной власти мотив самозванства – якобы Лигуй, появившийся на Сучане, не «настоящий китаец, а разбойник», настоящий же Лигуй был убит при возвращении из Хунчунья. Такой оборот событий нам представляется маловероятным, ведь Лигуй несколько десятков лет прожил на Сучане и его прекрасно знали многие китайцы.

Получив в Китае официальное подтверждение своей власти, Лигуй помимо исполнявшихся им ранее обязанностей старшины, связанных с судебной практикой, организовал отряд численностью 40 человек, стал собирать дань, преследовать хунхузов, укрепил свою фанзу рвом и валом, превратив ее в крепость, стал назначать помощников (ввел должность заведующего гражданской частью на Сучане) (114). Лигуй имел постоянную связь с Китаем, откуда получал указы, распоряжения, приказы и прочие документы. Некоторые из таких приказов ему доставил Лицзинюн, о чем даже была сделана надпись на воротах дома Лигуя «Командирован-

ные по Высочайшему повелению сановники У (115) и Ли преподносят высочайший указ «Тщательно охраняющему пределы Южно-Уссурийского края» (116). Получаемые распоряжения были связаны с регламентацией жизни китайцев в России. Показателен текст распоряжения Гиринского генерал-губернатора. В нем сообщалось: «Хотя Владивосток и принадлежит русским, следует, чтобы китайцы отнюдь не удалялись, соблюдали обычаи и нравы своего отечества, имея примером некоего Ван Чжана, уступившего несколько лет тому назад землю русским, отданного под суд, как преступника, за измену народному обычаю. Если праздные люди узнают, что предпринимается (на родине), то должны молчать, в противном случае будет отрублена голова и человек закончит жизнь по-пустому» (117).

Разумеется, такая ситуация обеспокоила русскую администрацию. В апреле 1882 г. принимается решение послать в Сучанскую долину экспедицию для поимки Лигуя в составе роты I В.С. Линейного батальона (командир – штабс-капитан Порохин), четырех взводов конных казаков и дивизиона Горной Артиллерии (командир 1 конной казачьей сотни подполковник Винников), начальника Южно-Уссурийского округа П.А. Занадворова, начальника Сучанского участка князя Л.А. Кропоткина. И.Г. Баранов, напутствуя руководство отрядов, отметил: «Надеюсь, что в предстоящем походе на Сучан будут соблюдены порядок, дисциплина, не допустится ни малейших обид, притеснений, насилий не только в отношении русского, корейского населения, но и мирного манзовского (118). Однако китайская почта предупредила Лигуя о продвижении русского отряда, и он успел скрыться, оставив в своей фанзе помимо шапки с белым прозрачным шариком, знамени с иероглифом «мужество» и печати, еще и официальные документы, ставшие для нас сегодня ценным историческим источником, дающим возможность восстановить еще одну страницу истории. Для предотвращения повторения подобных ситуаций в начале 1883 г. было принято решение о размещении на рр. Сучан и Цимухе воинского отряда численностью в 150 человек (50 человек во Владимировке; 75 человек в Пинсау (Пингоу?), 25 человек на Цимухе) (119). Инструкцию руководству отряда, утвержденную военным губернатором Приморской области И.Г. Барановым, см. в Приложении 10.

Следует отметить, что впоследствии эпизод с Лигуем наряду с манзовской войной стал одним из главных аргументов при обосновании опасности присутствия китайцев в крае.

Спустя несколько лет история Лигуя была опубликована в «Русском вестнике», но в несколько трансформированном варианте. «Один китаец-авантюрист, Ли Чжуй, перешел границу во главе сотни отчаянных и хорошо вооруженных людей, пробрался в плодородную долину Сучана, выстроил там укрепление и прямо присвоил себе права власти не только в от-

ношении маньчжов, но и в отношении русских казаков и ссыльно-поселенцев деревень Владимировки и Александровки. Вдали от Владивостока Ли Чжуй стал распоряжаться словно самостоятельный царек, творил суд и расправу, взимал подати, страшно угнетал взрывами дикого своеволия инородцев и русское население» (120)

Позднее фигура Лигуя в русской документации не встречается, и нам остается предположить, что вероятнее всего он вернулся в Китай.

Вскоре из Сучанской долины исчезли и китайские деревни, так как в связи с началом массовой колонизации этого района и появлением русских переселенцев, китайцам «приказано было выселяться, (...) причем сделанные уже ранее посевы они могли снять, но вновь не сеяться» (121). Однако лишь незначительное количество китайцев покинуло пределы русского Дальнего Востока, большинство же «рассеялось, но осталось в пределах Приморской области» (122), пополнив ряды чернорабочих, промысловиков, прислуги.

Ситуация, сложившаяся в Сучанской долине в начале 80-х годов XIX в., представляется нам показательной. Увеличение интенсивности русско-китайских контактов в XIX в. наглядно продемонстрировало тот факт, что столкновение носителей разных политических культур, с одной стороны, порождает непонимание, недовольство между их представителями, и препятствует установлению добрососедских отношений, а с другой, – способствует их взаимовлиянию, взаимопроникновению и в конечном итоге приводит к значительным внутрисистемным модификациям (123).

В ходе такого взаимодействия становилось ясно, что здесь столкнулись две культуры с разными кодами, требовавшими взаимного умения читать этикетное поведение соседа. К сожалению, ни та, ни другая сторона не обладала в должной мере подобными знаниями, что рождало проблемы неадекватного восприятия и неадекватной интерпретации ситуаций.

Показательно мнение командира роты I Восточно-Сибирского Линейного Батальона штабс-капитана Г. Порохина, высказанное в письме от 31 мая 1882 г. Письмо было написано при необычных обстоятельствах. Георгий Порохин со своей ротой входил в состав сводного отряда, направленного в район Сучана для поимки Лигуя. После того как Лигуй ускользнул, на Сучане до особого распоряжения была оставлена рота Г. Порохина. Пробыв там более месяца, Г. Порохин писал: «я живу среди манз, старался и стараюсь познакомиться с их нравом и характером (...), которые, по правде сказать, совсем народ не худой. Если высказанное мною теперь в чем-либо и не сходится с тем рапортом, который мною представлен был Вам зимою, то не ставьте мне этого в вину, так как тогда я мало знал, а теперь знаю больше и теперь высказываю вам все совершенно искренне» (124).

Однако такой взгляд не являлся типичным, по крайней мере, в официальной переписке подобная позиция встречается не часто. В целом мы должны признать, что фактически это было время формирования и закрепления в сознании представителей русской администрации негативного этностереотипа китайца.

2.3. Русская администрация и зазейские маньчжуры: административно-управленческие и территориальные проблемы

Согласно ст. 1 Айгуньского договора маньчжурских жителей, находившихся по левому берегу р. Амура, от р. Зеи на юг до деревни Хормолдзин, предписывалось «оставлять вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали» (125). Таким образом, договором закреплялась экстерриториальность части населения, оседло проживавшего на самой границе Российской империи.

Вероятно, это был единственный в русской истории пример предоставления иностранцам, управлявшимся чиновниками соседнего государства, права жить по своим законам. Как свидетельствовали очевидцы, Н.Н. Муравьев-Амурский понимал, какая бомба замедленного действия заложена этим пунктом для дальнейших русско-китайских отношений, но в момент заключения Айгуньского договора ему было важно получить документ, подтверждавший права России на Приамурский край. Переводчик графа Н.Н. Муравьева-Амурского Я.П. Шишмарев вспоминал: «Китайские уполномоченные убедили [Муравьева-Амурского – Е.Н.] (...) в невозможности для них окончить дело заключения трактата без оговорки, касающейся маньчжурского населения между Зеей и Хормолдзином» (126). Н.П. Игнатьев также обращал внимание Н.Н. Муравьева-Амурского на «неудобство оставлять на левом берегу Амура маньчжурское население, могущее размножиться и создать нам большие затруднения в будущем». Однако генерал-губернатор Восточной Сибири полагал, что с укреплением русской власти можно будет привести это население в русское подданство, либо переселить на правый берег реки (127).

Этнический состав поселенцев не был однороден, среди них были китайцы (ханьцы), маньчжуры и дауры. В 80-х годах XIX в. подданные Цинской империи проживали в 63 поселках, из которых, по свидетельству П.Е. Грум-Гржимайло, лишь 37 подходили под категорию селений, а остальные являлись заимками, хуторами (128). Многолюдные, цветущие, богатые, живописные китайские, маньчжурские и даурские селения утопали «в густых, прекрасно сберегаемых садах» (129). Ежегодно со всех хозяйств, находившихся в Амурской области, в китайскую казну собиралось около

460 пудов конопли, 1204 воза угля и около 37000 пудов буды, весь хлеб сдавался в провиантские магазины в Айгуне (130).

Согласно данным, собранным комиссией И.Г. Сколкова, отношения русских и зазейских маньчжур складывались вполне дружелюбно. В первое время заселения бассейна р. Зеи и соседних станиц русские крестьяне и казаки брали у китайцев семена, скот, нередко займы, с обязательством уплатить при первой возможности. Зачастую мена, покупка совершались ночью, с целью обмануть бдительность местного нойона и избежать штрафа или незаконных поборов. Эти соседские отношения сохранялись и на момент посещения Приамурья комиссией И.Г. Сколкова (1869 г.). Отмечалось также, что русское население не заимствовало китайского способа хозяйства, хотя китайцы иногда пользовались русским плугом или сохой. В 80-е годы XIX в. китайцы, ранее не запасавшие сена, стали перенимать от русских способ его заготовления (131). В Айгуне при помощи русских мастеров была построена конная мельница, многие стали употреблять коровье молоко и доить коров. Комиссия И.Г. Сколкова пришла к выводу, что «затруднения в более тесном сближении русского с китайским населением на Амуре создаются не народом китайским, но правительством, которое до сих пор старается, при посредстве бюрократии, полагать этому сближению возможные препятствия» (132). Следует отметить, что многие русские чиновники и представители власти осознавали необходимость установления тесных дружеских отношений с зазейскими маньчжурами. Посетивший в начале 60-х гг. р. Амур С. Максимов отмечал: «К незнакомому мудреному китайцу мы не можем подойти слишком близко за незнанием его языка, за недостатком доверия с его стороны, доверия, которое мы еще не успели и не умели возбудить и вызвать. Мы можем судить обо всем только гадательно, и потому, скорее ошибочно, чем вероятно» (133). Для того, чтобы преодолеть отчуждение военный губернатор Амурской области Н.В. Буссе решил издавать для русских и маньчжур единую газету на двух языках – «Друг маньчжур». В 1859 г. он обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому с ходатайством о разрешении выпускать газету. Вскоре разрешение было получено, оборудование закуплено в Санкт-Петербурге и доставлено в Благовещенск, но выпуск так и не был налажен, видимо, из-за отсутствия ориенталистов и специалистов в типографском деле (134).

Как и предполагали наиболее дальновидные русские чиновники, существование сел зазейских маньчжур на русской территории стало настоящей проблемой для русской администрации. Любое ее действие в отношении этой группы населения вызывало немедленную реакцию со стороны не только местных китайских властей, но и Пекина. Со временем стали очевидны различия в понимании русской и китайской сторонами 1 статьи

Айгуньского договора. Русская администрация считала, что территория, на которой проживают зазейские маньчжуры, является частью России и предоставлена маньчжурам в пользование, причем этим правом могли воспользоваться лишь те, кто проживал на левом берегу Амура в момент подписания договора. Китайские власти стали рассматривать территорию проживания зазейских маньчжур в качестве китайской территории. Хэйлуцзинский генерал-губернатор в 1886 г. писал, что местность, занятая «в окрестности от р. Зеи до д. Хормолдзин, надо понимать, (...) принадлежит Китайскому государству» (135).

Административно жители района были приписаны к Айгуньскому фудунству. Все мужское население считалось знаменным. Ежегодно во втором и восьмом месяцах по лунному календарю юноши, достигшие 18 лет, отправлялись в Айгунь на учения. Кроме пригодных к действительной военной службе мужчин, на военную службу призвалось и ополчение (си-дань бин) (136).

Китайские подданные не признавали юрисдикции российских властей. В случае совершения правонарушения их отправляли в г. Айгунь для приписания к ответственности судом Цинской империи. К зазейским маньчжурам регулярно из Китая прибывали чиновники для сбора податей и налогов (137).

Сельские общества китайских подданных управлялись старшинами, назначенными китайскими властями. В зависимости от количества жителей в каждом селении назначалось от 2 до 6 старшин, которые наблюдали за порядком в селении, исправностью путей сообщения, производили сборы в казну, высылали людей на службу по требованию правительства и составляли сельский суд, который разрешал мелкие споры, крупные же дела были в компетенции Айгуньского Амбана (138).

Так продолжалось до тех пор, пока пост военного губернатора Амурской области не занял И.Г. Баранов. В 1880 г. по его распоряжению для сбора подробных сведений о китайских подданных в пределах области был направлен горный исправник Павлищев с переводчиком Миротворцевым. Итоги командировки Павлищева, нашли отражение в составленной им записке «О положении населения Амурской области, считающихся китайскими подданными», где были приведены сведения об их численности, занятиях и управлении (139).

И.Г. Баранов изучив собранные данные, счел сложившееся положение неприемлемым, о чем и доложил генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину. Однако из Иркутска последовал ответ: «... предместники Вашего Превосходительства, обращаясь к Айгуньскому Амбану по делам маньчжурского населения, поступали вполне правильно (...) было бы крайне желательно сохранить добрые отношения как к маньчжурским, так и ки-

тайским властям, к чему, судя по прежним временам, сохраняется полная возможность» (140).

Однако, судя по всему, ситуация из Благовещенска и Иркутска представлялась разной. Осенью 1880 г. И.Г. Баранов неоднократно направляет запросы в Иркутск, суть которых сводится к следующему – какими правами пользуются проживающие на левом берегу китайские подданные, на кого из них эти права распространяются, как должна строить местная русская власть отношения с этим населением. Помимо конкретных вопросов, требовавших санкции Иркутска, рефреном проходила мысль о том, что маньчжуры смотрят на русских как на временных пришельцев, поэтому необходимо «исподволь заставить маньчжурское население относиться с полным уважением к местным властям и порядку» (141).

Настойчивость военного губернатора принесла свои плоды. Д.Г. Анучин, уже разделяя взгляды И.Г. Баранова, обратился за советом в императорскую российскую миссию в Пекине к А.И. Кояндеру. 14 января 1881 г. А.И. Кояндер направил Д.Г. Анучину послание с грифом «Весьма секретно», в котором не только высказал согласие с позицией И.Г. Баранова, но и выразил свое личное мнение: «в наших интересах было бы малопомалу и исподволь, не подавая однако по возможности повод китайским властям к жалобам на нас, приучать этих маньчжур к мысли, что они, по меньшей мере, настолько же зависят от наших начальников, насколько и от китайских» (142). Секретное донесение коллежского советника А.И. Кояндера было представлено императору Александру III, который одобрил этот подход (143). 22 апреля 1881 г. Азиатский департамент МИД направил генерал-губернатору Восточной Сибири секретное предписание в котором признавалась полезность «приручения китайцев в русских пределах» и давалось указание «избегать каких-либо крутых мер, могущих подать пекинскому правительству повод к жалобам на неисполнение нами 1 статьи Айгуньского договора» (144).

В связи с тем, что численность китайского населения на русском берегу Амура возрастала как за счет естественного прироста, так и за счет миграций, русской администрацией в 1880 г. был предпринят ряд практических мер: маньчжурским властям предъявлено категорическое требование о безусловном запрещении китайским подданным проникать в наши владения без разрешения русских властей, захватывать земли и рубить лес, кроме того, решено провести временную межу, ограничивавшую земли, занятые маньчжурами. Первое размежевание, проведенное в том же году землемером Лузиным и айгуньским чиновником Селимбату, закрепило за цинскими подданными 145800 десятин земли (145).

С начала 80-х годов XIX в. все явственнее обозначалась разность подхода к статусу зазейских маньчжур и занятой ими территории со стороны

китайских и русских властей. В 1881 г. военный губернатор Амурской области докладывал генерал-губернатору Восточной Сибири, что во время встречи с представителями китайской администрации звучало мнение о том, «что китайский богдыхан по дружбе к императору России дозволил русским пользоваться в Амурской области лишними угожьями», о чем и были составлены договора (146). В распространенном в начале 80-х гг. среди жителей зазейского района манифесте маньчжурских властей эта же мысль выражена менее корректно: «Русские, теснимые голодом и холодом, просили у богдыхана позволения поселиться на Амуре, и он позволил им там жить, пока они не потолстеют» (147). Таким образом, китайские представители считали, что Россия действует «совершенно против трактатов отмежевывая государственные земли с постановкой межевых знаков в общественную и личную собственность». Военный губернатор отмечал, что «так смотрит население Маньчжурии на эту проблему и, по всей видимости, также смотрят на дело высшие власти Китая» (148). Генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, после получения инструкций из Петербурга, уже не только не сомневался в необходимости укрепления русской власти в этом районе. В июне 1881 г. он писал подполковнику Генерального Штаба А.Ю. Назарову: «Я принял твердое намерение положить конец территориальному распространению китайцев в Амурской области, с подчинением их нашим властям по меньшей мере настолько же насколько они ныне зависят от китайских чиновников» (149). В связи с этим А.Ю. Назарову поручалось «произвесть топографические работы, означить на плане разработанные земли, луга, угожья как китайских, так и наших крестьян и казаков (...) дабы по плану можно было проектировать граничную черту (150). Согласно данным собранным подполковником Назаровым китайские поселенцы на Амуре занимали полосу 66 верст длиной и до 20 верст шириной (151). В течение 1882 г. русские власти не принимали решительных мер по отношению к зазейскому анклав, обсуждались вопросы о способах проведения новой межевой черты (единой граничной линией или для каждого селения отдельной), возможности введения денежного обложения, шел поиск приемлемых в будущем форм управления этой группой населения.

В конце августа – начале сентября 1883 г. русская администрация решила на повторное одностороннее обмежевание, проведенное землемером Лузиным и межевым ревизором Маховым. Уже 6 сентября, прибывшие из Айгуня китайские власти заявили протест. Позиция русской стороны, сформулированная военным губернатором Амурской области П.С. Лазаревым заключалась в следующем: «по трактату, весь левый берег Амура принадлежит русским, (...) маньчжуры поселены на русской территории и пользуются русской землей». Исходя из этого, правительствен-

ные власти свободны в своих действиях на этом участке и никакого изменения в произведенных межевых работах не может быть сделано, а «тем более произведена проверка этих работ с участием китайских чиновников» (152). Приезд в конце сентября на левый берег Амура Айгуньского амбана также не заставил русские власти изменить свою позицию.

Китайские власти расценили поведение русских чиновников как осознанную попытку ухудшить приграничные отношения. Хэйлуцзянский цзянь-цзюнь докладывал своему начальству (11.11.1883 г.): «они (русские – Е.Н.) умышленно ищут повода к раздору и производят возбуждение» (153).

Тем не менее, постановлением генерал-губернатора Восточной Сибири от 9 декабря 1883 г. за маньчжурами закреплялось 108008 десятин земли – больше, чем они занимали в 1858 г., но меньше, чем в 1880 г. Как отмечено в отчете, это произошло в связи с тем, что, «лишние» десятины отрезаны «для выпрямления границы из неправильно ими захваченной земли» (154). Отвод земли осуществлялся из расчета 17 десятин на душу. Все угодья и постройки, зазейских маньчжур, оказавшиеся за межевой чертой оставались в бесплатном пользовании до 1891 г. За порчу межевых знаков предусматривалось наказание по русским законам (155). На освобожденной территории были образованы новые надель, которые передавались в бесплатное пользование до 27 апреля 1891 г. Продажа их иностранцам запрещалась (156).

Разъясняя сущность этой размежевания 1883 г., Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф в 1891 г. указывал: «мера эта была исключительно внутренняя, потому что земли по ту и другую сторону означенной черты принадлежат, без всякого сомнения, русскому государству» (157).

Решительные протесты зазейского населения, активная переписка Цицикарских и Айгуньских властей с Благовещенском и, наконец, вмешательство Цзунлиямыня позволили китайской стороне провести новое двустороннее размежевание в 1887 г. От села Будин до села Хуаншань (ныне с. Муравьевка) в присутствии самих зазейских маньчжур была выкопана канава глубиной 3 чи (около одного метра) и составлены топографические карты. Однако, в связи с нерешенностью вопроса о принадлежности участка, занимаемого цинским подданным Суджунгой, межевые работы не были проведены в южной части анклава от села Хуаншань до берега Амура (158).

Кроме размежевания принимались и другие меры – установлены казачьи посты, переправы через реку, изъятая земля передавалась русским поселенцам. Зимой 1886 г. Приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфом было отдано распоряжение военному губернатору Амурской области А.С. Беневскому «осторожно и постепенно произвести перепись китайс-

кого населения левого берега Амура» (159). Китайские власти выразили протест против попыток русской администрации провести перепись, установить пикеты на границе, ввести паспортную систему. По их мнению: «коль скоро маньчжуры изъяты из ведения российского правительства, то и не следует принимать таких мер. Вход, выход, поездки их должны быть свободны и зависеть от них самих» (160).

Дополнительную неразбериху создавали циркулировавшие слухи, что осложняло ситуацию. Так в 1887 г. командир амурского конного казачьего полка сообщал, что между маньчжурским населением носятся слухи о намерении китайского правительства вскоре переселить в район маньчжурских поселений нашего берега еще до 20 тыс. китайских подданных (161). Сегодня трудно судить, насколько эти слухи соответствовали действительности, но, без сомнения, они способствовали сохранению напряженности.

Для решения вопроса зазейских маньчжур необходимо было определить ту правовую базу, на основе которой могли приниматься решения. В 1887 г. А.Н. Корф в программе деятельности администрации приамурского края указал на необходимость подчинения зазейских маньчжур русским законам.

В 1894 г. пограничный комиссар Южно-Уссурийского края статский советник Н.Г. Матюнин представил министру финансов С.Ю. Витте, министру иностранных дел Н.К. Гирсу, а также графу А.П. Кассини, возглавлявшему русскую миссию в Пекине, записку «О китайцах и маньчжурах, проживающих на левом берегу Амура». По мнению пограничного комиссара Матюнина, исходившего из того, что подписание Пекинского договора аннулирует положения Айгуньского, русское правительство имело полные основания относится к зазейским маньчжурам, как к прочим иностранцам в России. В силу того, что договорами не оговорено безвозмездное пользование земель, автор записки считал необходимым введение подушных (3 руб. в год) и поземельных (1 руб. 20 коп. за десятину) сборов. Наилучшим вариантом Н.Г. Матюнин считал выселение зазейских маньчжур в Китай, но он отмечал, что достигнуть этого можно лишь со временем, «путем выдачи субсидий семьям, желающим уйти от нас на родину» (162).

Однако министр иностранных дел Н.К. Гирс не согласился с тем, что статья I Айгуньского договора отменена статьей I Пекинского. Несмотря на одобрение большинства предложений, изложенных в записке, отметив ошибочность взгляда на Айгуньский договор, как на утративший силу, он счел возможным обложение зазейских маньчжур податью. Осуществление каких-либо активных действий в отношении этой группы населения Н.К. Гирс считал неприемлемым. В то же время, по его мнению, необходимо обратить внимание на подчинение русским законам тех китайцев,

которые селились в селах зазейских маньчжур уже после заключения договоров.

Для изучения ситуации на месте и сбора информации по указанию Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского зимой 1894 г. в селения зазейских маньчжур был командирован П.П. Шимкевич. Сбор сведений встретил непредвиденные сложности – китайские старшины, ссылаясь на незнание русского языка, отказывались от беседы. Со вступлением в переговоры переводчика Бадмажапова старшина деревни Большой Гильчин ответил, что «без разрешения айгуньского амбана и в отсутствии китайских чиновника требования русских властей исполнить не может» (163). По свидетельству Бадмажапова, «пристав в виду строгого распоряжения военного губернатора говорил очень вежливо, а старшина, напротив, горячился и доказывал, что у них есть свой губернатор, приказаниям которого они безусловно подчиняются, а потому исполнение требований русских чиновников для них не обязательно». Попытка арестовать старшину привела к тому, что собралась толпа, требовавшая его освобождения. Несмотря на удовлетворение этого требования, «толпа выгнала русских, бросая камни, палки, с криком и руганью гналась» за ними (164). Подобный прием был оказан русским чиновникам и в других селах. Пограничный комиссар отмечал: «почти повсюду дети и женщины провожали нас бранью и комками грязи» (165).

В то время, когда областная администрация искала выходы из создавшегося положения, приамурский генерал-губернатор в декабре того же 1894 г. получил отношение от товарища Министра внутренних дел, информировавшее о ходе совещания по торговле с Азиатскими странами, созванного при министерстве финансов, где признавалось необходимым подчинение китайских подданных, поселившихся в Амурской области, русской администрации и обложение их поземельными сборами. МИД дал разъяснения в том же духе, что и Н.К. Гирс в резолюции на записку Н.Г. Матюнина. Тем не менее, министр финансов С.Ю. Витте, ссылаясь на ст. 1 Пекинского договора, высказался за подчинение маньчжур русской администрации. Проблема зазейских маньчжур стала предметом обсуждения в 1895 г. в Государственном совете при решении вопроса об учреждении управления пограничного комиссара в Амурской области. Проект предусматривал, кроме пограничных сношений, поручить пограничному комиссару заведование полицейской частью в приграничной местности. В круг его обязанностей предполагалось включить выяснение числа лиц, подведомственных китайскому правительству, проведение мероприятий по обложению податями маньчжур, проживавших на левом берегу Амура (166).

Таким образом, русские чиновники, стоявшие на разных ступенях вла-

сной иерархии, придерживались двух взаимоисключающих вариантов интерпретации договоров.

Согласно одной точки зрения, 1 статья Пекинского договора отменяет 1 статью Айгуньского, поэтому русские власти вправе осуществлять свою юрисдикцию над китайцами и маньчжурами. Эту точку зрения разделял и Н.Н. Игнатьев, подписывавший Пекинский договор (167).

Вторая позиция связана с представлением, что Айгуньский договор остается в силе, поэтому постепенно, не нарушая его положений, необходимо приучать маньчжур к мысли о том, что они живут на русской земле. Несмотря на столь существенные разногласия в высших эшелонах власти, местной администрации приходилось в своих ежедневных решениях считаться с присутствием этой группы населения на подведомственной ему приграничной территории.

Для того чтобы разурбить этот гордиев узел С.М. Духовской в письме графу А.П. Кассини, императорскому посланнику в Пекине, предлагал признать «всех проживающих на нашем берегу Амура китайских подданных, без разграничения по племенам как принадлежащих к тем жителям Забайкальской территории, которые были приняты нами по трактатам, и провести совместно с китайскими властями поголовную перепись этому населению, по окончании которой снабдить население удостоверениями», освобождаящими от необходимости ежегодной выборки билетов (168). За

Духовской Сергей Михайлович (7.10.1838 – 1.03.1901) – Приамурский генерал-губернатор, генерал от инфантерии, член Государственного Совета. Воспитанник 1 кадетского корпуса. В 1862 г. после окончания Николаевской Инженерной и Николаевской генерального штаба академии был назначен в штаб Кавказской армии. В 1863 и 1864 гг. – начальник штаба Даховского отряда, завершившего покорение восточного побережья Черного моря. С 1867 г. – начальник штаба Кубанской области, а с 1870 по 1872 гг. – помощник начальника штаба Кавказского военного округа. С началом военных действий против Турции назначен начальником штаба отдельного Кавказского корпуса, при взятии крепости Ардагана стоял во главе одной из штурмовых колонн; позже командовал особым отрядом в Курдистане. После заключения мира назначен председателем соединенной русско-турецкой пограничной комиссии. Затем исполнял обязанности военного губернатора Эрзерумской области. С 1881 г. – начальник штаба Московского военного округа. С 1893 по 1898 гг. – Приамурский генерал-губернатор, командующий войсками Приамурского военного округа. С 1898 г. по 1901 г. – Туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа.

пользование государственной землей С.М. Духовской предлагал облагать их сборами наравне с русскими крестьянами Амурской области, а также ввести для них натуральные повинности. А.П. Кассини одобрил предложения С.М. Духовского. Помимо этого приамурский генерал-губернатор выступил с инициативой учреждения в Амурской области должности пограничного комиссара. Это было вызвано тем, что по его мнению одна из причин прежних неудач, состояла в «отсутствии в составе амурской областной администрации специального должностного лица, которое бы ведало дипломатической частью и пограничными сношениями и постоянно следило бы за результатами принимаемых в отношении китайцев мер» (169). 15 апреля 1896 г. Мнением Государственного Совета в Амурской области учреждалась должность пограничного комиссара (170). 23 июля 1896 г. на этот пост был назначен Бронислав Людвигович Громбчевский, до этого служивший в Туркестанском округе.

Как это часто бывало, внедрение в жизнь проекта С.М. Духовского шло медленно, встречая препятствия. В 1897 г. пограничный комиссар Амурской области Б.Л. Громбчевский докладывал военному губернатору, что выполнить поручения генерал-губернатора об обложении маньчжур податью за землю и выдачи оседлому населению паспортов, а торговцам – патентов, чрезвычайно сложно, так как он встретил «полное противодействие, как со стороны сельской администрации, так и сельского населения. Старшин приходилось разыскивать и приводить силой... Только уступая силе, они собирали народ, громко заявляя, что они не признают русских властей, а подчиняются исключительно Айгуньскому амбаню» (171). Часто старшины давали показания заведомо ложные. В одной из деревень старшина заявил, что поверит тому, что они проживают на русской земле, лишь в том случае, когда к ним перестанут приезжать китайские чиновники, а починяться двум властям они не могут. В сложившейся ситуации, по мнению пограничного комиссара Амурской области, выполнение распоряжений генерал-губернатора относительно обложения податью за землю, выдачи оседлому населению удостоверений, а торговцам – патентов, было возможно лишь при взаимодействии с китайскими чиновниками.

Вопрос требовал решения на правительственном уровне. Однако русский МИД не считал целесообразным обращаться к Пекину, советуя местной администрации проводить «политику постепенного приучения маньчжур к нашей власти».

Позиция русских дипломатов несколько изменилась в 1898 г. Так, первый секретарь русского посольства в Пекине А. Павлов сообщил, что, по его мнению, наступил подходящий момент для радикального решения вопроса (172). Он считал возможным склонить китайское правительство к

заклучению соглашения, по которому раз и навсегда могла быть устранена юрисдикция китайских властей на левом берегу Амура, а если такого соглашения достигнуть не удастся, то необходимо получить от Цзунлиямыня предписание, «дабы местные китайские власти не препятствовали русской администрации управлять русской территорией с китайским населением» (173).

А.И. Павлов считал, что подписание такого соглашения возможно, если в соответствии с 1 статьей Айгуньского договора будет признано сохранение китайского подданства за зазейскими маньчжурами и подтверждено их право владения землей, которой они пользовались до заключения договора. По его мнению, ко всем остальным жителям левого берега следовало применять те же правила, что и ко всем китайцам в Приамурье (174).

Однако дипломатическое урегулирование этого вопроса затягивалось. В январе 1900 г. военный губернатор Амурской области сообщал приамурскому генерал-губернатору о необходимости обложения зазейских маньчжур сборами, отмечая однако, что по политическим обстоятельствам этот вопрос может быть решен только через дипломатические переговоры (175).

На рубеже столетий стало чувствоваться осложнение обстановки на русско-китайской границе. В июне 1899 г. все маньчжуры в возрасте от 18 до 40 лет были призваны на военную службу в Айгунь (176). В декабре 1899 г. айгуньский амбань самовольно выставил на территории зазейских маньчжур военный пост с 35 солдатами и 2 офицерами. Русские власти предложили посту удалиться. После того, как это предложение было отвергнуто, китайских военных, не оказавших никакого сопротивления, разоружили и отправили на правый берег Амура (177).

В начале конфликта летом 1900 г., как следует из отчета Н.И. Гродекова, «все маньчжуры тайно переправились с семьями и имуществом на другую сторону Амура, к своим соотечественникам, уже открывшим против нас неприязненные действия» (178). Один из жителей Благовещенска, чьи заметки о событиях этого лета были опубликованы в «Восточном вестнике», сообщал следующее. «Большая часть [жителей маньчжурских деревень – Е.Н.] убежала за границу и там, вооружившись и получив значительную подмогу от своих войск, сделала вылазку на наш берег, сожгли пикет и заставили отступить небольшой, высланный против них, отряд русских. Но подоспевшие наши войска (солдаты, казаки и орудия) произвели большой урон недисциплинированной толпы: маньчжуры в ужасе бросали свои ружья и бежали в рассыпную, тщетно ища спасения. Почти все пересадившиеся на наш берег маньчжуры погибли» (179). В результате этой стычки, произошедшей 5 июля, противник потерял около 700 человек (180).

Гродеков Николай Иванович (22.09.1843 , Елизаветград (Кировоград) – 12.12.1913, Петербург) – генерал от инфантерии, член Государственного Совета (с 1902 г.), постоянный член Совета государственной обороны (1905-1913 гг.) первый председатель Приамурского отдела Российского географического общества (1894-1898 гг.), с 1902 г. почетный гражданин г. Хабаровска. Из потомственных дворян Херсонской губернии. В 8 лет был отдан в Александровский сиротский кадетский корпус, после окончания которого продолжал учебу в Константиновском военном училище. Окончил училище в 1862 г. Служил в стрелковом батальоне, лейб-гвардии Гренадерском полку. В 1868 г. окончил курс Академии Генерального штаба и до 1873 г. служил на Кавказе. С 1873 г. – в Средней Азии, участник Хивинского похода. В 1883-1893 гг. – военный губернатор Сыр-Дарьинской области. В 1893 г. назначен помощником Приамурского генерал-губернатора. 28 марта 1898 г. назначен Приамурским генерал-губернатором. В период восстания ихэтуаней (1900 г.) руководил обороной Приамурского края и действиями русских войск на территории Северной Маньчжурии. В 1902 г. вышел в отставку. В 1906 г. был назначен командующими войсками на Дальнем Востоке с правами главнокомандующего. С 1906 г. по 1908 г. – Туркестанский генерал-губернатор. Награжден: орденами Св. Анны III ст., Св. Георгия IV ст., Св. Владимира I ст., Белого Орла и другими.

Таким, образом, неразрешимая дипломатическим путем проблема разрешилась летом 1900 г., когда в связи с инцидентом в районе Благовещенска селения зазейских маньчжур на русском берегу Амура опустели.

После окончания боевых действий на Амуре приамурский генерал-губернатор констатировал: «ввиду того, что группа этого иноплеменного и недружественного к русским населения представляла явную аномалию на нашей территории и в течение долгих лет не обнаруживала признаков сближения с русскими, ныне сделано распоряжение, чтобы ушедшие зазейские маньчжуры не допускались обратно на прежние места жительства» (181).

17 ноября 1901 г. императорским указом земля от р. Зеи на юг до бывшей деревни Хормолдзин, названная Зазейским районом, была предоставлена для заселения Амурскому казачьему войску «в воздаяние за доблестную службу казаков этого войска при защите Приамурского края и в последних военных столкновениях с китайцами» (182).

По инициативе Хэйлуцзянского губернатора, указывавшего, что вследствие событий 1900 г. более 10 тысяч человек попали в бедственное состояние, не имея средств к существованию, китайскими властями неодно-

кратно поднимался вопрос о возвращении зазейских маньчжур на левый берег Амура. Российское правительство считало, что маньчжуры, эмигрировавшие в Китай, потеряли права, дарованные Айгуньским договором (183). Анализируя создавшуюся ситуацию, российский МИД в качестве возможной меры по урегулированию проблемы предлагал проведение переговоров по индемнизации, уплаты вознаграждения, «с тем, чтобы китайцы отказались от каких бы то ни было дальнейших домогательств» (184).

Тем не менее вопрос земель Зейского района возникал в 1907 г., когда китайское правительство вручило несколько нот русскому посланнику в Пекине. В 1910 г. при посещении Приамурского генерал-губернаторства лаотаем Ли, он, выразив желание посетить Зейский район (Николаевский станичный округ), неоднократно поднимал вопрос о его возвращении, давая понять, что посланник в Санкт-Петербурге лично доведет это требование до императора, а в случае отказа грозил обратиться в международный суд (185). Обширная дипломатическая переписка между Китаем и Россией по этой проблеме не привела к решению, устроившему обе стороны. Вопрос о землях зазейских маньчжур был вновь поднят Китаем на пекинских консультациях 1964 г., в ходе которых китайские представители выдвинули претензию на сохранение прав китайских граждан проживать в пределах Советского Союза на участке восточнее слияния Зеи с Амуром у Благовещенска. Эти претензии советские дипломаты отклонили, а руководитель делегации П.И. Зырянов подчеркнул, «что в договоре нет ни единого слова о принадлежности Китаю территории в этом районе» (186).

* * * *

Таким образом, существование многочисленных групп китайских мигрантов в крае сопровождалось значительными сложностями в деле контроля и надзора за этой категорией населения, но в рассматриваемый период проблема не нашла адекватного решения. Русская администрация не смогла разработать и осуществить целостную программу, обеспечивавшую эффективный контроль над китайским населением на русской территории. Представляется, что наиболее весомыми можно назвать следующие причины:

- недооценка значения этой этнической группы как политического фактора, и, как следствие, представление о нецелесообразности создания для нее специальных структур управления на начальном этапе освоения территории;
- исключение китайского вопроса из числа приоритетных задач в силу малочисленности администрации и неисчислимости проблем, требовавших неотлагательного решения;
- отсутствие правовой базы, позволявшей в законодательном по-

рядке разрешать ситуации, которые были характерны для Приамурья;

- отсутствие чиновников, знавших китайский и маньчжурский языки, обычаи и традиции этих народов и способных принимать решения с учетом национальной специфики китайцев;
- зависимость местной администрации от центра, который нередко отдавал приоритет общегосударственным интересам в ущерб региональным;
- влияние на политику местных властей по отношению к китайским подданным конкретной ситуации, складывающихся в русско-китайских отношениях;
- различие во взглядах генерал-губернаторов на китайский вопрос, неумение и нежелание отдельных чиновников принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность.

Существовали и объективные факторы этнокультурного порядка, затруднявшие взаимодействие русской администрации с китайцами. Фактором, препятствовавшим введению русского управления, на наш взгляд, являлась автономность китайских общин от иноэтничного мира. При этом специфика организации жизни китайской общины была такова, что внутренний уклад оставался недоступным взору стороннего наблюдателя. Немаловажным являлось и то, что, в отличие от корейцев, демонстрировавших хотя бы внешние признаки аккультурации, китайцы обладали не только явно выраженным этническим самосознанием, но и демонстрировали свое присутствие на данной территории как на «своей», что при определенных политических обстоятельствах могло представить угрозу целостности Российской империи в этом регионе.

В качестве рабочей гипотезы представляется, что неперенным атрибутом механизма адаптации китайской этнической группы на новой территории является воспроизведение общинных отношений. Остановимся подробнее на специфике китайской общины. Рассмотрим некоторые особенности китайской эмиграции, учитывая, что в процессе освоения новых территорий каждый народ реализует свою адаптационно-деятельностную модель. Исследователь китайской эмиграции С.Р. Лайнгер выделяет в качестве наиболее характерных черт общины следующие характеристики: ее замкнутость, изолированность, иерархический характер с четко установленной системой координации и субординации, прочность семейно-родственных уз, предпочтение, отдаваемое родству по крови перед родством по браку, материальная поддержка членов общины, осуществляемое общиной над своими членами право гражданского и уголовного суда, контроль за соблюдением многочисленных традиций и ритуальных культов, организация и проведение всевозможных празднеств и торжеств (187).

Кроме того, типичными для китайской эмигрантской общины являлись эндогамность и дисбаланс половой структуры. В качестве характерной психологической доминанты можно выделить ощущение временности эмиграции наряду с осознанием тесной и живой связи со своими родовыми общинами. Не менее важно и то, что не только человек считал себя членом клана или общины, но и на родине его считали полноправным членом «материнской» общины. Причем это «заочное» членство в общине передавалось потомкам эмигранта мужского пола. Благодаря этому, по мнению С.Р. Лайнгер, китайские эмигрантские общины в разных частях мира можно рассматривать как дочерние общины (суб-общины) по отношению к подобным структурам, существовавшим в Китае (188). Именно такое двойное членство укрепляло связь эмигрантских общин с теми, кто находился в Китае и препятствовало ассимиляционным процессам.

Другой важной характеристикой китайцев, составлявших эмигрантскую общину, являлся их этноцентризм, остававшийся актуальным и в XIX в. Особенность китайского этноцентризма заключается не просто в признании собственного превосходства, но в качественном отличии китайцев (цивилизированного народа) от варваров. Восприятие европейцев как варваров закрепилось в годы правления Юнчжэн (1723-1735 гг.), тогда же европейские государства наряду с восточно-азиатскими стали рассматриваться как «территории, занятые варварами» (189).

По свидетельству китайского исследователя Лю Цзэнхэ, различия между европейской и китайской культурами и ошибочные представления китайцев о западной культуре заставили их смотреть на европейцев как на «варваров», не отличавшихся от животных, поскольку европейцы, в противоположность конфуцианским нормам, чтити свою религию и своих религиозных пастырей выше своих родителей (190). Однако, по мнению того же исследователя, в середине XIX в. началась трансформация образа европейца, что выразилось в переходе от представления о международных отношениях Китая как о «ведении дел с варварами» (иу) к представлению о ведении дел с иностранцами (яньу).

В связи с этим интересна трансформация образа русских, получивших после первых контактов в Приамурье в середине XVII в. наименование «лоча», что является транслитерацией санскритского слова «ракша» – «демоны, преследующие людей» (191). Такое наименование объясняется традицией в соответствии с которой всем «варварам четырех сторон света» присваивались какие-либо уничижительные названия. Американская исследовательница Найлин Ж. Чжоу полагает, что вплоть до середины XIX в. среди китайцев сохранялся взгляд на русских как на «хужэней» – варваров из вассального владения, и только после опиумных войн стали воспринимать русских в Китае как янжэней (заморских варваров), т. е. как европей-

цев (192). Об этом свидетельствует и китайское донесение о появлении в верховьях р. Иман экспедиции В.К. Арсеньева, в котором по отношению к членам русской экспедиции употреблен термин «янжэнь» (193).

Коллежский ассессор А.Н. Грушецкий, давая анализ положению китайцев в Приамурье (1898 г.), отмечал: «мы в ее глазах (китайской массы – Е.Н.) такие же западные варвары, как и другие иностранцы и инородцы, такое отношение китайцев ко всему некитайскому воспитано веками и очень глубоко усвоено ими» (194).

Такой взгляд на остальной мир обусловил потребность воспроизводства в рамках китайской эмигрантской общины уклада жизни, обеспечивавшего эмигрантам максимальный психологический комфорт – сохранялся родной язык, в том числе и диалекты, кухня, традиционные праздники и ритуалы, национальный костюм и т.д. Исследователи практически единодушны в том, что китайские кварталы во всем мире являются Китаем в миниатюре. Таким образом, неотъемлемым атрибутом адаптации китайцев на новой территории является создание замкнутой, недоступной «чужому» общины.

Заметим, что ситуация этнокультурного взаимодействия усугублялась еще и тем, что взаимодействовали не просто группы, принадлежавшие к разным этносам, а группы, имевшие разные цивилизационные истоки. Китайцы – выходцы из страны, где мировоззрение в течение многих веков формировалось под влиянием конфуцианской доктрины, с ее собственными уникальными представлениями о должном устройстве общества. В основе этических представлений лежало учение о «благородном муже» (цзюнь-цзы), обладающем главными добродетелями: человеколюбием (жэнь), сыновней почтительностью (сяо), чувством долга (и), знающего нормы поведения и правила (ли), имеющего знания (чжи).

Остановимся подробнее на правилах (ли) и сыновней почтительности (сяо). В основе правил (ли) лежали умеренность, уважение к другим, чувство пристойности, добропорядочности и приличия, разумеется, в том виде, как эти качества понимались в китайской культурной традиции. Согласно «Ли цзи» каждый должен был знать свое место, соответствующий ему объем прав, привилегий, количество и сущность обязательств. Слова и поступки должны были быть взвешиваемы и соизмеряемы, т.е. строго соответствовать принятой для данного случая норме, ориентироваться на известный и почитаемый эталон, так как без этого в обществе не могло быть должного порядка: «Поэтому-то другие мудрецы и создали ли, дабы с их помощью обучить людей, чтобы люди, овладев ли, знали, чем они отличаются от животных». Усвоив правила (одно из них – уничижительное отношение к себе и уважительное к другим людям), богатые и знатные должны обуздывать свою гордыню, в беседе со старшими каждый должен

быть уступчиво почтительным, особенно при общении с учителем или почетным гостем. Детально расписывались многие жизненные ситуации. Ведь любое общение возможно и продуктивно лишь тогда, когда собеседники уважают не только себя, но и другого. Соблюдая ли, человек демонстрировал уважение к себе; уважая себя, он уважал и других (195).

Другое ключевое понятие конфуцианства – сяо – принцип сыновней почтительности. Этика сяо лежала в основе семейной жизни. Однако семья, мыслившаяся как мини-государство, была частью клана, который тоже считался семьей, но очень большой. Судьба человеческого сообщества как целого всегда мыслилась более важной, чем судьба любой его части – та повсеместно приносится в жертву целому, подчас с ужасающей европейца жестокостью. Отдельный индивид значил немного, сам человек с рождения оказывается включенным в некую человеческую общность: большую семью, род, клан и все время ощущает ее частью. Его «ближние», ныне здравствующие, еще не рожденные и уже умершие, составляли тело рода, и человек заимствовал у него частичку бессмертия. Дом – это святая святых, в котором существовал культ родителей. Основной целью конфуцианства было приведение общества, которое понималось как иерархически организованное общежитие людей, в состояние гармонии, покоя, а также поиск средств достижения этого идеала, эталон которого – правление легендарных мудрецов древности.

Разумеется, поселившиеся на территории Приамурья китайцы не принадлежали к слою интеллектуальной элиты, в совершенстве разбиравшейся в тонкостях и нюансах учения Конфуция. Однако нам представляется, что эти правила и нормы вошли в плоть и кровь китайца на уровне обыденного сознания и права. Это прекрасно понял и использовал Е.С. Бурачек, стараясь в общении с китайцами не допустить ситуации потери лица (196).

Попав из жестко организованного, иерархизированного властного пространства, где каждый человек знал свой статус и в соответствии с ним получал определенную программу поведения, китайцы на территории Приамурья попадали в административно-политический вакуум. Потребность в привычном типе социальной организации привела к созданию самоуправляющихся общин у промысловиков, земледельцев, так и у китайцев, обосновавшихся в городах. Как уже отмечалось, во главе общины стоял старшина, наделенный существенными властными полномочиями.

Вопрос о формах и степени зависимости китайцев-земледельцев от маньчжурских властей сложен для изучения и требует привлечения китайских источников. На основании изученных документов можно предположить, что, несмотря на невключенность этой территории в политическое пространство Китая, маньчжурские чиновники в 60-х гг. периодически посещали край и собирали дань с проживавших здесь китайцев. Учитывая

китайскую систему сбора налогов с провинций, в рамках которой устанавливался определенный размер ежегодного взноса в казну, но не регламентировался состав местных налогов, можно предположить, что инспекционные поездки цинских чиновников являлись результатом их собственной инициативы. Скорее на экономическую, чем политическую зависимость китайцев Уссурийского края от своих ближайших приграничных властей, указывает Е.С. Бурачек. Попытки китайской администрации подчинить себе китайских земледельцев, как уже отмечалось, относились к 80-м гг. XIX в., когда эта территория уже два десятилетия входила в состав Российской империи. К тому же периоду относятся и аналогичные усилия русской администрации, которые, к сожалению, не были подкреплены реальными возможностями. Следует обратить внимание еще на некоторые аспекты этой проблемы, которые фактически выпали из поля зрения исследователей.

Русская администрация долгое время не имела возможности информировать китайское население о своих решениях – не было ни сил, ни времени, ни достаточных знаний. Не могли надеяться местные власти и на помощь в разрешении практических вопросов со стороны ученых-синологов, т.к. это направление в востоковедении находилось еще в стадии становления. Газета «Владивостоку» (1884 г.) писала, что трудно надеяться на то, что ученые и публицисты, живущие в России, примутся за изучение «манзовского» вопроса. «Край должен надеяться на своих ученых, а их, кажется, не скоро дождемся. Мы богаты лишь известными должностями, но бедны людьми», пессимистично заключал автор статьи «Манзовский вопрос» (197). Ситуация стала меняться в лучшую сторону лишь после открытия в 1899 г. Восточного института во Владивостоке, важным направлением деятельности которого стала выработка учеными-востоковедами рекомендаций, адресованных руководству края в деле формирования политики по отношению к его инородческому населению (198). В силу вышеуказанных причин на проживавшее в Приамурье китайское население русские власти смотрели через призму определявших стратегию поведения образов, формировавшихся у военных, путешественников, исследователей при поездках в Маньчжурию и Центральный Китай, под влиянием различных политических событий, при кратковременных и поверхностных встречах с китайцами в Приамурье.

Долгое время представителям местной русской власти при выработке определенной стратегии во взаимоотношениях как с китайскими мигрантами, так и китайскими чиновниками приходилось опираться только лишь на собственные знания и интуицию.

Знатком китайской психологии проявил себя Е.С. Бурачек, назначенный в 1861 г. командиром поста во Владивостоке. Хорошо владевший ки-

гайским языком, детально знавший обычаи китайцев, он сумел сделать так, что китайцы, жившие в окрестностях Владивостока, признали в Е.С. Бурачеке «ученого человека», «в животе [которого] много мудрости», и стали считать его выше Хуньчуньского начальника (199).

Свидетельством признания русской администрации как реальной власти стал факт обращения 17 октября 1861 г. семнадцати китайских крестьян с письмом:

«Всем господам высоким властям кланяемся до земли, прося мира.

Мы, китайские простолюдины, от провинции Шань-дун до Восточных гор просим об одежде и пище (о средствах к жизни). Прежде сего Комаров жил в заливе Хай-шэнь-вай и мы, крестьяне, свободно производили торговлю на деньги и меновую. Но после того как г. Комаров удалился то мы, при продаже: быка, лошади, свиньи, барана, вина, муки, кур, уток и др. предметов, если запрашивали цену несходную, т.е. дорого, то случалось неоднократно получать побои, и с удалением Комарова торговли совсем нет.

Если права торговли не объяснены, если при ней случаются грабеж, притеснения, презрение, да еще и побои, – то кто решится торговать?

Высшая власть – не то, что народ; поставленный правителем питает народ. Чего же мы можем надеяться? Ничайше просим высшую власть дать (нам) мир». (200).

К сожалению, как видно из текста, взаимоотношения между русским и китайским населением не всегда складывались так, как мыслил командир поста Е.С. Бурачек, писавший: «... я понял, что должен работать и хлопотать не для одного только своего поста, но иметь всегда в виду весь край и в особенности необходимость сближения с китайцами...» (201).

Той же цели – более близкому знакомству с соседями служил визит Е.С. Бурачека в Хуньчунь, спланированный со знанием китайского этикета. Он понимал, что для того, чтобы не допустить ситуации «потери лица», ему, как начальнику Владивостока, необходимо было бы явиться со свитой и конвоем, иметь для себя отдельную палатку, по возможности с роскошной отделкой, выслать начальнику китайского города подарки (202). За неимением необходимой для любого представителя власти атрибутики он явился инкогнито под видом русского купца (203).

Разумеется, отечественная политическая культура не предполагала подобного этикетного поведения чиновников.

Однако учитывая, что основной функцией этикетной коммуникации является определение относительного положения каждого члена в обществе, и в семиотическом аспекте этикет представляет собой определенную систему знаков, имеющую свой словарь (набор символов) и грамматику (правила сочетания знаков и построения текстов), приходится констатировать,

что китайцы интерпретировали этот словарь и грамматику исходя из своего социального опыта (204). Китайским мигрантам было сложно относиться с уважением к русским чиновникам в связи с тем, что отсутствовал видимый антураж власти, к которому они привыкли в Китае, – множество слуг, богатые одежды и т.д.

В результате недооценки русской администрацией влияния, оказываемого пышностью церемоний, визуализацией инсигний власти на определение китайцами статуса человека в обществе, возникали негативные последствия.

Так, в 1862 г. во время визита генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова во Владивосток, собравшиеся по этому случаю в посту китайцы остались в недоумении. «Они говорили: это должно быть старший чиновник генерал-губернатора, а не он сам; иначе он не уронил бы себя и не пошел бы пешком мимо всех, и еще так далеко» (205).

Дело в том, что выезд китайского чиновника всегда был важным событием, регламентировавшимся особыми правилами. С точки зрения китайца, выезд чиновника из дома без свиты был равнозначен потере достоинства. Считалось совершенно недопустимым, чтобы представитель власти отправлялся в гости или на прием пешком, в экипаже, верхом. Участник русской экспедиции в Китай в 1874-875 гг. П.Я. Пясецкий оставил следующее описание выезда губернатора в городе Ханькоу. «Впереди важно шагали 8 мальчишек (по четыре в два ряда), которые несли, словно ружья на плечах, опознавательные знаки. На некотором расстоянии от них шагали еще восемь мальчишек также в два ряда. Они несли доски красного цвета, похожие на лопату, на которых крупными черными иероглифами были написаны имя, чин и достоинства чиновника.

Затем шли четыре телохранителя по два в ряд. Первые два стучали в медные барабаны, а два других отгоняли любопытных и зевак. Вслед за телохранителями следовали два человека, которые несли по очереди большой красный зонг. Он защищал мандарина от солнца, если бы тот пожелал пройти пешком». Подробно описывая эскорт губернатора, П.Я. Пясецкий подытоживает: «В общей сложности губернатора сопровождало 48 человек» (206).

С течением времени ситуация фактически не менялась. В докладной записке лейтенанта А.М. Абазы, адъютанта великого князя Алексея Алексеевича (1885), были отмечены те же аспекты этой проблемы. Делая акцент на многочисленности китайского населения в окрестностях Владивостока, он писал: «... китайцы и корейцы, (...) как все полудикие и дикие народы, привыкли уважать только силу и власть, окруженную внешней пышностью. У себя дома, в Китае и Корее, они видят, что даже самый маленький чиновник не показывается им на глаза, иначе как окруженный

большую свитою и с большими церемониями, и чем важнее чиновник, тем более блестяща вся его внешняя обстановка. Для них власть и степень уважения и послушания, которую следует оказывать чиновнику, выражается внешней его обстановкой» (207). Далее он отмечал, что китайцы не могут себе представить, что главный командир, которые делает переходы на ничтожном «Горностае», или еще того хуже на ветхом, маленьком «Ермаке», на котором иногда возят их самих, действительно важный чиновник, которому следует оказывать и уважение и послушание. «Они на него смотрят с пренебрежением, как на весьма неважное лицо, и зная при том, что это есть высший чиновник, назначенный в эту местность русским правительством, они привыкают относиться с тем же пренебрежением и к самой России, которая, по их понятиям, не может окружать своих представителей даже тем ореолом наружного лоска, который составляет неотъемлемую принадлежность правительственных чиновников в Китае и Корее» (208). В заключении Абаза делал вывод: несмотря на то, что блеск власти смешон для европейца, но «дикие племена суть не более, ни менее, как взрослые дети, на ум и воображение которых можно действовать только наружным блеском». К тому же во Владивостоке вопрос престижа очень важен, т.к. инородческое население многочисленно, к тому же оно не верит, что это русская земля, и если китайцы и корейцы привыкнут без уважения смотреть на представителей России, то наша власть на этой территории будет под угрозой (209).

Китайцы, глядя на английские, немецкие, французские эскадры, говорили: «Россия маленькая, бедная держава, вот немцы и англичане, они и сильные, и страшные, и вы их боитесь» (210).

В результате, по свидетельству корреспондента газеты «Восточное обозрение» китайцы «перед военными губернаторами Приморской области (...) шапки не ломали, но равнодушно посматривали, как проезжает мимо «капитан-муха», называя так адмирала, у которого, как известно, на погонах вышиты черные орлы». В тоже время при появлении во Владивостоке цинских чиновников китайцы кланялись им до земли и «даже становились на колени» (211).

Иногда из-за незнания международного этикета и китайской психологии, действия русских властей «работали» на поддержание среди цинских подданных авторитета китайских чиновников, пребывавших в Россию.

Российский посланник в Пекине в письме от 16 августа 1882 г. сообщал Д.Г. Анучину свои наблюдения о том, как воспринимают сами китайцы приемы, оказываемые им русскими властями. «...Пышность обстановки, обилие и богатство угощения не только не способны вселить в китайских чиновников должные понятия о высоком положении, занимаемом нашими губернаторами, но скорее даже могут способствовать усилению над-

менности и заносчивости этих чиновников, так как и по китайским понятиям, чем более хозяин дорожит гостем, тем большею для себя честью он считает посещение, тем более блестящий прием оказывает ему» (212). Далее он объяснял, что зачастую торжественные приемы они истолковывают как подтверждение «превосходства Китая над Россией и страхом нашим перед могуществом первого» (213).

Классическим примером подобной оплошности являлся прием гражданского начальника Хуньчуньской области Лицзинюна, прибывшего 15 октября 1881 г. во Владивосток с частным визитом. Несмотря на то, что Лицзинюн прибыл во Владивосток как частное лицо, в честь его приезда на адмиральской пристани играл оркестр. На шхуну, доставившую китайского чиновника, с приветствием от адмирала Фельдгаузена, губернатора Владивостока, прибыл в парадном мундире начальник штаба капитан 1 ранга Наумов. На пристани китайского гостя встречал полицмейстер г. Владивостока. Лицзинюну была предоставлена квартира в доме губернатора. В тот же день состоялся обмен визитами Фельдгаузена и Лицзинюна. 16 октября на клипере «Абрек» был дан парадный прием, во время которого Лицзинюн был представлен сенатору М.Н. Галкину–Враскому. При спуске с судна в честь почетного гостя прогремел салют. 18 октября городские власти устроили бал в честь Лицзинюна. На пятый день пребывания Лицзинюна во Владивостоке у него состоялась рабочая встреча с Фельдгаузеном, во время которой губернатор Владивостока попросил китайского чиновника оказать помощь в уничтожении игорных домов. Далее ситуация разворачивалась следующим образом. В качестве меры, способной пресечь азартные игры во Владивостоке, Лицзинюн предложил вывесить объявления, запрещающие игорные дома, написанные на русском и китайском языках. Однако представитель русской администрации заявил, что достаточно только лишь китайского текста. Тогда китайский чиновник принялся уговаривать Фельдгаузена поставить хотя бы свою печать. В результате во Владивостоке появились объявления, из которых следовало, что игроков будут высылать в Хуньчунь, а дома – конфисковывать.

Подобный прием привел к тому, что во время своего следующего визита в с. Никольское, в декабре, Лицзинюн уже по собственной инициативе обратился к китайцам с речью, призывая «жить тихо и мирно» (214). Сам факт усиления влияния китайских чиновников на находившихся в Приамурье китайцев не мог устроить русскую администрацию. Однако средств адекватно противостоять этому не было.

В конечном итоге ситуация стала превращаться в неконтролируемую, ассимиляцию китайцев сочли невозможной и был взят курс на вытеснение их из края.

Несмотря на это, высказывались мнения о возможности ассимиляции

китайцев. Приведем суждение, на наш взгляд не совсем оправданное, известного востоковеда В.П. Васильева о возможности ассимиляции китайцев. «Китаец ныне держит себя изолированно в чужой земле и тем сохраняет свою национальную самобытность, потому что туземцы чуждаются его и отталкивают его от себя. Он потому и думает о возврате на родину, что в чужой земле нет у него под ногами твердой почвы. Он от природы земледелец, дайте ему клочок земли, и он может сделаться сыном новой родины. С какой радостью будет он посылать своих детей в туземную школу, за какую честь почтет он для себя право служить. Это большая ошибка думать, что китаец не способен превратиться в туземца, он и на родине готов был превратиться в маньчжура, принял уже маньчжурский костюм, стал было учиться маньчжурскому языку (215).

Тем не менее, ставя возможность положительного решения «китайского вопроса» в зависимость от способности китайцев воспринять европейскую цивилизацию (216), в XIX в. кроме утверждений, что китайцы не поддаются ассимиляции, фактически не предпринималось реальных мер, вовлекавших китайцев в сферу русской культуры (не существовало миссионерских школ, православная церковь не вела целенаправленной работы по обращению китайцев в христианство, отсутствовали русские газеты на китайском языке). Обращая внимание на этот аспект, газета «Владивосток» пришла к выводу, что за 20 лет владения краем в этом направлении не делалось абсолютно ничего – «мы знаем по манзовскому вопросу лишь одно, что число китайцев в крае превышает цифру 15 тысяч ...» (217).

Давая оценку действиям русского правительства в Уссурийском крае, другая газета – «Восточное обозрение» – писала в 1885 г.: «Чтобы управлять новым краем, заселенным чуждым нам элементом, нужно было или сразу же поставить себя в положение властителей, чтобы манзы осязательно чувствовали нашу силу и превосходство над другими, т. е. нужно было ограничиться не занятием нескольких постов, а фактически овладеть страной, раскинуть наши поселения, провести дороги, уничтожить китайское влияние, установить свой собственный авторитет и править краем при помощи грубой, но наглядной силы страха и возмездия за всякое неповиновение (англичане в Китае), или же следовало действовать путем благоразумия и постепенности, приобретая над манзами нравственное превосходство и привлекая их справедливостью и лучшими порядками и разветвляя свое влияние при помощи русской колонизации от пункта к пункту (миссионерский, цивилизаторский путь). Ни того, ни другого мы не сделали, но пришли как бы в свою страну, стали делать распоряжения, стали стеснять китайцев, обирать их и выказывать свою полную несостоятельность, как цивилизаторов, не подумав даже о том, признают ли китайцы наше управление...» (218).

Несмотря на не лишенный оснований, но достаточно категоричный отзыв газеты «Восточное обозрение», мы можем констатировать, что к 80-м гг. XIX в. у руководства Приамурья необходимость подчинения китайцев русским законам и включения этой группы населения в общую структуру управления краем уже не вызывала сомнений, однако в силу вышеперечисленных причин она не была претворена в жизнь.

Литература

1. Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. – Вып. XXXI. – С. 125.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском... – С. 62 – 63; В.М. Кабузан полагает, что количество китайцев на Дальнем Востоке в течение 70-х гг. XIX в. фактически не изменилось: в 1869–1870 гг. в летнее время находилось около 50, 8 тыс., а в 1881 г. – 54, 3 тыс. – См.: Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – н. XX вв. М., 1985. – С. 93.
3. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем ... – С. 38.
4. РГВИА. Ф. 400, оп.1, д. 496, л. 10 об.
5. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 180 об.-181.
6. ГАПК. Ф. 530, оп. 1, д. 17, л. 117.
7. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4272, л. 384 об.
8. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4246, л. 384.
9. Барабаш. Записка о Маньчжурии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. – Вып. 1. – С. 106.
10. Лайнгер С.Р. Из истории китайского эмиграционного движения середины XIX – начала XX вв. Дис. ... к.и.н. М., 1975. – С. 92 – 93.
11. Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их ... – С. 23 – 24.
12. Непомнин О.Е. Податное и частновладельческое крестьянство Китая на рубеже 19 – 20 вв. // Социальные организации в Китае. М., 1981. – С. 112.
13. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 1. – Владивосток, 1987. – С. 264.
14. Там же. – С. 265.
15. Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их... – С. 263.
16. История Северо-Восточного... – С. 262.
17. Трусов. Краткий очерк Маньчжурии // Приамурские ведомости.-1894. – Приложение к № 50 – С. 6.
18. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 94.
19. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 910, л. 36 об.
20. Патрушева М.А. О характере колонизационной политики цинского правительства в Маньчжурии в 70 – 80 гг. XIX в. // Общество и государство в Китае. М., 1979. – Ч. II. – С. 96.
21. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 130.
22. Военным губернатором Амурской области еще в 1871 г. предлагалась доставка переселенцев в Уссурийский край морским путем (из Одессы через Суэц). РГИАДВ. Ф. 704, оп. 4, д. 151, л. 3 об.
23. Ворокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (к. XIX – н. XX вв.). Дис. ... к.и.н. Омск, 1998. – С. 126.
24. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2750, л. 36.

25. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 318, л. 19.
26. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2750, л. 37.
27. -ь. Что такое хунгузы? // Восточное обозрение. 1885. – № 44. – С. 9.
28. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 57, 58 об.
29. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 60, 64 об.
30. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 856, л. 107 об., 128.
31. РГАВМФ. Ф. 417, оп. 1, д. 136, л. 87 об.
32. По подсчетам И.П. Надарова в 1879 г. в Уссурийском крае в 34 фанзах проживало 872 китайца, на которых распространялось действие Пекинского договора. – См.: Надаров И. Материалы к изучению Уссурийского края // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. – Вып. ХХLI. – С. 119.
33. В данном случае община понимается как этническое сообщество, т. е. как совокупность всех проживающих в границах данного населенного пункта китайцев.
34. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 770, л. 161.
35. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. – С. 71.
36. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 207, л. 1 об.
37. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореферат дис. к.и.н. Владивосток, 2001. – С. 14.
38. Sigelbaum L. H. «Yellow Peril»: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. – Vol. 12, part 2. – April, 1978. – P. 316.
39. Надаров И. Материалы к изучению... – С. 122.
40. Восточное Поморье.-1865. – 4 декабря. – С. 160.
41. Надаров И. Материалы к изучению... – С. 127.
42. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк ... – С. 89.
43. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 38, л. 14-15.
44. ГАПК. Ф. 530, оп. 1, д. 1, л. 22.
45. ГАПК. Ф. 530, оп. 1, д. 17, л. 142.
46. Рассчитано по данным РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58.
47. Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. Томск, 1901. – С. 6.
48. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1434, л. 99 об.
49. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 38, л. 1.
50. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 38, л. 2.
51. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 38, л. 2 – 2 об.
52. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 38, л. 3.
53. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 38, л. 3.
54. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 38, л. 20.
55. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 545, л. 1-1 об.
56. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 545, л. 5.
57. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 4, д. 588, л. 1. 3.
58. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 856, л. 195 об.-196.
59. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 55, л. 64 об.
60. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 55, л. 139-140.
61. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 42 – 43.
62. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 55, л. 140 –145.
63. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 1.
64. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 1 – 2.

65. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 6 – 7.
66. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 87.
67. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 124, л. 57 об.
68. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 86.
69. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 124, л. 58.
70. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 856, л. 128.
71. АВ СПОИВ РАН. Ф. 96, оп. 1, д. 101, л. 1.
72. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. Владивосток, 1990. – С. 167.
73. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4179, л. 148.
74. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 28; Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском... – С. 167.
75. Будищев А.Ф. Описание лесов части... – С. 191.
76. Гельмерсен П.А. Исследования в южной... – С. 192.
77. Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском... – С. 107.
78. Будищев А.Ф. Описание лесов части... – С. 186.
79. РГАВМФ. Ф. 1167, оп. 1, д. 2, л. 91 об.
80. Надаров И.П. Материалы к изучению... – С. 138. Сохранена авторская орфография географических названий.
81. Lee R.H.G. The Manchurian Frontier in Ch'ing History. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, 1970. – P. 106, 108.
82. Lee R.H.G. The Manchurian Frontier in ... – P. 106.
83. Lee R.H.G. The Manchurian Frontier in ... – P. 109.
84. Lee R.H.G. The Manchurian Frontier in ... – P. 105.
85. Точный перевод названий должностей затруднен отсутствием иероглифических написаний, но, судя по всему, при образовании этих названий использовались термины системы родства.
86. Иванов Л. Цзинь-лань-пу // Вестник Азии. 1914. – № 30. – С. 5-18.
87. Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898. – С. 137.
88. РГАВМФ. Ф. 1167, оп. 1, д. 2, л. 91 – 91 об.
89. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 142 об.
90. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск. 1883. – Т. IV. – С. 374. 392.
91. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339, л. 22.
92. РГАВМФ. Ф. 1167, оп. 1, д. 2, л. 91 об – 92.
93. ГАПК. Ф. 530, оп. 1, д. 2, л. 133.
94. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 302, л. 355 об.
95. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 177.
96. РГАВМФ. Ф. 1167, оп. 1, д. 2, л. 115 об.; Ф. 909, оп. 1, д. 120, л. 32 об.
97. Непомнин О. Е. Указ. соч. – С. 112.
98. РГАВМФ. Ф. 909, оп. 1, д. 120, л. 31 – 34.
99. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 142.
100. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 143.
101. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 124, л. 21 – 21 об.

102. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 66.
103. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 66.
104. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 124, л. 25 об. – 31.
105. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 49.
106. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 124, л. 25 об. – 31.
107. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 66 – 67.
108. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 52 об.
109. См. о Лицзинюне: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. – Вып. 1. – С. 8, 258.
110. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 52 об. – 53.
111. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 76 – 77 об.
112. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 894, л. 1.
113. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 910, л. 36, 40.
114. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 910, л. 21, 26 об.
115. Вероятнее всего речь идет о генерале У-да-жэне, заведовавшим переселением на пространстве между Нингутой и Полтавским караулом.
116. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 910, л. 48.
117. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 910, л. 47 – 47 об.
118. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 894, л. 9.
119. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 5, д. 438. л. 1, 5.
120. Максимов А. Уссурийский край // Русский вестник.-1888. – Декабрь. – С. 34.
121. – Ъ. Что такое хунгузы? // Восточное обозрение.-1885. – № 44. – С. 8.
122. Восточное обозрение.-1886. – № 4. – С. 4.
123. Новгородская Н.Ю. Становление и модификации дипломатического стереотипа русского государства в империи Цин в 17 – середине 19 века. Дис. ... к.и.н. М., 1987. – С. 75 – 76.
124. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 910. л. 59.
125. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 5.
126. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1440, л. 128.
127. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 178 об.
128. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. СПб., 1894. – С. 394. В китайской исторической литературе за районом проживания зазейских маньчжур укрепилось название «64 поселка» См. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.). Благовещенск, 2003. – С. 99.
129. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 3427, л. 26.
130. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 59.
131. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 55.
132. РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4179, л. 60.
133. Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861). Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. – С. 343.
134. Кириллов А. Историческая справка по поводу издания «Амурской газеты» // Амурская газета.-1895. – № 1. – С. 7 – 8.
135. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 751, л. 11.

136. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... – С. 100.
137. РГИАДВ. Ф.701, оп. 1, д. 232, л. 59.
138. РГИАДВ. Ф.701, оп. 1, д. 232, л. 59.
139. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских ... – С. 108.
140. РГИАДВ. Ф.701, оп. 1, д. 232, л. 6.
141. РГИАДВ. Ф.701, оп. 1, д. 232, л. 18 об.
142. РГИАДВ. Ф.701, оп. 1, д. 232, л. 29.
143. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 7.
144. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999. – С. 111.
145. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... – С. 108.
146. Такая интерпретация Айгуньского договора китайцами имеет давнюю традицию. В указах цинского императора от 21 и 24 сентября 1859 г. даны инструкции Цзин Чуню и Тэбчину. В них в частности говорится: «Цзин Чунь и Тэбчин должны напомнить Муравьеву, что граница установлена с 1689 г., и что левый берег Амура дан русским только взаймы, чтобы защитить его от англичан... (...) Поскольку Россия и Китай так долго были в мире, поэтому места, которые русские заняли на левом берегу вместе с Тунь-тунь (Мариинском) и Ци-ци (Кизи) могут быть оставлены взаймы с прилегающей территорией, однако она должна быть точно определена». Подобная позиция была доведена и до сведения Н.П. Игнатьева, прибывшего в Пекин. Ему было заявлено, что решение договора о ратификации Айгуньского договора было ошибкой китайского императора, которую он допустил лишь потому, что «любя все живое, не хотел, чтобы простой народ Русского государства терпел лишения и стеснения, и дал пустые земли по левому берегу р. Амур и земли, где находится Кортунь-тунь (Мариинск) и Цицзы (Кизи), для житья бесприютному народу». – См.: Мороз И.Т. Русско-китайский кондоминиум в Уссурийском крае // К истории формирования советско-китайской границы. Информационный бюллетень института Дальнего Востока.-1976. – № 73. – С. 252; История Северо-Восточного Китая... – С. 248.
147. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских ... – С. 104.
148. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 32 – 33.
149. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 71.
150. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 72.
151. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 76.
152. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 158 об.
153. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 221.
154. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 69; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... – С. 108.
155. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 183 об.
156. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 232, л. 184.
157. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 85 об.
158. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... – С. 110.
159. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских ... – С. 111.
160. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 23.
161. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 52.
162. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 127-132.
163. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 208 об.
164. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 208 об.

165. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 210.
166. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 173-173 об.
167. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 179.
168. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 166 об.
169. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских ... Омск, 1999. – С. 120.
170. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1097, л. 86 об.
171. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 210.
172. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 256.
173. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 39.
174. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1140, л. 256 об. – 257.
175. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339 л. 42.
176. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских ... – С. 117.
177. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп.491, д. 1140, л. 288.
178. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских ... – С. 118.
179. Дневник благовещенца (от 2 июля до 2 августа) // Восточный вестник. - 1900. – № 68.
180. Амурская газета.-1900. – № 28.
181. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских ... – С. 118.
182. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 83 об.
183. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 119 об.
184. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 153.
185. АВПРИ. Ф. 188. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 267, л. 9 об.
186. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили... – С. 425.
187. Лайнгер С.Р. Из истории китайского эмиграционного движения середины XIX – начала XX веков. Днс. ... к.и.н. М., 1975. – С. 165-166.
188. Лайнгер С.Р. Из истории китайского ... – С. 172.
189. Эволюция представлений о международных отношениях в Цинской империи (1644 –1912) // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Серия 10 (Китаеведение). 1999. – № 3. – С. 102.
190. Эволюция представлений о международных... – С. 104.
191. Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры. Вып. 2. М., 1995. – С. 222.
192. Новгородская Н.Ю. Становление и модификации... – С. 18.
193. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском... – С. 162.
194. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 751, л. 108.
195. Васильев Л.С. Этика и ритуал в трактате «Ли цзи» // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. – С. 176-178.
196. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 15, 42, 63, 79, 113.
197. Манзовский вопрос // Владивосток. 1884. – № 43. – С. 6.
198. Георгиевская Е.А. Становление и развитие дальневосточного центра востоковедения (1899-1939). Дис. ... к.и.н. Владивосток. 1994. – С. 100.
199. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 42, 65.
200. Матвеев Н. Владивосток в 60-х гг. // Далекая окраина.-1910. – № 927. – С. 3.
201. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 34. Причину подобного отношения к китайцам разъяснил Е.С. Бурачку один из солдат: «что за народ китаец этот: пока не прибеешь и чваниться, будто невесть какой большой, а как двинешь его хорошеньку – сейчас же и пардона просит. Стоит ли с ним, как с человеком обходиться. И Бог-то у него огонь... басурман, одно слово...» Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 69.

202. Со временем обязательный обмен подарками при встречах приграничных русских и китайских чиновников вошел в норму. Подарки для этих целей присылались от Кабинета из Санкт-Петербурга. Иногда в качестве подарков использовались вещи уникальные. Так, М.И. Венюков сообщал, что в качестве подарка китайскому амбану, в 1857 г. во время его визита в Усть-Зейский пост был приготовлен большой кубок «из золоченного серебра», из надписи на сосуде М.И. Венюков «с удивлением увидел, что он когда-то принадлежал Августу II, королю польскому, и может быть наполнялся им вином при дружеских свиданиях с Петром Великим». Со временем стали ясны предпочтения китайцев. В 1877 г. пограничный комиссар Южно-Уссурийского края Н.Г. Матонин, анализируя перечень предметов, предназначенных для подарков китайским чиновникам (изумрудный гарнитур – брошь и серьги, брошь с жемчугом, серьги с рубином и жемчугом и т.п.), обращал внимание военного губернатора Приморской области на то, что «китайцы не придают особенного значения мелким золотым вещам вообще, а такие, как высланы мне ... совершенно для них пригодны. ... Гораздо бы целесообразнее было высылать для подарков бронзовые вещи, например: столовые часы, вазы, барометры и т.п., и чем вычурнее и массивнее они будут, тем лучше, хорошо еще для подарков высылать красное и синее сукно, ковры». – См.: Венюков М.И. Из воспоминаний. Амстердам-1895. – Кн. 1. – С. 220; РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 502, л. 2, 8, 8 об.
203. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 63.
204. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л.: Наука. 1990. – С. 6.
205. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка... – С. 115.
206. Цит. по: Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск, 2000. – С. 304.
207. РГАВМФ. Ф. 417, оп. 1, д. 60 л. 33 – 33 об.
208. РГАВМФ. Ф. 417, оп. 1, д. 60, л. 34 – 34 об.
209. РГАВМФ. Ф. 417, оп. 1, д. 60, л. 37.
210. РГАВМФ. Ф. 417, оп. 1, д. 60, л. 38.
211. Что такое хунгузы? // Восточное обозрение.-1885. – № 39. – С. 14.
212. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 140 об.-141.
213. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 141.
214. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 313, л. 76 – 79.
215. Васильев. Современное положение Азии. Китайский прогресс. СПб., 1883. – С. 21.
216. Манзовский вопрос // Владивосток.-1884. – № 34. – С. 4.
217. Там же. – С. 5.
218. -ь. Что такое хунгузы? // Восточное обозрение.-1885. – № 40. – С. 12.

Глава 3. КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ И АДМИНИСТРАЦИЯ ПРИАМУРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА (1884-1917 гг.)

3.1. Изменения в системе управления китайцами в Приамурье при генерал-губернаторах А.Н. Корфе и С.М. Духовском

Последние пятнадцать лет XIX в. ознаменовались важными изменениями в системе управления и структуре населения Дальнего Востока.

16 июня 1884 г. было принято давно обсуждавшееся решение об образовании Приамурского генерал-губернаторства. В состав нового административно-территориального образования вошли Забайкальская, Амурская, Приморская области, а также Владивостокское военное губернаторство. Административным центром стал Хабаровск. Одновременно Восточно-Сибирский военный округ был разделен на Иркутский и Приамурский.

С 1883 г. увеличивается приток русского населения на Дальний Восток, где имелся огромный фонд свободных земель, привлекавший крестьянство из европейской России. Строительство и введение в эксплуатацию Уссурийской железной дороги и отдельных участков Транссибирской магистрали открыли для переселения широкие перспективы. Для переселенцев вводилась путевая ссуда, вопрос о переселении решался уже уездными властями. Правовой основой для переселенческого движения стали «Временные правила для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях от 22 июня 1890 г.». По этим правилам переселенцы получали до 15 десятин земли на каждую душу мужского пола, вместо стодесятинного надела, выделявшегося им ранее. Правительству удалось организовать широкое переселение во всех губерниях России. С 1883 г. по 1899 г. в Южно-Уссурийский край морем прибыло 41314 человек, в том числе за счет казны переселилось 7029 человек (1). К концу XIX в. на русском Дальнем Востоке насчитывалось пять городов, имевших население больше 5 тысяч человек: Николаевск-на-Амуре, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийский (2). К 1 января 1906 г. в городах Дальнего Востока проживало 138 тысяч человек (3).

Преобладающую часть населения Дальнего Востока составляли русские и украинцы. Их численность возросла с 67708 человек в 1881 г. до 748300 человек в 1916 г. (4). В рассматриваемый период продолжался приток на русский Дальний Восток корейцев. Однако точную численность мигрантов определить затруднительно. В апреле 1886 г. военный губернатор Приморской области И.Г. Баранов докладывал приамурскому генерал-губернатору, что переселение из Кореи значительно, но собрать «более или менее точные сведения невозможно, граница не закрыта, прибывающие не заявляют о себе» (5).

В монографии А.И. Алексеева и Б.М. Морозова приводятся следующие данные: с 1882 по 1906 гг. общая численность корейцев возросла с 10761 до 40683 человек (6). Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф в октябре 1887 г. оценивал число оседло живших в России корейцев в 9 тысяч человек, не считая временных (7). Ситуацию с корейскими мигрантами осложняло то, что оставался нерешенным вопрос о статусе корейцев в России. Лишь после подписания Сеульской конвенции 25 июня 1884 г. корейцы, пришедшие в Россию до 1884 г., получили право на натурализацию. По указанию приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа были составлены «Предложения об урегулировании правового положения корейцев в Приамурской области», согласно которым предполагалось предоставить принятым в русское подданство корейцам права и обязанности равные правам и обязанностям русских крестьян (8). На основании данного документа в 1891 г., по предложению П.Ф. Унтербергера, все корейцы, находившиеся на русском Дальнем Востоке, были разделены на три категории: I. Прибывшие в Россию до 1884 г. и желавшие принять русское подданство; II. Корейцы, прибывшие после 1884 г. и не предназначенные к принятию русского подданства; III. Корейцы, временно находившиеся в

Корф Андрей Николаевич (10.02.1831 – 7.02.1893, Хабаровск), первый приамурский генерал-губернатор (1884-1893), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, барон. Из дворян Курляндской губернии. После окончания Пажеского корпуса в 1849 г. в звании прапорщика был направлен в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1856 г. командирован в Пруссию, Бельгию, Францию. В январе 1859 г. направлен в Кавказскую армию. В 1878 г. произведен в генерал-лейтенанты, а в 1879 г. назначен генерал-адъютантом. В мае 1884 г. стал Приамурским генерал-губернатором. Скоропостижно скончался после III Хабаровского съезда.

крае по национальным паспортам. Корейцам I категории предоставлялись права, равные правам русских крестьян (кроме размера земельного надела). Корейцы II категории лишались права на пользование казенной землей, в течение 2 лет они должны были ликвидировать свое хозяйство, получить национальные паспорта; получить русские билеты. Корейцам III категории разрешалось проживать в России только после получения русских билетов (9). Массовый прием корейцев в русское подданство начался в 1895-1897 гг. С 1888 г. по 1897 г. властью приамурского генерал-губернатора было принято в подданство России 12278 корейцев (10). Таким образом, проблема определения статуса корейцев, проживавших в России, получила свое решение.

Численность коренных жителей Дальнего Востока была несколько меньшей по сравнению с группами, рассмотренными выше. В 1881 г. на Дальнем Востоке было учтено 13,2 тысяч аборигенов, в 1892 г. – 16,5 тысяч (11). Динамика изменения численности коренного населения в Приморской области представлена в таблице 2 (См.: Приложение 3).

Анализ численности и этнического состава населения Дальнего Востока показывает, что к началу XX в. этот регион являлся территорией с доминированием российских подданных и стал неотъемлемой частью России, хотя и оставался до 1917 г. одной из наиболее слабозаселенных окраин России.

Указанные выше изменения оказали положительное влияние на экономическое развитие края. На рубеже веков главной отраслью экономики Дальнего Востока являлось земледелие, развивавшееся при отсутствии помещичьего землевладения и наличии огромного фонда колонизационных земель. Основными потребителями зерна были интендантство, золотопромышленные компании, мукомольная и винокуренная промышленности, что придавало сельскому хозяйству форму товарного производства и стимулировало дальнейшее развитие земледелия. Первоначально по ряду причин развитие получили отрасли, приносявшие быструю и большую прибыль – золотодобыча, пищевая промышленность, торговля. Со временем развиваются и отрасли, требовавшие значительных затрат: горнорудная, лесная, рыбная промышленности.

Промышленное развитие Приамурского края происходило за счет государственных средств и капиталов частных фирм. Государство вкладывало деньги в основном в стратегические объекты: в строительство транспортных путей, портовые сооружения, укрепления и казарменное строительство, а также в строительство административных зданий. Развитие различных отраслей промышленности велось, в основном, частными фирмами. Мощным толчком к быстрому развитию экономики Дальнего Востока послужило строительство Транссибирской железной дороги, начатое

в 90-е гг. XIX в. Железная дорога надежно связала Дальний Восток с европейской Россией, способствуя вхождению этого региона в общероссийский рынок. Возросла потребность в строительных материалах, что стимулировало развитие местной промышленности и торговли, все эти факторы способствовали промышленному развитию региона. В связи со строительством увеличился приток населения в Приамурский край из европейской России. Однако к началу XX в. в трех отраслях промышленности с наибольшим числом рабочих – рыбной, лесной и горной было занято всего около 70 тыс. человек, что в 13 раз меньше, чем в сельском хозяйстве края (12).

Анализ источников приамурского рынка рабочей силы, проведенный Л.И. Галлямовой, показал существование значительной зависимости от внешних трудовых ресурсов – к 1913-1914 гг. до 80 % (13), что вследствие дороговизны доставки рабочих из европейской части России и рождало объективную потребность в иностранной рабочей силе. В связи с этим значительную роль на рынке рабочей силы продолжали играть азиатские мигранты, условия пребывания которых в России требовали законодательного оформления. Как было рассмотрено выше, в период нахождения территории Приамурья в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства русская администрация не смогла реализовать как целостную программу комплекс мер, обеспечивавших эффективный контроль и управление китайским населением.

С образованием Приамурского генерал-губернаторства и назначением главой края А.Н. Корфа начинается новый этап в деле создания системы управления китайским населением. Первым шагом стала предпринятая А.Н. Корфом попытка введения билетной системы учета количества китайцев, находившихся на русской территории. Эта система была разработана генерал-майором И.Г. Барановым.

В 1884 г. приняты временные правила о порядке выдачи китайским поданным русских билетов. В соответствии с этими правилами все китайцы разделялись на 2 категории: те, кто до 1860 г. проживал в Приамурье, и остальные. Представители первой категории получали бессрочные билеты, уплачивая лишь гербовый сбор (60 коп). Китайцы, отнесенные ко второй категории, должны были получить русские билеты, разрешавшие проживание на территории России в течение одного года. Для лиц II категории переход границы разрешался в специально отведенных местах, где находились офицеры, визировавшие китайские паспорта. С момента получения визы, за которую взимался сбор (30 коп), разрешалось проживать в крае в течение месяца, но по истечении этого срока необходимо было взять русский билет (14). Купцов обязали брать гильдейские свидетельства, а занимавшихся промыслами – уплачивать особый поштучный или

ноудный сбор (15). С 1 мая 1885 г. эти правила введены в действие в Приморской области, а с 1 августа 1886 г. и в Амурской. Спустя несколько лет после принятия решения было получено одобрение этих мер правительством: Высочайше Утвержденным мнением Государственного Совета от 17 мая 1888 г. подтверждалось право генерал-губернатора устанавливать такого рода сборы. Срок действия этого решения неоднократно пролонгировался – 22 марта 1899 г. срок продлили на три года до 17 мая 1901 г., 4 мая 1901 г. – до 17 мая 1902 г., затем по 1905, 1906, 1908 гг. (16).

В послании Гириному цзян-цзюню (1884 г.) военный губернатор Приморской области писал о введении русских билетов: «введение у нас строгой паспортной системы истекает не из желания тормозить переход к нам подданных Великой Дайцинской империи, а наоборот, содействовать упрочению мирных и дружественных отношений с приграничной Маньчжурией и развитию пограничной торговли» (17). Китайские власти, как отмечал А.Н. Корф, не сделали даже попытки к протесту относительно вопроса о подсудности русским властям китайцев, проживавших на нашей территории. Однако введение билетной системы и сборов вызвало с их стороны неудовольствие, причем, как обычно, выстраивая систему доказательств, китайское приграничное руководство апеллировало к I статье Пекинского договора. Показательно в этом отношении письмо к военному губернатору Приморской области от гириного фудутуна (1886 г.), в котором говорится: «Места же эти были Срединного государства, китайцы, исстари подданные Срединного государства, средства продовольствия (рыба, капуста) были тоже Срединного государства, что и до сих пор они в пределах территорий Срединного государства, это ясно указано в трактатах, почему и пошлины, основываясь на этих трактатах, не должны быть платимы». Финал же письма был выдержан в угрожающе-оскорбительном тоне: «Высокое государство еще недовольно тем, что присвоили пустопорожние открытые места, но намерено присвоить и промысловые места и недостаточно того, что присваивает, но намерено еще обложить их пошлиной» (18).

Однако, как писал А.Н. Корф, китайские власти, «получив хотя и мотивированный, но энергический ответ, оставили дело без последствий» (19). Решившись на такой шаг, представители русской администрации считали, что найден универсальный способ, лишавший китайцев возможности обходить закон, насколько это вообще реально. «Вряд ли найдутся китайцы, которые будут настолько слепы, чтобы не видеть своей прямой выгоды. Честная и законная помощь и покровительство, оказываемые нашей администрацией китайцам, проживающим и торгующим у нас, более вселят в китайскую народность доверие к нам, что очень для нас важно. Невыясненностью положения объясняются многие не красивые стороны деятель-

ности китайцев у нас. Хищническая их эксплуатация естественных богатств истекает из той же причины. Они и теперь смотрят на себя не только как на временных гостей наших, но еще и как на совершенно бесправных, судьба которых в зависимости от каприза первого встречного. В связи с этим нужно предоставить им одинаковые льготы, какими пользуются в России иностранцы» (20).

В силу несовершенства билетной системы возникали многочисленные злоупотребления как со стороны китайских мигрантов, так и со стороны русских чиновников.

Как показала дальнейшая практика, среди китайцев нашлись не только те, кто не увидел в билетах своего блага, но и те, кто открыл целые подпольные фабрики по их производству (21). А.Н. Корф, желая пресечь злоупотребления с билетами, в феврале 1886 г. отправил в Южно-Уссурийский край с инспекционной проверкой подполковника И.П. Надарова. Впоследствии рейды и экспедиции с целью проверки паспортов станут регулярными, но останутся малоэффективными средствами контроля.

В письме китайских купцов Владивостока, адресованном китайскому МИД, сообщалось, что документы прибывавших из Шанхая почти всегда были в норме. Те же, кто прибывал из Чифу, хотя и имели национальные паспорта, выданные китайскими властями с визой русского консула в Чифу и проверенные во время пути, но ни у одного китайца не было паспорта, в котором бы стояла его собственная фамилия. Дело в том, что их можно было купить у владельцев гостиниц и пароходов, заранее получавших их на вымышленные имена (22). Прибывая в Россию, китайцы, мягко говоря, неохотно выбирали русские билеты, передавали их друг другу, что категорически запрещалось.

Представители русской администрации тоже не гнушались злоупотреблениями. По свидетельству Л. Богословского, вплоть до 1908 г. нумерации и регистрации виз не велось, что создавало возможность злоупотреблений. Изменение системы регистрации в 1908 г. коснулось в первую очередь соответствия количества паспортов и приехавших лиц, но установлением идентичности имени личности, указанного в паспорте, и его владельца по-прежнему никто не занимался. Среди прибывавших в край морем сложилась следующая практика. Все китайские паспорта отдавались капитану, тот передавал их агенту, заведовавшему отправкой китайцев и предоставлявшему документы в портовую контору. Портовая контора, завизировав паспорта, возвращала их владельцам. Но на практике пока происходила вся эта процедура, китайцы без паспортов разбредались по городу. Таким образом, китайцы становились беспаспортными, а агент имел возможность продать паспорта китайцам, возвращавшимся на родину (23).

Зафиксированы также случаи, когда русскими чиновниками собирались

деньги на билеты, но билеты не выдавались, либо уничтожались, и китайцы тут же становились безбилетными (24).

Разумеется, подобные ситуации не способствовали росту авторитета русской власти среди китайцев. Показателен фрагмент письма китайских купцов Владивостока: «русское правительство весьма не постоянно в своих распоряжениях, и то, что было установлено утром, часто меняется к вечеру» (25).

Однако билетная система прижилась, и с 1899 г. правила о взимании паспортного сбора были распространены на Забайкальскую область. 1 января 1890 г. бароном А.Н. Корфом был введен дополнительный сбор (1 руб. 10 коп.) с китайцев и корейцев, взимавшийся при выдаче русского билета.

Параллельно с процессом подчинения китайского населения русскому законодательству шло дальнейшее знакомство русской власти с этой категорией населения. В августе 1885 г. Приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф дал задание разработать положение о китайском населении в крае и способах управления им чиновнику особых поручений П.П. Аносову, командированному в Сучанский округ. Свои наблюдения за время командировки и за все предыдущие годы П.П. Аносов обобщил в докладной записке «Об устройстве китайского населения». Изучив дела в канцелярии, Аносов пришел к выводу, что возникавшие недоразумения в отношении китайского населения связаны не с особой враждебностью этого населения, в целом «весьма трудолюбивого и покорно подчиняющегося установленной законной власти», а с отсутствием определенности его положения в крае (26). В записке отмечалось, что незнание китайцами российских законов приводило к большинству экономических правонарушений. В связи с этим, по мнению автора записки, необходимо было как можно скорее издать правила, точно определявшие их положение в крае. Разделив всех проживающих в крае китайцев на 6 разрядов, он предлагал разрешить пользоваться землей только тем китайцам, которые приняли русское подданство, либо проживали в крае до 1860 г. Все остальные земледельцы должны были ликвидировать свои хозяйства в определенный срок. Несмотря на благосклонное отношение к проекту внимательно ознакомившегося с ним А.Н. Корфа, внедрение предложений в жизнь шло чрезвычайно медленно.

В РГИАДВ автором был обнаружен документ, написанный между 1882 г. и 1886 г. Об авторе этой записки известно немного, даже фамилия его написана неразборчиво, вероятно – Мосин. Он работал переводчиком, скорее всего в полиции или в управлении пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, о чем свидетельствует уровень знания предмета.

Для улучшения ситуации в деле контроля над китайским населением, автор советовал составить точные списки китайцев Владивостока, Николь-

ска, Хабаровска, распределить их по родам занятий, а ни к чему не пригодных изгнать. Далее, предложить добропорядочным китайцам, известным полиции, избрать из своей среды одного главного старшину, одного второстепенного и несколько помощников. Все китайское население нужно разбить на участки, назначить на каждый участок помощника старшины. Все распоряжения о китайцах доводить до их сведения через старшину. Главный старшина должен знать китайцев, живущих в данной местности, следить за порядком и чистотой населения. Главному старшине совместно с помощниками разрешается разбирать среди китайцев спорные дела и налагать на виновных штраф, но не более 25 рублей, или заключать под стражу сроком до 10 дней. Решения должны быть письменными и представляться в полицию. Помощник старшины получает от главного старшины законное распоряжение и выполняет их. Полиция должна передавать все приказы через старшину. Кроме экстренных случаев, полиция обязана исполнять все законные представления населения, передаваемые ей через старшину. При разбирательстве запутанных дел полиция может приглашать старшину; если старшина ослушается, то на него должно быть возложено строгое взыскание – лучше материальное (27).

По всей видимости, это предложение частично или полностью было реализовано. В архиве отложились объявления, датируемые 10 и 11 годами Гуань-сью (1884 и 1885 гг. соответственно), адресованные китайцам Владивостока. В первом русская администрация распоряжается выбрать в верхней и средней частях базара старшин, их помощников из числа купцов, а также назначить дневной и ночной караулы. Во втором доводятся до сведения китайского населения имена старшин. В средней части базара старшиной был избран Си-хэ-гуань, помощниками Фу-тай-шунь, Чжандэ-хао, Хай-юй-вэй, Хэ-хо-и, Гун-шунь-хао, Дун-хай-шэн, Тун-ли-хао, Синшэн-хэ, Фу-тай-шэн, Чэн-ци. В верхней части базара старшиной стал Гуанни-хуань, а помощниками – Фу-тай-чжан, Дуншэн-дэ, Фу-тай-кун, Шэнтай-хао, Дуншэн-лун, Си-хай-шэн, Хо-лун, Гуан-тай-хао, Дун-цин-шэн, Фу-юй-хэ, Ян-лай (28).

Во второй половине 80-х гг. XIX в. приток китайцев в города края усиливался. В 1886 г. население Владивостока достигло 13000 человек, около 40 % составляли китайцы. В связи с этим Приамурский генерал-губернатор 18 февраля 1886 г. сообщил владивостокскому городскому голове И.И. Маковскому о необходимости учреждения комиссии для урегулирования положения этой части городского населения. Он же рекомендовал несколько ее будущих членов: Н.Г. Матюнина, Ф.И. Петрова, М.Г. Шевелева, Ю.И. Бринера, И.П. Надарова (29).

Комиссия в составе И.И. Маковского, пограничного комиссара Н.Г. Матюнина, владивостокского полицмейстера Ф.И. Петрова, подпол-

ковника генерального штаба И.П. Надарова, купцов М.Г. Шевелева, Ю.И. Бринера, А.В. Даттана, А.К. Вальдена, Я.Л. Семенова, коллежского секретаря Попова, поручика В.А. Панова, члена городской управы А.Г. Евсеева выработала, а Приамурский генерал-губернатор в июле 1886 г. Утвердил, «Временные правила о благоустройстве китайского населения в городах Приамурского края» в виде опыта на два года.

Каждый китаец обязывался иметь паспорт с русской визой. По прибытии в город он должен сдать национальный паспорт и получить контрамарку. Затем в течение семи дней необходимо было явиться в местное полицейское управление и получить годичный русский билет на проживание, уплатив сбор – три рубля. При выезде за границу на билете ставился штампель, что делало его не действительным, и проживать по нему в крае запрещалось (30). Китайцам, имевшим мелкую торговлю, или торговавшим по гильдейским свидетельствам, разрешалось выбирать старшин сроком на три года. Комиссия предлагала ввести еще и должность главного старшины, но военный губернатор Владивостока признал такую вредной. Кандидатуры старшин утверждались полицмейстером. Должности эти были оплачиваемыми, вознаграждение выдавалось из сумм поступивших сборов за билеты, кроме того, им выдавались специальные знаки из жести с надписью «старшина участка». В обязанности старшин входило наблюдение за тем, чтобы их подопечные выбирали русские билеты, содействие в раскрытии преступлений, борьба с азартными играми, надзор за соблюдением норм санитарии (31).

В 1887 г. китайские торговцы Владивостока избрали старшинами: второго участка – Вуан-шина (Ван-шен); третьего – Котчана (Катчан, Кэчан), Шин-ги (Шен-ги), Тун-шен-лу (Дун-шен-лун); четвертого – Сы-хай-шена (Су-хай-шен) и Дун-шен-дэ. Кандидатами (помощниками) стали Цитын-хой (Цу-тин-хой), Тун-ли, Тун-хай-шен (Дун-хай-шен), Ю-фу (Юй-фу), Тун-тай-фу. Выборные должности на первом участке заняли Ван-дэ-син и Ян-лай, однако не удалось установить, кто из них являлся старшиной, а кто кандидатом. Кроме того, в списках полицейского управления фигурирует Хэ-фэ-лун, но, к сожалению, определить его должность и номер участка пока не представляется возможным (32). На основании п. 20 Правил в 1887 г. городской администрацией было выплачено старшинам и их помощникам по 150 и 75 рублей соответственно. Но в ближайшем будущем ситуация резко изменилась. Полицейстер Ф.И. Петров подал во Владивостокскую городскую управу докладную записку, в которой «имел честь уведомить (...), что служба китайских старшин и кандидатов не заслуживает вознаграждения» (33). За 1888 г. вознаграждение выплачено не было.

В 1886 г. китайский, или, как тогда его называли, «манзовский» вопрос обещался на II Хабаровском съезде (34). Для ослабления вредного вли-

яния, оказываемого китайцами на местное аборигенное население, предлагалось всех китайцев, живших за 50-верстной полосой, выселить за пределы Российской империи (35). Резюмируя все мнения, высказанные на съезде, генерал-губернатор А.Н. Корф подвел итог: «Китайцы, безусловно, признаются для края вредными в политическом и отчасти в экономическом отношении. Их можно лишь терпеть как неизбежное зло» (36). Наряду с этим он отметил, что те, кто находился в крае до 1860 г., должны быть приравнены в правах к оседлым инородцам. Относительно всей остальной массы правительство оставляло за собой право выселять и переселять их куда нужно, заблаговременно предупреждая об этом. Обсуждали участники съезда и вопросы финансового обложения китайцев (37), живших в крае, предложив с земледельцев взимать оброк по 5 руб. с десятины. Владельцев же загородных фанз, которые жили в крае до 1860 г., предполагалось обложить сбором по 1,5 руб. с каждого погонного аршина нар. Съезд рекомендовал принимать в русское подданство лишь тех китайцев, кто прожил в крае не менее 5 лет, обрезал косу и женился на русской (38).

Таким образом, один из возможных вариантов – принятие китайцев в число русских подданных, и тем самым распространение на них действия русского права во всей полноте, признали нежелательным по политическим мотивам. Однако законом от 17 мая 1888 г. приамурскому генерал-губернатору сроком на 10 лет было предоставлено право принимать китайцев и корейцев в русское подданство в пределах полномочий министра внутренних дел, что значительно сокращало канцелярскую волокиту. Тем не менее, это не упростило ситуацию. В 1891 г. Корф докладывал министру внутренних дел, что он не может воспользоваться этим правом, т. к. у большинства отсутствуют необходимые документы, а у многих, кроме свидетельств о крещении, вообще нет документов (39).

Очередной шаг, связанный с улучшением охраны приграничных районов, коснувшийся китайцев в Приамурье, был сделан 22 ноября 1886 г. Император, по представлению приамурского генерал-губернатора А.Н. - Корфа, подписал постановление Комитета Министров о запрещении «корейцам, и другим из китайских и корейских пределов выходцев селиться в пограничных с Китаем и Кореей местностях» (40).

Во второй половине 80-х гг. стало очевидно, что назрела насущная необходимость создания более эффективной организации управления стремительно увеличивающимся китайским населением. Однако прежде предстояло выяснить правовой статус китайцев, находившихся на российской территории. В представлении, адресованном Приамурскому генерал-губернатору, от 21 марта 1889 г. № 3565 военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер писал:

Унтербергер Павел-Симон Федорович

(9.08.1842, Симбирск-12.02.1921, Мекленбург) военный губернатор Приморской области, наказной атаман Уссурийского казачьего войска. Окончил Николаевскую инженерную академию по 1 разряду. В 1864-1888 гг. служил в Инженерном управлении Восточно-Сибирского военного округа. В 1876 г. командирован в Монголию, Китай, Японию. В 1888-1897 гг. – военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска (Хабаровск 1888-1890 гг.), (Владивосток 1890-1897 гг.). В 1897 г. назначен Нижегородским военным губернатором. В 1905-1910 гг. Приамурский генерал-губернатор и командующий войсками Приамурского военного округа. Почетный гражданин г. Владивостока, Хабаровска (30.10.1897 г.), Благовещенска (15.02.1911 г.).

«Скорейшее разрешение вопроса о том, какими правами должны пользоваться китайские подданные, живущие в наших пределах, существенно важно, во-первых, в том отношении, чтобы администрация твердо знала, чем руководствоваться в соответствующих случаях, во-вторых, в виду предупреждения больших беспорядков» (41). Ситуация для местной администрации была достаточно сложной и запутанной. В трактатах, заключенных с Китаем, права китайских подданных в России детально не регламентировались. Особую трудность в применении каких-либо мер в отношении китайцев создавало примечание к ст. 172 Уложения о наказаниях 1866 г., которое гласило: «китайцы, учинившие преступление на российской стороне границы, высылаются их правительству». Таким образом, был зафиксирован особый статус китайцев среди прочих иностранцев. Государственный Совет отменил это положение 8 июня 1882 г., затем последовало разъяснение министра юстиции, что за преступления и проступки китайцы должны осуждаться как иностранцы по русским законам.

Эта формулировка запутала ситуацию еще больше. Несмотря на принятие в 1864 г. судебных уставов, вводивших в России бессловный суд, их действие не распространялось на Сибирь. Поэтому здесь суд был словесным, и наказания за одни и те же проступки и преступления были неодинаковыми для представителей различных сословий. Для иностранцев, находившихся в России, существовали особые статьи закона, созданные в расчете не на реалии дальневосточной периферии и иммигрантов-лаборантов, а основанные на прецедентах, характерных для европейской России. В законах рассматривались ситуации, связанные либо с иностранцами-переселенцами (колонистами), либо с путешественниками. Положение же, сложившееся в Приамурье, куда стекались тысячи китайских гастар-

байтеров, было уникальным, не имевшим прецедентов в отечественной юриспруденции. В результате на периферии, каковой являлся Дальний Восток, возникает ситуация, точно описанная Ю.М. Лотманом: «отношения семиотической практики и навязанного ей норматива делаются все более конфликтными. Тексты, порожденные в соответствии с этими нормами, повисают в воздухе, лишенные реального семиотического окружения, а органические создания, определенные реальной семиотической средой, приходят в конфликт с искусственными нормами» (42). Правовые нормы, выработанные центром, оказались несостоятельными на периферии, однако законодательство функционирует на территории всей страны. В результате возник парадокс – законодательство не действует, действуя. Как наказывать китайцев за многоженство, если на их родине оно разрешено законом? Как китаец мог доказать свое дворянство, если класса дворян, в европейском понимании, в Китае не существовало? Для русской администрации это были вопросы отнюдь не риторические, так как, в зависимости от принадлежности человека к тому или иному сословию, применялись разные меры наказания. Например, если иностранец мог документально подтвердить свое дворянство, то к нему, как и к российским дворянам, не применялись телесные наказания.

Большинство же выходцев из Китая, если оперировать русскими юридическими категориями, относилось к лицам сельского состояния. Русское сельское сословие имело над своими членами право суда и дисциплинарной власти, реализовывавшееся через волостные, сельские суды, сельские сходы, административные учреждения по крестьянским делам. Эти органы имели возможность отдать человека на общественные работы (сроком до 6 дней), наложить денежное взыскание (в размере до трех рублей), присудить наказание розгами (до 20 ударов), арестовать (на период до 7 дней).

Однако поручить судопроизводство над китайцами волостным судам было довольно затруднительно. Особенностью этих судов являлось то, что они стояли вне общей судебной системы, образовываясь в результате выборов лиц сельского состояния. Поэтому позволить рассмотрение даже мелких правонарушений, совершенных китайцами, волостным судам оказалось невозможным.

В результате местные администраторы, стремившиеся действовать соблюдая российское законодательство, попали в ловушку – законы, регулировавшие положение иностранцев, не имели законодательного определения тех ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться на Дальнем Востоке, а применение к китайцам сельско-судебного устава противоречило остальным положениям закона об иностранцах. Была одна небольшая лазейка – применение в данном случае приложения V к ст. 168 Уложения о

наказаниях, которое позволяло всем кочевым и бродячим инородцам в определенных законом случаях (ст. 168 Уложения о наказаниях) вершить суд, основываясь на собственных обычаях.

Но было одно «но», не позволявшее разрешить проблему и при помощи этой статьи закона. Китайцы были иностранными подданными, а статья 170 Уложения гласила: «право всякого государства исключает действие в пределах его территории иноземного права – государственного или обычного».

До прихода А.Н. Корфа местная администрация сохраняла за китайцами право экстерриториальности. А.Н. Корф вскоре после вступления в должность обратился к императору с просьбой предоставить ему право отдавать китайцев военно-полевому суду наравне с русскими подданными. Кроме того, было объявлено, что, если замешанный в преступлении китаец скроется от властей, то к ответственности будут привлечены все его соотечественники, проживавшие в данной местности. По распоряжению А.Н. Корфа фактически прекратилась высылка китайцев за границу, а дела с их участием стали приниматься к производству русскими судами (43).

Несмотря на невозможность разрешить проблему при помощи имевшихся законов, не нарушая какой-либо из них, введение управления китайским населением стало необходимостью.

В 1889 г. истек срок действия «Временных правил о благоустройстве китайского населения в городах Приамурского края». Несмотря на то, что они оказались не столь эффективными, как предполагала русская администрация, Приморский военный губернатор П.Ф. Унтербергер предложил китайскому населению г. Хабаровска избрать из своей среды старшину, переводчика и писаря. 15 февраля 1889 г. в Хабаровске состоялось собрание домовладельцев – китайских подданных, заслушавших предложение о выборе из своей среды старшины. В круг его обязанностей предполагалось включить: разбирательство между китайцами различных споров и недоразумений; раскрытие преступлений, совершенных китайцами; исполнение и приведение в исполнение всех законных требований в отношении китайцев; поимку хунхузов; контроль паспортного режима, установленного для китайцев. В приговоре схода было записано: «обсудив (...) мы нашли единогласно, что старшина нам необходим» (44). Первым старшиной, избранным под непосредственным контролем русской администрации, стал Юнга, «человек весьма почтительный, отличной нравственности», проживавший в Хабаровске более 20 лет. Десять дней спустя состоялось общее собрание китайских подданных, в котором приняло участие 143 человека (расчет по числу подписавших протокол), выбранных от каждого жилища. На этом втором собрании хабаровский полицмейстер предья-

вил предписание Военного губернатора Приморской области от 24 февраля о выборе должностных лиц для общественного управления по заведению китайским населением, а также довел до сведения решение первого собрания. Как и 15 февраля, все предложения были приняты единогласно.

В общественном приговоре схода отмечалось, что китайцы обязываются «неукоснительно во всем подчиняться» избранным лицам, кроме этого, они посчитали «обязательным для себя производить сбор с китайцев на содержание своего общественного управления». Устанавливались механизм сбора и такса: с купцов второй гильдии решено взимать по пять руб. в месяц, с мелочных торговцев – по три руб., с имеющих дома, держателей квартир, торгующих мукой – по два руб., торгующих съестными припасами и разносчиков – по одному рублю. Кроме того, в решение внесли, видимо, не без участия русской администрации, пункт, запрещающий китайцам уезжать из города без ведома старшины, обязанного всю информацию о передвижении китайцев заносить в особую книгу и предоставлять эти сведения полиции (45).

Постановления двух собраний китайцев были утверждены П.Ф. Унтербергером, а перед генерал-губернатором поставлен вопрос об издании особых правил, регулировавших жизнь китайцев и корейцев. А.Н. Корф согласился с предложением военного губернатора Приморской области и поручил ему разработать эти правила, предписав взять в качестве модели правила общественного управления государственными крестьянами Восточной Сибири от 27 апреля 1882 г. Первый шаг по легализации китайских форм общественного самоуправления на основе русского законодательства был сделан 15 февраля 1891 г., с опубликованием особых правил об общественном управлении китайского и корейского населения (46). В п. 1 правил оговаривалось, что «каждое отдельное китайское и корейское общество составляет из проживающих в известных городах и селениях Приморской области китайцев и корейцев, имеющих русские билеты на жительство. Все эти лица подчиняются российским государственным законам и властям и состоят под наблюдением местной полиции (...), все законные требования которой китайскими и корейскими подданными и их общественными управлениями исполняются беспрекословно» (47).

Обязанности, которые вменялись обществам, были довольно обширны и их можно разделить на несколько групп:

1. Связанные с поддержанием жизнедеятельности общества (наем помещения для канцелярии, выплата жалования и т.п.);
2. Благотворительная деятельность (уплата за лечение в госпиталях, погребения умерших, призрение престарелых, дряхлых, увечных членов общества, оказание помощи в случае стихийных бедствий);

**Список китайских старшин гг. Владивостока, Хабаровска,
Николаевска, Никольска-Уссурийского (1891-1901 гг.)**

Год	Населенный пункт	Фамилия старшины	Примечания
1891 г.	г. Владивосток	Тань-ю (Тан-юн-джи Катчан?)	Купец
1892	г. Владивосток	Тан-юн-джи Катчан (Тань-ю ?)	Купец
1893	г. Владивосток	Тан-юн-джи	Купец
1894	г. Владивосток	Юн-хо-зан	Купец
1895	г. Владивосток	Ло-яопу-футай-лунь	
1897 г.	г. Владивосток	Ван-юань-и	Хозяин фирмы Хун-сун-ли
1891 г.	г. Николаевск	Цон-ли.	
1892 – 1894 г	г. Николаевск	Шэ-ван-ли	
1895 г.	г. Николаевск	Чан-ю-сай	
1889 г.	г. Хабаровск	Юн-га	Купец
1894 г.	г. Хабаровск	Чин-хай	Купец
1897 г.	г. Хабаровск	Ехвалин (Ехоалин)*	Купец, доверенное лицо Тифонтая**
1893	с. Никольское	Ли-цай	Купец
1894	с. Никольское	Яо-цин-чан***	Купец 2 гильдии, распорядитель торговой фирмы Куан-хо-шень
1895	с. Никольское	Чжан-вэнь-лин	Купец 2 гильдии, торговал под маркой Тун-цзюй-фу
1896 г.	с. Никольское	Чжан-лэнь-юань	
1897 г.	с. Никольское	Тун-кай-ие (Тун-хин-е) // с 11 сентября – Чжан-тун-ян (Чжао-дун-ян)	Купец 2 гильдии, торговал под маркой Хун-фа-фу // торговал по свидетельству мелочного торго
1900 г.	с. Никольское	Юй-кха-чжи	
1901 г.	с. Никольское	Чен-мин-юан	

* О Ехоалине см.: Нестерова Е.И. Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы // Диаспоры. – 2003. – № 2. – С. 14–16.

** О Тифонтас см.: Бурилова М.Ф. Хабаровск купеческий. Хабаровск, 1999. –

С. 34; Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 61-62; Нестерова Е.И. Китайцы на российском Дальнем ... – С. 16 – 26; Петров А.И. Почему, когда и как Тифонтай принял подданство России // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1991. – Ч. 3. – С. 130-131.

*** Яо-цин-чан – купец II гильдии. В 1873 г. прибыл во Владивосток, в течение 12 лет занимался там торговлей (фирма «Тунхойшен»). Позже поселился в с. Никольском, продолжил занятия торговлей (фирма «Куан-хо-шень», состоял переводчиком и служил старшиной при Китайском общественном правлении. Имел в с. Никольском дом и хозяйство. В 1895 г. по рекомендации военного губернатора Приморской области и интендантского чиновника Рутковского, назначен переводчиком китайского и маньчжурского языка при инженере Круликевиче, начальнике партии рекогносцировки в Маньчжурии. За благополучное во всех отношениях следование экспедиции через Маньчжурию удостоен звания чиновника 5 класса «в воздаяние заслуг от Гиринского цзянь-цзюня». В 1896 г. подавал прошение о приеме в русское подданство. Позже в течение нескольких лет состоял переводчиком у начальника Южного отделения Южно-Маньчжурской ветви КВЖД инженере Гиршмане. Свои обязанности исполнял «честно и с редким тактом». Во время боксерских беспорядков «несмотря на назначение весьма крупной премии за его голову» разделял все опасности, которым подвергался инженер Гиршман. 2 мая 1903 г. награжден орденом Святого Станислава III степени. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2232, д. 1- 1об.; РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 52, л. 367 – 368.

Таблица составлена на основании источников: РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1317. л. 2; оп. 4, д. 1048, л. 1-3 об., 6, 11, 19, 50, 54. 55; д. 1013, л. 78; оп. 5, д. 1018, л. 8, 17, 27, 60-60 об.; Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 100; д. 376, л. 9 об.; ГАХК. Ф. П-44, оп. 1, д. 593, л. 53.

3. Меры по обеспечению лояльности китайского населения русской администрации.

Для членов общества вводился ценз – правом голоса в обществе пользовались лишь те лица, которые имели недвижимость, торговлю, занимались «другого разного рода промыслами». Китайцы, принадлежавшие к обществу и имевшие право голоса, могли участвовать в общественном сходе, который созывался полицией или старшиной, но в этом случае было обязательным получение разрешения полиции с последующим, в течение 3 дней после вынесения решения, утверждением в полиции (п. 7). Решения общественного схода имели силу лишь в том случае, если на нем присутствовали полицейский чиновник, старшина или его заместитель и не менее половины членов, имеющих право голоса (п. 9).

В компетенцию общественного схода входили выбор должностных лиц, исключение из общества «вредных и порочных элементов», временное лишение права участвовать в сходе (сроком до 1 года), составление ходатайств о нуждах общества, благоустройстве, призрению, обучению русской грамоте, назначении и проверка деятельности опекунов и попечите-

лей, составление смет и распределение расходов на общественные нужды, определение размера вознаграждения должностных лиц (п. 8).

Главным на общественном сходе являлся общественный старшина (п. 6).

Старшиной мог быть избран любой член общества не моложе 25 лет, имевший право голоса, не состоявший под следствием, судом и не имевший поражения в правах (п. 45). Кандидатуры старшин после их избрания на должность подлежали обязательному утверждению полицмейстером и военным губернатором (п. 47-48). На старшин возлагалась ответственность за сохранение общественного порядка и спокойствия в пределах своих обществ. Старшина, которому подчинялись все члены общества, должен был наблюдать за своевременным обменом как русских, так и национальных письменных видов; знать, кто в каком доме живет; заботиться об удовлетворительном санитарном состоянии мест проживания; доносить полиции о прибытии – убытии китайцев; вести профилактику преступлений; задерживать и передавать полиции лиц, не имеющих паспортов, а также бродяг, хунхузов; председательствовать на сходе и суде; приводить в исполнение их приговоры и решения; объявлять членам общества и следить за исполнением всех распоряжений русской администрации (48).

Разумеется, такой объем обязанностей, возложенный на одного человека, в полном объеме реально не выполним, но, как отмечали представители русской администрации, значительную их часть старшины выполняли вполне добросовестно. Кроме обязанностей перед русскими властями, общественные старшины имели значительные права по сравнению с другими китайцами, фактически объем их полномочий равнялся полномочиям волостного старшины. Они могли за маловажные проступки, совершенные китайцами, назначать виновников на общественные работы (до трех дней), взимать с них денежные штрафы в пользу общества (до трех руб.), брать под арест (не более 2 дней) (п. 18).

Для разбора более сложных дел военным губернатором учреждался общественный суд, состоявший из выборных судей. Суд уполномочивался рассматривать маловажные проступки членов общества, при этом ему не запрещалось рассматривать иски посторонних, против которых были совершены проступки китайцами. Кроме того, суд окончательно решал все имущественные споры и тяжбы между членами общества стоимостью до 100 руб., и иски любой стоимости по взаимному согласию сторон. Любопытна статья 36 правил, разъясняющая, какими принципами должны руководствоваться судьи. Во-первых, стремиться к заключению мирового соглашения. Если это не удастся, «то суд решает дело на основании имеющихся доказательств, а за неимением таковых, по собственному убеждению судей, придерживаясь русских законов». Интересно, каким образом

Образцы оттисков печатей Никольского корейско-китайского общественного управления (1897 г.).

предполагалось знание русского законодательства китайцами, обычно не имевшими образования, и зачастую не очень хорошо говорившими по-русски, но этот вопрос остался без комментариев.

Итак, правила, хотя и несовершенные, уже фактом своего появления отчасти нарушавшие законодательство, вводились в действие в Приморской области. Благодаря этому русские власти получили то, в чем давно нуждались – механизм связи с живущим в Приморской области китайским населением, возможность доводить до него свои властные решения, и, если не реально управлять им, то, по крайней мере, быть в курсе того, чем жила китайская община. Однако география распространения действия правил была незначительной – несколько крупных городов Приамурского генерал-губернаторства. Большинство находившихся в крае китайцев оказалась вне сферы их действия. Следует отметить и то, что в городах действие правил распространялось в первую очередь на более или менее оседлую часть китайского населения – купцов, владельцев недвижимости, промышленников. Введение имущественного ценза определило господствующее положение состоятельных людей. Особенность этих правил заключалась в том, что они создавались русской администрацией, поэтому в них, прежде всего, нашли свое отражение те ситуации, отсутствие регламентации которых причиняли ей массу хлопот и недоразумений. В них ясно зафиксировано желание русской администрации установить свой контроль над этим населением: все значимые шаги могли предприниматься либо с ведома администрации или полиции, либо при непосредственном участии ее представителей.

Но важно отметить, что этими правилами русская администрация не просто легализовала существовавший обычай выбора старшин, а дала выборное общественное управление и суд с правами, соответствующими законным полномочиям сельского и волостного управления крестьян, то есть в основу были положены принципы русского права и судопроизводства (49).

По свидетельству автора проекта правил П.Ф. Унтербергера, создание

китайских и корейских обществ не было самоцелью. По сравнению с положением русских крестьянских обществ, права китайских и корейских обществ были значительно сокращены и все поставлено под контроль полиции, а их обязанности увеличены. Все это делалось с главной целью – втянуть под контроль китайское население и получить возможность собирать с него налоги (50), таким образом реализуя властное управление.

Исполнявший должность чиновника особых поручений К.А. Лакшевич, руководивший проверкой китайских и корейских общественных управлений во Владивостоке летом 1893 г., отмечал, что в среднем число участников общественного схода насчитывало 120-130 человек. Общественные судьи за все время существования общества действовали лишь однажды, да и то по предложению полиции. В этом же рапорте зафиксированы основные источники существования общества. Максимальный доход приносили сборы за выдачу удостоверений об отсутствии препятствий для выезда за границу – с каждого отъезжающего взималось 2 руб. 5 коп. По этой статье в 1891 г. общество получило 4208 руб. 65 коп., в 1892 г. – 5793 руб. 30 коп. (следовательно эти разрешения получили в первом случае 2053 человека и 2826 – во втором). Однако эта статья доходов имела сезонный характер, зимой основным источником существования общества оставались сборы с купцов. С каждого купца I или II гильдии взималось 2 руб. в месяц, а с мелких торговцев по 1 руб. Кроме того, китайское общество приняло решение взимать сборы с каждого китайского судна, с каждой тонны ввозимого (вывозимого) китайскими купцами груза, с покупателей женьшеня и пантов, с удостоверений на получение русских паспортов и выезд в Приморскую область (51). Таким образом, обществом

Современный вид дома,
принадлежавшего китайскому
купцу Катчану
(г. Владивосток, ул. Светланская, 17).
Постройка 1908 г.

собиралась достаточно большая сумма, которую оно могло тратить по своему усмотрению на общественные нужды, однако, по свидетельству К.А. Лакшевица, основные расходы приходились на заработную плату.

Первым владивостокским старшиной был избран Тянь-ю (52), а его помощником Цун-чжи-сяо (53). К сожалению, не удалось собрать подробных сведений об этих людях. Единственно, что имеется для его характеристики в нашем распоряжении – жалоба от владивостокских купцов на Тянь-ю, поданная в ямынь хунчуньского фудутуна. Он обвинялся в вымогательстве товаров и денег, покровительстве азартным играм, самовольном освобождении хунхузов, взимании дополнительной платы за паспорта, истязании людей, искажении «слов русского Цзян-цзюня». По мнению китайских купцов, злоупотребления стали возможными благодаря покровительству русских властей, получавших дорогие подарки. Помимо установленных налогов, взимавшихся ежегодно, он требовал со всех китайских торговцев дополнительно по 50 – 100 руб., при задержке этого «взноса» должника передавали под арест русскому начальству. Гиринский цзян-цзюнь просил выслать китайского старшину и его помощника в Хунчунь для проведения дознания. Однако после проведения владивостокским полицмейстером расследования, гиринским властям сообщили, что «никаких противозаконных действий со стороны местных китайских властей чинено не было», что и подтвердил (как обычно единогласно) созванный 11 декабря 1891 г. общественный сход китайцев (54).

Китайские общества были созданы в Хабаровске, Владивостоке, Николаевске-Уссурийском. Подводя итоги трехлетнего существования обществ, местные администраторы отмечали, что созданные управления облегчили надзор со стороны полиции за массой китайского и корейского населения. Общественные управления стали следить за безбилетными, и их число уменьшилось, лучше стали собираться сборы, меньше людей стали от них уклоняться, легче стало привлекать китайцев к работе и денежным взносам на общественные нужды.

Так, например, во время холеры во Владивостоке в 1890 г. китайским общественным управлением по первому требованию администрации были построены бараки, создан отряд китайских носильщиков, вывозивших умерших (обычно на эту работу невозможно было нанять ни русских, ни китайских рабочих). Помощь при формировании этого отряда оказало китайское общество, которое по наряду назначало китайцев. В 1893 г. китайское общество обязалось в случае появления холеры принять на себя одну треть всех городских расходов по борьбе с эпидемией (55).

В 1893 г. на должность Приамурского генерал-губернатора был назначен С.М. Духовской, и отношение высшей местной администрации к национальным обществам начало меняться. С.М. Духовской выражал надеж-

ду, что в виду принимаемых мер по усилению русского населения и «с развитием местной жизни в крае сама собою приближается возможность подчинить проживающих у нас китайцев и корейцев общему полицейскому надзору и общим законам об иностранцах», поэтому администрацией был взят курс на закрытие обществ. Но, несмотря на подобное отношение, С.М. Духовской продлил существование правил еще на некоторое время, предписав в январе 1894 г. переименовать все общества в корейские и китайские участки (56). Со временем в судебной практике возник целый ряд дел по обвинению, с одной стороны, выборных представителей китайского общества, с другой – членов этого общества. Прокурор обратился за инструкциями к министру юстиции. В результате выяснилось, что правила изданы без испрошения Высочайшего соизволения и поэтому не имеют силы закона. Это дало С.М. Духовскому дополнительные аргументы против китайского общества, признав его существование «ненормальным, несогласованным с законом Российской империи и вредным в административном и политическом отношении», и он не стал возбуждать ходатайство об утверждении особого положения о китайских обществах в законодательном порядке (57).

С введением в Приамурье судебных установлений в 1897 г. принято решение окончательно упразднить китайские общества. Однако необходимо было решить вопрос – за счет каких поступлений формировать бюджет? Администрация столкнулась с финансовой проблемой. Например, при закрытии Хабаровского китайского управления администрации пришлось бы взять на себя ту часть расходов по содержанию полиции, переводчиков, рассыльных и пр., которую финансировало китайское общество. Согласно смете эта сумма, включая и расходы на благотворительность, составляла 7750 руб.

В то же время для практической работы опыт Приморской области оказался интересным и полезным. В самый разгар подготовки к закрытию в области китайских управлений военный губернатор Амурской области К.Н. Грибский в 1897 г. создал комиссию под председательством пограничного комиссара Б.Л. Громбчевского для обсуждения вопроса об организации в Благовещенске китайского общества. Комиссия подготовила и отослала генерал-губернатору проект создания китайских управлений в Амурской области. Необходимость введения управлений мотивировалась тем, что многие вопросы регламентации быта и жизни китайцев можно было решить лишь имея китайскую администрацию, которая, «ведая своими соотечественниками, несла бы вместе с тем ответственность за нарушение ими санитарных и паспортных правил и другие мелкие проступки». Военный губернатор приводил в пример ряд ситуаций, в которых русская администрация была бессильна. Сложная санитарно-эпидемиологи-

ческая обстановка в городе (угроза сыпного тифа и чумы) заставляла Городскую Думу неоднократно принимать решения о переселении китайцев в отдельные кварталы, однако, не имея механизмов реализации, эти решения так и оставались на бумаге.

Ответ, полученный из Хабаровска, не радовал и мало чем реально помогал в решении существовавших проблем. Приамурский генерал-губернатор признавал нежелательным открытие китайских управлений в г. Благовещенске, «как противоречащих текущим мероприятиям высшей администрации Края», но обнадеживал, что в ближайшем будущем, возможно, будет увеличен штат городской полиции (58).

Местная администрация по существу предлагала ввести в русские официальные властные структуры уже сложившуюся и функционировавшую единицу – китайское общественное самоуправление. Это давало бы возможность еще раз в символическом измерении зафиксировать подчиненность этого населения русской власти, улучшить контроль над китайским населением, получить постоянно действующий коммуникационный канал «русская администрация – китайское население». То есть в конечном итоге предлагался реальный механизм реализации постановлений местной администрации, касавшихся китайского населения. Однако высшая местная администрация, переведя ответ в другое измерение – в плоскость политической нецелесообразности, ликвидировала эту возможность.

Тем не менее, китайское самоуправление в городах продолжало существовать полулегально, под боком у русской администрации. Так, в 1908 г. пограничный комиссар Амурской области Н.Д. Кузьмин, узнал из газет (!) о выборе и утверждении в должности старшины Лю Дашена, после чего сделал запрос благовещенскому полицмейстеру: «На каком основании существует китайское самоуправление?» Промаш был вскоре исправлен – старшину переименовали в переводчика. Естественно переименование никоим образом не изменило статус Лю Дашена, он по-прежнему возглавлял китайское общественное самоуправление в Благовещенске (59).

Закрытие китайских общественных управлений вызвало различную реакцию. Так, в записке коллежского асессора А. Грушецкого в русле проводившейся С.М. Духовским политики учреждение А.Н. Корфом китайских общественных управлений, даже в качестве временной меры, рассматривалось как ошибка, совершенная из-за недостаточного знания особенностей китайского быта (60). «Санкт-Петербургские ведомости» же, оценивая историю существования китайских органов самоуправления, хотя и отмечали курьезность этого факта, но все же признавали «... без какого-нибудь специального органа справиться с толпой и содержать ее в порядке было бы невозможно, а так как, по словам одного государственного мужа,

администрация призвана для того, чтобы удовлетворять требованиям минуты, то избранный способ был все-таки способ» (61).

В отечественной историографии утвердилась точка зрения, что китайские общественные управления, существовавшие в разных городах, закрыты одновременно в 1897 г. Однако, согласно документам, в Хабаровске китайское общество официально было закрыто 1 января 1898 г., но продолжало существовать тайно, управляясь своими старшинами (62). Во Владивостоке его закрыли 1 июля 1898 г. Дольше всего общество просуществовало в селе Никольском – до 1 мая 1901 г., то есть до того момента, когда село превратилось в город Никольск-Уссурийский. Это было связано с тем, что местное китайское общество несло существенные финансовые затраты на общественные нужды, которые не могли быть компенсированы другим путем. Например, в 1897 г. половина всего штата полицейской команды Никольска-Уссурийского содержалась на средства китайского общества.

Закрытие китайских общественных управлений в Приамурье знаменует отказ от политики, проводившейся А.Н. Корфом, когда русская администрация сделала попытку не просто легализации тайно существовавших китайских объединений, а организации китайских учреждений на основе русского законодательства. Основная цель администрации заключалась в создании механизма связи с китайскими общинами на территории края, подчинении их своему контролю и надзору, т. к. существовавший до образования обществ полицейский контроль был мало эффективен.

После закрытия общественных управлений в городах они «продолжали существовать тайно, причем старшины их творили среди китайцев суд и расправу, нередко даже кровавую» (63).

Характеризуя в целом деятельность А.Н. Корфа на посту приамурского генерал-губернатора, можно отметить, что во время его руководства были законодательно оформлены условия проживания и землевладения корейцев и китайцев, причем иностранцам впредь воспрещалась покупка земли, а выходцам из Китая и Кореи, даже принявшим русское подданство, запрещалось селиться вблизи границы; впервые сделана попытка наладить систему учета и управления китайским населением, предпринимались меры по прекращению разграбления природных богатств края.

Назначенный после А.Н. Корфа на пост приамурского генерал-губернатора С.М. Духовской считал возможным в качестве временной меры допущение в край мигрантов из Восточной Азии. При этом, по его мнению, необходимо было принять меры для их ассимиляции. В рамках такого подхода, связанного с представлением о необходимости уничтожения замкнутости и обособленности этнических общин, существование китайского и корейского самоуправления являлось нонсенсом, который требо-

валось ликвидировать. Китайцев и корейцев подчинили общему полицейскому надзору. Однако введение такой меры не имело достаточных оснований (малочисленный штат полиции, отсутствие кадров, владевших китайским и корейским языком). В результате необходимый контроль и управление этой категорией населения обеспечены не были.

Особенностью рассматриваемого периода явилось то, что реформы, проводимые русской администрацией, коснулись, прежде всего, населения крупных административных центров. Китайцы, жившие в отдаленных и труднодоступных местах, продолжали жить по своим законам.

3.2. Русская администрация и приисковые китайцы

Рассмотрение истории взаимодействия китайских старателей и русской администрации представляется необходимым в силу ряда причин. Во-первых, китайцы, работавшие в горнодобывающей отрасли, долгое время были наиболее многочисленной группой мигрантов. Во-вторых, именно эта категория ярко высветила многолетнее противоречие в позиции русских властей в вопросе о применении китайского труда на дальневосточной окраине: китайцы как этнический элемент нежелательны, но как дешевая рабочая сила – необходимы. В-третьих, на примере политики в отношении применения «желтого труда» на приисках наглядно видна ситуативность принятия решений, противоречивость мер, отсутствие сбалансированной программы развития региона как со стороны высшей, так и местной администрации.

Первые сведения о золоте в бассейне Амура относятся к 1850-1851 гг. Во время экспедиции под руководством горного инженера Н.Г. Меглицкого были найдены первые знаки россыпного золота в притоках Амазара, левого притока Амура, и Купури, левого притока Зеи. Но первооткрывателем главных золотоносных районов Амурского края стал горный инженер Н.П. Аносов. В 1859 г. Н.П. Аносов и его помощник И.В. Баснин обнаружили золото в песчаных наносах по рр. Зее и Амуру. В 1860 г. было открыто два месторождения: россыпи по р. Мадалакан, впадающей в р. Мадалан (приток Ольдяя) и по р. Ульдегит, также впадающей в Мадалан. Несанкционированная добыча золота на Дальнем Востоке началась в 1857 г., вели ее мелкие предприниматели без учета и ведома государства (64).

Первоначально дальневосточная золотопромышленность была монополизирована Кабинетом Его Императорского Величества, но с 1863 г. разрешается частная золотодобыча в Забайкалье, а с 1865 г. допускается этот вид деятельности и в Амурской области (65). В силу пустынности края, отсутствия необходимого количества рабочих рук, местная администрация рассматривала потенциальную возможность привлечения к золо-

тодобыче китайских рабочих. В июне 1865 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков направил в министерство финансов представление о разрешении на привлечение к работам китайских старателей. Министр, в докладе правительству, счел необходимым отметить, что подобная мера «может принести значительную пользу как потому, что она будет служить верным обеспечением на случай чрезмерного возвышения заработной платы, так и потому, что рабочее население из китайцев отличается вообще трудолюбием, спокойствием и особым тщанием в производстве подобных золотому промыслу работ». С этой точкой зрения согласилось и Министерство иностранных дел. Уже в следующем месяце в утвержденном Александром II положении Комитета Министров о разрешении частного золотого промысла в Амурской и Приморской областях такая деятельность была обусловлена в том числе и требованием, «чтобы в найме рабочих из иностранцев золотопромышленники ограничивались одними китайцами» (66). Другие иностранцы также допускались на прииски в качестве рабочих, но по «отдельным, каждый раз испрашиваемым разрешениям» Восточно-Сибирского генерал-губернатора (67).

Разрешение частным лицам заниматься золотым промыслом приводит к тому, что в 1865-1866 гг. в Амурскую тайгу регулярно отправляются поисковые партии, и многим улыбается удача. В октябре 1865 г. партия купца С. Каншина открыла золотоносные площади по р. Сивагли, впадающей в Ольдой; в феврале 1866 г. партией петербургского купца Гильдии Соловьева золото было найдено по р. Уруши, впадающей в Амур (68). В 1866 г. Н.П. Аносов, находясь на службе у золотопромышленника Д.Е. Бернардаки, открыл богатейшие золотые россыпи по р. Янкану (приток Ольдоя) у станицы Свербеевой и по р. Джалинде (приток Уркуна), а также незначительные россыпи по р. Сивагли и Монголи (приток Ольдоя). В августе 1867 г. на р. Джалинде был открыт первый на Дальнем Востоке Васильевский прииск, давший золото в 1868 г. (69). Согласно воспоминаниям А. Кейзерлинга, в начале 60-х гг. некто Негрен открыл и начал разрабатывать золотые месторождения в восьмистах километрах к северу от Благовещенска. К 1885 г. ежегодная добыча на его приисках составляла от 800 до 1000 килограмм (70).

В Приморской области частная золотопромышленность в прибрежных местах Великого океана, по правую и левую стороны Амурского залива, разрешалась с 29 июня 1861 г. (71); а первые месторождения золота на р. Суйфун были открыты в 1865 г. Через год здесь уже насчитывалось до 5 тыс. китайцев, занимавшихся его добычей (72). Летом 1867 г. золото было обнаружено на о. Аскольд, тогда же началась его несанкционированная добыча китайцами. Русские власти вынудили браконьеров покинуть остров. Повторная попытка в 1868 г. продолжить незаконную старательскую

деятельность закончилась вооруженным столкновением. В Приморской области добыча золота в промышленных масштабах началась только в конце 90-х годов XIX века, тогда же была возобновлена и добыча на о. Аскольд. До этого времени золотопромышленность в данном регионе оставалась в зачаточном состоянии, хотя попытки наладить этот вид промысла предпринимались, в том числе и подданными Цинской империи. В 1876 г. Ли-ли-хав, проживавший во Владивостоке и избранный в том же году старшиной владивостокских китайцев, обратился к русской администрации за разрешением на розыск и добычу золота в Суйфунском округе. Пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае Н.Г. Матюнин не нашел причин для отказа. Но он тесно связывал эту возможность с налаживанием правильного сельского управления в крае, для чего нужно «сделать перепись инородцев, закрепить их за наделами, обложить податями и т.д.», а «...при существующем порядке вещей лучше не разрешать разработку россыпей инородцам», дождавшись момента, когда край будет приведен в порядок. Кроме того, он считал, что здесь придется выработать для золотопромышленности особый устав, ибо существующий по многим причинам не приемлем. Пока русская администрация решала вопрос о возможности разрешения ведения китайцам золотодобычи, Ли-ли-хав забрал свое заявление, сочтя промысел нерентабельным (73).

В мае 1878 г. другой китайский подданный Дунфа обратился в Главное управление Восточной Сибири с просьбой выдать ему свидетельство на поиски и разработку золота в Амурской и Приморской областях. Формальных препятствий не было – статья 27 Устава «О частной золотопромышленности» разрешала производство золотого промысла всем иностранным подданным. Однако не было и прецедента выдачи китайцам разрешения самостоятельно производить промысел, поэтому администрация опять попала в затруднительное положение. Возникли опасения, что в случае разрешения многие китайцы, находившиеся на российском Дальнем Востоке, обратятся с подобными ходатайствами. В условиях недостаточного контроля на границе, это неизбежно повлекло бы за собой контрабанду золота. В связи с этим делалось заключение – ходатайства китайцев следовало отклонять (74).

В тот же период, с 1868 г. по 80-е годы XIX в., в Амурской области поиски и разработку золотоносных районов проводят крупные компании, такие как Верхне-Амурская золотопромышленная компания (основана весной 1862 г. сибирскими золотопромышленниками, официальная деятельность началась в августе 1867 г., первое золото на Васильевском прииске-1868 г.); Средне-Амурская золотопромышленная компания (учреждена в 1871 г. (75) либо в 1873 г. (76), Ниманская золотопромышленная компания (учреждена в 1876 г.), Зейская компания.

Несмотря на то, что интенсификации разработок уделялось мало внимания, на приисках грамотно осуществлялись хозяйственные работы, велась точная отчетность, при этом использовался в основном труд русских рабочих. Предприниматели строили поселки, дороги, больницы, были проведены телефон и телеграф (77). А. Кейзерлинг, сопровождавший барона А.Н. Корфа на золотые прииски Амурской компании в мае 1885 г., так описывал свои впечатления от этой поездки. «Около 600 верст мы прошли по глухой тайге. И велико же было наше удивление, когда однажды поздно вечером мы увидели, что река и ее берега освещены электричеством, а по обеим сторонам высятся портовые сооружения и склады обеих (Амурской и Зейской – Е.Н.) компаний. Электричеством сияли дома служащих и ухоженные улицы. ... Сами золотые прииски находились в 15-30 верстах от причалов и вели туда отличные дороги. (...) Машинное оборудование, а также бараки для рабочих и квартиры для служащих отвечали самому последнему слову техники и строительства. ... Там, где не было воды, золото ценности не имело; чтобы добыть воду здешние богатые концессионеры поставили на реках насосные станции, обеспечивавшие водой все прииски в радиусе 25-30 верст. Но столь дорогостоящие установки могли позволить себе лишь чрезвычайно богатые компании...» (78).

Таким образом, до конца 80-х гг. XIX в., пока существовала возможность разрабатывать богатые месторождения, золото добывалось в основном «хозяйским» способом. При такой организации добычи крупные золотопромышленные компании за свой счет проводили разведку месторождений, обустройство приисковых станций, приобретали и доставляли в тайгу машины, продовольствие, инвентарь, обеспечивали прииски рабочей силой. Золотопромышленники стремились к замене ручного труда более производительным – машинным, поэтому в этот период численность корейских и китайских рабочих была невелика, т.к. их труд считался малопродуктивным (79). Первый опыт использования китайских рабочих в 1880 г. на приисках Зейской и Ниманской золотопромышленных компаний был неудачен (80).

Интенсивный приток китайцев в Амурскую тайгу начинается в 1887 г. после разгрома Желтуги. Желтугой со второй половины XIX в. русские называли р. Лаогоу, впадающую в один из правобережных притоков верхнего Амура. Существует две версии обнаружения золота в этом районе. По одной – золото на Желтуге было открыто в 60-е гг. XIX в. охотниками-казаками. Согласно другой, первое золото было найдено в 1883 г. ороченом, хоронившим здесь свою мать (81). С этого времени на Желтугу потянулись как китайцы, так и русские крестьяне, казаки, мелкие чиновники, а также авантюристы всех национальностей. На Желтуге возникла экзотическая «республика» – самоуправляющаяся вольница.

Правовая жизнь обитателей Желтуги регулировалась «Уставом вольных промышленников», в котором были предусмотрены принципы распределения золотоносных участков и наказания за все виды преступлений. Прииски делились на пять участков, управляемых десятью старшинами. Выборный глава желтугинской администрации назывался председателем или президентом. По некоторым сведениям во главе приисков «Желтугинской республики» стоял подданный России Н.А. Прокунин (82). По воспоминаниям Руперта, державшего в Желтуге гостиницу и ресторан, президентом самопровозглашенной республики был Фашши, венгерский адвокат. Именно он разработал для Желтуги конституцию и законы, принятые и безукоризненно соблюдавшиеся всеми. Эту же версию в качестве основной приводит и Г.В. Мелихов, уточняя, что Карл Иоганнович Фассе являлся словаком по национальности, подданным Австро-Венгрии (83). В поселке собирались налоги, имелись судьи, казначей, вооруженная полиция из 150 человек, лазарет. Выборные лица получали жалование. На эти цели коммерсанты и владельцы увеселительных заведений отчисляли от 10 до 25 % с валового дохода. (84). Новоприбывшие должны были давать клятву в соблюдении всех законов, немногочисленных, но драконовских. Существовало три вида наказаний: смертная казнь, изгнание, публичная порка. Наказаний, связанных с лишением свободы, не существовало (85).

Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные о численности старателей разноречивы. Так, цифры, отражающие ситуацию в 1885 г., колеблются от 2400 до 25000 человек (86). Как и русская администрация, не потерпевшая незаконной добычи золота на о. Аскольд в 1868 г., цинские чиновники предприняли ряд попыток по очищению этого района от незаконных промысловиков. В начале 1886 г. Желтугинская республика была ликвидирована. Значительное число желтугинских китайцев погибло (87), а часть перешла на российский берег.

Разгром Желтуги практически совпал по времени с истощением известных месторождений в Амурской области. Когда богатые россыпи были выработаны, начался процесс сдачи приисков в аренду артелям старателей (88). В конце 80-х гг. Верхне-Амурская золотопромышленная компания отдала в аренду выработанные джалиндинские промыслы, и золотопромышленники прибегли к массовому использованию китайского труда (89).

Таблица 5 иллюстрирует численность китайцев на золотых приисках Амурской области во второй половине 90-х гг. XIX в.

Первоначально русские рабочие не увидели в китайцах конкурентов, «... не верилось, что эти жалкие, заморенные, как они их называли, «черномазые образины», бессильные, полусонные голыши могут заменить их, сделаться заправскими приискателями» (90). Но уже в октябре 1893 г. При-

**Численность китайцев на приисках
Амурской области (1896-1898 гг.)**

1896 г.			1897 г.			1898 г.		
Муж.	Жен.	Детей	Муж.	Жен.	Детей	Муж.	Жен.	Детей
1281	4	8	2746	6	10	5454	6	10

Источник: РГВИА. Ф. 1573, оп. 2, д. 614, л. 24 об. Прим.: Данные за 1896 и 1897 гг. неполны, т.к. не учтены сведения по Бурейнской системе.

амурский генерал-губернатор С.М. Духовской сообщал военному губернатору Амурской области Д.Г. Арсеньеву о том, что русские рабочие с Зейской пристани жалуются на конкуренцию со стороны китайцев и корейцев, препятствующих им наниматься на прииски». Через полгода Д.Г. Арсеньев представил С.М. Духовскому доклад, позже одобренный последним, в котором «полагал полезным вовсе не допускать найма рабочих китайцев и корейцев на золотые прииски, ибо они влекут за собой неправильную разработку площадей, кражу золота и т.п.» (91).

К началу XX в. на дальневосточных приисках работали уже тысячи китайских рабочих. В 1900 г. из 204 приисков Амурской области китайцами разрабатывались 140; ими было добыто 240 пудов золота при общем объеме добычи в 493 пуда (92).

Анализ статистических данных, характеризующих социальное положение и демографические показатели, проведенный С.Ф. Хроленком, показывает, что основную массу приисковых рабочих составляли вчерашние крестьяне, ремесленники и мелкие торговцы. Работа на приисках для этих людей была возможностью поправить свои дела, после чего большинство из них возвращалось на родину. Из общего числа временных мигрантов лишь 12,5 % составляли кадровые рабочие, ранее добывавшие золото на приисках Китая. 45 % всего числа китайских и корейских рабочих составляли люди, проработавшие на российских приисках от года до трех лет; 16 % – от 4 до 5, столько же – от 6 до 10, и 4 % были связаны с золотым промыслом Приамурья свыше 10 лет. Основная масса приисковиков находилась в возрасте от 18 до 40 лет, подростки до 18 лет составляли менее 1 % всех иммигрантов. Грамотных среди китайских рабочих насчитывалось 6,2 %, малограмотных – 6,9 %, неграмотных – 86,9 % (93).

Сдача приисков в аренду приводит, начиная с 90-х годов XIX в., к широкому распространению золотничного и ямного способов добычи золота. При этом организация процесса добычи и весь финансовый риск перекладывался на плечи арендатора прииска. Китайский труд при таком подходе использовался преимущественно двумя способами, получившими названия: «работа по положению» и «работа без положения».

«Работа по положению». Золотоносная земля отдавалась под разработку китайцам и корейцам, приемы и методы добычи не регламентировались, но золотодобытчики обязаны сдавать определенное количество золота в день по низкой цене. Остальное золото сдавалось по рыночной цене.

«Работа без положения». Золотопромышленник пускал на прииск китайцев, которые обязывались покупать у него припасы на определенную сумму в месяц.

И первому и второму способу сопутствовали хищническая разработка недр и утечка золота за границу.

Позже стали применяться и комбинированные методы. Так, к 1915 г. на приисках распространилась следующая система: владелец золотоносной площади (прииска) устраивал на прииске только склад продуктов и других товаров. Китайцы, организованные в артели, состоявшие из 100 – 150 человек, и в свою очередь делившиеся на более мелкие единицы, приходили со своим инвентарем и самостоятельно сооружали себе жилье. Во главе мелких артелей стояли староста и повар. Каждый китаец за право работать на этой земле ежедневно выплачивал от двух долей до одной четверти золотника («положение»), кроме того давалось обязательство покупать все продукты и товары в лавках данного прииска, расплачиваясь за них шлиховым золотом по установленной цене (94).

В тайге возникли китайские городки, население которых оценивалось от 700 до 1200 человек, имевшие свои кумирни, лавки, игорные дома. Часть жителей этих городков занималась огородничеством, часть торговлей. Как отметил Н. Матвеев, «обозначилась своя, отличная от русской, жизнь, свой уклад» (95).

Управление прииска как правило не вело никаких дел непосредственно с рабочими, а зачастую не знало и их численности. Все вопросы решал китаец-артельщик (старшина), говоривший по-русски, он обычно подбирал партии рабочих, вел дело, рассчитывался с прииском и с рабочими. В золотозаписную книжку прииска заносилась лишь та часть добытого золота, которая составляла «положение», плюс та, которую китайцы по какой-то причине сами сдавали в контору прииска.

Для надзора за порядком и законностью на приисках была создана русская горная стража, а в местах крупных разработок особые административно-территориальные единицы – горно-полицейские округа. Непосредственный контроль осуществляли горные исправники, подчинявшиеся губернаторам областей и генерал-губернаторам. В их подчинении находились полицейские команды из местных казаков, а после 1900 г. – вольнонаемная горно-полицейская стража. Однако немногочисленная горная стража не могла реально контролировать ситуацию и защитить золотодобытчиков от хунхузов. Неоднократные обращения к русской администрацией

с просьбой о присылке за счет приисков военных команд не были удовлетворены. В связи с этим с разрешения военного губернатора Амурской области на некоторых приисках была разрешена китайская полиция, финансируемая за счет ежегодного четырехрублевого сбора, взимавшегося с каждого китайца. Не могли русские власти найти и мер против китайского самосуда, имевшего место на некоторых приисках. Так, в 1907 г. стало известно о случаях закапывания живьем в землю на прииске Воскресенском Буреинского округа (96). Малоэффективной была деятельность русской полиции и в случаях нарушения трудовых договоров. Почти все приисковые управления заключали с китайцами устные договора, что давало возможность манипуляций. Известны случаи, когда приисковые управления в отместку за жалобы китайцев русским властям уничтожали их паспорта, а потом передавали жалобщиков полиции как безбилетных (97).

Постоянное увеличение численности китайских и корейских рабочих на приисках, проигрыш в этой конкурентной борьбе русского труда, существенные потери от контрабанды золота (в 1901 г. по приблизительным оценкам около 1,5 миллиона рублей), вынудили местную администрацию к принятию протекционистских мер. 11 декабря 1900 г. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков принял правила, ограничившие доступ китайцев на золотые промыслы. Через два месяца, в феврале 1901 г., комиссия горного департамента высказалась за полное запрещение труда китайцев (98). Однако столь радикальное решение одобрено не было, в 1902 г. устанавливаются квоты на применение «желтого труда»: на приисках процентное соотношение между русским и «желтым трудом» должно было соответствовать формуле: 50 % русских рабочих, по 25 % китайцев и корейцев. Но на практике эта мера не соблюдалась.

Принимаемые ограничения вызвали недовольство золотопромышленников. В 1903 г. большинство участников Хабаровского съезда высказалось против подобных мер, мотивируя это тем, что полное запрещение «желтого труда» пагубно отзовется на золотопромышленности, рыбопромышленности, кустарных предприятиях и крестьянском землевладении. Подобное мнение выразили и участники съезда золотопромышленников Амурского и Буреинского горных округов в 1905 г., отметив, что ограничительные меры приведут к разорению мелких и средних предприятий, что вызовет уменьшение поступлений золота в казну на сумму 5,5 – 6 миллионов рублей ежегодно (99).

Политические интересы и логика экономического развития лежали в разных плоскостях. Несмотря на то, что в 1907 г. из 260 приисков только 12 использовало исключительно русский труд, в 1908 г. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер издал постановление, запрещающее в Приморской и Амурской областях применение корейского труда в золото-

добыче. В 1909 г. с приисков выселили несколько тысяч корейцев, но это не усилило позиций русского рабочего. Место корейцев заняли китайцы. Численность китайских рабочих с 1908 по 1910 гг. возросла с 47,4 % до 82,3 % от общего числа рабочих, а в период с 1910 по 1913 гг. доходила до 87 % (100). В том же году были приняты правила, запрещавшие китайцам въезд на территорию Приамурья без получения русских годовых билетов. В ответ на это совет съезда золотопромышленников Зейского горного округа направил ходатайство директору-распорядителю Верхне-Амурской золотопромышленной компании о разрешении допуска беспаспортных китайцев на прииски в 1909 г. По данным А.В. Алепки весной 1909 г. просьба была удовлетворена (101).

С назначением Приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти, считавшим, что «пока за неимением русских, нельзя обойтись без желтого труда, из двух зол нужно избирать меньшее, а таким безусловно являются корейцы», ситуация начинает меняться (102). В феврале 1911 г. Комитет по заселению Дальнего Востока рассматривал вопрос о допущении корейцев на золотые прииски. На заседании золотопромышленники и генерал-губернатор единым фронтом лоббировали разрешение применения корейского труда. Это ходатайство было поддержано Советом Министров и 25 апреля 1911 г. утверждено Николаем II (103).

Ограничительные меры, принимаемые русской администрацией, не уменьшили привлекательности российских промыслов для китайцев. С 1908 по 1910 гг. приток китайских старателей в Амурскую тайгу возрос более чем в два раза (с 12561 человека в 1908 г. до 26836 человек в 1910 г.) (104). Ежегодный наплыв такого количества людей требовал выработки оптимальной системы регистрации и контроля.

В марте 1912 г. на особом совещании под председательством военного губернатора Амурской области генерала А.М. Валуева при участии золотопромышленников были определены нормы и порядок пропуска китайских подданных в российские пределы через пункты Айгунь, Сахалинь, Благовещенск; для прибывавших на прииски в Приамурский край китайцев выработана желательная форма паспортов и порядок обмена их в будущем. Паспорта имели годичный срок действия, а их обмен должен производиться по спискам, подготовленным приисковыми управлениями.

Однако такой порядок оказался неудобен для русских золотопромышленников, кроме того, требование ежегодного обмена китайских национальных паспортов не соответствовало закону. Во время отсутствия А.М. Валуева они обратились к его заместителю камер-юнкеру А.Г. Чаплинскому с ходатайством сделать паспорта бессрочными, а финансовые поступления, шедшие за счет визировки паспортов, предложили компенсировать за счет увеличения стоимости билетов. А.Г. Чаплинский поддер-

жал золотопромышленников перед Приамурским генерал-губернатором. Полученные из Хабаровска указания фактически приравнивали китайцев к иностранным подданным, прибывающим в Россию (105).

В 1913 г. в Государственную Думу был внесен проект о разрешении труда китайских рабочих в золотопромышленности дальневосточной окраины без выкупа русских паспортов до окончания постройки Амурской железной дороги. А 22 декабря 1913 г., в связи с этим, министр торговли и промышленности подписал постановление, разрешавшее нанимать на золотые промыслы Приамурского генерал-губернаторства иностранных рабочих до завершения постройки Амурской железной дороги, на срок не более пяти лет (106).

С началом войны в горной отрасли еще острее стала ощущаться нехватка рабочих рук, так как русские рабочие призывались в армию, а значительного притока китайцев в русскую тайгу не наблюдалось. Золотопромышленники связывали это с дороговизной паспортов (107).

В 1914 г. Совет съезда Зейских золотопромышленников обратился с просьбой об отмене на время изданных Приамурским генерал-губернатором правил о паспортах китайцев. Они обязывали китайского рабочего, прибывавшего на прииски иметь при себе визированный национальный паспорт, золотопромышленники же просили разрешить ограничиться только русским билетом (108). О том же ходатайствовали Центральный военно-промышленный комитет при совете съездов представителей промышленности и торговли; совет съезда Амурских и Буреинских золотопромышленников; исполнительный Совет Второго Всероссийского съезда золотых и платинопромышленников.

10 ноября 1914 г. Комиссия по золотым делам рассмотрела вопрос о мерах, облегчавших допуск китайских отходников на золотые промыслы Приамурья. Предлагалось учредить в Амурской области «Бюро китайских приисковых рабочих», которое должно было: определять необходимое число рабочих для золотых промыслов края, осуществлять их ввоз из Китая; предлагалось отменить визирование китайских национальных паспортов, разрешить отсрочку уплаты за русские билеты, установить для китайских рабочих свободный переход с прииска на прииск, а также отменить другие ограничительные меры (109).

Обсуждение вопроса о возможности более широкого применения китайского труда, а также необходимых для этого мероприятий в высших эшелонах власти привело к тому, что 30 июля 1915 г. Совет министров сделал заявление: «при всей нежелательности расширения пределов применения в империи труда представителей желтой расы, допускаемых ныне только к востоку от меридиана Волги, препятствовать использованию их предпринимателями в настоящих – чрезвычайных обстоятельствах не при-

ходится. В связи с этим управляющему МВД надлежит беззамедлительно распорядиться временной отменой для упомянутых рабочих иностранцев (паспортных) стеснений» (110).

Нужно отметить, что в ходе предварительного обсуждения позиции разных министерств оказались диаметрально противоположными. Министерство внутренних дел не одобряло такой подход, считая, что распоряжение Приамурского генерал-губернатора о паспортах соответствует требованиям Паспортного Устава. Министры финансов, торговли и промышленности заняли сходные позиции: «В виду особой государственной важности вопроса об увеличении золота в империи, не встречал бы препятствий к отмене в виду временной меры, мероприятий, ограничивающих доступ на золотые прииски китайских и корейских рабочих (111).

Меры, предпринятые центром, были своевременны, в сентябре 1915 г. начался массовый уход с приисков китайских рабочих. Работы оставило около 40 %, что вдвое превышало обычные показатели (112). Призыв приисковых рабочих в армию, отток китайцев, истощение старых месторождений не замедлили сказаться на результатах золотодобычи в Приморской и Амурской областях, в 1915 г. золота здесь добыли на 110 пудов меньше, чем в 1914 г.; из 441 дальневосточного прииска эксплуатировалось лишь 44 (113).

Война требовала колоссальных расходов, в связи с этим правительство признало золотодобычу отраслью, работавшей на оборону. Важное место в общеимперской структуре золотодобычи занимала добыча золота на Дальнем Востоке, фактически базировавшаяся на «желтом труде» и обеспечивавшая при этом в начале XX в. до 40 % ежегодной добычи золота. Вопрос об условиях применения «желтого труда» требовал скорейшего решения. 23 августа 1916 г. Совет министров обсудил, а 15 сентября 1916 г. император рассмотрел вопрос о допущении китайцев на работы в горно-промышленные предприятия Восточно-Сибирской горной области.

Согласно этому документу китайцам разрешалось работать на золотых промыслах в Восточно-Сибирской горной области, за исключением 25-верстной полосы вдоль Сибирской магистрали и на расстоянии менее 50 верст от укрепленных пунктов. Они должны иметь визированные национальные паспорта, при переходе русской границы за регистрацию национального паспорта требовалось уплатить 30 копеек; для выборки годового билета, стоимостью 5 руб. 10 коп., со дня перехода границы предоставлялась трехмесячная отсрочка; проезд по территории России разрешался в сопровождении доверенного лица по проходным свидетельствам (114).

По данным А.В. Алепкио в последовавшие 1917-1920 гг. прииски Приамурья разрабатывались в основном с преимущественным использованием труда китайских отходников (115).

Таким образом, золотодобыча, ставшая в конце XIX в. – начале XX в. одной из ведущих отраслей дальневосточной экономики, на протяжении

значительного периода своего развития была тесно связана с «желтым трудом». В 1906 г. китайцы и корейцы составляли 20 % занятых в этой отрасли, а четыре года спустя – более 82 % (116).

Вплоть до 80-х гг. XIX в. местная русская администрация не видела препятствий в применении китайского старательского труда, более того она инициировала законодательное закрепление его разрешения. Однако знание реальной обстановки в крае: малочисленность русского населения, слабая охрана границы, отсутствие отлаженной системы управления, заставляло проявлять осмотрительность в этом вопросе. Массовое появление китайских старателей на русских приисках во многом подтвердило опасения русских властей. Несмотря на ту важную роль, которую они заняли в процессе золотодобычи, с их приходом возник и спектр новых проблем: хищническая разработка недр, контрабанда золота, массовое нарушение правил въезда и проживания на территории Российской империи, усиление хунхузничества; ущемление интересов русских рабочих, присутствие значительного числа иностранных подданных в приграничных районах. Все это вынуждает русскую администрацию выработать и принять меры для изменения ситуации – квотирование и запрещение различных видов «желтого труда», совершенствование паспортной системы; исключение возможности ухода от положенных сборов.

Однако у руководства Приамурского генерал-губернаторства, взявшего в конце XIX – начале XX веков курс на сокращение применения «желтого труда» в экономике края, не было преувеличенности в проведении этих мер. Так, С.М. Духовской считал возможным применение «желтого труда» для развития экономики края, планируя в перспективе либо заменить его русским трудом, либо принять меры к обрусению китайцев и корейцев; при П.Ф. Унтербергеру начинается масштабное наступление на корейский труд, а сменивший его через несколько лет Н.Л. Гондатти видит главное зло в использовании труда китайцев. Не менее важно и то, что не было ясного представления о реальной роли этого труда в экономике края, что делало трудно прогнозируемыми последствия тех или иных ограничений. Первая мировая война, резко изменившая ситуацию на дальневосточном рынке труда и обострившая потребности страны в золоте, заставила если не отказаться от политики, проводившейся в течение предшествующих десятилетий, то сильно либерализовать ее.

3.3. Китайские кварталы в русских дальневосточных городах

Еще одним новшеством, задуманным в период губернаторства А.Н. Корфа и коснувшимся в первую очередь китайцев, проживавших в крупных населенных пунктах, было создание особых китайских кварталов в городах.

Дело в том, что дальневосточные города, как правило, росли и развивались за счет появления новых слободок. Так, например, Матросская, Экипажная, Офицерская, Корейская слободки с течением времени, входя в пространство города, расширяли территорию Владивостока. Кроме районов, где проживали подданные Российской империи, фактически в каждом городе Амурской и Приморской областей стихийно возникали слободки или районы, в которых жили мигранты из Восточной Азии. С ростом городов эти кварталы оказывались расположенными в центре, что не устраивало горожан, так как, по их мнению, они «не только заражали окрестную атмосферу, но и являлись очагом эпидемий, кожных болезней, разврата, преступлений» (117).

В связи с этим городские власти неоднократно пытались перенести китайские кварталы подальше от центра города. Эти попытки заняли более 40 лет, в течение которых русской администрации с большим трудом удавалось переселять китайцев на отведенные городом места, и с еще большими усилиями регламентировать жизнь в этих кварталах.

Владивосток. В 1860 г. по свидетельству владивостокских старожилов, записанному Н. Матвеевым, на территории Владивостока стояло всего две китайские фанзы (118). По мере того как росло русское поселение, эта территория становилась все более привлекательной и для китайцев. В 1862 г. к начальнику поста Владивосток Е.С. Бурачеку обратились восемь

г. Владивосток. Кварталы
«Миллионки» сегодня.
(Фото автора)

китайцев, пришедших с р. Вай-Фудин в районе залива Св. Ольги, с просьбой выделить земельные участки. Им было предложено построить свои жилища в линию русских домов непосредственно на территории поста. Однако китайцы отказались от такого варианта, попросив выделить им особое место. Пригодная для этих целей земля была найдена на западном берегу бухты Золотой Рог, где каждому было отведено по участку в 70 кв. саженей (119).

Согласно выявленным архивным документам в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. среди владельцев земли на территории поста были китайцы Алексей Иватъев (с 1869 г. владел участком № 98 в 8 квартале), Екатерина Иватъева (с 1870 г. владела участком № 99 в 8 квартале), Иван Кункейхо (?) (с 8 ап-

реля 1873 г. за ним закреплялся участок № 176 в 12 квартале (район современного Океанского проспекта) (120). Помимо жилых построек владельцы этих участков имели огороды, и, по всей видимости, занимались поставкой русскому гарнизону необходимой сельскохозяйственной продукции. Кроме огородничества китайцы занимались торговлей, в 60-е годы в самом центре будущего города зарождается первый базар – манзовский, ставший к середине 70-х годов XIX в. большой проблемой для городских властей. Как видно из названия, основными торговцами были китайцы. Они застроили этот участок своими фанзами и лавками без всякого разрешения городской администрации, абсолютно не реагируя на приказания полиции перенести фанзы в район Семеновского покоса.

Старый манзовский базар во Владивостоке (фото 70-х гг. XIX в.). Располагался в районе современного морского вокзала. (Источник: *Старый Владивосток. Владивосток, 1992*)

В сентябре 1875 г. общественный староста Владивостока, ставший 30 ноября того же года городским головой, М.К. Федоров обратился к военному губернатору Г.Ф. Эрдману за разрешением снести с территории Владивостокской площади китайские фанзы, построенные без соблюдения «правил архитектуры и без дозволения на постройку». Он сообщал, что китайцам было отведено место на Семеновском покосе. Однако «каждый раз манзы под разными предлогами удерживают это место за собой, принося ущерб в денежном и санитарном отношениях, т.к. они торгуют и живут в одних и тех же помещениях, сгруппированных в одну сплошную массу» (121). 7 марта 1876 г. Городская Дума утвердила акт, определявший правила разбивки базарной площади. Предполагалось, что участки будут сдаваться в аренду на торгах, в которых могли принять участие все желающие. Весной 1876 г. во Владивостокскую городскую управу стали поступать заявления от желающих построить лавки на базарной площади. Из десяти имеющихся в распоряжении автора заявлений, шесть принадлежали китайцам (Ли-чан-чуну, Асс-не, Сы-чай-сыну, Лиу-Си-Ге (?), Чи-Ням-ха, Чин-ул-Вану), два – французам (Менару и Фаберу), по одному – амери-

канцу (Смиту) и корейцу (Ен-гу-ги). Условия сдачи в аренду предусматривали: внесение ежегодной платы, возведение построек с соблюдением строительного Устава. В течение трех лет постройки находились в собственности арендатора, без права на землю, а затем переходили во владение города (122).

Несмотря на то, что переселение китайцев проходило с большим трудом, растянувшись на два года (1876-1877 гг.), со временем они освоились и на Семеновском покосе, и в прилегающих к нему районах, получивших название «Миллионки» (123).

Город стремительно рос, и буквально через десять лет оказалось, что места компактного проживания китайцев опять стали находиться в центральной части города. Да и в других его частях и окрестностях китайцы либо самовольно захватывали землю, либо сдавали ее в аренду. В фондах городской управы отложилось немало заявлений подобных тому, что принадлежит подпоручику Клепикову. «Весной нынешнего года (1874 г.) я купил с торгов в городском управлении покос на арендное содержание по обе стороны бухты Улисс. По приходе на покос, я застал там поселившихся в трех местах манз, которые самые лучшие места покоса распахали под огород, а между тем городское управление взыскало с меня за место 111 рублей» (124). Зачастую на таких участках строились фанзы, возводились глухие дощатые заборы, что усиливало пожароопасность в городе. Городская управа как могла пыталась бороться с подобной застройкой города. В 1881 г. была создана комиссия, которая составила акт предназначенных к сносу построек, возведенных с нарушением строительного Устава. В пред-

г. Владивосток. район Семеновского покоса
(Источник: *Старый Владивосток. Владивосток, 1992.*)

ставлении губернатору Владивостока отмечалось: «Неоднократно объявлялось по городу, чтобы китайские постройки возводились не иначе как по представлению планов и по утверждению таковых, китайцы же не обращая внимания на объявления, продолжают строить, где и как им вздумается, таким образом, дворовые участки Кочана, Янлая, Ча, Купера и других застроены сплошь фанзами, юртами и тому подобными постройками» (125). Однако разовая акция не изменила ситуацию. В сентябре 1884 г. городская Управа представила доклад по этому вопросу в городскую Думу. Вскоре городской управой совместно с полицмейстером были предприняты определенные мероприятия по приведению участков в порядок. Но эта временная мера не могла в корне изменить ситуацию. В том же 1884 г. владивостокской городской управой был разработан проект об отмежевании в пригороде особого китайского квартала с правильными улицами и маломерными участками (около 50 кв. саженой). Утвердив проект, Дума поручила управе привести его в исполнение.

Вопрос об условиях расселения китайцев для города действительно был очень острым, поэтому уже 17 октября 1884 г. Думой были утверждены кондиции на аренду участков: участки сдавались в аренду на 4 года с торгов. Арендатор мог застраивать свои участки деревянными и каменными строениями, но с соблюдением строительного устава. Через четыре года деревянные строения переходили в собственность города, а каменные отдавались владельцу за ту же плату еще на четыре года. На этих условиях в аренду было сдано три участка земли, на которых построены две фанзы (126).

В 1886 г. городская администрация вернулась к вопросу о необходимости китайского квартала. Комиссия под руководством И.И. Маковского констатировала, что, несмотря на увеличение численности китайцев в городах Приамурского края, живущих оседло с семьями почти нет. Многие из них обзаводятся недвижимым имуществом, но признать их оседлым населением нельзя, т.к. семьи остаются на родине, они периодически их навещают, а, разбогатев, уезжают навсегда (127). Необходимым признавалось запрещение китайцам приобретение недвижимости в городе, а для их поселения около городской черты рекомендовалось отвести участки из городских наделов, установив срок аренды до девяноста девяти лет. Несмотря на утверждение (июль 1886 г.) и опубликование (март 1887 г.) этих правил, китайцы продолжали селиться по всему городу, и как собственники участков, и как арендаторы. В 1886 г. из 633 городских участков г. Владивостока шестнадцатью владели китайские подданные (128). Наиболее крупные участки в центре города принадлежали Качану, Янлаю, Тауцилину, Чаю, Ли-ли-хоо (Ли-ли-хау), Ван-ты-сину (129).

Строительство же китайских кварталов во Владивостоке отодвинулось

на неопределенный срок (130). В апреле – мае 1888 г. городская управа, ссылаясь на принятые в 1886 г. правила, просила полицию выселить китайцев в отведенный постановлением Думы квартал на Фельдшерском покосе. Однако реализации этого проекта помешало отсутствие финансов для возведения построек – не было их у потенциальных переселенцев рабочих-китайцев, не было их у города, не нашлось и предпринимателей, способных отстроить квартал и сдать его в аренду. К 1888 г. на Фельдшерском покосе китайцами было возведено лишь две фанзы (131). Наконец в сентябре 1888 г. фортуна наконец-то повернулась лицом к городской администрации. Появился человек, готовый снять с ее плеч многолетний груз, – устройство китайского квартала. Купец второй гильдии А.Н. Буркот подал в Управу заявление об аренде одного из кварталов, состоявшего из семи участков. 6 октября 1888 г. Дума приняла его условия. А.Н. Буркот обязался в течение 1889 г. застроить участки зданиями по планам, утвержденным Управой. Для предупреждения распространения пожаров участки предполагалось окопать канавами и оградить заборами. По сравнению с правилами 1884 г. увеличивались сроки аренды – для участков с деревянными постройками пять лет, для участков с каменными – восемь. Установленная городом арендная плата была относительно невысока – 126 рублей в год за все семь участков. Если бы первый опыт подобной аренды оказался удачным, то городские власти могли бы рассчитывать на привлечение и других частных капиталов в это довольно прибыльное при грамотной организации дело. Однако в скором времени взявший ссуду в банке А.Н. Буркот пошел на охоту и пропал без вести, поэтому столь перспективный план осуществлен не был (132).

В 1891 г. городская администрация продолжила свои безуспешные попытки по созданию китайского квартала. Выбор пал на район Куперовской пади, известной тем, что в 1884 г. она была определена как место вывоза нечистот и навоза, тогда же туда были удалены крупные стада свиней (150 – 200 голов), содержавшиеся некоторыми жителями Владивостока в городской черте (133). В 1891 г. Дума приняла решение о создании компактного места поселения китайцев и корейцев в этом районе. Территория была разделена на участки по 400 кв. саженей, но выработка условий аренды опять затягивалась.

А ситуация тем временем еще больше осложнилась. Весной 1892 г. по сведениям городской Думы в город прибыло на заработки более 10 тысяч китайцев. Владивосток не был в состоянии обеспечить такую массу народа работой, поэтому многие из прибывших оказались в бедственном положении. Отсутствие достаточного количества жилья привело к тому, что люди остались на улице «терпя во всем необходимом для человека крайнюю нужду» (134). Особенно тяжелая ситуация сложилась на Семеновс-

Владивосток. Район
Куперовской пади.
(МПК 188.24)

ком покосе, ранее отведенном для поселения китайцев. Угроза возникновения очередной эпидемии заставила городскую администрацию вновь вернуться к вопросу об организации китайского квартала (135). В 1892 г. военный губернатор Приморской области отдал устное распоряжение о переселении в отдельный квартал хотя бы части китайцев. В связи с этим городская управа представила в Думу план поселения в Куперовской пади, который был утвержден на заседаниях 24 октября и 20 ноября 1892 г. Условия аренды этой земли Дума официально утвердила лишь 30 апреля 1893 г. В том же году началось заселение. Согласно правилам, отвод участка осуществлялся на основании личного заявления арендатора, с приложением планов строений. Плата за участок в год составляла 20 рублей. Условия аренды по сравнению с предыдущими положениями стали более льготными – срок аренды при постройке деревянного дома составлял пять лет, при постройке каменного – 10 лет, по истечении этого срока земля и возведенные на ней постройки переходили в собственность города. Следует отметить, что Дума отклонила прошение титулярного советника Лангина, хотевшего получить 10 участков под застройку жилищ для китайцев и корейцев.

Как обычно переселение шло сложно, но на этот раз городские власти проявили настойчивость. Санитарно-исполнительная комиссия, осмотревшая китайские фанзы на Фельдшерском покосе и выборочно участки в центре города настоятельно рекомендовала из-за антисанитарных условий выселить китайцев из центра города, в том числе с участков Смита, Шатова, Васильева, Маргаритова (Фонтанная улица), а также с участка Хагемана на Семеновском покосе.

Вскоре выяснилось, что и Куперовская падь не в состоянии решить наболевший за последние двадцать лет вопрос – 23 июня 1893 г. полицмейстер уведомил управу, что выселять китайцев и корейцев больше некуда – Куперовская падь переполнена.

В связи со спешкой, сопутствовавшей выселению, а закончено оно было по большей части к 20 мая, условия, выработанные Думой во многих слу-

чаях соблюдены не были. Дома в Куперовской пади строились на скорую руку, многие без всяких планов, в некоторых местах просто поставили палатки и соорудили дощатые навесы. В связи с тем, что капитальных сооружений не возводилось, некоторое время арендная плата не взималась, и местность эта не приносила никакого дохода городу. Военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер, посетивший поселок в 1893 г., отметил скученность построек и отсутствие порядка (136).

В марте 1894 г. городская Дума обратила внимание на сложившееся положение и приняла решение о создании комиссии для выяснения количества застроенных участков, надзора за соблюдением строительного устава. В комиссию вошли гласные Думы – М.И. Красовский, А.Н. Поздеев, Ю.И. Бринер, члены управы К.Ф. Ильиницкий, В.А. Жариков, землемер и архитектор.

Было решено, с тех хозяев, постройки которых соответствовали требованиям, взять арендную плату за первое полугодие 1893 г. и заключить с ними договора аренды на условиях, определенных постановлениями городской Думы 30 апреля 1893 г., остальные постройки принять по акту (137). Через пять лет согласно описи, составленной заведующим городскими угодьями, подавляющее большинство участков в Куперовской пади было застроено деревянными фанзами, причем 72 из 121 принадлежали китайцам (138). Планировка не соблюдалась, дома строились без проектов, зачастую вплотную друг к другу, что делало этот район чрезвычайно пожароопасным. Только лишь на пяти участках было возведено шесть каменных сооружений. Четыре дома принадлежали китайцам: Лай-чжи-фа владел двумя домами, расположенными на участке № 23; Лан-сен-де (участок № 21) и Ли-фан-суй по одному (участок № 27) (139). 1 мая 1904 г. каменные постройки согласно договору должны были перейти в городскую собственность.

Создание этого китайского квартала не решило проблему расселения китайцев, большинство по-прежнему проживало в разных частях Владивостока. Однако вплоть до 1899 г. городская администрация не предпринимала новых шагов, занимаясь поиском места заселения и рассмотрением частных инициатив. Владивостокские предприниматели, видимо сообразив, какие выгоды можно получить с эксплуатации китайских кварталов, стали предлагать властям свои услуги. Так, в мае 1897 г. китайский подданный Тайхо подал прошение об отведении ему в аренду четырех десятин земли для устройства китайских ночлежных домов. Он давал обязательство к 1 ноября построить фанзы, способные вместить до 1000 человек. Рядом с этими зданиями предполагалось соорудить крытые навесы для скота. Городу Тайхо обещал платить по 50 рублей за десятину. Через восемь лет он был готов сдать городу деревянные строения, а через две-

надцать – каменные. Кроме того, он брал на себя обязательство содержать фельдшера и вести список квартирантов (140). По неизвестной нам причине городскую администрацию не устроили предложения китайского предпринимателя. Год спустя, в октябре 1898 г., гласный Думы В.Е. Филипченко просил город отвести ему участок под строительство домов для китайцев на десять тысяч человек. Перспективы китайского городка он видел следующим образом. Все доходы от аренды помещений в течение 10 лет поступали лично ему. По истечении этого срока китайский квартал становится собственностью города, а сам В.Е. Филипченко начинает платить городу арендную плату. Взамен гласный городской Думы обещал построить больницу и возбудить ходатайство о создании нового полицейского участка, с содержанием чинов полиции за его счет (141).

В июне 1899 г. городская управа определилась с местоположением нового китайского квартала, ею был предложен участок по северо-западному склону холма, располагавшегося к северу от Куперовской пади, прилегавший с восточной стороны к железной дороге. Тогда же было вынесено на рассмотрение предложение В.Е. Филипченко. Городская Дума отложила принятие решения, однако угроза возникновения эпидемии чумы не позволяла забыть об этом вопросе. Постановлением Думы от 30 июня и 1 сентября 1899 г. была назначена очередная комиссия по выбору места для китайского и корейского поселений.

Рассмотрев места в окрестностях города, комиссия пришла к заключению, что для поселения китайцев наиболее оптимален участок площадью до 100 десятин, расположенный на северном склоне горы, возвышающейся над улицами Нагорной и Ботанической до Ключевой (142).

Однако городская управа признала этот вариант неподходящим, и предложила отвести для этих целей площадь за Матросской слободой. Ею же было внесено предложение о создании шести кварталов, устроенных следующим образом. В каждом квартале планировалось возвести 12 барачных домов (размерами 12 на 5,5 сажень), способных вместить по 100 человек. Для соблюдения санитарно-гигиенических норм в каждом квартале намечалось построить шесть кухонь, столько же отхожих мест и 12 помойных ям. Кроме того, в китайском городке предполагалось заблаговременно проложить дороги, вырыть канавы, построить врачебный и полицейский пункты, аптеку, постоянный двор, здание пожарной части. По предварительным расчетам застройка одного квартала оценивалась в 172800 рублей, соответственно шести – в 1036800 рублей. Предполагаемая квартплата с отоплением, но без освещения, составляла три рубля в месяц, и таким образом ежегодный доход оценивался в 259200 рублей при заселении городка 7200 жителей. Городская управа имела и кандидата, готового осуществить этот проект, при условии передачи ему китайского городка в безвозмезд-

ное пользование на 10 лет. Им был все тот же гласный Думы В.Е. Филиппенко. По самым скромным прикидкам этот проект должен был принести ему около одного миллиона рублей, а если учесть традиционные махинации с арендой и субарендой, нелегальными мигрантами, опиумокурильнями и банковками, то трудно себе представить, какой доход должна была дать эта золотая жила. Рассматривался и другой вариант. Отведенное место распределялось на отдельные участки (размером 10 на 10 квадратных сажень), которые сдаются желающим в аренду за определенную фиксированную плату. По прошествии первых пяти лет плата может быть увеличена. Город берет на себя устройство и содержание колодцев, пожарной части, полиции и врача.

И у того и у другого варианта были свои противники и сторонники, но прежде всего необходимо было решить главный вопрос – найти тот участок, который бы удовлетворил и город, и военное ведомство, и самих китайцев. 8 декабря 1899 г. Думой была создана очередная комиссия для осмотра мест, предназначенных под поселение. Как всегда, в ее состав вошли лучшие люди города – гласные Думы В.П. Бабинцев, К.А. Красильников, И.М. Польский, Н.П. Матвеев, В.А. Жариков, Михайловский, Золотухин, Вебель, А.В. Суханов и член Управы Некрасов (143).

Изучив разные варианты, они остановились на участке, предложенном Управой 23 марта 1900 г. В том же месяце городская Дума постановила отвести для китайско-корейского поселения участок в 23 десятины на западном и южном склонах горы за Куперовской падью. В перспективе планировалось весь этот район отвести под поселение. Однако существовала маленькая проблема, заключающаяся в том, что участок принадлежал военному ведомству, с которым еще предстояло договориться о равноценном обмене (144). Вплоть до 1901 г. военное ведомство не давало какого-либо ответа на запрос городских властей.

А в городской Управе уже отмежевались от идеи доходности китайского квартала. Приходит понимание того, что нужно идти на расходы, дабы предотвратить эпидемии (145). Скептически была воспринята и идея частного подряда на строительство китайского поселения, так как на деле это означало передачу всего населения городка в руки его хозяина, и никакие договора не смогут защитить жителей от возможной эксплуатации. Оптимальным вариантом признавалось строительство китайского квартала на средства города, но без учета его бюджетных возможностей. В который раз ситуация оказалась тупиковой.

Весной 1906 г. городской Думой принимается обязательное постановление, согласно которому площадь, расположенная севернее Куперовской пади, вдоль линии железной дороги по направлению к Первой Речке – отдавалась под корейско-китайское поселение, состоявшее из 22 кварта-

лов. Территория эта принадлежала военному ведомству, но была уступлена городу комендантом крепости генерал-майором Д.Н. Воронцом (146).

В марте 1906 г. к решению вопроса подключился китайский коммерческий агент Ли Тъяо. Он обращается к городскому голове с предложением передать строительство китайским коммерсантам и подрядчикам, готовым возвести деревянные бараки. Если будет получено разрешение на 24 года аренды плюс бесплатное «на первых порах» пользование землей, то они согласны возводить каменные сооружения (147).

25 апреля 1906 г. военным губернатором Приморской области В.Е. Флугом издается обязательное постановление № 20034 «об отводе в г. Владивостоке отдельных кварталов для проживания китайского и корейского населения». Этим постановлением в русской части города разрешалось проживать китайцам, принявшим русское подданство, арендующим в городе недвижимость, торгующим по промысловым свидетельствам 1-3 разрядов, состоящим приказчиками, рабочими, прислугой в торгово-промышленных предприятиях 1-3 разряда, учреждениях и у жителей города. Постановление должно было вступить в силу через год (148).

Однако его исполнение не вызвало энтузиазма у китайцев. Тем же летом городская Дума признала, что спроектированная для корейско-китайской слободки территория за Куперовской падью находится в центре города, в связи с этим городской управе было поручено избрать другое место (149). В качестве одного из вариантов рассматривается возможность размещения слободки в районе современной площади Луговой. Летом 1907 г. на это дает свое согласие командир порта капитан I ранга барон Ферзен, но против выступает исправлявший обязанности коменданта крепости генерал-майор Ирман (150). Тогда в качестве альтернативы называется Гнилой угол. Но начальник инженеров Владивостокской крепости отношением от 4 марта 1908 г. уведомил Военного губернатора Приморской области, что комендант крепости не согласен на отвод участка и в этом районе (151).

Вплоть до 1911 г. шли безуспешные поиски территории под китайский квартал, т. к. заинтересованные ведомства, комендант, военный губернатор и городское управление не могли определить подходящее место (152). Участок за Куперовской падью заселялся в основном корейцами и получил название Новокорейская слободка, хотя там возводились и китайские постройки. Но массовое переселение не состоялось. К концу 1911 г., по сведениям военного губернатора Приморской области М.М. Манакина, корейское население было уже устроено в кварталах за старой Корейской слободкой, а китайцы так и продолжали жить в центре города (153).

Кроме трудностей с определением местоположения квартала, городская администрация сталкивалась с недовольством проектом со стороны

влиятельных городских домовладельцев, получавших значительные доходы от сдачи китайцам квартир в аренду. Чтобы представить себе размер прибыли, получаемой от подобных операций, приведем конкретный пример. В 1911 г. в доме владивостокского купца Ван-и-лина проживало около 3 тысяч китайцев. Каждый жилец ежемесячно платил хозяину по 3 рубля в месяц. По оценке специалистов, тот же дом, приспособленный под квартиры для европейцев, приносил бы дохода в 9 раз меньше (154).

Многие квартиросъемщики в подобных трущобах являлись нелегальными мигрантами. Так, во время ночной облавы 11 марта 1911 г. только в доме уже упоминавшегося Ван-и-лина было задержано 800 беспаспортных и безработных китайцев (155).

Ни для кого не было секретом, что китайцы в доходных домах живут в антисанитарных условиях, нарушая всякие мыслимые представления и нормы, регулировавшие количество душ на квадратный метр. Однако выселение китайцев из центральной части города затрагивало экономические интересы домовладельцев, что, как нам представляется, было дополнительным фактором, тормозившим создание особых кварталов.

Тем не менее, проблема требовала безотлагательного решения. Как отмечал В.В. Граве, «скорейшее разрешение этого вопроса (...) весьма желательно, т. к. во Владивостоке китайцы проживают в самом центре города, наполняя собой особенно летом все дома, выходящие по улицам, параллельным главной артерии города – Светланской, вблизи главных базаров города, и загрязняя вследствие присущей им неряшливости почву города» (156).

В феврале 1911 г. в местной прессе были опубликованы условия сдачи в аренду участков в китайско-корейской слободке, выработанные земельной комиссией Городской управы. Согласно этому документу предполагалось компактное и раздельное поселение китайцев и корейцев в рамках слободки. Участки площадью по 160 кв. саженей с № 47 по № 52 отводились корейцам, с № 54 по 62 – китайцам. Годовая арендная плата, установленная Думой в 1906 г., составляла 75 копеек (угловые участки) и 60 копеек (средние участки) за одну квадратную сажень. По окончании сроков аренды (10 лет для участков, застроенных деревянными зданиями, 15 лет – для застроенных каменными), постройки переходили в собственность города. Комиссия рекомендовала до начала застройки провести благоустройство территории: проложить внутриквартальные дороги, построить сточные каналы (157). В начале марта военный губернатор Приморской области обратился к городской Думе «изыскать способ для разрежения китайского и корейского населения, не ожидая разрешения вопроса об отпуске ссуды в триста тысяч рублей для постройки инородческого поселка (158). А 10 марта 1911 г. Корейскую слободку посетил Н.Л. Гондатти в

сопровождении руководства области и городской администрации. Приамурский генерал-губернатор указал администрации на необходимость немедленного сноса Корейской слободки и сдачи очищенных участков под застройку всем желающим. Приказание было выполнено, по крайней мере, на бумаге, военный губернатор Приморской области распорядился снести Корейскую слободку к 15 апреля 1911 г. Как это часто бывает, назначенные сроки оказались нереальными, к 8 апреля смогли снести только 23 фанзы. В связи с этим сроки выселения жителей слободки неоднократно переносились.

В начале 1912 г. вышестоящие власти предложили городскому управлению Владивостока выселить все азиатское население из города, а также изменить правила 1906 г., сократив количество категорий, имеющих право на проживание в городской черте (159).

Особая городская комиссия, работавшая под председательством Б.М. Поляновского, к 8 января 1914 г. выработала очередной проект проживания китайцев и корейцев во Владивостоке (160).

Китайцам и корейцам, состоявшим в русском подданстве, разрешалось повсеместное проживание. Также в любой части города могли селиться китайцы и корейцы, имевшие или арендовавшие отдельные дома, торговавшие по промысловым свидетельствам 1, 2, 3 разряда торговых предприятий; владевшие промышленными предприятиями 1 – 6 разрядов, а также портняжными и сапожными мастерскими; семьи (т.е. жена и дети), входившие в вышеперечисленные категории. Кроме того, не регламентировалось место проживания китайцев, служивших домашней прислугой, а также лиц, имевших свидетельства приказчиков 1 и 2 разрядов (161).

Однако окончательно вопрос о наиболее удобном расположении китайско-корейских кварталов во Владивостоке не был решен окончательно и в 1914 г. Во всеподданнейшем отчете военный губернатор Приморской области А.Д. Сташевский писал: «проживание желтых в области ничего, кроме целого ряда неудобств и ущерба для нас не дает. (...) надзор за желтыми будет лучше, когда осуществится проект выселения их в особые кварталы, отдельные от европейцев (162). Тем не менее, финансовая прибыль, получаемая владельцами многоквартирных домов, оставалась решающим аргументом против решения этого вопроса. Так, на заседании городской Думы в феврале 1914 г., рассматривавшей в очередной раз вопрос о выселении китайцев в особый квартал, прямо заявляли: «мы разорим тех домовладельцев, которые только и живут квартирной платой именно от китайцев» (163). В унисон этому высказывались участники закрытого заседания городской Думы 27 февраля 1915 г., выработывавшего «Проект обязательных постановлений о праве жительства китайцев и корейцев в г. Владивостоке». По мнению Н.Г. Рачкова, Дума вообще выбрала неблагопри-

ятное время для рассмотрения этого вопроса. «В городе почти треть квартир пустует, а налогов городских и государственных все больше. ... Многие обыватели заключили с ними (китайцами – Е.Н.) долгосрочные контракты. Если начнут их выселять даже после войны, то арендаторы останутся ни с чем... Что же получится с обывателями? А когда выселят, должны еще будут ремонтировать свои дома для жилья европейцев» (164). В связи с этим Н.Г. Рачков предложил установить конкретный срок по окончании войны, после которого можно было бы приступить к выселению китайцев из центра города. Большинство голосов принято решение о вступлении в силу постановления о выселении китайцев через год после окончания войны (165).

Никольск-Уссурийский. В с. Никольском основная масса китайского населения размещалась на так называемом старом манзовском базаре. В 1881 г. окружной начальник Сурков разрешил китайцам, проживавшим в с. Никольском, занять около 20 участков земли, на которых можно было строить здания, заниматься хлебопашеством, открывать лавки. Позже, специальным распоряжением окружного начальника Суханова, позволялось открытие торговых заведений лишь хозяевам каменных зданий (166), что стимулировало появление капитальных сооружений. О размахе строительства свидетельствует тот факт, что только в 1894 г. закончилось строительство 14 каменных домов.

В 1895 г. «старый манзовский базар» представлял собой мини-город в городе: территория базара, достигавшая двухсот квадратных саженей, была обнесена глухим тесовым забором, высота которого в некоторых местах достигала сажени. На базар можно было попасть с трех главных улиц города через ворота, запиравшиеся на ночь замками.

Автор статьи «Китайский город среди русского села» Павла Знаменская так описала этот район (1895): «Дома там, большей частью, каменные, довольно большие и красивой архитектуры, приспособленные как для торговых лавок, так и для китайских жилищ. Есть отдельные ночлежные дома, гостиницы, трактиры, кухмейстерские, пивные лавки и даже своего рода кабаки. Есть такие бойкие пункты этой отрасли торговли, что, по рассказам одного манзы, выручают от продажи «кашно сонце 30, 40 руб. ... Много, много получай денга, богата манза есть!»... Кроме того, улицы буквально запружены всевозможными торговцами, с их столами, ящиками, тюками» (167).

К 1897 г. жизнь в близлежащих к этому месту кварталах стала небезопасной из-за угрозы возникновения пожара или распространения заразных болезней вследствие несоблюдения элементарных правил гигиены. 6 августа 1897 г. начальник Южно-Уссурийского округа докладывал военному губернатору Приморской области: «...населенный манзами, квартал

(...) имеет две улицы, перекрещивающиеся почти в середине. Улицы эти шириною не более 10 сажений, сплошь застроены разного типа китайскими каменными и деревянными фанзами. Несмотря на узкие улицы, у каждого почти дома имеются деревянные пристройки и за тротуарами в улицу подвижные лари и столы, что стесняет проезд до невозможности развезать двум телегам.

Некоторые деревянные постройки до того ветхи, что представляют развалины и грозят падением. Каменные же постройки, воздвигнутые не по планам и без технического надзора, толщиною из двух и менее кирпичей имеют лопнувшие фундаменты, стены и грозят падением. Надворные жилые постройки расположены тесно друг от друга, имеют массу переулков, закоулков и проходов шириною в иных местах не более аршина и массу всевозможной величины дворов и двориков. (...) В каждом доме при этой массе построек содержится постоянный двор, с громадным количеством людей и лошадей беспрерывно приходящих и отходящих за границу в близь Полтавки и обратно» (168).

Попытки русской администрации привести санитарное состояние этого района к удовлетворительному, имели слабый успех. Столь радикальные меры как запрет торговли пищевыми продуктами в китайском квартале (предписание военного губернатора Приморской области от 8 ноября 1890 г. № 11337) просто-напросто игнорировались.

Небезынтересно отметить, что недалеко от старого китайского базара, около северных ворот на участке Лин-чу-хуна в 1894 г., по решению китайско-корейского общества с. Никольского, было начато строительство каменного здания китайско-корейского общественного управления. Строительство велось китайским подрядчиком Пан-хио-за по плану, составленному гражданским архитектором и утвержденному городским начальством. Оплачивало работы китайское общество. По окончании строительства у китайского общества появился собственный одноэтажный кирпичный, на каменном фундаменте дом под цинковой крышей. Однако со временем выяснилось, что земельный участок принадлежал не Лин-чу-хуну, а городу. В связи с этим была установлена ежегодная арендная плата 57 руб. 25 коп.

После ликвидации общества дом отошел к городу. 23 декабря 1902 г. городские уполномоченные пришли к решению использовать его в качестве ночлежного приюта для безработных и бедных лиц, проживавших в г. Никольск-Уссурийском. В этом качестве он использовался много лет (169).

Именно этот район, старого манзовского базара, был отведен постановлениями Никольск-Уссурийской городской Думы от 7 декабря 1902 г. и от 29 декабря 1911 г. (170) для проживания китайцев и корейцев, не яв-

лявшихся подданными России и не имевших недвижимости. В связи с тем, что к 1911 г. постройки на старом манзовском базаре перестали вмещать всех желающих (норма – 0,5 куб. сажени внутреннего помещения на одного человека), постановлением от 29 декабря 1911 г. отводилась дополнительная территория на Фениной горе (171). Китайцам и корейцам, кроме особо оговоренных категорий, запрещалось проживание в других частях города, не разрешалось и содержание ими постоянных дворов вне китайско-корейской слободки.

Хабаровск. В последней четверти XIX в. в Хабаровске стихийно сформировались два района компактного проживания китайцев: в месте слияния Амура с Амурской протокой, на утесе, названном китайцами Тифонтаевским, и расположенная неподалеку так называемая «лихойдовская» слободка. Те же причины, что и в других городах, – главным образом антисанитария в местах проживания китайцев, – заставили городскую думу в апреле 1897 г. принять решение о переносе китайской слободки на место бывших лагерей 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона (172).

Спустя два года постановлением военного губернатора Приморской области № 774 от 11 августа, подписанного по представлению Хабаровской городской Думы, определялся порядок выселения китайских подданных в особые кварталы. Согласно постановлению китайцам и корейцам, не являющимся русскими подданными и не имеющим в городе недвижимой собственности, запрещалось «проживание в других частях Хабаровска, не исключая и фанз инженерного ведомства, кроме как только в кварталах № 95 и 97, по Поповской улице и за речкой Лесопилкой». Для некоторых категорий рабочих делалось исключение (173).

Решение хабаровских властей вызвало протест со стороны китайских купцов, считавших эту меру несправедливой, потому что она распространялась

Хабаровск. вид на Урядовский (Тифонтаевский) утес.

Фото из коллекции С.С. Лесошко

лишь на китайцев, а не на всех иностранцев. Кроме того, они полагали, что само выселение вызвано не озабоченностью городских властей санитарным состоянием города, а желанием увеличить городской доход, т.к. каждый переселившийся китаец должен был заплатить городу по 6 руб. за квадратную сажень земли арендуемого участка, в то же время «за эту цену можно приобрести участок в городе в полное владение» (174). Вызывали их недоумение и сроки переселения – хабаровский полицмейстер отвел на него две недели, и то при том, что на новом месте не были выстроены помещения.

С этой жалобой китайские жители Хабаровска обратились в Сенат, а в июле 1902 г. еще и к китайскому посланнику в Санкт-Петербурге с просьбой ходатайствовать перед русскими властями об отмене выселения, связанное к тому же со значительными убытками (175).

Сенат поручил рассмотрение жалобы военному министерству и министерству внутренних дел.

Пока вопрос о возможности создания китайских кварталов рассматривался в Петербурге, 3 мая 1900 г. военный губернатор Приморской области издал постановление № 10728, согласно которому запрещалось строить и ремонтировать в черте города, как каменные, так и деревянные постройки фанзового типа (176). Однако постановление не помешало китайцам арендовать и строить европейские здания, правда, это было значительно дороже. Одновременно, до законодательного оформления идеи создания отдельных кварталов, не прекращались попытки местной администрации выселения китайцев из центральных районов дальневосточных городов. Так, в 1902 г. на основании административного распоряжения руководства Приморской области с участка К.Т. Лихойдова на Артиллерийской горе за черту г. Хабаровска выселили 371 китайца, из первого участка-183 человека, со второго – 93, с третьего-117 человек. Всего из города выдворили 764 человека. Из них лишь около 80 поселилось в китайской слободке, а остальные либо вообще уехали из города, либо устроились неподалеку от Хабаровска (177).

В результате проведенной проверки военный министр признал действия губернатора правильными, т. к. это являлось единственным способом ограждения населения от болезней. Министр внутренних дел, поддержав позицию военного министра, тем не менее отметил, что это распоряжение противоречит ст. 822 Свода законов Российской империи, согласно которой «иностранцы, находящиеся в России, как лично, так и по имуществу их, подлежат действию российских законов и пользуются общею оных защитою и покровительством» (178). Поэтому он рекомендовал изменить закон, предоставив городским Думам Приамурского генерал-губернаторства право издавать обязательные к выполнению постановления, ограничивающие право жительства китайцев и корейцев в городах.

29 сентября 1902 г. императором такое право было предоставлено. Думы городов Приамурского генерал-губернаторства могли на законном основании «составлять обязательные постановления об ограничении особыми кварталами в пределах означенных городов жительства тех из азиатцев, антисанитарные условия коих вызывают необходимость особого за ними надзора». На основании этого постановления были образованы официальные китайские и корейские кварталы в Хабаровске (постановление от 25 ноября 1903 г.), Благовещенске (24 ноября 1910 г.), Николаевске (1 августа 1903 г.) и Никольске-Уссурийском (7 декабря 1902 г.) (179).

По свидетельству В.В. Граве, правила, регулировавшие образование отдельных кварталов, по сути во всех городах одинаковы. На их основании китайцам, являвшимся иностранными подданными и не имевшим в городе недвижимой собственности, запрещалось проживание в других частях городов, кроме отведенных для них поселений. «Сверх владеющих недвижимостью в городе китайцам, разрешается проживание:

- а) Прислужгой у жителей города, но в числе не свыше 5 человек на хозяйство, включая в это число ночных сторожей,
- б) Рабочим на месте возводимых построек во время производства работ и работающим на заводах и фабриках в числе определенном в выбираемых документах на промышленные предприятия,
- в) Лицам, производящим торговлю или занимающихся промыслами и выбирающим документы 1 и 2 разряда торговых и 1 – 5 разряда промышленных предприятий и приказчикам 1 класса означенных торговых и промышленных предприятий» (180).

В 1911 г. из-за опасения заноса из Маньчжурии чумы правила проживания китайцев в Хабаровске были ужесточены. Вне районов, определенных для проживания китайцев и корейцев, разрешалось жить: прислуге, но не более двух человек на хозяйство; рабочим на кирпичных заводах вне селитебной черты города; рабочим на огородах вне заселенной части города и за селитебной чертой; торговцам 1 и 2 разрядов, занимающимся промыслами (1 – 4 разрядов); приказчикам 1 класса в торговых предприятиях 1 и 2 разряда не свыше двух человек на одну торговую точку (181).

В июне 1912 г. Приморским областным по городским делам присутствием были приняты дополнения к правилам, регулировавшим образование китайских кварталов. Согласно этому документу разрешалось проживание в городах арендаторам недвижимости, владельцам ателье, сапожных мастерских, «рабочим и прислуге в торгово-промышленных предприятиях, принадлежащих европейцам» (182).

Положительное решение вопроса о китайских кварталах выдвинуло на первый план необходимость создания системы управления ими. Надзор за кварталами осуществлялся полицией. В сентябре 1902 г. Приамурский ге-

1. Хабаровск. Вид на Маньжурский базар в устье р. Плюснинки (после 1896 г.).

Фото из коллекции С.С. Легошко

генерал-губернатор докладывал министру внутренних дел, что для улучшения надзора за прибывавшими в край китайцами и корейцами необходимо увеличить штат полиции во Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Николаевске и Благовещенске, учредив должности околоточного надзирателя для заведования китайскими кварталами с окладом 900 руб. в год (183). Кроме того, предлагалось нанять постоянных толмачей, т. к. случайные переводчики зачастую вводили в заблуждение и полицию, и китайцев, и корейцев (184).

Для санитарного надзора за состоянием кварталов предполагалось ввести должность фельдшера, а во Владивостоке врача. Средства на все эти мероприятия генерал-губернатор предлагал взять из сумм сбора с китайских и корейских подданных, проживавших в Приамурском крае (185).

Оценивая итоги создания китайских кварталов в Хабаровске и Благовещенске, китайский коммерческий агент Ли указывал на непригодность к такой работе обыкновенного полицейского или китайского подданного. Он считал, что необходимо введение должности заведующего китайским населением, находящейся в иерархической лестнице не ниже помощника полицмейстера. На эту должность он рекомендовал назначить человека образованного, знающего китайский быт и язык. Подходящей кандидатурой он считал выпускника Восточного института, уже обретшего опыт административной работы (186).

Несмотря на то, что полицейский надзор за китайскими кварталами не давал ожидаемых результатов, эти предложения не были реализованы.

О том, как протекала жизнь в китайском квартале, и какие отношения складывались у его обитателей с представителями русской власти, мы можем составить представление по эпизодам из истории Благовещенска.

Как и в других городах Дальнего Востока, вопрос о необходимости отведения отдельного участка для проживания китайцев возник в Благовещенске в конце XIX в. Первое постановление о выселении китайцев в особые кварталы было издано городской Думой 11 августа 1892 г. (187). Обязательное постановление не разрешало домовладельцам и ведомствам сдавать квартиры китайским подданным («для предупреждения заноса заразных и повальных болезней в городе на людей») (188). Для китайцев выделялся особый квартал размером 250 саженей. Для поселения в нем необходимо было подать в городскую Управу заявление с просьбой отвести участок для постройки дома; внести арендную плату за участок; построить дом русского или китайского типа в соответствии с планом, выданным городской Управой. Кроме того к постройкам предъявлялся ряд санитарных и противопожарных требований. Жителям квартала разрешалось ежегодно выбирать старост (из расчета один староста на 300 человек). Кандидатуры старост утверждались полицмейстером, и в их обязанности входила помощь полиции (189).

Однако постановление 1892 г. выполнялось плохо, пять лет спустя военный губернатор Амурской области К.Н. Грибский в рапорте Приамурскому генерал-губернатору от 31 декабря 1897 г. № 509 докладывал: «... громадное количество китайцев расселилось по всему городу и с присущей этим инородцам нечистоплотностью загрязняет дома и городскую почву, образуя очаги всевозможных заразных болезней». Далее он сообщал, что городская Дума неоднократно обращала на это внимание и ходатайствовала о выселении китайцев в отдельный квартал. Эти постановления были утверждены его предшественниками, но не реализованы, т. к. штат полиции мал, а китайцы не организованны (190). Судя по тому, что городское самоуправление издавало обязательные постановления о выселении 7 ноября 1897 г., 25 февраля 1898 г., 25 ноября 1910 г., проблема продолжала оставаться актуальной.

Появившийся в начале XX в. официальный китайский квартал долгое время застраивался временными бараками, а возведение капитальных зданий началось лишь с июля 1914 г. (191). «Китайский квартал представлял собой в буквальном смысле очаг живой заразы, рассадник эпидемических заболеваний. Вследствие скученности, тесноты, грязи, полной некультурности населения все болезни находили там самую благодатную почву для их распространения» (192). В начале 1912 г. китайский квартал посетил приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти и распорядился в наикратчайший срок привести территорию в порядок (193). Радикальные изменения в жизни китайского квартала произошли в 1913 г., когда 23 января по приказу военного губернатора была создана комиссия городской Думы по благоустройству китайского квартала во главе с пограничным комиссаром

Амурской области. Целью комиссии являлась выработка нового проекта обязательного постановления о китайском населении города. Проведя обследование квартала и, признав его состояние ниже всякой критики, комиссия посчитала необходимым прибегнуть к радикальной мере – перенесению квартала на новое место. Однако попытка найти подходящее место для квартала не увенчалась успехом: подходящий участок на восточной окраине города располагался слишком близко к казармам экипажа Амурской речной флотилии, а на северной – очень далеко от города. 13 июня на специальном заседании по этому вопросу приняли решение оставить квартал на прежнем месте (194).

Деятельность комиссии принесла реальные позитивные изменения. 1 августа 1913 г. была открыта амбулатория, и уже через несколько месяцев ежедневный прием превысил 50 человек. Усиление санитарного надзора уменьшило угрозу распространения инфекционных заболеваний, чище стало на улицах квартала. В начале сентября 1913 г. шесть городских и три прилегающих к ним китайских квартала были выделены в особый околоток (195).

Для надзора, управления делами и регистрации населения китайского квартала военный губернатор Амурской области постановлением № 1270 от 3 мая 1913 г. учредил специальную администрацию китайского квартала, состоявшую из Совета квартала и особого штата полицейских чинов, определяемого военным губернатором Амурской области. В состав Совета входили пограничный комиссар, благовещенский полицмейстер, члены городской Управы, городской санитарный врач, архитектор и драгоман. В помощь полицейскому приставу, в ведении которого находился китайский квартал, назначался переводчик. Для участия в работе Совета с правом совещательного голоса и для докладов о нуждах китайского населения избирались представитель китайского населения и его заместитель, причем оба этих лица утверждались в своем звании военным губернатором Амурской области. Статья 5 определяла критерии выбора претендента на должность представителя китайского населения. Согласно ей: «На должность представителя китайского населения может быть избрано лицо хотя бы и не принадлежащее к китайскому населению квартала, например из числа местного китайского купечества, но при условии, чтобы лицо это было хорошо осведомлено в условиях жизни и нуждах китайского рабочего люда» (196). Статьей 7 дополнительно оговаривалось, что «представитель китайского населения, как занимающий почетную должность, особого содержания не получает». Таким образом, ст. 7 обязательного постановления военного губернатора Амурской области служила своеобразным имущественным цензом, обеспечивавшим возможность получения этой должности только состоятельным китайцам – торговцам и приисковым старшинам.

Совет просуществовал до марта 1914 г., после его роспуска управление китайским населением было поручено полицейскому надзирателю Арцыбашеву, в распоряжении которого находились 2 русских и 4 китайских городских. Китайское представительство сохранилось и после роспуска Совета. В августе 1914 г. представителем китайского населения избран Джан (Чжан) Ливей, крупный коммерсант, владелец фирмы «Сан-хе-и», торговавший в Благовещенске и Сахалине (197).

В апреле 1914 г. в китайском квартале произошел сильнейший пожар, перекинувшийся на русские кварталы. Полностью выгорела вся южная часть китайской слободки между улицами Артиллерийской и Безымянной «на протяжении двух кварталов и по ширине трех арендных участков». Сгорело 57 домов и построек, около 1000 китайцев осталось без крова. Общий ущерб от пожара оценивался в 140 тыс. руб., из них 78,6 % пришлось на вложения китайцев (198).

Необходимость расселения оставшихся без крова китайцев привела к созданию специальной думской комиссии. Она приняла решение разрешить постройку зданий только из огнеупорного камня, и при этом отодвинуть китайские кварталы к северу от русской части города, запретив застройку сгоревших участков. Запрещалась и застройка восточной части слободки, располагавшейся недалеко от переселенческого пункта. Однако и после пожара китайцы пренебрегали правилами противопожарной безопасности, пристраивая к каменным сооружениям деревянные лестницы и балконы, монтируя систему отопления с грубейшими нарушениями (199).

Изложенный выше материал дает представления о том, как мыслилась и в какой-то степени реализовывалась регламентация жизни в китайских кварталах. Однако было бы глубоким заблуждением считать, что между русской администрацией и китайцами не устанавливалось взаимоотношений совсем иного рода. Интересным документом, проливающим свет на роль чиновников, поставленных следить за соблюдением порядка и законности, является жалоба от китайских подданных г. Благовещенска. В ней, в частности, сообщается о том, что китайцы уведомили пристава 6 участка г. Благовещенска о наличии в китайском квартале множества игорных домов и опиумокурилен. Он не обратил внимания на их слова, тогда они обратились к пограничному комиссару, хотя, как отмечают авторы документа, «мы и знали, что они не начальство, а взяточники». Реакция пограничного комиссара была аналогичной. Далее жалобщики сообщают, что «пограничный комиссар с китайского квартала за игру и опиумокурильни с переводчиком Сергеем Николаевичем Кимом получают 450 руб. в месяц, деньги собирает Ким. У пограничного комиссара с переводчиком «не служба, а дружба, дружба у них как дитя с матерью, а потому, что желает переводчик Ким, все сделает Пограничный Комиссар для переводчика, за

это у корейцев, находящихся в Благовещенске, политическое и революционное общество под названием для защиты Корейского императора, оно существует уже давно, но все-таки скрытно и незаметно» (200). По сведениям тех же авторов, пристав 6 участка получал с китайского квартала 400 руб. в месяц, и сам же сообщал игрокам и продавцам опиума о визитах высшего начальства. В качестве подтверждения истинности своих слов они приводили пример, когда помощник пристава 2 участка г. Благовещенска отобрал у курильщиков опиумные принадлежности и отдал их приставу 6 участка, а через несколько дней они оказались опять у курильщиков. «Тогда мы стали спросить у китайцев, как они достали этих вещей обратно, и мы узнали теперь точь-в-точь», заверили подписавшие жалобу китаецы (201).

По факту жалобы было устроено расследование. В записке, подготовленной представителем китайского населения г. Благовещенска Чжан Ливеем, отмечалось: «Как мне известно, за последнее время в китайском квартале г. Благовещенска, благодаря вмешательству Пограничного комиссара в чисто полицейские функции по заведыванию кварталом, стало сильно развиваться кляузничество и ложные доносы (...), что оказывало весьма вредное влияние на престиж власти председателя квартала и вообще всей администрации». В связи с этим Чжан Ливей просил оградить его от кляуз и наветов (202).

Служебное расследование было проведено и полицией. В ответ на замечание полицмейстера г. Благовещенска о слабом надзоре за китайским кварталом, полицейский надзиратель г. Благовещенска, заведовавший китайским кварталом, сообщал, что им ежедневно делаются обходы в китайском квартале и «ни одного обхода не бывает, чтобы не было арестовано несколько человек безбилетных китайцев, которые высылаются через городское полицейское управление на ту сторону Амура» (203).

В итоге в Благовещенске, как и при получившем огласку скандале, связанном с поборами с опиумокурилен во Владивостоке в 1907 г. (204), из должностных лиц никто серьезно не пострадал, и в системе надзора за китайскими кварталами ничего не изменилось. По свидетельству Л. Богословского, для русской полиции китайцы являлись «прямо таки золотыми россыпями», не надо забывать, добавлял он, что их имущество только во Владивостоке оценивается приблизительно в 20 млн., а годичный оборот его в шестьдесят миллионов рублей (205).

По сути создание компактных мест проживания китайцев (отдельных кварталов) если и могло обеспечивать решение задач, которые ставила перед собой русская администрация, то лишь частично и не при помощи тех чиновников, которым это было поручено. Полицейские, не знавшие ни китайского быта, ни языка, могли осуществлять лишь формальный

неэффективный надзор, о каких-либо управленческих функциях говорить не приходится. В результате китайские кварталы превращались в доходное место, где расцветали пышным цветом различные злоупотребления. Анекдотичный и очень показательный случай произошел при назначении на должность пристава 3-й полицейской части г. Владивостока (район Миллионки) Попова, ранее исполнявшего те же обязанности в Черниговском стане. На вопрос что заставляет его просится на должность в город, он чистосердечно ответил, что это нужно ему для поправления дел (206).

3.4. Деятельность китайских коммерческих агентов и консулов в Примурье (конец XIX – начало XX вв.)

Увеличение числа выходцев из Китая и Японии в Приморской области, рост объемов торговли, важное стратегическое положение края привели к тому, что во второй половине 70-х гг. XIX в. у этих держав появилось желание иметь во Владивостоке своих постоянных официальных представителей. В 1876 г. русское правительство разрешило учреждение во Владивостоке первого иностранного представительства – им стало императорское японское коммерческое агентство (207). Тогда же и Китай предпринимает первые шаги для открытия во Владивостоке консульства. В 1881 г. китайский посланник в Санкт-Петербурге Цзэн через русского посланника в Китае Е.К. Бюцова передал генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину информацию о желании своего правительства иметь консула во Владивостоке. При этом он выразил понимание того, что китайскому «консулу не могут быть предоставлены исключительные права, которыми пользуются иностранные консулы в Китае». Однако это стремление наталкивается на противодействие местной русской администрации. Ее позицию достаточно ясно выразил 20 февраля 1882 г. на заседании комиссии по переселению в Южно-Уссурийский край морским путем на казенный счет уже сдавший к тому моменту пост военного губернатора Приморской области М.П. Тихменев. По его мнению, разрешение назначить во Владивосток китайского консула приведет к тому, что «консулу этому подчинится все местное население, которое и будет смотреть на него, как на своего естественного начальника, назначенного китайским правительством». Тем более что, по имевшимся сведениям, китайская сторона предполагала подчинить консула не центральному правительству, а соседнему местному начальнику. Таким образом, заключал М.П. Тихменев, «принадлежащий нам край прямо войдет, в административном отношении, в состав соседней китайской провинции» (208).

Сменивший М.П. Тихменева на посту военного губернатора Приморской области И.Г. Баранов ставил возможность учреждения китайского консульства в зависимости от скорейшей отмены экстерриториальности китайцев в России, иначе, считал он, «китайский консул превратится в правителя, контроль над которым будет вечно ускользать от нас вследствие дисциплины, присущей китайцам. Мы сами поможем учреждению государства в государстве» (209).

Вопрос об открытии китайских консульств на Дальнем Востоке решался вплоть до середины 90-х гг. XIX в. Несмотря на активизацию попыток китайского правительства в 1896 г. получить разрешение на назначение консулов во Владивосток и Благовещенск (210), Россия в 1897 г. дала лишь согласие на учреждение поста коммерческого агента во Владивостоке. Следует заметить, что китайские власти изначально уделяли большое внимание китайскому коммерческому агентству во Владивостоке. Это заметно и по объемам финансирования: в 1902 г. на содержание посольства тратилось 60 тысяч таэлей, а на содержание офиса коммерческого агента во Владивостоке – 20 тысяч (211).

На должность коммерческого агента был назначен чиновник V класса Ли Тьяао (212). Ли Тьяао (213) долгое время служил секретарем при посланниках Лю Жуйфэне (Лиу-Зыйфыне)(1886-1888 гг.), Хун Цзюне (Хон Дюне, Hung Chun)(1888-1891 гг.), Сюй Цзинчэне (Сю Дянжене, Hsu Ching-ch'eng)(1891-1897 гг.) в китайской миссии в Петербурге. Он хорошо говорил и писал на русском языке. В 1893 г. Ли Тьяао совершил путешествие по Сибири, закончившееся в Приамурье. В августе он прибыл в Хабаровск и некоторое время прожил в Приморской области (214). На должность коммерческого агента Ли Тьяао переведен с поста драгомана по русским делам при генерал-губернаторе Печилийской провинции (215). Ходили слухи, что за свое назначение во Владивосток г. Ли заплатил изрядную сумму денег (216).

У Ли Тьяао сложились хорошие отношения с русским посланником в Пекине А.И. Павловым, давшим ему рекомендательное письмо к военному губернатору Приморской области и предложившим обращаться за советом в случае необходимости.

По прибытии в Приамурское генерал-губернаторство Ли Тьяао был представлен С.М. Духовскому, который в частной беседе попросил его изложить соображения об улучшении быта проживавших в крае китайцев. В результате выяснилось, что русская и китайская стороны по-разному оценивают задачи и законные полномочия коммерческого агента.

Товарищ министра иностранных дел В.Н. Ламздорф сообщал Приамурскому генерал-губернатору, что русское правительство согласно признать коммерческого агента во Владивостоке «без официального характера для

того лишь, чтобы служил посредником по торговым делам между китайцами и местными властями» (217).

Ли Тьяо же стал ходатайствовать о предоставлении ему права назначения китайских старшин и осуществления юрисдикции над китайцами в Приамурье, ссылаясь на инструкции, полученные от своего правительства (218). Он полагал возможным оставить право выбора старшин, избираемых на год, китайским купцам. При этом Ли Тьяо поставил вопрос о смене инсигний власти. В докладе китайскому МИДУ он предлагал вместо отличительных знаков, выдававшихся русской властью, дать старшинам право ношения шарика чиновника от 6 до 9 класса. «Такое отличие показывало бы остальным китайцам, что это лицо облечено властью». По проекту г. Ли, человек, занимавший должность старшины в течение трех лет, по истечении этого срока сохранял за собой полученный чин (219).

В записке Приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому Ли Тьяо предлагал упразднить китайские общественные участки, а их функции, имущество и делопроизводство передать коммерческому агенту. Вместо десятников, которые следили за порядком в китайских районах, он предлагал ввести среди китайцев денежный сбор на усиление полиции. Кроме этого, коммерческий агент предлагал свою помощь в раскрытии существовавших во Владивостоке китайских игорных домов. Он считал целесообразным обязать всех китайцев – владельцев гостиниц и хозяев квартир вести журналы регистрации прибывших-убывших, и информацию предоставлять коммерческому агенту. Ли Тьяо сообщал, что он имеет возможность получать сведения из Китая о нравственных качествах китайских купцов, поэтому желательно введение нового порядка выдачи русских разрешений на торговлю – только при наличии разрешения от китайского коммерческого агента. Выражая сомнения в эффективности русской паспортной системы (по его сведениям, русские паспорта имела лишь 1/5 всех китайцев), он предлагал значительно снизить стоимость паспортов, что привело бы к изрядному сокращению безбилетных (220).

Фактически программа, предложенная Ли Тьяо, обеспечивала ему полномочия, превышающие консульские, сосредотачивая в его руках не только судебные функции, но и обеспечивая известный финансовый контроль за китайским населением.

В ответном письме С.М. Духовской, поблагодарив за совет и участие, проинформировал Ли Тьяо о мерах, готовившихся русской администрацией в отношении изменения системы управления китайским населением (упразднение китайских общественных управлений и подчинение китайцев русской администрации и полиции), и признал невозможным принятия мер, изложенных в записке (221).

В письме к А. Павлову в русскую миссию в Пекине Ли Тьяо сообщал, что в беседе с С.М. Духовским последний упомянул о том, что объем прав китайского коммерческого агента равен объему прав японского агента, который, как ему стало известно, решает мелкие споры между японцами, хотя это и делается без ведома русских властей. Ли Тьяо заверял, что он «далек от мысли, чтобы что-нибудь предпринимать помимо русских властей и в особенности без их ведома», хотя отмечал гипотетическую возможность самостоятельно ввести такой порядок для китайцев (222).

Несмотря на эти заверения, китайские коммерческие агенты все-таки принимали участие в решении спорных ситуаций, а зачастую осуществляли и судебные функции над китайскими подданными. Так, во время вспыхнувшей во Владивостоке в 1898 г. забастовки 260 китайских шлюпочников, доведенные до отчаяния незаконными поборами администрации, подрядчиков, китайских старшин, забастовщики отправились с жалобой именно к китайскому коммерческому агенту. Ли Тьяо дал обещание разобраться это дело (223).

Кроме новаций, связанных с системой управления, Ли Тьяо ходатайствовал перед китайским МИДом об открытии во Владивостоке училища при агентстве. Он отмечал, что во Владивостоке живет много состоятельных китайцев, которые умеют только писать и читать, но не знают отечественной литературы, географии, истории. Детей они вынуждены отдавать в русские учебные заведения, в результате чего подрастающее поколение оставалось незнакомым со своим отечеством. Для исправления ситуации Ли Тьяо предлагал собрать по подписке деньги и организовать при агентстве школу, в которой китайским детям преподавалась бы китайская литература, география, история. «Получившие таким образом всестороннее образование китайцы будут впоследствии весьма полезны не только для общественной и коммерческой деятельности, но в особенности и для правительства обеих стран» (224).

Ли Тьяо активно включился в жизнь местной китайской общины – в 1898 г. им был разработан и представлен на утверждение Приморскому военному губернатору проект устава владивостокского китайского благотворительного общества. С момента своего появления он неоднократно подавал прошения генерал-губернатору о снижении сбора за билеты (17 октября 1898 г. и др.). В июне 1899 г. Ли Тьяо предлагает ввести новую систему организации труда китайцев – всех работающих китайцев разбить на артели (кроме коммерсантов), что облегчит надзор за ними для полиции, так как избранные старосты, сотские, полусотские будут обязаны следить за своими работниками. Коммерческий агент считал необходимым уравнивать китайцев в правах с японцами, уплачивавших только лишь гербовый сбор. В качестве альтернативного варианта он предлагал ввести раз-

ный тариф для представителей разных артелей. Так, прибывшие в артели чернорабочие должны уплачивать всего 80 коп. за паспорт; каменщики, плотники, кровельщики, прислуга – 2 руб.; больше всего предполагалось взимать с коммерсантов – по 16 руб. (225). Однако это предложение было отклонено военным губернатором Приморской области, так как «предлагаемая артель со старостами, сотскими и полусотскими китайцами, избираемыми из своей среды и утверждаемыми императорским коммерческим агентом, явится в России обособленным учреждением с особой независимой администрацией, действующей с разрешения Китайского правительства, но без контроля и подчинения русской администрации, чего, конечно, допустить невозможно» (226).

В ответ на этот отказ Ли Тьяо вновь ходатайствовал о введении сбора, соответствовавшего платежеспособности разных профессиональных групп китайцев, и дал разъяснения о своем видении преимуществ контроля за артелями, а не за конкретными индивидами. Он считал, что при существующем порядке полицейские власти «сталкиваются с массой малоизвестного ей иностранного пришлого элемента, притом недостаточно зарегистрированного, без знания языка этих инородцев, индивидуальность которых для непривычного глаза трудно установить». Простое усиление полицейского надзора не дало бы ожидаемых результатов. По его мнению, необходимо изменение системы контроля и регистрации пришлого элемента. Позицию китайской стороны в этом вопросе он сформулировал так: «облегчить бедное китайское население, ищущее работы в пределах русской территории, более соответствующим налогообложением, обставить китайских подданных таким режимом, результатом которого отпала бы необходимость принимать по отношению к китайским подданным исключительные меры» (227).

В октябре 1899 г. военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов обратился с ходатайством к приамурскому генерал-губернатору о награждении китайского коммерческого агента Ли Тьяо, так как последний «постоянно оказывал и оказывает с особенным усердием полное со своей стороны содействие к поддержанию добрых взаимных между русскими и китайскими подданными отношений и к развитию торговых сношений России с Китаем» (228).

Приамурский генерал-губернатор поддержал ходатайство Н.М. Чичагова, и китайский коммерческий агент был представлен к ордену Св. Станислава II степени для нехристиан. Орден Станислава давался за благотворительную деятельность, учреждение значительных и полезных для страны мануфактур, неоспоримо полезные открытия в земледелии, торговле, науках, искусствах и ремеслах, а также за «сочинение и обнародование творений, признанных общепользовными» (229). Однако из-за возник-

шего летом 1900 г. русско-китайского конфликта награда не была передана Ли Тьяо. В 1903 г. Д.И. Суботич повторил ходатайство о награждении, и в следующем году орден был вручен.

В августе 1902 г. господин Ли обратился к Приамурскому генерал-губернатору с запиской, содержавшей предложения для улучшения жизни китайцев в Приамурье. Отмечая «трудолюбие, честность, трезвость и другие хорошие качества здешних китайцев, (...) являющихся полезным продуктивным элементом населения», он упоминал и о тех негативных сторонах китайского присутствия, с которыми ему пришлось столкнуться в крае – игорные дома, хунхузничество, проституция и другие виды преступности (230). Для изменения ситуации он предлагал выйти с ходатайством перед правительством о предоставлении Приамурскому генерал-губернатору объема прав, равного объему министра внутренних дел в вопросе о высылке (в течение 10 дней) китайцев из генерал-губернаторства, такая мера «была бы весьма полезна для нравственного оздоровления местного китайского населения» (231). С видимым сочувствием он отнесся к созданию китайского квартала во Владивостоке. Свою записку г. Ли завершал словами «Я прослужил в России 13 лет и научился ее любить. Мирное сосуществование двух великих соседних государств, их процветание и благоденствие дороги моему сердцу» (232).

Во время своего пребывания во Владивостоке Ли Тьяо пришлось решать сложный вопрос о получении компенсаций от русского правительства китайцами, пострадавшими во время событий 30 – 31 октября 1905 г. 30 октября 1905 г. во Владивостоке началось восстание. Более двух тысяч матросов Сибирского флотского экипажа собрались на городском базаре. К ним присоединились 10 тысяч солдат Хабаровского резервного полка и рабочие военного порта. Направленная к коменданту крепости Г.Н. Казбеку делегация не была им принята и не смогла передать выработанные на митинге требования. Вечером в городе начались поджоги и погромы. В ночь на 31 октября сгорели Матросская слободка, Военно-окружной суд, Морское собрание (233).

Сильно пострадало и китайское население Владивостока. Ли Тьяо сообщил китайскому МИДу, что квартал, заселенный китайцами, почти полностью сожжен, несколько человек убито, имелись раненые, около 4000 человек нашли временное пристанище в порту и других местах, но много людей оставалось на улице. По первым приблизительным оценкам общий ущерб исчислялся суммой в три миллиона рублей.

Ситуация во Владивостоке привлекла пристальное внимание китайского правительства. Для помощи пострадавшим из Китая было отправлено в Россию 10 тысяч рублей и пароходы с гуманитарным грузом – ватным платьем (234). В ноябре – декабре 1905 г. князь Цин неоднократно ставил

вопрос перед посланником в Пекине Д.Д. Покотиловым о возмещении убытков, понесенных во Владивостоке подданными Цинской империи. Китайский МИД апеллировал к прецеденту, имевшему место после подавления боксерского восстания. По требованию европейских стран китайское правительство возместило ущерб, причиненный иностранцам в ходе восстания, в том числе были удовлетворены и иски подданных Российской империи. Для сбора причитавшейся России суммы в Китае был выпущен специальный «Российский четырехпроцентный государственный заем 1902 г.», средства, полученные от его реализации, согласно указу императора от 1 марта 1902 г., пошли на удовлетворение «признанных в установленном порядке правильных претензий частных лиц и учреждений» (235).

В связи с этим китайское правительство ожидало, что Россией будут приняты аналогичные меры по отношению к пострадавшим китайцам. Однако русское правительство, соглашаясь «облегчить участь пострадавших», заняло другую позицию. В нотах китайскому посланнику в Санкт-Петербурге отмечалось, что по русскому законодательству ответственность за причиненные убытки несет не государство, а непосредственный виновник, и поэтому государство может оказать лишь «вспомоществование» особо пострадавшим, да и то из добрых побуждений. Кроме того, по мнению представителей России, боксерское восстание и погромы во Владивостоке кардинально отличались друг от друга тем, что беспорядки в Китае происходили если не при поддержке, то с ведома властей, чего нельзя сказать об октябрьских событиях. Поэтому выплаты, проведенные китайским правительством, признавались справедливыми и вполне уместными.

Тем не менее, в конце 1905 г. для подсчета убытков, причиненных населению Владивостока, комендантом крепости назначается комиссия, в состав которой вошли члены городской администрации, податной инспекции, биржевого комитета, Русско-Китайского банка, представители китайского и корейского населения города и Ли Тьяо. Параллельно с изучением ситуации на месте, китайские дипломаты лоббировали решение вопроса на высшем уровне. В марте 1906 г. вопрос о возмещении убытков был вынесен на рассмотрение Общего Собрания Государственного Совета. Однако тема была снята с обсуждения, т.к. на тот момент российский МИД и министерство финансов не пришли к единому мнению о формах и размерах компенсаций.

Владивостокская комиссия проработала около восьми месяцев, но так и не выполнив поставленные перед ней задачи, прекратила свое существование в октябре 1906 г. из-за отсутствия финансирования. Пострадавшими во Владивостоке китайцами было подано 395 заявлений об убытках на сумму 11 835 502 рубля 73 копейки, за время своего существования комиссия рассмотрела 36 заявлений китайцев, признав претензии на сумму 347 тысяч рублей.

**Сведения о претензиях пострадавших в ходе октябрьского
восстания во Владивостоке (1905 г.)**

Страна	Количество поданных заявлений	Сумма (руб.)	Количество рассмотренных заявлений	Сумма (руб.)	Признано (руб.)	% рассмотренных заявлений
Германия	33	840070,01	10	408743,42	173306,47	30,3
Франция	9	94374,00	5	26012,00	8261,75	55,6
Австрия	9	53042,40	5	17586,50	3977,00	55,6
Япония	8	51135,33 и 3920 долларов	0	0	0	0
Китай	395	11835502,73	36	?	347000,00	9,1

Составлено: АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 968, л.104, 172, 173.

В 1906 г. Ли Тьяо в ранге чиновника 4 класса завершил свою деятельность на посту китайского коммерческого агента во Владивостоке и вернулся в Китай. Дальнейшая служба Ли Тьяо проходила в северо-восточных провинциях Китая, где он занимал многочисленные руководящие посты. В 1910 г. по данным газеты «Далекая окраина» Ли Тьяо возглавлял в Мукдене правительственное учреждение, занимавшееся подготовкой населения к введению конституции (236), в 1911 г. он занимал должность харбинского таможенного даотая, а в 1913 г. – начальника Северо-Западного военно-административного района Гиринской провинции. Русская разведка имела сведения о том, что Ли Тьяо состоял начальником сыскного и разведывательного управлений. К началу 1914 г. он являлся председателем гиринского бюро и комиссаром по иностранным делам. Как председатель бюро он ведал делами, связанными с КВЖД; как комиссар по иностранным делам представлял государственную власть Китая и взаимодействовал с иностранными консулами. Причем, если раньше он подчинялся гириному губернатору, то с назначением на пост даоина получил право пользоваться административной властью и докладывать обо всем непосредственно в Пекин. В административном отношении ему подчинялись восемь уездов (237). Новый виток карьеры вновь связал Ли Тьяо с Россией, в начале 20-х годов он был послом Китая в Москве.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы показывают, что опытный дипломат, человек прекрасно знавший Россию и русских, Ли Тьяо по возвращении из Владивостока занял крайне националистическую позицию. Во время урегулирования ургинского вопроса он считал полезным применение вооруженной силы. По его мнению, правительству нужно было

поддержать «патриотический дух», чтобы «герои севера и юга объединились бы в общем стремлении совершить поход на Ургу» для оказания противодействия «диким русским». Анализируя международное положение России в 1913 г., он писал: «Россия, нарушающая мир в Европе и Азии, стала для всех держав общим врагом и навлекла общий ропот. Случись разрыв дипломатических сношений Китая с Россией, само Небо предопределит России гибель и раздел другими державами ея политической мощи». Не останавливаясь на простой констатации фактов, Ли Тьяо в докладной записке Мукденскому губернатору (2.07.1913 г.) предлагал ряд конкретных мер, необходимых при разрыве с Россией – запрещение вывоза зерна из Маньчжурии, блокирование путей сообщения (по Амуру, Уссури, железной дороге), усиление работы тайных агентов, посланных для установления связей с революционерами.

В другом своем донесении предлагался план действий относительно русских войск в Маньчжурии – солдат подкупить, снаряды взорвать, запасы интендантства сжечь. «Если в будущем мы лишим русских провианта и снарядов, то их войска разочаруются и падут духом, и для нас легко будет победить их». Вышестоящему начальству пришлось даже охлаждать столь решительный настрой «научившегося любить Россию» господина Ли. Объяснив, что Китай сейчас слаб, мукденский губернатор Чжан просил его «отстаивать интересы наших окраин энергичным дипломатическим путем, всякие легкомысленные суждения о войне не должны иметь места».

Вернувшись в Китай, Ли Тьяо не забывал своих соотечественников в России. Будучи в составе посольства, направленного в 1909 г. в Петербург для принесения благодарности за отправку русского чрезвычайного посольства на похороны императора, он продолжил хлопоты о китайцах, пострадавших в октябре 1905 г. во Владивостоке. Согласно докладу Ли Тьяо вышестоящему начальнику его хороший знакомый и бывший ученик китайского языка Г.А. Плансон, занимавший пост вице-директора I Департамента МИДа, помог организовать встречу с министром финансов В.Н. Коковцевым. Во время этого визита Коковцев согласился с необходимостью увеличения суммы и заметил: «я совершенно не представлял, что китайские коммерсанты испытывают такое бедствие» (238).

Летом-осенью 1910 г., возглавляя комиссию по изучению китайской торговли и положения китайцев в Приамурье, он побывал во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске. В ходе визита Ли Тьяо посещал местные правительственные учреждения и должностных лиц, а также знакомился с китайскими колониями в русских городах. Так, в Хабаровске, будучи в городской управе, он интересовался суммой взимаемого с китайцев большого сбора и действительным числом китайцев, пользовавшихся го-

родской больницы; видами налогов и сборов, взимавшихся с китайцев, количеством китайских торговцев, ремесленников, а также собственников и арендаторов (239).

Во время посещения Хабаровска журналист газеты «Приамурская жизнь», скрывавшийся под псевдонимом «Отголосок», взял у него интервью – достаточно редкий случай для дальневосточной журналистики начала XX в. Благодаря этому интервью нам известно мнение Ли Тьяо о некоторых аспектах русско-китайского регионального взаимодействия, а также о положении в Приамурье.

Отметив, что Приамурье и Маньчжурия связаны общими экономическими интересами, Ли Тьяо отрицательно оценил отмену порто-франко. По его мнению, это решение больно ударило как по мелкой, так и по крупной китайской торговле в Приамурье. Тем не менее основную проблему он видел не в самом законе, а в сложностях с таможенной. «Господа таможенные чиновники сегодня за один продукт не берут пошлины, завтра же за это самое – берут, неразбериха полная, и торговцы боятся привозить товар, ибо не знают, как поступит таможня» (240). Будучи во Владивостоке Ли Тьяо поставил вопрос об издании полного справочника с таможенными тарифами.

В интервью Ли Тьяо высказал мысль, что два больных места края – это таможня и полиция. «Все кричат – «хунхузы, хунхузы» – на самом деле будь у вас организована как следует полиция, о хунхузах и не слышали бы. Я вынес твердое убеждение, что организованных хунхузских шаек, как, например, в Маньчжурии, в Приамурье нет» (241). По мнению Ли Тьяо, есть только разный сброд, мелкие воришки и прочие, нередко в шайках принимают участие русские, а вся вина падает на китайцев.

Другая тема, которой коснулся Ли Тьяо – вопрос об ограничении численности китайских рабочих в Приамурье. Даотай отметил, что введение юньского закона «в некотором роде способствует даже нашим целям», т.к. Китай заселяет Маньчжурию и Монголию – «рабочие руки нам нужнее» (242).

Подводя итог Ли Тьяо подчеркнул: «... взаимоотношения русских и китайцев именно за последние два года значительно улучшились. По своей натуре русский – будь то коммерсант или же чиновник, гораздо ближе к нам, китайцам, своим простодушием и отзывчивостью, ближе хотя бы того же самого японца, заеденного спесью, формализмом, а главное, ненасытной алчностью и жадностью».

В ноябре 1910 г. Ли Тьяо вернулся в Харбин и представил отчет о командировке вице-королю Маньчжурии.

Вторым, после Ли Тьяо, китайским коммерческим агентом во Владивостоке стал назначенный указом китайского императора от 10 июля 1906 г.

Куэй Фан (Куэфан, Куэ Фан, Куенфан, Гуй Фань, Kuei-Fang), дипломатический чиновник III класса, даотай, который восемь лет, с 1896 по 1904 гг., прослужил в Китайской Миссии в Петербурге. Будучи атташе китайского посольства, Куэй Фан окончил курсы Петербургского учительского института. С 15 сентября 1898 г. по 1 сентября 1904 г. по приглашению Петербургского университета преподавал китайский язык на Восточном факультете. По свидетельству П.Е. Скачкова, преподаватели китайцы (сяньшэны) сыграли большую роль в истории отечественного китаеведения. В 1900 г. на китайско-маньчжурском и японо-китайском факультетах университета китайский язык преподавался только Д.А. Пешуровым и сяньшэном Куэй Фаном. По всей видимости, Куэй Фан был хорошим педагогом. Кроме ознакомления студентов с фонетикой китайского языка и ведения практических разговоров, со II курса он читал «Гуаньхуа чжинань» – книгу для чтения на разговорном языке, завоевавшую большую популярность преподавателей на многие годы (243).

Ходили слухи, что в перспективе он рассчитывал на место консула в русской северной столице. Начавшаяся русско-японская война внесла свои коррективы – Куэй Фан получил назначение на должность драгомана при Чжилийском генерал-губернаторе Юань Шикае (244). Кстати, брат Куэй Фана был личным секретарем Юань Шикая (245). В 1906 г. Куэй Фан имел ранг начальника области, состоял членом международного бюро и по-прежнему являлся переводчиком русского языка при Чжилийском генерал-губернаторе. Как уже отмечалось, летом 1906 г. Куэй Фан получил назначение во Владивосток. В России его ждал приятный сюрприз – орден Станислава II степени, пожалованный 23 июня 1906 г. «за отличное усердие и особые труды», проявленные им в период преподавательской деятельности в Петербургском университете (246).

13 сентября 1906 г. Куэй Фан принял дела от Ли Тьяо и фактически сразу же включился в сложную работу, начатую его предшественником, – продолжил процесс урегулирования претензий китайцев, пострадавших в октябре 1905 г. К началу 1907 г. более-менее обозначились позиции сторон. Китайские представители, в том числе и Куэй Фан, считали, что «китайские подданные, живущие во Владивостоке, вносят подушную подать, уплачивают налог за патенты на торговлю, во всех делах следуют русским законам и всецело подчиняются русским властям. Их жизнь и имущество также подлежат охране Российского государства». В связи с этим, т.к. основной деструктивной силой являлись солдаты, т.е. «правительственные войска», состоящие «в заведовании главного командира, который является важным правительственным чиновником», то правительство и должно нести финансовую ответственность (247). Большое влияние на формирование позиции российской стороны сыграло мнение посла Российской

империи в Китае Д.Д. Покотилова. В марте 1907 г. он писал, что даже уплатив 347 тыс. рублей «мы не возместим, вероятно, и десятой доли убытков, действительно понесенных китайцами, и кроме того, произведем таковое возмещение в несправедливой форме, удовлетворив лишь тех просителей, заявления которых были рассмотрены комиссией до закрытия». Он считал желательным рассмотрение всех заявлений, сделанных китайцами и удовлетворения затем в форме ссуд из Русско-Китайского банка в размере 50 или хотя бы 25 % доказанной суммы. Если же этот вариант правительство сочтет неприемлемым, то, по его мнению, нельзя не выдать ссуды наиболее пострадавшим китайцам. Летом 1907 г. российский Совет Министров принял решение, утвержденное императором, выдать наиболее пострадавшим от 200 до 300 тыс. рублей (248).

Это решение абсолютно не удовлетворило китайцев. Китайский МИД продолжал давление и у себя на родине, и в Санкт-Петербурге. Будучи в Пекине в ноябре 1907 г., Куэй Фан посетил Д.Д. Покотилова. Рассказав, в каком сложном положении оказались его соотечественники, он сообщил, что китайская сторона будет продолжать настаивать на возмещении убытков. Вопрос окончательно удалось закрыть лишь в 1909 г., когда китайцы согласилась принять 500 тысяч рублей. В августе 1909 г. деньги были переведены Куэй Фану для раздачи пострадавшим. В своем отчете он отмечал, что за два года изучения материалов было рассмотрено 635 заявлений. В результате подтвержденная сумма убытков составила 2 602 455 рублей 22 копейки. Однако Россия отказалась удовлетворить все претензии, но выдала пособие, розданное им на основании инструкции Вай-ву-бу, т.е. по 19,2126 копейки на каждый рубль убытков. Раздача пособия продолжалась месяц – с 19 октября 1909 г. по 20 октября 1909 г. Не выданными осталось около 22 тысяч рублей, причитавшиеся, видимо, покинувшим город лицам. Эта сумма передана владивостокскому обществу взаимного вспомоществования (249).

По сведениям, имевшимся у русских дипломатов, Юань Шикай был не очень доволен деятельностью Куэй Фана, по его мнению, во Владивостоке «нужен энергичный и опытный представитель Китая, способный принять меры для защиты проживающих там китайцев» (250).

С момента назначения первого коммерческого агента во Владивосток китайское правительство не оставляло попыток добиться разрешения открытия консульств на Дальнем Востоке. Этому противилась местная русская администрация, считая, что введение должности консула «усилит здесь организацию китайцев и еще более обособит и сплотит их» (251).

В 1907 г. китайское правительство возобновило ходатайства об учреждении во Владивостоке китайского консульства. Примерно в то же время начинаются хлопоты Куэй Фана о покупке дома во Владивостоке для раз-

мещения коммерческого агентства. Покупка здания вызвала серьезные возражения как со стороны МВД, так и со стороны приамурского генерал-губернатора, т.к. в Приморской области действовал закон от 18 июня 1892 г., ограничивавший иностранное землевладение (252). А вот для открытия китайского консульства серьезных препятствий не было. Однако русское правительство считало это возможным лишь в том случае, если в Китае будет, соответственно, открыто еще одно русское консульство – в Улясутае (253).

На должность консула прочили Куэй Фана, что вызвало неудовольствие местной русской администрации. Генерал Н.Н. Мартос сообщал (1908 г.) о заносчивом, неуступчивом характере коммерческого агента и предупреждал, что если Куэй Фан будет назначен на должность консула, то «натянутые и сейчас отношения его с местной администрацией могут обостриться и повести к нежелательным конфликтам, улаживание которых будет гораздо труднее, чем когда Куенфан был только коммерческим агентом» (254). Эту позицию разделял и П.Ф. Унтербергер (255).

По свидетельству Л. Богословского, Куэй Фан во всех крупных шагах своей деятельности руководствовался указаниями и советами японского консула, видимо, следуя инструкциям Пекина (256).

Тем не менее, указом русского императора 1 мая 1909 г. Куэй Фан был признан китайским генеральным консулом во Владивостоке (257). Цинское правительство задачу генерального консула определило следующим образом: «защищать и охранять всех китайских подданных, проживающих не только во Владивостоке, но и в других пунктах» (258). Такое разрешение вопроса поставило местную администрацию в затруднительную ситуацию, т. к. все ее предшествовавшие действия были направлены на подчинение китайцев в Приамурье русской администрации. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе А.Н. Грушецкий писал (1903 г.), что, прибывая в Россию, китайцы ускользают от надзора своего правительства, «привыкают постепенно к нашим порядкам и хотя бы несколько эмансипируются от китайского режима, благодаря этому уже и теперь встречаются случаи, хотя и редкие еще, когда китайцы выписывают своих жен и детей из Китая, принимают православие и русское подданство. С появлением же консулов такие случаи станут фактически невозможными. В своих консулах китайцы, не имеющие понятия о консульских правах в христианских государствах, увидят таких же своих чиновников – начальников, которые облечены в Китае неограниченной властью над личностью и имуществом китайских подданных. Назначение китайских консулов, несомненно, нанесет ущерб нашему престижу в глазах китайцев, ценящих свою свободу здесь и существующие между ними и русскими более или менее патриархальные отношения» (259).

Дальнейшее развитие событий во многом подтвердило правоту А. Грушецкого. Китайский консул Куэй Фан, принимавший активное участие в процессе легализации Хабаровского и Благовещенского китайских торговых обществ, смог закрепить свой особый статус в хабаровской китайской общине. В 1910 г. Куэй Фан, получив одобрение Вай-ву-бу, но не поставив в известность представителей русской власти, назначил коммерческих агентов в Хабаровске и Никольск-Уссурийске. Ими стали купцы II гильдии – Ван-вен-сан и Линь-юй-цзо. Объясняя военному губернатору Приморской области И.Н. Свечину целесообразность этой меры, он писал: «Китайское генеральное консульство ... решило в отдельных пунктах Приамурского края назначить собственных агентов из китайских старожилов, знающих русский язык, русские законы и обычаи. Такие агенты, благодаря собственному опыту, могут давать те или другие советы и указания своим соотечественникам, и в делах наиболее важных будут давать консульству сведения о жизни и нуждах китайцев, живущих с ними в одной и той же местности. (...) Консульство с разрешения Вай-ву-бу решило этим агентам присвоить наименование коммерческих агентов. Эти коммерческие агенты не есть правительственные агенты и не пользуются никакими преимуществами перед всеми частными лицами, но желательно, чтобы они также, как и в глазах консульства, пользовались у российских местных властей преимущественно перед другими китайцами авторитетом сведущих людей, у которых можно было бы потребовать какие-либо справки о китайских подданных и их жизни». Во Владивостоке же, по сведениям русской администрации, ему не удалось подчинить торговое китайское общество, т.к. Куэй Фан «пользовался среди своих соотечественников очень малым авторитетом, и потому китайцы обращались в свое консульство очень неохотно» (260).

Во время пребывания во Владивостоке Куэй Фан занимался благотворительной деятельностью – на пожертвованные им 4500 рублей закончено строительство здания спортивного общества, пятисотрублевый взнос в гимназию дал возможность нескольким детям, отчисленным за неуплату, продолжить обучение.

В должности генерального консула Куэй Фан пробыл до 1911 г. Однако в целом пребывание во Владивостоке произвело на него негативное впечатление. Давая при отъезде интервью газете «Далекая окраина» Куэй Фан заявил: «Куда угодно, даже на северный полюс, только не во Владивосток» (261).

Впрочем, и во Владивостоке, по свидетельству Н. Богоявленского, «память о себе он оставил далеко не хорошую» – «... в сношениях с нашими местными властями он был нередко резок и даже невежлив, держал себя иногда вызывающе» (262). 8 августа 1911 г. он был назначен амбанем Каб-

досского округа в китайской Монголии. Небезынтересно, что тем же императорским указом амбанем Каддосского округа был назначен и посланник в Петербурге Саинту, но, если Саинту подчинялся улясутайскому генерал-губернатору, то Куэй Фан имел прямое подчинение Пекину.

В декабре 1911 г. императорским указом генеральным консулом во Владивостоке был признан Лу-ши-юань (Лу-шию-ан, Лу-чжэ-юань, Lou-Che-Yuen), занимавший должности начальника уезда Ань-да, инспектора цичкарского дипломатического бюро в Харбине.

Как и его предшественники, китайский консул принимал активное участие в жизни китайской общины на русском Дальнем Востоке. Он не только наблюдал за ситуацией, но и пытался корректировать ее в соответствии со своими интересами. Так, в ходатайстве китайцев местности Имахэ [Имана? – Е.Н.]. Как отмечалось по поводу создания ими купеческого общества (1913), «консул горячо призывает нас осознать: в современном мире невозможно обеспечить свои интересы, не объединившись в общества» (263).

Во время консульства Лу-ши-юаня в России свершилась Февральская революция и произошла смена власти. В это непростое время китайский генеральный консул продолжал отстаивать интересы своих соотечественников. Весной 1917 г. он обратился к комиссару Временного Правительства на Дальнем Востоке А.Н. Русанову с просьбой внести ряд изменений в действовавшие правила пропуска и проживания китайцев на Дальнем Востоке, в том числе отменить регистрационные книжки, выдававшиеся «Бюро по регистрации китайцев». Русанов уверил Лу-ши-юаня, что все нормы, регулировавшие пребывание китайцев в России будут приведены в соответствие с законодательством, но регистрационные книжки будут упразднены не ранее того момента, когда китайское население края само возьмется за борьбу с нежелательным элементом (содержателями банков, опиумокурилен и т.п.).

В сентябре 1917 г. Лу-ши-юань по состоянию здоровья вынужден был оставить свой пост во Владивостоке. На его место был назначен Шао Хэн-

г. Владивосток. Современный вид здания по ул. Пушкинская, 19 (арх. А.П. Базилевский), в котором с 1916 г. по 1954 г. (с перерывами) располагалось китайское консульство
Фото автора

цзянь (Шао Хэн Цзюнь, Chao-Heng-Tsung), прекрасно известный русской миссии. Любопытно отметить, что первоначальный вариант, предложенный китайской стороной – кандидатура Ли Тьяо, был отклонен русским посланником, как нежелательный. Уроженец Шаньдунской провинции господин Шао хорошо владел русским языком, т.к. получил образование в России. В 1897 г., будучи студентом китайской миссии, он даже полгода преподавал на Восточном факультете Петербургского университета. По возвращении в Китай он встал во главе Переводческого института (И-сюэгуань). После Синхайской революции в 1912 г. его перевели на должность советника в МИД, а после преобразования школы КВЖД в Пекине в Специальный институт Русского языка (Э-вэнь Чжуань-сю-гуань) назначили его директором (264). Шао Хэн-цзянь пробыл на должности генерального консула во Владивостоке до мая 1921 г. На его место был назначен Фан Ци-Гуан (265).

Появление китайских консулов создавало для русской администрации не только те сложности, о которых писал А.И. Грушецкий, но и сложности совсем иного характера. Помимо аспекта, который постоянно высвечивается в русской деловой переписке, – мотивов политической целесообразности, необходимости подчинения китайцев действию русского права, невозможности позволить китайским чиновникам распоряжаться на территории России, был нюанс, о котором документы говорят как бы вскользь, нехотя, скорее не говорят, а проговариваются, – финансовые злоупотребления местной русской администрации. Наряду, а иногда и под флагом защиты государственных интересов, чиновники отстаивали существование той системы, в рамках которой были возможны поборы и взятки с китайцев. Надворный советник В.В. Перфильев, проводивший дознание о злоупотреблениях владивостокской полиции, отмечал: «... взяточничество владивостокской полиции по отношению к китайскому населению не представляет из себя что-либо новое», он отмечал и основные источники получения взяток – банковки, опиумокурильни, дома терпимости (266).

Ему вторила газета «Восточное обозрение»: «Окружной суд появился во Владивостоке только несколько лет тому назад, а раньше суд и расправа принадлежали полиции. Взятничество было в полном ходу и с деньгами легко вывертывались из всякой беды, особенно, если в деле фигурировали одни китайцы, которыми никто не интересовался и судьба которых всецело зависела от произвола и взятки. Русская власть (...) в делах с китайцами была бессильна и авторитет ее мало действителен, а в частности – низшие агенты ее были продажны» (267). Присутствие во Владивостоке коммерческого агента, а затем и консула могло привести к нежелательной огласке всех этих нелицеприятных фактов и скандалу.

Таким образом, с появлением на Дальнем Востоке официальных пред-

Первый ряд (слева направо): китайский купец Ян-си-фу, члены китайского генерального консульства во Владивостоке: драгоман Вэнь-ци, вице-консул Жуй-ань, секретарь посольства в Санкт-Петербурге Чжэн-янь-си, секретарь китайского генерального консула Н.П. Успенский, письмоводитель Чжан. Второй ряд: секретарь Жунсэн, делопроизводитель Лю-цзо-би (1911 г.)

ставителей Китая в коммуникативном пространстве между китайским населением Дальнего Востока и русской администрацией появляется еще одно звено – консульские представители, которые пытаются присвоить себе часть властных полномочий, несмотря на то, что они находятся на русской территории.

3.5. Легализация китайских торговых обществ в русских дальневосточных городах

Однако коммуникационный канал, связывавший русскую администрацию и китайское население, был необходим. В связи с этим приамурский генерал-губернатор предложил губернатору Приморской области организовать во Владивостоке благотворительное общество среди китайцев и корейцев (268).

В октябре 1898 г. в канцелярию военного губернатора Приморской области поступили проекты уставов владивостокского китайского благотворительного общества, подготовленные городским полицмейстером и китайским коммерческим агентом Ли Тьяо. Оба проекта целью создания общества называли «улучшение материального и нравственного состояния», но в первом случае речь шла о «бедных китайцах и корейцах, проживавших во Владивостоке, без различия пола, возраста, звания, состояния, вероисповедания». во втором – только о китайцах (269). Согласно русско-

му проекту, благотворительное общество должно содержаться за счет членских взносов, частных пожертвований, завещаний, доходов от организации литературных чтений, лекций, концертов, а также на деньги, оставшиеся от ликвидированных китайских и корейских общественных управлений во Владивостоке. С разрешения органов власти и при точном соблюдении законов общество могло открывать амбулатории, столовые, чайные, общежития и т.п. заведения, сдавать дешевые дома, квартиры (п. 3).

Во главе общества предполагалось поставить правление, избираемое на три года, «при условии избрания китайцев и корейцев пропорционально числу членов обеих народностей, входящих в состав общества» (270). Ежегодно общество должно предоставлять отчеты военному губернатору области, генерал-губернатору, министру внутренних дел.

Проект Ли Тьяо во многом совпал с русским вариантом, но он считал нужным включить пункты, связанные с организацией обучения китайских детей русскому и китайскому языкам, отправкой останков умерших на родину, оказанием помощи при стихийных бедствиях в крае. Существенным отличием этого проекта являлось то, что членами общества автоматически становились все китайцы: «Общество составляется из всех китайских подданных, живущих во Владивостоке или прибывающих в край на срок более месяца» (271).

Как и в русском варианте устава, члены общества подразделялись на действительных, почетных и членов-соревнователей, также выбирался комитет, однако в его состав могли избираться лишь представители торговых фирм, имевшие недвижимость. Председателем комитета автоматически становился китайский коммерческий агент. Ежегодные отчеты общества предполагалось публиковать в газетах, предоставлять приамурскому генерал-губернатору и в Цзунлиямынь. Таким образом, согласно проекту Ли Тьяо, ключевую позицию в обществе должен был занять китайский чиновник, официальное лицо, получавшее право контроля за китайцами, прибывавшими как во Владивосток, так и в Приамурский край. Рассмотревший в 1899 г. проекты обоих уставов, военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов нашел образование корейско-китайских благотворительных обществ нецелесообразным.

Одновременно продолжалось лоббирование легализации китайских торговых обществ, возникших в крае в начале 80-х годов. По сведениям Ф.В. Соловьева, китайское торговое общество во Владивостоке было основано в 1881 г., в Хабаровске – в 1889 г., в Никольск-Уссурийске – в 1908 г. (272).

В 1906 г. военный губернатор Приморской области получил прошение от китайских купцов, проживавших в г. Владивостоке. В прошении отмечалось, что «во Владивосток прибыла масса хунхузов, которые совершен-

но не бояться русских властей, и днем и ночью занимаются грабежом» (273). Китайцы предлагали ряд мер, направленных на борьбу с этим злом, и ставили вопрос о необходимости легализации деятельности Владивостокского китайского купеческого общества. Военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг не увидел препятствий к приведению в исполнение ходатайства, и первое китайское торговое общество («Владивостокское китайское общество взаимного вспомоществования») в Приамурье было разрешено 18 апреля 1907 г. Правовой основой утверждения Устава общества явились временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. Легализация китайского общества вызвала негативную реакцию со стороны владивостокского биржевого комитета. Неодобрение этого шага высказал и управляющий министерством торговли и промышленности (274), но правомерность решения В.Е. Флуга была подтверждена министром внутренних дел. Кстати, когда в январе 1910 г. В.Е. Флуг покидал губернаторский пост, китайское общество в присутствии своего генерального консула Куэй Фана, преподнесло ему в подарок старинную мандаринскую курму, памятный адрес за доброе отношение к китайскому населению, и шелковое панно с надписью по-китайски: «Генералу Флугу за добродетельное отношение к китайскому населению – от Владивостокского купечества». Кроме того панно украшали иероглифы «Фу» (счастье) и Шоу (долговечность), являвшиеся начальными буквами фамилии Флуг, написанной по-китайски (275).

Но вернемся к истории создания общества. Цель общества определена пунктом 1 Устава: «Владивостокское китайское общество взаимного вспомоществования имеет целью развитие более тесного взаимного единения между членами общества, способствующего улучшению их быта в материальном и духовном отношениях» (276).

Согласно Уставу, общество создавалось для сбора торговых сведений с целью обсуждения их совместно на собраниях членов для изучения и развития торговли и торговых наук (п. 6), составления свода китайских торговых обычаев и перевода его на русский язык для ознакомления Владивостокской Биржи, выдачи, по требованию русской администрации, справок о кредитоспособности, размере торговых оборотов и других сведений, касавшихся своих членов, поддержки общих выгод и выработки цеховых уставов (п. 4), найма особых «сыщикюв» и городских в целях обеспечения мирной торговли в крепости Владивосток, нарушаемой многочисленными в городе хунхузами (п. 3). Кроме того, Уставом предусматривалось оказание помощи соотечественникам (п. 5): содействие в трудоустройстве и возвращении на родину, снабжение бедных пищей, временным приютом, больных – медицинскими пособиями, что давало основания считать общество благотворительным. Членом общества мог стать любой

Руководство китайского общества взаимного вспомоществования в Владивостоке в 1911 г. Фотография сделана по случаю отъезда председателя общества Машома в Китай.

китайский подданный во Владивостоке (п. 12). Все члены общества подразделялись на учредителей, почетных и действительных членов. Но на членство в обществе вводились ограничения – в него не принимались несовершеннолетние, злостные банкроты, должники, лица, не пользовавшиеся уважением, хунхузы и ряд других категорий населения (п. 15).

Исполнительным органом общества являлся комитет, во главе которого стоял председатель (п. 30). В комитет избирались уважаемые обществом китайцы, имевшие торговое дело или недвижимость, в возрасте старше 25 лет (п. 32). Особо оговаривалось, что председатель должен владеть китайским и русским литературными языками, его возрастной ценз повышался до 30 лет. Постановления, принятые комитетом, предполагалось вывешивать для обозрения в зале заседаний, а особенно важные решения публиковать в газетах. В связи с отсутствием во Владивостоке китайской газеты, публикации размещались в харбинской «Юаньдун бао» (277), либо в наиболее распространенных в Приамурье шанхайских и чифуских газетах.

Разделы Устава о составе общества, его комитете, вопросах, находившихся в их ведении, составлены по канве правил, выработанных министерством торговли и промышленности Китая, и утвержденных 29 декабря 1903 г. императором. Согласно этим правилам общества разделялись на: главные торговые общества (Шанью-цзунхуй), создававшиеся в главных провинциальных городах, в важнейших торговых центрах Китая и за границей, и отделения торговых обществ (Шанью-фынхуй), создававшиеся в менее значительных пунктах. Как первые, так и вторые были подчинены ведению китайского министерства земледелия, промышленности, торговли, санкционировавшего открытие каждого нового отделения.

Процедура регистрации обществ была довольно сложной. Получив у местных властей разрешение на открытие, общества через консульства проходили регистрацию в Пекине: в Министерстве иностранных дел, а также в Министерстве промышленности и торговли. МИД мог запросить мнение по этому поводу Министерства внутренних дел, а также властей приграничных провинций. Утверждению подлежали устав общества, его название, состав выборных органов (278).

Главные общества имели утвержденную правительством Китая печать. Владивостокское общество согласно уставу (п. 10) имело две печати – русскую, с надписью «Владивостокское китайское общество взаимного сотрудничества» и китайскую, с надписью «Владивостокское главное торговое общество» («Хайшеньвэй хуашан цзунхуй»). Однако из оттиска печати, сохранившегося на русских документах (1911 г.) видно, что русская и китайская надписи присутствуют одновременно.

Со временем русской администрации стало известно, что члены комитета за свою деятельность получали от китайского Министерства земледелия, торговли и промышленности особые знаки отличия – медали. Причем фамилии на этих медалях, согласно ходатайству комитета общества от 17 января 1909 г., вырезались по-русски (279).

Созданное как благотворительное, владивостокское китайское общество с началом Первой мировой войны собрало 5315 руб. 20 коп. для раненых русских воинов и их семей, кроме того общество обязалось ежемесячно вносить до конца войны по 50 рублей на лазарет им. Владивостока.

Однако благотворительность не являлась основной сферой приложения сил членов общества. В действительности же общество являлось одним из звеньев огромной цепи официальных учреждений, опоясывавшей не только весь Китай, но и заграничные колонии китайских подданных. По сведениям цензора по иностранной печати на восточных языках во Владивостоке А.Н. Занковского, подобные общества существовали «в каждом городе и селе края», причем либо типа «главных», либо типа «отделов», которые делились на большие (дахуй) – в Шкотово, Владимиро-Александровском, Ольге, и на меньшие (сяхуй) – в Зиньковке, Петровке и дру-

гих населенных пунктах (280). Для координации деятельности таких обществ в Китае существовал орган, объединявший все местные торговые общества и известный под названием «Соединенного Общества» (Ляньхэхуй), куда периодически командировались депутаты от региональных «Главных торговых обществ» (281). Именно оттуда высылались расценки на скупаемые в крае женишень, панты,

**Список руководителей китайских торговых обществ в русских
дальневосточных городах (1907-1916 гг.)**

Год	Город	Председатель общества	Вице-председатели	Число членов общества
1907 г.	Владивосток	Гуань-юй-вин (лин?)	?	
1908 г.	Владивосток	?	Цзао-вей-сюэ	
1910 г.	Владивосток	Ма-шо-мо (член фирмы Ма- шо-мо Тунсуи)	Чжан-цин-тан (глава фирмы Тун-шин-лун)	
1911 г.	Владивосток	Ма-шо-мо	Чжан-тин-тан; Чжан-тин-го – помощник распорядителя	
1912 г.	Владивосток	Чжан-тин-го	Чжан-тин-тан	602
1913 г.	Владивосток	Ма-шо-мо	Ван-тю-фын	540
1914 г.	Владивосток	Ма-шо-мо	Ван-тю-фын	
1915 г.	Владивосток	Ма-шо-мо	Ван-тю-фын (фирма Хын- чин-зан)	
1916 г.	Владивосток	Ма-шо-мо	?	
1911 г.	Хабаровск	Сунь Гао (Сун Гогао)		
1913 г.	Хабаровск	Сын-гоко	Ван-ты-вын, Сян-фа-тун	29
1914 г.	Хабаровск	Сын-Зото**	Вантывын, Тяввун	
1915 г.	Хабаровск	Сын-Зото	Вантывын, Тяввун	

1916 г.	Хабаровск	Сын-Зото Николай Иннокентье- вич	Сынгоко, Вантывын	
1909 г.	Никольск- Уссурийский	Линь-юй- цзо (?)	Яо-ван-цай (с 20.09.1909 г.)	
1910 г.	Никольск- Уссурийский	?	Яо-ван-цай	
1911 г.	Никольск- Уссурийский	?	Яо-ван-цай	
1913 г.	Никольск- Уссурийский	Сун-до	Тун-хин-шин	
1914 г.	Никольск- Уссурийский	Пан-хио-за	Тун-хин-шин, Тун-шен-вян	
1915 г.	Никольск- Уссурийский	Пан-хио-за	Тун-хин-шин, Тун-шен-вян	
1916 г.	Никольск- Уссурийский	Пан-хио-за	Тун-хин-шин, Тун-шен-вян	
1913 г.	Благовещенск*	Чэн-фа-сян		
1914 г.	Благовещенск	Чжан-ли- вей		

Таблица составлена на основании источников: АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2276, л. л. 4, 10 об.; РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 1232, л. 38 об.; Ф. 702, оп. 2, д. 1001, л. 32 об., 46 об., 57, 75; оп. 3, д. 190, л. 28; д. 376, л. 42-45; д. 447, л. 11-11об.; РГВИА. Ф. 1582. оп. 1, д. 20, л. 49. Адрес-календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока и Спутник по Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Иркутск, 1911, вып. 7. Памятная книжка Приморской области за 1913 г. Владивосток, 1913; Памятная книжка Приморской области за 1914 г. Владивосток, 1914; Памятная книжка Приморской области на 1915 г. Владивосток, 1915; Памятная книжка Приморской области на 1916 г. Владивосток, 1916.

* В Благовещенске не было легализовано китайское торговое общество, поэтому официально должность называлась – представитель китайского населения в китайском квартале.

** Сын-зо-то родился в Чифу, в Хабаровске проживал примерно с 1891 г. Сын-зо-то одно время занимался подрядами по работам службы пути Уссурийского отделения КВЖД, подрядчик по постройке здания общежития Хабаровского технического железнодорожного училища. В 1911 г. подал прошение о приеме в русское подданство, а в 1912 г. принял православис. В 1915 г. проживавшие в Хабаровске

в собственном доме Николай Сын-за-то (Сын-зо-то) вместе с сыном Фын-лень (Фу-из) получили высочайшее разрешение на вступление в Российское подданство. Приведены к присяге 2 июля 1915 г. В 1913 г. представлялся к серебряной медали «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте. См.: АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2268, л. 1, 3; РГИАДВ. Ф. 1, оп. 12, д. 563, л. 79 а.

меха, морскую капусту, трепангов, крабов и другие продукты промысла (282).

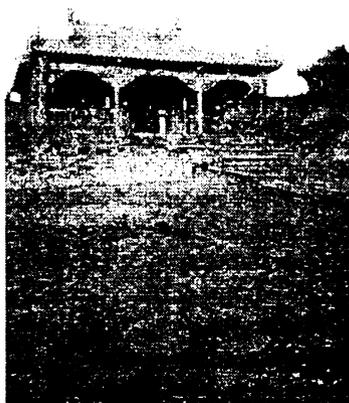
Зачастую Владивостокское отделение по поручению купцов, находившихся в Китае, взыскивало деньги с должников, проживавших во Владивостоке. Аналогичные поручения давались Владивостокским отделением подобным обществам в Китае (283).

Небезынтересно, что палаты, открывавшиеся на территории Приамурья, имели одинаковый правовой статус с существовавшими в Китайской империи. Поэтому для китайцев подобные торговые общества являлись учреждениями не только торговыми, но и административными. А.Н. Занковский в письме к Н.Л. Гондатти от 3 июля 1911 г. отмечал: «разделение административной и судебной власти в Китае – это проект сверху, а экономическая зависимость для масс поспорит с административной по силе своего жизненного влияния, поэтому китайские коммерсанты всегда так усиленно хлопочут о разрешении учреждений и в местном крае данного общества» (284). В этом он видел одну из причин того, что местное китайское общество согласно вписать в свой устав пункты, обязывающие его предоставлять русской администрации денежные средства для полицейских нужд.

В 1913 г. во Владивостоке за счет общества содержались: околоточный надзиратель (с окладом 135 рублей в месяц) и 10 русских полицейских

За счет общества осуществлялась постройка китайского храма во Владивостоке. На эти цели была израсходована изрядная сумма: в 1909 г. – 3733 руб. 94 коп., в 1911 г. – 415 руб. 40 коп (РГИАДВ. Ф. 702, оп. 2, д. 1001, л. 47 а, 50, 60)

Китайский храм во Владивостоке, (до наших дней не сохранился)
(ГПОМ им. Арсеньева. МПК 4479.02(1))

Гондатти Николай Львович (8.11.1861, Москва – 5.04.1946, Харбин), первый гражданский генерал-губернатор Приамурского края, этнограф, приват-доцент Московского университета. Родился в семье художника-скульптора. Окончил Московский государственный университет в 1885 г. В 1890 г. совершил поездку в Туркестан, Китай, Японию, Северную Америку. В 1893-1897 гг. – начальник Анадырской округи. 31.12.1897 г. назначен старшим чиновником особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе, с 16.01.1899 г. чиновник особых поручений Переселенческого управления МВД, впоследствии зав. переселенческим делом в Приморской области. С 29.01.1911 г. – 1917 г. Приамурский генерал-губернатор. В конце мая 1917 г. ушел в отставку. По приглашению университета в Хельсинки читал лекции по этнографии, затем переехал в Харбин, где с 12.1918 г. служил начальником земельного отдела КВЖД. Почетный гражданин Томска (18.08.1911 г.), Хабаровска и Благовещенска (8.06.1913 г.).

(с окладом по 30 рублей в месяц), в 1914 г. – помощник пристава (с окладом 135 рублей в месяц) и 10 городских (с окладом по 30 рублей в месяц). Кроме жалования русские полицейские чины получали премии в размере месячного оклада к большим праздникам: Рождеству, Пасхе, китайскому новому году. Прием финансовой помощи от Китайского общества вызывал негативное отношение некоторых русских чиновников. Так, Л.Г. Ульяницкий отмечал: «... общество почти всегда в курсе всех дел, касающихся китайцев ..., комитет нередко имеет в своем распоряжении копии секретных распоряжений, касающихся китайцев» (285).

Нужно отметить, что владивостокское общество имело значительную автономию от китайских дипломатических представителей. При разногласии с китайским консулом общество самостоятельно отправляло свои доклады министерствам земледелия, труда и торговли или иностранных дел. Некоторое время на заседания общества под предлогом, что такие посещения не предусмотрены «русским уставом», не допускался китайский консул, бывший не в ладах с его руководителями. По этой же причине ему не сообщалась информация об обсуждавшихся вопросах и принятых решениях (286). В ответ на просьбу консула (1909 г.) прикомандировать двух десятников к консульству комитет постановил: вторично обсудить этот вопрос по получении письменного ходатайства от консула (287).

Благодаря сохранившимся архивным документам, касающимся истории Хабаровского торгового общества, можно проследить процесс трансформации правовых форм китайских общин в населенных пунктах Приморья, характеризовавшихся длительным «латентным» периодом от момента возникновения этих обществ до официальной регистрации русскими органами власти. В 1909 г. хабаровские китайцы на своем сходе решили, что им необходимо объединяться. «Хабаровск захолустный город, далекий от нашей родины, и если не сплотиться для исполнения дела, то с неспривторным страхом придется жить в одиночестве» (288). Сказано — сделано. В январе 1910 г. в Приморском областном по делам об обществах и союзах присутствии зарегистрировано Китайское торговое общество в Хабаровске. Это общество имело официальное русское название «Хабаровское китайское общество взаимного вспомоществования», а китайское — «Хабаровская Китайская Торговая Палата», что было явным нарушением норм русского права.

Официальное признание хабаровского отделения имело долгую предысторию. Несмотря на то, что китайские общественные управления ликвидированы в 1898 г., военный губернатор Приморской области в 1900 г. дает разрешение на избрание китайцами г. Хабаровска старосты и представителей, а также дозволяет сбор денег на содержание сыщиков и другие нужды (289). Китайские купцы «коммерческим старостой» избрали Ван Венсана (290), который в течение последующих 10 лет «безвозмездно» исполнял «обязанности выборного от китайского населения» (291).

Вот как изложены дальнейшие события в постановлении схода хабаровских китайцев в 1909 г.: «Торговцы, проживающие на русской земле, в г. Хабаровске, в течение многих лет установили торговлю, построили дома. Живя здесь, мы подвергались огню и мечу, нападениям воров и разбойников, перенося страх в течение нескольких лет кряду. Поэтому мы, Хабаровские торговцы, собрались на сход в 1901 г. для решения вопроса о взаимной защите и признали за благо собрать посильное пожертвование для найма сыщиков и организовать общество взаимного вспомоществования для общего блага и общественного спокойствия, надеясь на единение и общее напряжение сил домовладельцев и купцов. (...) Мы сговаривались несколько раз и пришли к заключению учредить общество и избрать старшину, который управлял бы обществом. Тогда же был намечен срок открытия общества — 1901 г. В 1907 г. мы просили генерал-губернатора препроводить ходатайства в русские министерства иностранных дел, и торговли и промышленности о разрешении открыть в Хабаровске китайское торговое общество. Тогда же мы просили китайского консула во Владивостоке возбудить ходатайство перед китайским Министерством Земледелия, Труда и Промышленности о регистрации Хабаровской китайской палаты» (292).

Таким образом, в течение всего периода, вплоть до официального признания как китайскими (1909 г.), так и русскими властями (1910 г.), китайская община г. Хабаровска сохраняла не только свое самоуправление, но и нанимала китайских сыщиков для обеспечения порядка. В 1908 г. «посредником для выяснения перед начальством своих нужд» являлся регулярно переизбиравшийся китайской общиной Ван Венсан. К тому моменту за услуги, «оказанные как китайскому населению, так и русским властям», Ван Венсан получил от Гиринского военного губернатора право носить шапку чиновника V степени (293). Китайцы считали его представителем Китайского Правительства и для решения спорных вопросов обращались в первую очередь к нему. Чистая случайность – отказ Ван Венсана от разбора конфликта между околоточным надзирателем 3 участка Петрухиным и письмоводителем Зайцевым, с одной стороны, и китайскими торговцами Ю Пыйдзо и Ли Миншуо, – с другой, заставила последних обратиться с жалобой к губернатору Приморской области. Благодаря этому обращению губернатор узнал о существовании в Хабаровске представителя китайского правительства (294).

Устав хабаровского торгового общества во многом схож с владивостокским. Однако китайский консул Куэй Фан, принимавший активное участие в процессе подготовки открытия хабаровской торговой палаты, оговорил особые условия, согласно которым он имел возможность контролировать деятельность общества посредством периодических командировок в Хабаровск своего помощника, который совместно с китайским обществом должен был решать все дела о защите китайского населения. Реализация дополнительных условий, оговоренных китайским консулом при открытии хабаровского торгового общества, являлась актом, знаменовавшим признание местной китайской общиной факта распространения действия китайской власти на русской территории.

После организации общества, как и в других отделениях, избирался председатель, заместитель, почетные члены, но, кроме того, для помощи вице-консулу избирался член для поручений. Представление в министерство Земледелия, Труда и Торговли об утверждении последнего должно было подаваться через консула (295). Первым почетным членом, кандидатуру которого утвердило китайское министерство Земледелия, Труда и Торговли, стал Хабаровский голова И.И. Еремеев.

Главным исполнительным органом хабаровского общества являлся комитет. Его председателем в 1911 г. был избран Сунь Гао (Сун Гогао), человек малограмотный как в оценке русских, так и китайцев. По отзывам представителей русской администрации, Сунь Гао не пользовался авторитетом среди китайцев, относился к службе небрежно, проводя основное время в притонах Китайской слободки. Будучи человеком слабохарактер

ним, он находился под влиянием переводчика Чжао Ютана, который не вызывал симпатий русской администрации не столько из-за плохого знания русского языка, сколько из-за его связей с революционными партиями в Китае (296). Тем не менее, когда Временное китайское правительство в августе 1912 г. обратилось к китайским общинам Приморской области с предложением прислать своего депутата в совещательный комитет в Пекин для выяснения различных нужд китайского населения, последнее избрало 3 выборщиков, которые, приехав во Владивосток, избрали представителем Сун Гогао. За участие в работе пекинского совещания председатель Хабаровского китайского торгового общества был награжден орденом, кроме того, правительство назначило ему жалование в 350 лян (100 руб.) в год (297).

До 1911 г. хабаровское китайское торговое общество предоставляло русской администрации лишь отчеты об использовании финансов. Все связи с администрацией ограничивались выделением средств на содержание штатов полиции, включавших как русских городских, так и китайских сыщиков. В результате проверки, проведенной И.А. Доброловским, оказалось, что общество превышало свои полномочия. Хотя деловая документация и финансовая отчетность находились в безобразном состоянии, была найдена масса прошений на китайском языке о разборе гражданских дел между китайцами. По уставу общества (п. 20) комитет мог выступать посредником в спорах, однако предполагалось обязательное нотариальное заверение о согласии с решением обеих сторон. Как отмечал И.А. Доброловский, не найдено ни одной заверительной записки. Фактически комитет решал все поступавшие к нему дела, исполняя роль высшей судебной инстанции для китайцев. Чтобы русская администрация не узнала об этом, прошения не регистрировались. Разбор дел был постоянным источником дохода: с каждого участника спора взималось по 2 руб., за срочность такса увеличивалась (298).

По уставу (п. 24) средства общества формировались за счет членских взносов, добровольных пожертвований, штрафов, процентов с капитала, доходов от недвижимости и случайных поступлений. Размер членских взносов зависел от величины коммерческого предприятия и варьировался от 15 рублей с предприятий 1 класса до 1 руб. с 5 класса (п. 25). Однако комитет обложил все китайское население налогом от 50 коп. до 17 руб. в месяц (299). Кроме членских взносов, общество в 1911 г. установило особые сборы. Со всех китайцев, желавших открыть в Хабаровске торговое предприятие, взималось по два рубля на нужды общества. Купцы, занимавшиеся доставкой товаров и не приписанные к местному обществу, должны были платить 0,3 % от суммы привезенного товара. За выдачу удостоверений (бао-дань) для получения в полиции паспорта взималось по 25

коп., за помощь в трудоустройстве – по два рубля (300). Обращают на себя внимания значительные суммы сборов, а ведь постоянным вопросом, возбуждавшимся китайским правительством и его дипломатическими представителями, был вопрос о снижении стоимости русских билетов для китайцев (5 руб. в год). Именно непосильностью этой суммы объясняла китайская сторона нежелание своих граждан выполнять русские законы, связанные с паспортным режимом.

Отделение торгового общества существовало и в Благовещенске (Хэй-хэ шаньву (нань?) цзуньхуй), правда, оно не было официально признано русскими властями. В организации Благовещенского отделения принимал активное участие китайский коммерческий агент Куэй Фан. К благовещенскому обществу примыкали в качестве отделов землячества уроженцев Шаньдуна и уроженцев других провинций («пришедшие издалека»). Благовещенское общество открыло свои отделения в Зее, Пашкове, Иннокентьевской, Джалинде.

Как следует из доклада, подготовленного сотрудниками канцелярии Приамурского генерал-губернатора Н.П. Щербakovым и Л.Г. Ульяничкиным, командированными в Амурскую область для обследования «желтого вопроса» (1914 г.), русская администрация не знала о существовании этого общества (301). Однако незнание обрело странные формы, т. к. было известно, что канцелярия этого «тайного» общества располагалась по адресу ул. Офицерская, д. 53, а заметки о выборах председателя печатали местные русские газеты.

В 1913 г. военным губернатором Амурской области учреждена специальная администрация для надзора и управления делами и регистрации населения китайского квартала. В августе 1914 г. представителем китайского населения избран Чжан (Джан) Ливей, крупный коммерсант, торговавший в Благовещенске и Сахалине (302). Интересно, что до выбора на эту должность он занимал пост председателя Коммерческого общества в Сахалине. Параллельно с этими структурами управления в Благовещенске, как уже отмечалось, существовало отделение коммерческого общества. По свидетельству председателя общества Чжан Ливея, «китайское население неоднократно поднимало вопрос о легализации общества», но областная администрация отнеслась к решению этого вопроса отрицательно (303).

Как и в других городах, все китайское население Благовещенска делилось на категории. В зависимости от имущественного положения члены общества вносили взнос в размере от 5 руб. до 50 коп. На эти деньги общество содержало 4 китайских и 5 русских городских, амбулаторию, а также совместно с Шаньдунским землячеством богадельню в г. Сахалине. Не оставались без внимания члены общества и события во внутреннем

китае – проводились сборы в пользу населения Шаньдунской провинции, пострадавшего от наводнения и военных действий японцев.

Деятельность общества в первую очередь направлялась на обеспечение коммерческих интересов китайского населения, однако оно брало на себя и функции, не предусмотренные уставом, – как и в других городах, решало судебные дела между китайцами. Приграничное положение Благовещенска обусловило тесные связи не только с китайскими центральными административными органами (ежегодные отчеты в Министерство торговли об экономическом положении нашей окраины), но и с Сахалинским и Айгуньским уездными начальниками.

Безусловно, китайцы отдавали приоритет властным полномочиям торгового общества, а не русским властям, чему нередко способствовали и действия русской администрации. Показателен эпизод с выдачей троих китайцев, проживавших в Благовещенске. Пограничному комиссару Амурской области Н.А. Спешневу стало известно, что на имя Айгуньского уездного начальника от китайского торгового общества г. Благовещенска поступила просьба – ходатайствовать перед русскими властями о выдаче Пэн Хуйчуна (он же Ли-юн-сун) (304), Мэнь Дунчу, Лю Цзынына. Они обвинялись в том, что сообщили благовещенскому адвокату Андрееву о поборах китайского общества в пользу русской администрации. С каждого безбилетного китайца взималось по 1 руб., собрано почти 1500 руб. Получив эту информацию, Н.А. Спешнев запретил выдавать этих китайцев, справедливо отметив, что «самовольное обращение китайских подданных, проживающих на русской территории, от имени китайского общества к Айгуньскому уездному начальнику является нарушением духа трактатов» (105).

Однако как только подполковник Н.А. Спешнев уехал в Хабаровск, просьба о выдаче повторилась, и троих китайцев, обратившихся к русской власти, выслали из России, подняв этим авторитет торгового общества в глазах китайцев.

Расследование этого инцидента, проведенное по поручению Приамурского генерал-губернатора, установило заинтересованность в высылке этих китайцев не только верхушка китайского общества г. Благовещенска, но также и пристава Арцыбашева, и полицмейстера города Баранова. Дело в том, что 28 марта 1914 г. бывший чиновник канцелярии военного губернатора Амурской области М.В. Гиль в присутствии присяжного стряпчего Ф.И. Андреева от имени ротмистра отдельного корпуса жандармской стражи Богацевича попросил Ли-юн-суна (Пэн Хуйчуна) переписать все имеющиеся в китайском квартале тайные притоны. К 8 апреля Ли-юн-сун представил отчет, согласно которому в китайском квартале находилось 92 притона. В отчете указывались точные адреса опикурилен, игорных домов и

домов терпимости, а также имена их владельцев. Ли-юн-суну удалось установить, что всего с подобных заведений в год собиралось около 70 тысяч рублей, которые затем распределялись между русскими чиновниками (306). В ходе проверки в руки администрации Амурской области попали книги владельцев китайских опиумокурилен, в которых фигурировала статья расходов «гуань-цзянь», собираемых для русских чиновников. 16 августа 1914 г. пограничный комиссар создал комиссию, в которую вошел он сам, драгоман Руденко, переводчики Ким и Максимов. Комиссия должна была установить подлинность записей в книгах, а также установить значение употребленного термина «гуань-цзянь». Члены комиссии пришли к следующему выводу. Несмотря на то, что буквальный перевод термина означает «казенные или чиновничьи деньги», в документах речь идет о взятках русским чиновникам, т.к. в китайском квартале Благовещенска не могли иметь место постоянные расходы по оплате китайского казенного фиска. Кроме того, были установлены имена китайцев – сборщиков денег для русских чиновников. Так, Тань-лао-у собирал деньги для Ван-го-дуна (307), полиции и русского переводчика; Ко-цзы-хен, Ван-ли-юн и Ли-фын обеспечивали «впомоществованием» чинов сысского отделения; Сун-шан-куан ежемесячно доставлял «бонус» таможенникам и акцизному чиновнику Полетаеву («маленькому корявому») (сяо-ма-цзы), как называли его китайцы) (308). Несмотря на собранные доказательства, как это часто бывало, когда в скандалах замешаны крупные чиновники, серьезных мер не последовало.

В 1910 г. в Приамурье под руководством Н.Л. Гондатти работала Амурская экспедиция, изучавшая состояние и развитие различных сфер жизни края. Исследованием положения китайцев, корейцев, японцев в крае занимался чиновник по особым поручениям МИДа В.В. Граве. Ознакомившись с условиями существования китайских обществ, он пришел к следующему выводу: «... нельзя не признать, что в принципе Общества совершенно недопустимы, т. к. в конце концов, как тайные, так и легализованные, являются ничем иным, как органами, управляющими китайцами в крае, фактически присваивая себе административные и судебные функции государства. Тем более недопустимыми являются те общества, которые распространяют свою компетенцию на русских подданных». Тем не менее, он отметил, что «... при отсутствии фактической возможности обеспечить действительный контроль над китайской жизнью, лучше иметь дело с явно действующими главными китайскими обществами, чем с тайными...» (309).

Русская администрация имела неоднократные и бесспорные свидетельства того, что китайские общества не только контролировались дипломатическими представителями Китая, но имели связь с пограничными ки

тинскими властями. По свидетельству Л.Г. Ульяницкого, в 1913 г. китайские общества в Приморской области почти ежемесячно получали официальные бумаги от китайской администрации (310). И.А. Добролювский сообщал, что к нему в 1909 г. попал адресованный Иманскому китайскому обществу тук окладных листов по сбору налогов и бланков для составления отчета о ходе русского и китайского заселения Иманского уезда (311). Есть и другие подтверждения этому.

Тем не менее, русская администрация не осуществляла должного контроля за деятельностью китайских обществ, в результате чего нарушения ими уставов стали нормой. Так, владевший китайским языком русский секретарь владивостокского общества вопреки уставу не допускался на еженедельные заседания комитета. Так же вопреки уставу китайское общество не сдавало, вплоть до приезда Н.Л. Гондатти, ежегодных отчетов. Сфера деятельности китайского общества выходила далеко за рамки Владивостока. К рассмотрению принимались дела лиц, не являвшихся членами общества.

Существование обществ взаимного вспомоществования не осталось незамеченным в Петербурге, тем более, что китайские общества были первыми иностранными обществами на Дальнем Востоке, зарегистрированными русскими властями. Вскоре встал вопрос о необходимости легализации по русским законам деятельности корейских («Кукминхой») и японских обществ. В секретном письме временно управляющего МИДом А.А. Нератова к П.А. Столыпину от 1 августа 1911 г. отмечалось, «что устав китайского общества во Владивостоке содержит некоторые постановления, едва ли желательные с государственной точки зрения. (...) Я должен высказаться за (...) пересмотр устава китайского общества во Владивостоке» (312).

Хотя Устав китайского общества не был подвергнут пересмотру, но усиление надзора за деятельностью этих обществ рассматривается как первоочередная задача. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в письме к министру внутренних дел А.А. Макарову (15 октября 1912 г.) отмечает необходимость предоставления ежегодного отчета о деятельности обществ и обязательность присутствия русских чиновников, владеющих языками, на собраниях обществ. Кроме того, он отмечал недопустимость возможности обществам выступать посредниками в решении споров, а также регламентации сбора сумм на содержание чинов полиции» (313).

В ноябре того же года министр внутренних дел А.А. Макаров в секретном письме к Н.Л. Гондатти проинформировал его о желательности усиления надзора за деятельностью обществ.

3 мая 1914 г. Приамурский генерал-губернатор издал распоряжение об усилении надзора за деятельностью китайских обществ взаимного вспомоществования (314). Однако это было нелегким делом, т. к. внешний над-

зор давал неудовлетворительные результаты. Для решения проблемы предлагались различные варианты. Военный губернатор Приморской области предлагал ввести в состав комитетов или других исполнительных органов, на правах полноправных членов, лиц, назначенных областной администрацией, состоящих на государственной службе и знакомых с китайским языком и письменностью.

А.Н. Занковский считал, что все дела корейцев, китайцев, японцев следовало бы сконцентрировать в ведении 1-2 лиц, знавших дальневосточные языки и находившихся в ведении Приамурского генерал-губернатора, которые контролировали бы деятельность особых русских советников при каждом официально открытом обществе в крае. Проработав в течение четырех лет секретарем в китайском обществе, А.Н. Занковский констатировал, русские секретари не могут выполнять эти функции, т. к. не имеют от русского правительства ни инструкций, ни поддержки, всецело завися от нанимателей. «Всякие попытки провести какое-либо дело в согласии и принципами русской гражданственности и законности вызывает личное неудовольствие китайского комитета с намеками на право комитета дать расчет секретарю» (315). По мнению А.Н. Занковского, было бы целесообразно преобразовать должности секретарей в советников, поручив последним посещать собрания общества, визировать всю русскую переписку, хранить один экземпляр всей китайской переписки, осуществлять надзор за составлением полных и подробных отчетов о деятельности данных обществ, контролировать исполнение всех распоряжений русской администрации.

Немаловажной деталью проекта представляется то, что содержание советники должны получать от русского казначейства из сумм, заблаговременно вносимых национальными обществами. Предполагалось, что заведующий всеми подобными обществами в крае на основании отчетов русских советников сможет подготовить сводный отчет для Главного Начальника края, позволявший «открыть яркую картину внутренней жизни поселенцев желтых народностей, поистине образовавших на нашей окраине «государство в государстве» (316).

Таким образом, китайские торговые общества, инициатором создания которых стала китайская торговая буржуазия, как легализованные (Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский), так и существовавшие неофициально, возникшие во всех относительно крупных населенных пунктах края, являлись не столько благотворительными организациями, как это следовало из русского названия, сколько органами, имевшими для проживавших здесь китайцев административно-управленческие и судебные функции. (Возможно, с этим был связан конфликт владивостокского китайского торгового общества и консула, претендовавшего на эту же роль). При

том руководство общества, превысив оговоренные Уставом полномочия, обязало все китайское население делать ежемесячные взносы в размере от 50 коп. до 25 рублей. Большинство китайских мигрантов – чернорабочих, прислуги, ремесленников – лишались возможности обсуждать свои дела, т.к. правом голоса обладали лишь те, кто вносил ежемесячно от 2 руб. 50 коп. до 25 руб. (317).

Попытки местной русской администрации ликвидировать замкнутость и обособленность китайского населения, ради чего были упразднены китайские общественные управления, не удались. Официальное признание в 1907 г. китайских торговых обществ, являвшихся официальными учреждениями Китая и находившихся под контролем как китайских дипломатических чинов в Приамурье, так и властей в Китае, может быть объяснено отсутствием четкой, детально разработанной позиции по китайскому вопросу, слабым знанием реалий китайской действительности местной русской администрацией и почти полным безразличием к этой проблеме Петербурга.

Небезынтересно отметить, что китайские торговые общества в русских дальневосточных городах просуществовали до начала 20-х гг. В 1923 г. китайские торговые общества были закрыты сначала в Хабаровске и Имане, затем в других городах Дальнего Востока (318). Согласно данным А.Г. Ларина против председателей и членов правлений этих обществ были введены следственные дела, а документация и имущество организаций конфисковано. В качестве обвинений были предъявлены факты содержания тайной полиции, производства несанкционированных арестов и избиений, хранение опиума. Вмешательство в ход следствия председателя ВЦИК М.И. Калинина по просьбе китайского консула Франклина Цю, привело к тому, что в 1923-1924 гг. арестованные сотрудники обществ были освобождены, а дела прекращены (319). Однако, согласно документам, хранящимся в Хабаровском государственном архиве, на этом дело не закончилось. В 1927 г. в Хабаровске было вновь возбуждено дело о бывших руководителях китайского коммерческого общества – доверенных пивоваренного завода «Тифонтай» Цзун-ён-вы (Цзун-шин-сан), торговой фирмы «Явшуки» Сеу-чо (Сю-кяо), мельницы «Панхиоза» Ян-дин-вана и других (всего 12 человек), обвинявшихся по ст. 58 п. 8 УК (ред. 1926). Руководители общества обвинялись в том, что в 1918 г., используя сложную политическую ситуацию, они предприняли соответствующие меры для вывоза в Хабаровск китайского экспедиционного отряда. С открытием в 1918 г. китайского консульства при обществе появился штат китайских милиционеров и арестное помещение. Китайское общество через свою милицию выслеживало, арестовывало и передавало китайским властям неугодных лиц, в том числе не только хунгузов, но и участников револю-

ционного (партизанского) движения. Среди обвинений были и более тяжелые. Так согласно свидетельским показаниям в китайском обществе применяли пытки, и некоторые люди, не выдержав истязаний, кончали жизнь самоубийством. Есть в заключительном обвинении и информация о расстрелах, производившихся китайским обществом (320). К сожалению, автору не удалось установить как подлинность сведений, содержащихся в обвинительном заключении, так и дальнейшую судьбу обвиняемых. Бесспорно одно, в 30-х гг. китайские коммерческие общества как самостоятельные организации в русских дальневосточных городах не существовали.

3.6. Деятельность китайской полиции

В государственном музее Приморского края в скромном деревянном футляре с металлической табличкой хранится экспонат под номером МПК 5336-1. Это – Высочайшая грамота, пожалованная населению Приморской области императором Николаем «за действия по борьбе с хунхузами». Действительно, в Приамурье русской администрации пришлось вплотную столкнуться со специфической, дальневосточной, формой бандитизма – хунхузничеством. Хунхузами (от кит. хунхуцзы, буквально – краснородый), называли участников вооруженных банд, действовавших в Маньчжурии с середины XIX в. до победы народной революции в Китае. Отряды хунхузов, состоявшие главным образом из разорившихся крестьян, деклассированных горожан, насчитывавшие иногда по несколько тысяч человек, нападали на города и селения с целью грабежа.

Отдельные шайки хунхузов из Маньчжурии переходили русскую границу и появлялись в Амурской и Приморской областях. Со временем в Уссурийском крае появились собственные банды хунхузов, состоявшие главным образом из лиц, изгнанных китайскими общинами, разорившихся мелких торговцев, неудачливых охотников и промысловиков. На этом основании Ф.В. Соловьев выделил две группы хунхузов, действовавших в Уссурийском крае, – приходивших из Маньчжурии и местных. Первые не заходили далеко вглубь края, а в основном действовали в прибрежном районе залива Петра Великого, на Посъетском участке, по долинам рек Суйфуна и Усури, в полосе железной дороги. После набегов, боясь преследования казачьих отрядов и местных воинских команд, они уходили в Маньчжурию. Вторые, прекрасно знали местность, расположение русских отрядов, могли затеряться среди проживавших на данной территории китайцев, что значительно облегчало их преступную деятельность и расширяло ее географию (321).

Ряд авторов (Н.А. Шабельникова, В.Г. Дацышен) считают, что наиболее крупным выступлением хунхузов явилась «манзовская война». Более

убедительным представляется мнение Ф.В. Соловьева, хотя и рассматривавшего эти события в главе «Хунхузничество», но отмечавшего: «возмущение золотоискателей, вызванное социальными причинами, очевидно, нельзя причислять к обычному хунхузничеству» (322).

Основным объектом нападения хунхузов было китайское и корейское население, панически их боявшееся. В.В. Граве писал: «Многие предпочитают откупаться от хунхузов заранее и лишь показывают квитанции, которые выдаются разбойниками для представления другим шайкам в случае нападения. Откупаются главным образом торговцы скотом, корейцы, проживающие в Посыетском участке и мелкие китайские торговцы. Означенные квитанции мне не удалось получить, т.к. держатели их боялись с ними расстаться» (323).

Нередко и российские подданные становились их жертвами. В 1875 г. хутора финских колонистов подверглись нападению хунхузов, не только опустошивших колонию, но и забравших с собой нескольких подростков. В конце 70-х годов XIX в. хунхузы истребили семью Купера в районе Владивостока, в бухте Сидими вырезали семью штурмана Гека, а малолетнего сына увезли с собой.

Китайцев, не помогавших хунхузам скрыться, сообщавших о них русским властям, ждала жестокая расправа, поэтому русской администрации не приходилось рассчитывать на помощь местных китайских общин. Однако и самостоятельно справиться с этой проблемой не хватало сил и опыта.

На совещании под председательством военного губернатора Приморской области И.Н. Свечина, прошедшем во Владивостоке в августе 1910 г. и посвященном вопросу о мероприятиях по очищению Южно-Уссурийского края от хунхузов, все хунхузы разделены на четыре категории: пограничные, прибрежные пираты, таежные и городские (324). Благодаря сложной структуре хунхузских шайк, действовавших в русских дальневосточных городах, у полиции оставалось мало шансов на задержание бандитов. По свидетельству китайских купцов, торговавших во Владивостоке, в банде могло состоять до 400 человек, однако непосредственных исполнителей было приблизительно 120. Занимавшиеся грабежами и налетами разбивались на группы в пять, десять, пятнадцать, двадцать человек, изредка численность доходила до сорока. Остальные работали прислугой, поварами, лакеями у русских чиновников, офицеров, в дорогих ресторанах. Неплохо владея русским языком, они собирали и передавали информацию сообщникам. В случае возникновения осложнений, у каждого из них был влиятельный русский покровитель, гарантировавший их честность и лояльность по отношению к русским властям (325).

В прессе высказывались две противоположные точки зрения на природу хунхузов. А.В. Рудокопов в статье «Хунхузы» писал: «Китайцы в нрав-

ственном отношении, с нашей точки зрения, стоят очень низко. В душе они все преступники. Если для каждого из них станет вполне ясна его безнаказанность, то он не задумается из-за рубля убить человека – европейца главным образом. Китайцы поражают своей жестокостью и полным равнодушием к чужим страданиям. Китайцы народ бесчестный, но в тоже время люди большого расчета» (326).

Автор, подписавший статью литерой Ъ, придерживался иного мнения: «разбойные инстинкты самого незначительного меньшинства, – сравнительно единиц, – прикладываются без разбора к огромному большинству, вся преступность которой ограничивается в сущности только неимением паспорта. ... В натуре китайца вовсе нет какой-либо исключительной буйности и особенной склонности к совершению преступлений, как это почему-то приписывается русским манзам (327).

Но корень проблемы, связанной с невозможностью победить хунхузничество лежал в другом. В уже упоминавшейся записке Мосина (?) (сер. 80-х гг. XIX в.) отмечалось: «Русская полиция не имеет контроля над жизнью китайцев. Как сами чины полиции, так равно и блюстители порядка нижние чины не знают китайского языка, поэтому возникают недоразумения – невинные страдают, а виновные выкручиваются». Констатируя, что при поимке хунхузов полиция зависит от переводчиков, автор привел многочисленные факты злоупотреблений переводчиков – «на кого покажет переводчик, того полиция и забирает». Далее он сообщал, что лично видел массу примеров, когда арестовывались люди абсолютно ни в чем не повинные. До 1882 г. они содержались несколько месяцев на гауптвахте или при полицейском управлении, а затем высылались за границу как хунхузы или как неблагонадежные. В Китае после проведенного расследования их выпускали на свободу, а хунхузы продолжали жить в России, давши взятку чиновнику. Помимо избрания китайских старшин, автор записки предлагал разрешить китайцам найм ночных и дневных дозорных.

На каждом участке он считал необходимым устроить караульный дом, где должны находиться караульные. Помимо этого их обязанностью являлся обход участков, в том числе постоянных дворов, гостиниц, надзор за проходящими-уходящими, а также пресечение азартных игр. Днем за порядком должны наблюдать одни китайцы, а ночью их желательно усиливать одним-двумя русскими полицейскими (328).

Эта же мысль о привлечении китайцев на помощь полиции для защиты от хунхузов, высказана и в прошении владивостокских китайских торговцев, поданном 10 января 1886 г. военному губернатору Владивостока А.Ф. Фельдгаузену. Комиссия под председательством владивостокского городского головы И.И. Маковского, работавшая в марте-апреле 1886 г., рассмотрела и поддержала это предложение (329).

По всей видимости так были сделаны первые шаги к введению официально разрешенных в начале XX в. должностей китайских сыщиков в двух городах Приамурского генерал-губернаторства – Владивостоке и Хабаровске. Вопрос о деятельности китайской полиции и китайских сыщиков остается до сих пор одним из наименее изученных. Немногочисленные архивные данные по этой теме зачастую противоречат друг другу, а имеющихся недостаточно для воссоздания полной картины. Появление статьи А. М. и О. А. Буяковых (330), безусловно, внесло определенный вклад в развитие темы, но не исчерпало ее.

Хабаровск

Инициатива введения должностей китайских сыщиков принадлежала китайским купцам г. Хабаровска. В 1900 г. они обратились к военному губернатору Приморской области с просьбой разрешить содержание сыщиков для поимки хунхузов, грабивших китайские магазины. Вскоре был получен положительный ответ.

Сыщики согласно приказу Военного губернатора Приморской области подчинялись хабаровскому полицмейстеру. При найме китайских подданных на должность китайского десятника (сыщика) при Хабаровском городском полицейском управлении требовалось ручательство китайских купцов (331). В том случае, если сыщики задерживали подозрительных лиц, то их доставляли китайским купцам. Если купцы ручались за пойманных, то они оставались в городе. В противном случае, задержанных по распоряжению полицмейстера высылали в г. Харбин (332). В 1905 г. в Хабаровске действовало четверо сыщиков, что, разумеется, не могло радикально улучшить криминогенную обстановку в городе. В связи с этим 11 октября 1906 г. глава китайской общины Ван Венсан подал полицмейстеру г. Хабаровска заявление следующего содержания: «В виду недостаточности в г. Хабаровске китайских сыщиков, общество китайцев, живущих в китайской слободке, уполномочило меня на ходатайство иметь в г. Хабаровске кроме 4 сыщиков еще 2 (Лю Сибо и Хин Изин)». При этом китайское общество согласно было содержать их за свой счет (333). Прошение китайских купцов было удовлетворено, кроме того в феврале 1907 г. военный губернатор Приморской области официально разрешил сыщикам иметь при себе револьверы (334).

В 1908 г. численность китайских сыщиков г. Хабаровска достигла десяти. Назначенный в том же году на пост полицмейстера Л. П. Тауц решил, что от китайских сыщиков нет никакой пользы и уволил всех десятерых «за полнейшую бездеятельность», а также освободил от обязанностей китайского старшины Ван-вен-сана (335). На вакантную должность он пригласил своего знакомого из Порт-Артура – Чан-фу-шина. Новые сыщики и

новый старшина, плохо знакомые с городом и местной общиной, не могли выполнять возложенные на них обязанности. Действия Тауца вызвали протест со стороны верхушки китайской общины. В марте и апреле 1909 г. купцы подают ряд жалоб на имя Приамурского генерал-губернатора. В них они просили о возврате старых сыщиков, и сообщали, что Чан-фу-шин, распорядившийся теперь десятниками, которых они собственно содержат, им абсолютно неизвестен. Он не являлся фанзовладельцем, не имел оседлости в Хабаровске, ничем не занимался, и о прошлом его также ничего не известно. В связи с этим доверия к новому главе китайского общества не было. Видимо, отношения Чан-фу-шина с местными китайцами не складывались. Вскоре Тауц пригласил местных купцов в полицейское управление и поставил их перед выбором – либо они немедленно в его присутствии выбирают нового старшину, либо он делает это сам. Кроме того, в разговоре Тауц намекнул, что когда он служил в Порт-Артуре власть его над китайцами была не ограничена, и если хабаровские китайцы не подчиняться его воле, то он всех будет штрафовать по 150 рублей за антисанитарное состояние помещений и ношение оружия. В жалобе от 11 апреля 1909 г. купцы писали: «Нельзя же в самом деле так поступать с китайцами, как поступал с ними г. Тауц в Артуре, там их не только штрафовали, но и пороли в полицейских карцерах, но здесь не Порт-Артур, а Хабаровск... Высшее начальство всегда к проживавшим в русских пределах китайцам, как к иностранцам дружественной соседней империи, ...относится справедливо и сочувственно, но низшие исполнительные чиновники, как например в полиции г. Тауц, относятся к нам с каким-то пренебрежением и бесцеремонностью, как будто нас не считают и за людей. Подведомственные г. Тауцу полицейские чиновники, видя такое отношение к нам своего начальства, в свою очередь поступают также» (336).

Жалобы китайцев в конце концов вернулись к Тауцу. В ответном рапорте на имя губернатора, он указывал на непригодность как новых, так и старых полицейских, и вообще о нецелесообразности содержать китайскую полицию из числа китайских подданных. Этот вывод основывался на том, что они не только не помогают чинам городской полиции, но и чинят им препятствия, укрывая преступников. Несмотря на это, организационных выводов по рапорту полицмейстера Хабаровска сделано не было. В 1910 г. в китайской слободке помимо околоточного и 3 русских полицейских покой граждан охраняли шесть китайских полицейских. «Китайская полиция» просуществовала в городе вплоть до революционных событий 1917 г. (337). Помимо содержания китайских полицейских, продолжалась практика выплаты заработной платы городским полицейским за счет китайского общества. В 1917 г. две должности городских и одна должность околоточного надзирателя финансировались за счет средств обывателей

китайской слободки и комитета китайского общества взаимного вспомоществования.

Владивосток

На рубеже веков китайское население Владивостока находилось в ведении участковых приставов и не выделялось в особую группу. Больше всего китайцев находилось во втором (пристав Попов) и третьем полицейских участках (район Миллионки) (338). В начале 1900-х гг. XX в. китайские купцы во Владивостоке также получили разрешение содержать за свой счет так называемую китайскую полицию, права которой регламентировались общим законодательством (339). Десятники назначались китайскими купцами и содержались за их счет.

Существенные изменения в деле надзора над китайским населением Владивостока произошли в 1903 г. Этот год был многообещающим для дальневосточной администрации – должен был состояться первый выпуск Восточного института. Приамурский генерал-губернатор, считая необходимым предоставить выпускникам возможность применить полученное образование на практике, обратился к военному губернатору Приморской области с просьбой давать преимущество лицам, окончившим Восточный институт, при замещении должностей в областном правлении и в управлении Пограничного комиссара, а также тех должностей полицейских и по крестьянским делам, которые требуют сношений с китайским и корейским населением. По предложению Приамурского генерал-губернатора бывшего начальника Ольгинского участка П.В. Шкуркина, окончившего Восточный институт, в мае 1903 г. назначили на должность помощника Владивостокского полицмейстера, учрежденную специально для заведования китайским населением города (340).

В распоряжении П.В. Шкуркина находилось четверо китайских десятников (Зун-ин-ден, Ван-тай-до, Чжу-ун-чин, Му-ун-зин (последний был убит в стычке с хунхузами)) (341) и пятый – Чжан-зин-хай, собиравший с китайских купцов деньги на их содержание. В месяц десятники получали по 60 рублей. Механизм сбора денег не был известен представителям русской власти, так как это всецело находилось во власти и под контролем самих купцов. Кроме того, купцы содержали одного переводчика – Цан-жо-ва, получавшего 40 рублей в месяц (342).

Механизм выбора десятников до сих пор неясен. В ходе расследования Перфильева о злоупотреблениях китайской полиции во Владивостоке Шкуркин и полицмейстер города Андреев дали несовпадающие сведения. П.В. Шкуркин в ответ на вопрос: «Как назначаются китайские десятники?», объяснил следующее: «Китайские десятники выбираются собранием китайских купцов из среды хорошо известных своей энергией, благо-

надежных и способных китайцев, проживающих во Владивостоке несколько лет и знающих его окрестности». Выбор зависит исключительно от китайцев без малейшего участия администрации. Далее, выбранные десятники представлялись Шкуркину, он объяснял им обязанности, а затем их назначение утверждал полицмейстер (343).

По данным Владивостокского полицмейстера Андреева, китайцы выбирали кандидатуры десяти человек, из них же они сами назначали сборщика налогов. Из оставшихся Полицейское управление выбирало переводчика, владевшего русским языком, остальные четверо десятников могли по-русски не говорить. Если чьи-то кандидатуры не устраивали полицейское управление, то эти люди увольнялись и назначались новые, из общего списка. Когда список исчерпывался, то китайским купцам предлагалось составить новый (344).

Таким образом, и в первом, и во втором случаях десятники выбирались китайским купечеством, в объяснениях Шкуркина и Андреева варьируется только степень участия русских властей в этом процессе.

В скором времени стали поступать жалобы на деятельность китайской полиции во главе со Шкуркиным. В конце 1903 г. во Владивосток с проверкой был направлен правитель канцелярии Приамурского генерал-губернатора Перфильев. Для того, чтобы лучше сориентироваться в обстановке, Перфильев привез с собой двух китайцев, хорошо говоривших по-русски, – мелкого подрядчика, имевшего родственников во Владивостоке (имя установить не удалось), и Кван-юн-пе, одного из служащих Ехаолина. Накануне приезда Перфильева Шкуркин был отправлен в экстренную командировку (345). Рассмотрев жалобы и изучив факты, Перфильев пришел к выводу, что «лихоимство полиции, начиная от китайских десятников и кончая помощником полицмейстера Шкуркиным, практикуется и в настоящее время по отношению к китайскому населению и при том в разных видах» (346). Суть конфликта, по его мнению, заключалась в том, что чины полиции – заведующий вторым участком пристав Попов и Шкуркин перессорились между собой, поэтому дело и получило огласку. «В результате начались доносы, но обе стороны вели дело так хорошо, что при всем своем желании подвести другого под суд ни та, ни другая сторона не может» (347).

Скандал во Владивостоке заставил русскую администрацию обратить внимание на деятельность китайской полиции. Наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке генерал-адмирал Алексеев писал Приамурскому генерал-губернатору Н.П. Линевичу: «... в виду достаточно испытанной уже пригодности их (китайских десятников – Е.Н.) в полицейской службе не только во Владивостоке, но и в Харбине, Порт-Артуре, Дальнем, благодаря склонности их к разного рода злоупотребле

нием я вполне разделяю высказанный Вами в предложении Военному Губернатору Приморской области от 10 декабря 1903 г. № 227 взгляд, что китайцы могут быть привлекаемы в помощь русской полиции только в качестве переводчиков и сыщиков» (348). Вскоре в структуре владивостокской китайской полиции произошли изменения. В январе 1904 г. во Владивостоке осталось трое китайских десятников из семи, ранее занимавших эту должность: один арестован, один умер от ран после стычки с хунхузами, двое уволены. Оставшиеся находились в полном подчинении участкового пристава, выполняя функции только переводчиков, самостоятельные действия им были строго запрещены (349).

Однако летом 1904 г. Приамурский генерал-губернатор во время пребывания во Владивостоке получил прошение китайского купечества и коммерческого агента об учреждении должностей китайских полицейских (350). Кроме того, в 1905 г. в окрестностях Владивостока появились значительные по численности шайки хунхузов. В связи с этим китайские купцы, поддержанные китайским коммерческим агентом, в ноябре 1905 г. обратились к военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу с продублированной просьбой разрешить им организовать китайское купеческое общество с главной целью – обеспечить, в помощь полиции, найм и содержание своих десятников (около 10 человек). Десятники должны были ловить хунхузов, которых затем планировалось через полицию отправлять в Китай. Китайские купцы провели несколько собраний, посвященных этому вопросу, и 28 декабря 1905 г. представители почти всех крупных фирм согласились вносить членские взносы на содержание десятников. Протокол этого собрания и проект устава общества были отправлены военному губернатору Приморской области. Однако быстрого ответа не последовало. Среди китайских купцов начались разногласия, взносы перестали поступать и уже нанятых десятников уволили. В мае-июне 1906 г. хунхузы активизировались. Тогда владивостокский полицмейстер собрал, по его словам, «лучшие силы китайского населения» для обсуждения вопроса о рациональной защите от хунхузов. Этим собранием были выработаны конкретные меры, представленные 4 июля 1906 г. на утверждение военному губернатору. Идея найма китайских сыщиков вновь обрела реальные очертания, так как китайские фирмы вновь стали финансировать этот проект. Кроме содержания сыщиков в 1907 г. за счет китайской общины содержалось 30 городских и один околоточный надзиратель.

Несмотря на то, что по заявлениям городских властей «Десятники (сыщики) находились в распоряжении полиции и служили для сыска и ловли хунхузов» (351), их реальное положение и статус беспокоили военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга. В марте 1907 г. он писал

Владивостокскому полицмейстеру: «... так называемые десятники, значение и обязанности которых должны исключительно сводиться к роли сыщиков, а отнюдь не исполнять обязанности низших полицейских агентов и присвоенных им обязанностей, на деле представляют вооруженную силу, исполняющую поручения совершенно частных лиц, граничащие с насильственностью, как например, поручения коммерческого агента» (352). Действительно, русская администрация получила сведения о разрешении, данном китайским коммерческим обществом Куэй Фану о возможном использовании десятников. Однако, как объясняли потом все заинтересованные стороны, это был единичный случай. Вероятным представляется использование десятников и в интересах руководства китайского общества. В нашем распоряжении имеется прошение Военному губернатору Приморской области от китайского подданного Ли-фу-чана, проживавшего в доме Ван-и-лина (1907 г.). В нем он сообщал, что 17 мая его позвали во Владивостокское китайское полицейское управление и потребовали уплаты долга китайскому подданному Кьян-по-вену, т.к. потерпевший в долг не брал, то платить отказался, за что его и арестовали. Ли-фу-чан просил оградить его от самоуправства местных китайских властей (353).

Несмотря на эти факты, китайские десятники продолжали действовать. Комитет китайского общества взаимного вспомоществования оценивал их работу довольно высоко, в 1908 г. было принято решение о поощрении десятников – те, кто прослужил в этой должности полных три года и собирався в отпуск к месту приписки, имели право на наградное пособие (354). Удалось установить несколько имен старших десятников: в 1908 г. Вандэ-чан, в 1909 г. – Ли-вен-чуй (355).

В 1910 г. китайская полиция вновь была создана при Владивостокском городском полицейском управлении. Содержание ее сотрудников и другие организационные расходы взяло на себя главное китайское торговое общество, которое объединяло к тому времени около 1000 членов (356).

Состояла «китайская полиция» Владивостока из заведующего на правах помощника пристава третьей полицейской части города Ф.М. Блука, 10 городских из числа русских полицейских и 7 китайских десятников. Последние контролировали определенную территорию и объекты на ней, имели специальные бляхи с надписью «Китайский полицейский». Служба в китайской полиции была по-прежнему престижным и хлебным делом, но, как и раньше, бичом этой организации было взяточничество, утечка информации (357). По всей видимости, численность китайских десятников несколько лет была неизменной. В 1914 г. владивостокское китайское коммерческое общество содержало за свой счет 7 китайских десятников, ежемесячно выдавая на их жалование 235 руб. (358).

В 1915 г. китайская полиция вошла в состав Владивостокского сыск-

ного управления на правах подчиненного подразделения, возглавлял которое К.Е. Мажников (359).

В марте 1917 г. члены китайской полиции были уволены со службы, и она прекратила свое существование. Пользуясь слабостью государственного управления и сменой властей в городе местное китайское общество нелегально возобновило деятельность своей полиции. По сведениям начальника владивостокской городской милиции Соколова, в сентябре 1921 г. китайское общество содержало вооруженных десятников. При помощи этих десятников совершались аресты китайцев, проживавших на русской территории, заключение их в собственную китайскую «тюрьму». Русские власти узнали об этом случайно, когда арестованные бежали, избив «десятников»-караульных. По мнению Соколова, нужно было вернуться к до-революционной практике – вновь учредить отдельную команду милиции, содержащуюся за счет китайских купцов (360).

По сведениям Бужковых, на смену китайской полиции на короткий промежуток времени в 1921 г. пришла «китайская милиция» (361). В первые годы советской власти лучшие традиции «китайской полиции» продолжило так называемое китайское отделение Приморского уголовного розыска.

Благовещенск и Никольск-Уссурийск

Вопрос о существовании китайской полиции в Благовещенске и Никольск-Уссурийске открыт для изучения. По всей видимости, попытки создать такие структуры были. В 1910 г. благовещенская газета «Эхо» опубликовала статью под названием «Против хунхузов», в которой привела фрагмент прошения китайского подданного Ян-да-ю военному губернатору Амурской области. Ян-да-ю, вскрывая причины хунхузничества, предлагал ряд мер для борьбы с этим злом. В частности, апеллируя к опыту русских властей в Харбине, он предлагал на средства китайских обывателей Благовещенска нанять 30 китайцев-разведчиков, благонадежность которых подтвердят китайские купцы. Автор прошения предлагал установить оклад в 20 руб. в месяц каждому китайскому разведчику, и в 50 рублей старшине и его помощнику. Для финансирования планировалось ежемесячно собирать с китайских торговцев от 2 до 1 рубля, в зависимости от их оборотов. 15 ноября 1910 г. в магазине Ю-да-чина прошло многолюдное собрание, которое большинством голосов решило претворить проект Ян-да-ю в жизнь, для чего в ближайшее время должен был состояться подсчет количества желающих платить взносы, а также найм разведчиков (362).

По всей видимости, желающие содержать десятников нашлись – 11 ноября 1910 г. газета «Приамурье» сообщила о введении института китайских полицейских в Благовещенске (363). Как и в других городах Дальнего Востока, в Благовещенске практиковалось содержание допол-

нительных чинов полиции за счет китайских обществ. В 1917 г. по ходатайству Благовещенского полицмейстера и представителя китайского квартала города Сан-хо-и военный губернатор Амурской области К.Н. Хагондоков временно (на год) утвердил в составе Благовещенской городской полиции три должности городских, с возмещением издержек казны по содержанию этих должностей (1854 руб. в год) из средств жителей китайского квартала.

Существовали десятники и при Никольск-Уссурийском китайско-корейском общественном управлении. Пришедшие на сход 188 человек членов общества в марте 1901 г. постановили выплачивать четырем десятникам при общественном управлении – 840 руб. и на найм 2 городских в помощь полиции – 600 руб. (364).

Сельские районы

Не только дальневосточные города страдали от набегов хунхузов. В 1906 г. отряд хунхузов в составе 80 человек действовал в окрестностях залива Ольги. В 1907 г. примерно такая же банда оперировала в долинах рек Фудзин и Сучан. В 1908 г. хунхузы совершили нападение на с. Шкотово (365). В 1898 г. в Амурской области хунхузы совершили 61 нападение, причем 9 человек было убито, 21 ранен, в 1899 г. – 77 нападений, убито 13, ранено – 25 (366).

Все это заставляло принимать адекватные меры защиты; в связи с невозможностью содержать в каждом населенном пункте военные отряды прибегали к различным способам – от содержания нелегализованных китайских сыщиков до финансирования дополнительных полицейских чинов за счет китайских обществ. На севере края против хунхузов успешно действовали дружины, состоявшие из представителей коренных народов и китайцев. В 1899 г. начальником такой дружины был избран опытный охотник китаец Чан Цзинцин (367). В отдельных поселках китайские полицейские подразделения созданы не были, а только выделены околоточные надзиратели с несколькими городскими. Часть их содержалась за счет местных китайских торговых обществ. Русские полицейские сами осуществляли надзор за местами проживания китайского населения и вели борьбу с уголовным миром. В помощь им выделялось по одному – два переводчика из числа лиц китайской национальности (368). Так было в селе Спасском, где несмотря на сосредоточение значительного количества войск, китайские торговцы содержали на свой счет русскую полицейскую стражу для охраны личного своего имущества и наблюдения за порядком (369). Такое положение вызывало неоднозначную реакцию русской администрации. В.В. Граве писал: «Ненормально так же и то явление, что (китайское – Е.Н.) общество платит известную сумму денег на наем и содержание

чинов полиции, хотя бы даже для борьбы с хунхузами (п. 3). Упоминание о сем в уставе общества ставит администрацию в какую-то зависимость от последнего и дает обществу право предъявлять особые требования в этом отношении. С государственной точки зрения это нежелательно, так как охрана как русских, так и иностранцев в крае лежит на обязанности правительства и расходы на осуществление этой охраны должны производиться из общегосударственных или земских средств» (370).

Зимой 1907 г. китайские подданные, доверенные фирм «Чжао-ли-тун», «Фу-чун-жо», проживавшие в пос. Иман, в прошении к военному губернатору отмечали, что после образования китайских обществ число хунхузов действительно значительно снизилось и жизнь стала течь спокойней. «Только в одном нашем поселке общество до сих пор не учреждено, хунхузы к нам прибывают почти каждый день и постоянно производят грабежи, так что нельзя поручиться за свое существование». В связи с этим они просили разрешения открыть общество и в помощь имеющейся полиции содержать китайцев сыщиков, которые будут задерживать хунхузов и передавать полиции для высылки на родину в Китай. В связи с тем, что китайский поселок находился в 6 верстах от русского пос. Иман, купцы просили разрешения передавать задержанных китайским властям, что намного дешевле, чем отправлять их через Владивосток.

Наказной атаман не нашел возражений против найма китайских сыщиков и разрешил иметь особых полицейских с тем, чтобы они подчинялись начальнику Муравьевского участка Уссурийского казачьего войска (371).

Весной 1907 г. те же купцы обратились к губернатору Приморской области с более конкретными просьбами об образовании в п. Иман китайской полицейской стражи. По их соображениям, в ее составе должны быть два китайца и два русских с огнестрельным оружием на свой счет, которые будут существовать с помощью русских патрулей и задерживать подозрительных китайцев (хунхузов), сдавать таковых для выяснения их личностей за границу в китайское селение «Кардон», где общественное управление может скорее разобрать степень их виновности. В случае же ответственности по русским уголовным законам преступников отправляют в гурьму во Владивосток или Никольск-Уссурийский, где за бездоказательностью их отпускают на поруки, и они опять возвращаются в Иман, что мешает с корнем уничтожать хунхузов. Предложение передавать задержанных непосредственно китайской стороне вызвало возражения начальника Муравьевского участка подьесаула Муравьева. По его мнению, отдача хунхузов непосредственно в руки старшин д. Кордон может привести к злоупотреблению со стороны китайских сыщиков (372).

Сегодня представляется сложной однозначная оценка деятельности китайских полицейских. Для этого требуется привлечение дополнительных

архивных данных, проливающих свет на динамику раскрытия преступлений, статистику преступности в районах, где действовала китайская полиция. Возможно в словах В.В. Граве о том, что найм китайских сыщиков «...представляет большие неудобства, т.к. агенты отличаются весьма низкими нравственными качествами, нередко пользуются своим положением и производят поборы с жителей. Такие сыщики были для населения чуть ли не большим бичом, чем сами хунхузы и потому совершенно не желаемы». В этих словах содержится немало истины, но это не вся истина (373).

3.7. «Китайский вопрос» в деятельности приамурской администрации в конце XIX – начале XX вв.

К началу нового столетия все четче начинает просматриваться тенденция изменения вектора деятельности русской администрации по отношению к китайцам: от попыток создания системы управления китайцами в крае, администрация переходит к усилению надзора и контроля и открытому вытеснению китайцев с русского Дальнего Востока.

Во многом этому способствовало сокращение оседлого китайского населения, тем более что Государственный Совет мнением от 18 июля 1892 г. запретил приобретение земель в Амурской и Приморской областях иностранным подданным. С другой стороны, в последнее десятилетие XIX в. и в начале XX в. наблюдался значительный приток китайских мигрантов, требовавших контроля и учета (см. график 1) (374).

Согласно отчетам Приморского военного губернатора, в разные годы последнего десятилетия XIX – начала XX вв. китайцы в области составляли от 5 % до 14 %. «Китайцев в крае массы», писали авторы «Приамурья», – «Китайцы строят церкви, продают в своих лавках иконы, обслуживают работу железной дороги, военного, морского ведомства» (375).

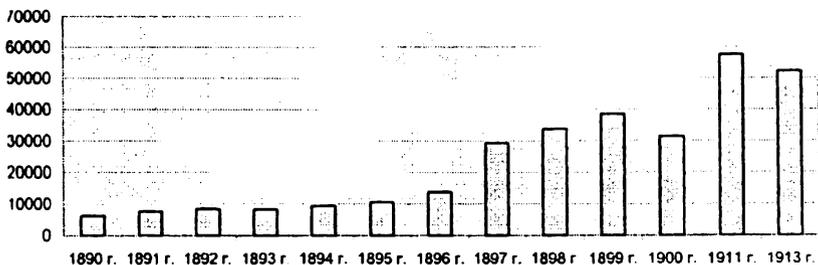
При рассмотрении динамики изменения численности китайцев в Приморской области обращает на себя внимание значительный выброс 1897 г., объясняемый двумя причинами: а) объективным увеличением численности китайцев; б) переписью, проведенной в этом году, которая позволила получить более точные цифры о численности китайцев в крае.

Некоторый спад 1900 г. связан с восстанием ихэтуаней и наблюдавшимися вследствие этого оттоком китайцев на родину.

Особенностью рассматриваемого периода являлось окончательное исчезновение китайских крестьян, владевших землей. Абсолютное большинство мигрантов составляли временные рабочие, прибывавшие в край на заработки. Разумеется, что все эти изменения требовали адекватных мер со стороны русской администрации.

В 1899 г. по распоряжению Приамурского генерал-губернатора

**Динамика изменения численности китайцев
в Приморской области (1890-1913 гг.)**

Н.И. Гродекова создана комиссия по упорядочению положения китайских и корейских иммигрантов. Комиссию, работавшую в октябре – декабре 1899 г. и в марте 1900 г., возглавил военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов. В состав комиссии вошли чиновник особых поручений Переселенческого управления МВД Н.Л. Гондатти, пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае Е.Т. Смирнов, капитан над коммерческим портом Э.Г. Эгерман, известные на Дальнем Востоке предприниматели А.В. Даттан, М.И. Суворов, О.В. Линдгольм, В.П. Бабинцев, М.Г. Шевелев, китайский коммерческий агент Ли Тьяо и другие.

Первоначальной задачей комиссии являлся поиск мер, направленных на уменьшение числа беспаспортных китайских и корейских подданных, проживавших в Приморской области, а также мер, улучшавших систему надзора за ними. Однако в ходе работы проблема была переформулирована следующим образом: «выработка особого положения о них (китайцах – корейцах – Е.Н.) с целью привести в возможный порядок жизнь и деятельность надвигающихся с юга масс представителей желтой расы, руководствуясь в этом принципиальными указаниями высшего правительства, и ходом экономического развития Приморской области» (376). В контексте этой проблемы большое значение приобрело обсуждение вопроса: «в каких отношениях и в какой степени представляется вредным пребывание в области большого числа китайцев» (377).

Анализ собранных комиссией данных нашел отражение в ряде разработанных документов. Наиболее важными представляются «Положение о китайских и корейских подданных» (378), «Положение о надсмотрщиках из корейскими и китайскими подданными в Приморской области», «Инструкция надсмотрщикам за китайским и корейскими подданными в Приморской области», «Инструкция учреждениям и лицам, наблюдающим за китайскими и корейскими подданными в Приморской области». Согласно последнему документу высшее наблюдение за этими категориями населе-

ния принадлежало военному губернатору. Ближайшее наблюдение возлагалось на пограничного комиссара, городские и окружные управления, на горных исправников Приморского горного округа, начальников казачьих участков, станичных и поселковых атаманов Уссурийского казачьего войска, на волостных старшин и сельских старост русских и корейских волостей и селений и на надзирателей за китайским и корейским населением. Вводились билеты для китайских и корейских подданных трех цветов: желтого (для китайцев, прибывших морским путем), белого (китайцев, прибывших сухопутным путем), красного (корейцев) (379).

Военный губернатор Приморской области генерал-лейтенант Н.М. Чичагов счел нужным в смету на 1901 и 1902 гг. включить расходы на надсмотрщиков за китайским и корейским населением. В проекте 1902 г. он отмечал, что в Приморской области насчитывается 31 учреждение и лицо, на которые возложено ведение китайско-корейской паспортной системы (380). В связи с этим, по его мнению, необходимо «иметь таких лиц, которые имели бы постоянное и неослабное наблюдение за ними (китайцами и корейцами – Е.Н.)»: при Владивостокском городском полицейском управлении: двух старших и 4 младших надсмотрщиков; при Хабаровском городском полицейском управлении: одного старшего и двух младших надсмотрщиков; при Николаевском городском полицейском управлении: одного старшего надсмотрщика; при Южно-Уссурийском Окружном полицейском управлении: старших надсмотрщиков – восемь; младших – 1; при начальнике Козловского участка Уссурийского казачьего войска – 1 старшего надсмотрщика (381). Годовую оплату предлагалось установить старшим надсмотрщикам не менее 900 руб., младшим по 360 руб. (382). Кроме того, признавалось необходимым иметь во Владивостоке помощника полицмейстера для заведования китайским населением (383).

Целесообразность введения института надсмотрщиков вызвала сомнения в аппарате Приамурского генерал-губернатора.

Правитель канцелярии в сопроводительной записке отмечал: «Такого расхода не было ни в одной из прежних смет, но за то в тех сметах испрашивались ассигнования на рассыльных из китайцев при полицейских надзирателях, какового требования в рассматриваемый проект не включено. Из этого следует заключить, что расход на рассыльных не нужен и испрашивался ранее не основательно. Но за сим подобное же заключение Министерства и Государственный Совет вправе будут сделать и относительно расхода на особых надсмотрщиков. Действительно, разве полицейские чины не являются надсмотрщиками над китайским населением? Если нужно специальных надсмотрщиков для китайцев, то понадобятся таковые и для ссыльного населения. Итак у нас слишком много разных полиций: го-

родская, окружная, портовая, железнодорожная, жандармская, горная. Неудобство излишней специализации полиции заключается в том, что при этом возможны случаи, что некоторые нарушения закона благополучно проскальзывают между теми гранями, в которые поставлена деятельность каждой отдельной полиции. Жандарм знает свою полосу отчуждения, китайский надсмотрщик станет наблюдать только за китайцами, а обыкновенный городской будет считать, что до китайского населения ему нет дела». В связи с этим, по мнению правителя канцелярии, необходимо учреждение низших органов окружной полиции – полицейских урядников, «... эти чины могут надзирать с не меньшим успехом, чем чины, которым будет присвоено наименование надсмотрщиков над китайским населением, а между тем преимущество урядников в том, что они вместе с тем станут надзирать и за другими нарушителями порядка и безопасности» (384). В конечном итоге из-за отсутствия финансирования и в связи с отсутствием поддержки у высшей администрации предложения Н.М. Чичагова воплощены в жизнь не были.

А в центре тем временем искали эффективные пути, усиливавшие русское присутствие на Дальнем Востоке. 8 декабря 1899 г. на заседании Комитета Сибирской железной дороги при обсуждении вопроса об образовании переселенческих участков в Уссурийском крае, император высказал мнение, что в целях упрочения оплота русских против волны желтой расы необходимо принять меры для увеличения запаса земель для водворения русских крестьян (385).

В русле такого подхода в конце 1899 – начале 1900 гг. во Владивостоке и Благовещенске работали комиссии с участием представителей местной промышленности и торговли, образованные по приказу и. о. Приамурского генерал-губернатора А.С. Беневского. Эти комиссии рассмотрели вопрос о мерах ограничения наплыва желтой расы, а также об условиях дальнейшего обложения китайцев и корейцев сборами после 17 мая 1901 г. (срока окончания очередной пролонгации указа от 17 мая 1888 г.).

Владивостокская комиссия пришла к выводу о том, «что китайцы и корейцы нужны в Приморской области для строительных и сельскохозяйственных работ. Крупные китайские торговцы полезны в смысле усиления конкуренции. Мелкие торговцы из китайцев в среде инородческого населения безусловно нежелательны» (386). Владивостокская комиссия предложила ряд мер, среди которых: ограничение общей численности китайцев, проживавших в области более полугода, 35 тысячами человек, запрещение доступа в край нищим, калекам, малолетним, старикам, а также лицам, не имевшим определенных занятий.

Комиссия подтверждала необходимость выборки годовых русских билетов, но, по ее мнению, имело смысл поднять их стоимость до 8 руб. для

китайцев и до 4 руб. для корейцев. Военному губернатору предоставлялось право высылки за границу указанных категорий иностранцев, «пробывание которых в пределах области найдет почему-либо вредным». Китайцам запрещалось проживание в местах расположения инородцев, и требовалось особое разрешение губернатора для поселения на государственных, городских, казачьих и общественных землях, постройки на них домов и промышленных предприятий, разработки (...) под посевы, а также для занятия сенокосением, выпасом скота, охотой, рыбной ловлей. добычей полезных ископаемых и подобными промыслами. Аренда земли разрешалась не более чем на 5 лет.

Проектировалось выделить участки во Владивостоке, Николаевске, Хабаровске и Никольск-Уссурийском для поселения китайских подданных, на которых они должны были строить дома для жилья, торговые и промышленные заведения с соблюдением Строительного Устава. Тем же, кто уже имел в городах дома, запрещалось пускать к себе на жительство родственников и квартирантов, а также открывать для них, вне особо отведенных кварталов, номера, меблированные комнаты, постоянные дворы и ночлежные приюты.

В заключение комиссия приходила к выводу, что в данный момент китайцы и корейцы необходимы, но с ростом русского населения дальнейший наплыв китайцев может оказаться вредным (387).

Ознакомившись с результатами работы комиссии, А.С. Беневский в целом одобрил проектируемые меры, выразив сомнение в целесообразности создания постоянного ограниченного контингента китайцев в крае (388).

На основании результатов работы комиссий создан пакет документов, касающийся изменения порядка выдачи паспортов, владения имуществом, права заниматься торговлей, а также создания особых кварталов для китайцев и корейцев, проживавших в городах. Тем не менее, комиссии признали китайских и корейских рабочих необходимым элементом экономики края, за неимением достаточного количества русских (389).

Вопрос о целесообразности присутствия корейцев и китайцев в Амурской области затронут комиссией под председательством пограничного комиссара, занимавшейся подготовкой проекта постановления о размере взимания сборов с корейцев и китайцев (отчет о ее деятельности датирован январем 1900 г.). В целом комиссия признала выходцев из Азии полезным и желательным элементом для области. В связи с этим члены комиссии выразили мнение об отсутствии оснований для принятия ограничительных мер, но было признано необходимым принять меры по «регулированию и упорядочиванию» желтого потока (390). В феврале-марте того же года для принятия окончательного решения по этому вопросу было

проведено особое совещание под председательством вице-губернатора Амурской области С.Н. Таскина. В работе совещания приняли участие пограничный комиссар, благовещенский полицмейстер, городской голова, представители крупных торговых фирм, золотопромышленники. Совещание, придя к тем же выводам, что и комиссия под руководством пограничного комиссара, пошло несколько дальше, предложив ввести полугодовые билеты и снизить плату за оформление китайцами необходимых русских документов (391).

В 1900 г. исправлявший дела приамурского генерал-губернатора А.С. Беневский, исполняя высочайше утвержденное 22 марта 1899 г. мнение Государственного Совета, представил в Санкт-Петербург проект постановления, касавшегося ограничения наплыва в край китайцев и корейцев и общих условий пребывания их в Приамурье.

Согласно проекта китайским и корейским подданным дозволялось проживание в крае с разрешения губернаторов по годичным и полугодичным билетам. Предусматривалось введение особого сбора, размер которого предполагалось корректировать раз в три года. Вводился запрет на ряд профессий: китайцы не могли служить на пароходах в качестве капитанов, механиков, лоцманов и кочегаров, кроме того, их численность не могла превышать 25 % от числа всей команды. Для открытия торговых заведений китайцам требовались специальные разрешения. С целью прекращения эксплуатации коренных жителей края, сынам Поднебесной запрещалось появление в их стойбищах. Под влиянием зарубежного иммиграционного законодательства был включен пункт, запрещающий появление в крае нищим, калекам, т. е. лицам, не способным прокормить себя. За различные проступки предусматривалась высылка за границу. Особое внимание в проекте уделялось необходимости строительства китайских кварталов с соблюдением правил Строительного Устава (392).

Проект обсуждался в министерствах финансов, внутренних, иностранных дел, земледелия и государственных имуществ, а также в других ведомствах, дополнялся и изменялся генерал-губернатором. Он не вызвал возражений у министров земледелия и государственных имуществ, путей сообщения, военном министерстве, но наткнулся на противодействие министра финансов. И.П. Шипов писал 9 марта 1902 г. В.И. Михневичу: «я вполне понимаю взгляд, усматривающий опасность для нашей окраины в наплыве китайцев и корейцев..., но не думаю, чтобы мероприятия, проектируемые А.С. Беневским, могли устранить значительно эту опасность. (...) Наша политическая цель не должна и не может заключаться в ограждении наших владений от Китая китайской стеною. Нам необходимо подчинить своему экономическому и культурному воздействию те элементы китайского и корейского населения, которые (...) будут проникать в

наши пределы» (393). Не останавливаясь детально «на способах осуществления такой задачи», резюмировалось: «ни в данное время, ни в течение ближайших лет не может явиться необходимости в каких-либо мерах для ограничения наплыва в наши пределы корейцев и китайцев. Есть даже полное основание опасаться, что проектируемые генералом А.С. Беневским постановления будут иметь (...) вредные для Приамурья последствия» (394).

В связи с образованием на Дальнем Востоке наместничества, рассмотрение дела было приостановлено, а сам проект передан наместнику на Дальнем Востоке Е.И. Алексееву. Некоторые меры, предусмотренные проектом, осуществились в рабочем порядке – в 1902 г. император разрешил создание китайских кварталов в городах Приамурья, в том же году Приамурский генерал-губернатор предоставил право военным губернаторам высылать в административном порядке китайцев, чье пребывание в области «они найдут почему-либо вредным» (395).

В 1901-1902 гг. приморская администрация приходит к мысли о необходимости издания в области газеты (листка объявлений) на китайском языке. Это было связано с тем, что численность китайцев в области, не владевших русским языком достигла несколько десятков тысяч, «для ознакомления их с распоряжениями администрации, для проведения в их среду каких-либо сведений ... и для сближения с русскими» признавалось в высшей степени полезным «иметь печатный орган на китайском языке» (396). Ситуация выгодно отличалась от середины XIX в., когда Н.В. Буссе собирался издавать газету «Друг маньчжур», надеясь, что профессора и студенты Восточного института во Владивостоке могут оказать квалифицированную помощь. Директор Восточного института Г.В. Подставин рекомендовал назначить редактором газеты и.д. профессора А.В. Рудакова. Была просчитана и смета. Листок объявлений на русском и китайском языках выходивший с периодичностью два раза в месяц обошелся бы администрации в 4992 руб. в год (397). Однако по ряду причин, и в первую очередь финансовых, эта идея не была воплощена в жизнь (398).

События русско-японской войны оттеснили на второй план необходимость решения «китайского вопроса» в Приамурье, и лишь с 1907 г. наблюдается активизация законотворческой деятельности в этом направлении. Поражение в войне, необходимость укрепления дальневосточных границ, нестабильность международных отношений в регионе требовали надежной связи окраины и метрополии. Мероприятия по улучшению обороны Приамурского края обсуждались на четырёх заседаниях Совета Государственной обороны в феврале 1907 г.

В ходе обсуждения была выдвинута идея постройки Амурской железн

ной дороги. В мае 1907 г. Совет Министров принял решение строить эту дорогу «в порядке казенного железнодорожного строительства», а в 1908 г. проект ее строительства утвердила Дума. П.А. Столыпин в речи, произнесенной в Государственной Думе 31 марта 1908 г., подчеркнул, что «Амурская железная дорога должна строиться русскими руками ... Эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они выдвинутся в край и выдвинут вместе с тем туда Россию» (399). На заседании Думы 1 апреля 1908 г. представители партии октябристов внесли предложение о сооружении железной дороги исключительно русским трудом.

Принятие Государственной Думой этого предложения положило прочное начало борьбе с «желтой опасностью» на официальном уровне. Однако в данном случае нельзя говорить о расовой дискриминации. В этом документе, как и в ряде других, отражен принцип ограничения прав для всех иностранцев (400). Пожалуй, одним из немногих документов, в котором экономическая дискриминация по расовому признаку возведена в ранг закона являлись «Правила о порядке образования и эксплуатации казенных оброчных статей в Приамурском генерал-губернаторстве», которые запрещали арендатору на снятом участке пользоваться для сельскохозяйственных работ трудом иностранцев, «а также состоящих в русском подданстве лиц желтой расы» (1911 г.).

В 1907 г. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер предложил военным губернаторам Приморской и Амурской областей обсудить и изложить свои соображения по вопросу об изменении правил, существовавших в Приамурском крае для китайцев и корейцев. Совещания, прошедшие во Владивостоке в октябре 1907 г. – марте 1908 г., утвердив порядок выдачи русских билетов и размер сборов, пришли к выводу, что на разрабатываемые правила следовало смотреть как на одно из самых существенных средств к возможности ограничения иммиграции. По мнению участников совещания, при обсуждении вопросов, следовало руководствоваться основным правилом: «наша русская окраина на Дальнем Востоке должна прежде всего служить нашим русским интересам» (401). Коснувшись проблемы улучшения контроля, совещанием признавалось полезным введение должностей особых надсмотрщиков за этой группой населения, как предлагалось еще в 1902 г. комиссией, работавшей под началом военного губернатора Приморской области, но вновь из-за финансовых ограничений было рекомендовано лишь расширить круг административных учреждений и должностных лиц, осуществлявших надзор за китайцами (402). При этом военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг отметил недостаточность штатов полиции для этих целей (403).

Один из возможных вариантов решения этой проблемы участники совещания увидели в восстановлении в городах области китайских и корей-

ских общественных управлений, призванных облегчить коммуникацию проживавших в области китайских подданных с представителями областной администрации, а также способствовать надзору и ведению точной регистрации китайцев и корейцев. Немаловажную роль играло и то, что при помощи обществ планировалось изыскивать средства на удовлетворение потребностей тех же китайских подданных.

За воссоздание китайских обществ высказался председательствовавший военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг. Начальник Южно-Уссурийского уезда Кессельман, отсутствовавший на заседании 13 ноября, изложил свое мнение в особой записке. В ней отмечалось, что китайско-корейские общества в той форме, в которой они существовали в XIX в., не нужны и даже вредны, так как внутренняя жизнь этих обществ была скрыта от русской администрации. Вместо этого он предлагал на уровне уезда учредить должности инородческих старшин, а также разрешить китайцам выбор десятников. По его мысли инородческие старшины являлись бы помощниками волостных старшин, разбирая дела нерусского населения. Особое внимание он уделял тому, что прием посетителей и разбор дел инородческий старшина должен был проводить в волостном правлении.

Если общество не имело средств на найм инородческого старшины, то жалование ему должна была выплачивать русская администрация из сумм, поступающих от продажи китайцам русских билетов.

Выслушав разные предложения, участники совещания не пришли к единому мнению и продолжили обсуждение этого вопроса 28 ноября 1907 г. Всесторонне рассмотрев проблему, совещание наметило следующие подходы: каждая из общин (корейская и китайская) должна иметь свое отдельное общество, в общества могли входить торговцы и промышленники, проживавшие в данном пункте не менее одного года; периодически находящихся на территории области (в течение двух лет) арендаторы квартир и домов; рабочие, постоянно проживавшие не менее двух лет (404). Представители всех перечисленных выше категорий должны были иметь русские билеты и уплачивать установленные законом налоги. Образование китайских и корейских обществ было признано желательным в городах и других торгово-промышленных центрах, но среди земледельческого населения подобные общества не допускались. Администрация оставляла за собой право самостоятельно образовывать китайские и корейские общества там, где будет сочтено необходимым, даже без ходатайства населения. Совещанием были подробно обсуждены и выработаны права и обязанности общества в целом, а также его руководителей. Отдельным пунктом зафиксирован запрет на рассмотрение обществом дел «о личных обидах, имущественных ущербах китайцев и корейцев, а также о проступках

и преступлений таких лиц». Подобные дела должны рассматриваться на общем для всех оснований в установленных судебных местах (405).

Кроме того, совещание высказалось за учреждение при областном правлении особого пятого отделения, которое ведало бы исключительно китайскими и корейскими делами.

На основании представленных материалов был составлен проект, декларировавший в качестве цели уменьшение дальнейшего наплыва китайских и корейских подданных в русские пределы.

Переход границы разрешался в специально обозначенных местах. На территорию Российской империи не допускались больные хроническими и заразными заболеваниями, увечные, престарелые, малолетние, т.е. лица, не способные к труду. Проживание китайских и корейских мигрантов было возможно лишь при условии получения русского билета. Проект предусматривал обязательную выборку непосредственно при переходе границы русских годичных билетов не только мужчинами, но и женщинами, а также детьми старше 10 лет. Стоимость билета оставалась прежней – 5 руб. (60 коп. гербовый сбор, 3 руб. 90 коп. – налог на основе ст. 344 Учр. Сиб., 50 коп. – на паспорт), дети в возрасте от 10 до 15 лет платили половину от этой суммы. Купцы, торговавшие в крае, имевшие промысловые свидетельства 1 и 2 разряда, уплачивали лишь гербовый сбор и сбор на паспорт. За несвоевременное получение и отсутствие билета предполагался штраф. Предусматривалось наказание за передачу билета другим лицам. Губернатору предоставлялось право административной высылки за границу безбилетных и «вредных» китайцев и корейцев. Местным жителям, казенным и общественным учреждениям запрещалось пользоваться услугами и пускать на жительство китайцев, имевших просроченный билет, либо не имевших такового (406).

Надзор за проживавшими в крае китайскими и корейскими подданными и выборкой ими билетов возлагался на городскую и уездную полицию. В пределах крестьянских волостей исполнение этих функций предписывалось волостным правлениям и должностным лицам волостных и сельских общественных правлений, на золотых приисках – чинам горно-полицейской стражи, на территории Амурского и Уссурийского казачьих войск участковым начальникам, в станицах и поселках – станичным (поселковым) атаманам, на лесных промыслах – лесной страже.

В июне 1908 г. предложенный П.Ф. Унтербергером проект рассматривался первоначально межведомственным совещанием при МВД, образованным по указанию Совета Министров, а 8 августа 1908 г. одобрен императором. Действие закона распространялось, кроме Приамурского края, и на Забайкальскую область, при этом Иркутскому и Приамурскому генерал-губернаторам предоставлялось право снижать и увеличивать сбор за

билеты, но не более 10 руб. (407). Однако Государственная Дума признала меры, разработанные Унтербергером, недостаточными для ограничения китайской и корейской иммиграции, считая необходимым применение более решительных мер с распространением их на всех иностранных подданных.

28 октября 1908 г. председателем Совета Министров П.А. Столыпиным, сохранившим за собой пост министра внутренних дел, внесен в Думу законопроект № 22431 «О мерах против наплыва в Приамурский край китайцев и корейцев», предусматривавший ряд мер по предотвращению уклонения указанных иностранцев от сборов, а также издание ограничительных правил, введение новых административных, полицейских и врачебных должностей. Кроме того, предполагалось изучение экономического положения арендаторов для дальнейшей выработки решения о замене китайцев и корейцев – иностранных подданных русскими. Китайцы признавались меньшей опасностью для края, чем корейцы (408). При обсуждении проекта финансовая комиссия Государственной Думы, оставаясь на позициях экономической борьбы с иммиграцией, предложила запретить сдачу казенных земель для поселения лицам иностранного подданства, сдачу земель в аренду, выполнение казенных подрядов иностранными рабочими, использование иностранных рабочих на работах казенного управления. Министерство внутренних дел и военное ведомство сочли эту меру преждевременной, так как на местах можно было найти только 10 % от необходимого числа рабочих.

Противоречивость мнений членов Думы в значительной мере объясняется отсутствием единой концепции развития региона, несовпадением позиций различных ведомств, противоречивостью интересов центральной и местной буржуазии, отсутствием точных данных о численности в Приамурье китайцев и корейцев, и об объеме вложенных ими в экономику края капиталов (409). Одобренное 2 июня 1909 г. Государственной Думой предложение финансовой комиссии было 19 декабря отклонено Государственным Советом (410). При вторичном рассмотрении Дума оставила его практически без существенных изменений.

В период обсуждения этого законопроекта известный дальневосточный купец и промышленник С.Д. Меркулов подготовил записку (1909 г.), с основными положениями которой ознакомились П.А. Столыпин, Е.Д. Львов, Вишняков, А.М. Николаенко. В записке С.Д. Меркулов высказывал сомнения, что меры, изложенные в законопроекте по ограничению наплыва в Приамурский край представителей желтой расы, достигнут цели. Он считал, что нужно бороться не с китайцами, а с теми факторами, которые делают китайский труд более дешевым – запретить им работу в русские праздники, проживание в палатках и шалашах, приход на

работу в полуобнаженном виде, разрешить китайские опиумокурильни, игорные дома, обложенный акцизом ввоз ханшина (411).

Важным для понимания хода обсуждения этого вопроса явился проект особого журнала комитета по заселению Дальнего Востока № 10 «О мерах борьбы против наплыва в Приамурский край желтой расы» (апрель 1910 г.).

В проекте отмечалось, что и законодательные, и общеадминистративные мероприятия, направленные против китайских и корейских арендаторов и рабочих, приемлемы лишь постольку, поскольку они приложимы к рабочим других национальностей. Наиболее целесообразным путем к разрешению «желтого вопроса» являлось бы издание общего иммиграционного закона, действию которого подчинялись бы определенные разряды иностранцев, без различия в подданстве. Однако в силу того, что для его разработки требовалось длительное время, предлагалось принять законопроект, регламентирующий условия пропуска в Приамурский край черно-рабочих-иностранцев. Все проектировавшиеся мероприятия можно разделить на 2 части: а) требовавшие законодательных санкций, б) прини-мавшиеся в порядке общего управления.

К законодательным мерам относилось запрещение сдачи в аренду иностранцам каких бы то ни было земель из состава отведенных поселенцам или казакам наделов (в том числе для сельскохозяйственной обработки), введение определенной квоты иностранных рабочих, занятых в частных предприятиях Дальнего Востока.

К мерам, принимаемым в порядке общего управления, относились: прекращение сдачи казенных земель в аренду иностранным подданным, сдача земли в аренду русским при письменном обязательстве не прибегать к помощи труда желтых, приостановка продажи земли в частные руки, запрет допуска иностранных рабочих на казенные работы, выборка при вырубке казенного леса обязательств о проведении работ русским трудом. В документе отмечалось, что все вышеперечисленные мероприятия, направленные на борьбу с желтым трудом, выполнимы при усилении полицейского надзора за этими группами населения. В связи с этим вопрос о необходимости расширения полицейских штатов в Приамурье включен министром внутренних дел в законопроекты, внесенные на рассмотрение в Государственную Думу, о введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степного и Приамурского края и об усилении полиции в крупных городах Приамурья (412). В целом приоритет отдавался мерам второго порядка, но и им необходим был законодательный фундамент. «Опасность мирного завоевания края чужестранцами» требовала принятия конкретных мер (413).

21 июня 1910 г. император утвердил «Закон об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц,

состоящих в иностранном подданстве» (414). Однако закон, регламентируя экономическую сторону пребывания китайцев и корейцев на Дальнем Востоке, совершенно не коснулся условий их допуска в русские пределы и проживания в России. Тем не менее, в том же году русские власти усилили борьбу с китайской нелегальной деятельностью в Уссурийском крае: были образованы новые лесничества, усилена лесная стража, стали проводиться частые проверки китайского населения, а безбилетные регулярно высылаться за границу (415). По свидетельству В.К. Арсеньева эта борьба дала определенные результаты. Он отмечал, что «многие китайцы земледельцы оставили свои заимки и отправились на родину. С уходом последних и зверовщики стали оставлять «дуй фанзы» в тайге и уходить за границу» (416).

Закон от 21 июня 1910 г. «имел рьяного, чрезмерного исполнителя в лице Н.Л. Гондатти», сменившего в начале 1911 г. П.Ф. Унтербергера на посту Приамурского генерал-губернатора (417). Н.Л. Гондатти был сторонником политики «Дальний Восток для русских». В 1908 г. он изложил свою программу развития Дальнего Востока, которая включала в себя заселение края в первую очередь русскими переселенцами, принятие мер по недопущению в край иностранцев, особенно желтой расы, которые не должны иметь права приобретать и арендовать землю. С вступлением на пост Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти стал последовательно осуществлять свою программу, всемерно поддерживая политику центрального правительства, направленную на ликвидацию иностранного присутствия в крае. Тем не менее, на встрече с представителями городского китайского общества, состоявшейся 14 марта 1911 г., т.е. вскоре после приезда Н.Л. Гондатти во Владивосток, генерал-губернатор заявил, «что он не против китайцев вообще, не хочет и не думает высылать всех без разбора. Но край слишком наводнен дурными элементами китайцев: праздношатающиеся, опиумокурильщики, банковщики, хунхузы и другие общественно-негодные группы лиц. Вот зло, к искоренению которого уже преступлено» (418).

Одним из наиболее эффективных методов «очистки края» признавалось экономическое воздействие на нежелательных мигрантов. Уже в июне 1911 г. по ходатайству генерал-губернатора увеличен сбор с китайцев и корейцев с 5 руб. (4 руб. 10 коп. – налог в казну, 30 коп – канцелярские расходы, 60 коп. – гербовый сбор) до 5 руб. 15 коп.

На фоне подготовки ограничительных мер особняком стоят проекты, продолжающие ставить вопрос о необходимости улучшения контроля за уже прибывшими в Россию китайцами.

В 1908 и 1909 гг. чиновником I департамента МИДа Л. Богословским подготовлены записки «по поводу предположенных мероприятий, направ-

ленных к ограничению наплыва желтых в Приамурье». В записке 1909 г. он отмечал, что государственной властью на Дальнем Востоке предлагаются две меры для уменьшения численности китайских мигрантов – увеличение суммы паспортного сбора до 10 руб. и усиление штатов полиции. По мнению автора записки, первая мера как фактор сдерживания наплыва мигрантов не работала, а лишь вызывала правонарушения (обмен паспортами среди китайцев, отсутствие русских билетов и т.д.). Не одобрял Богословский и решительные антикитайские меры, однако, как и в записке 1908 г., считал необходимым проведение мероприятий, упорядочивавших жизнь китайцев на русском Дальнем Востоке. Среди таких мер он называл установление в отношении китайцев санитарно-гигиенических правил и требование их соблюдения, улучшение системы регистрации китайцев в целях взимания городских сборов. В пунктах отправления, в консульствах он предлагал вывешивать объявления об условиях жизни китайцев в России. Консульства должны были изменить порядок визирования паспортов таким образом, чтобы паспорт соответствовал личности. Л. Богословский считал необходимым и применение закона, согласно которому китайцы, не имевшие права собственности на землю, должны освободить ее.

В целом же решение желтого вопроса Л. Богословский видел не в применении одних лишь ограничительных и запретительных мер, но в разработке плана колонизации далекой окраины, благодаря которому здесь прочно утвердится русское государство

В 1911-1912 гг. в связи с Синьхайской революцией число китайцев, устремившихся в Приамурье, возросло (см. график 1), но здесь уже действовал закон, запрещавший использование «желтого труда» как в сельском хозяйстве, так и на казенных работах, поэтому многим мигрантам была уготована участь безработных или хунхузов. В связи с этим Н.Л. Гондатти принимает ряд мер, затрудняющий переход границы. В апреле 1912 г. он изменяет пункт 4 паспортных правил, позволявший китайцам получать русский вид на жительство в течение 1 месяца, и обязывает выбирать его тотчас же по прибытии в Россию.

Эти меры вызывают ответную реакцию – китайский поверенный в делах обратился к министру иностранных дел с просьбой об отсрочке изменений, изданных Н.Л. Гондатти (419). Однако Н.Л. Гондатти не считал возможным «не только отменить, но даже видоизменить свое обязательное постановление относительно срока выборки китайцами видов на жительство» (420), мотивируя это решение тем, что за месяц, в течение которого необходимо выбрать русские виды на жительство, китайцы расходились по всему краю, вовсе уклоняясь от выборки билетов. Оставил без удовлетворения генерал-губернатор и просьбу китайского консула во Владивостоке о нераспространении этого порядка на транзитных пассажиров.

В связи с тем, что зачастую под видом приграничных жителей в Россию попадали жители внутренних областей, с 1 июля 1912 г. генерал-губернатор ввел и новые правила перехода границы для «порубежных» жителей, вызвавшие многочисленные протесты китайской стороны. Согласно этим правилам, китайские подданные, проживавшие на правом берегу Амура, должны были выбирать так называемые малые билеты, уплачивая при получении гербовый сбор (75 коп.). Эти билеты являлись разовыми, действовали в течение трех дней и в 50 верстной приграничной полосе. Лица, задержанные с просроченными билетами и за пределами указанной территории, считались безбилетными. До введения этих изменений китайские власти выдавали своим подданным трехдневные билеты, никакими сборами не оплачивавшиеся, такой же порядок существовал и для русских подданных. Чиновники и торговцы, прибывавшие из отдаленных пунктов, обязаны были получать особые большие свидетельства (421).

Введение правил ударило в первую очередь по китайцам, приходившим на заработки или имевшим торговлю в Благовещенске. Уже 3 июля нововведение было оценено по достоинству, как китайскими рабочими, так администрацией. Утром 4 июля в Айгуне проведено заседание купечества, администрации, представителей других слоев общества, в ходе которого было решено: провести бойкот русским товарам, ввозимым на китайский берег, прекратить вывоз в Благовещенск овощей и других съестных припасов, следить, чтобы на расстоянии 30 верст от Сахалиня не прогонялся скот и не провозились овощи, выбрать делегатов и отправить их в разные пункты по Амуру, Сунгари, поручив им вести пропаганду вышеуказанных мер (422).

Вероятно, эти решения рождались при активной помощи администрации, имевшей указания из Пекина, т.к. бойкот не был выгоден китайским торговцам, ибо уже 5 июля в Сахалине зафиксированы столкновения между полицейскими и продавцами овощей, пытавшимися переправиться на русский берег.

Неодобрительно высказалась об этих правилах и комиссия, созданная военным губернатором, которая указала, что их применение затрагивает не только китайцев, но и экономические интересы русских приграничных районов.

Позиция Н.Л. Гондатти не находила поддержки и в российском МИДе. Министр иностранных дел в секретном письме В.Н. Коковцеву сообщал, что он отказывается стать на точку зрения шталмейстера Н.Л. Гондатти, «который по-видимому считает, что всякое ограничение прав, которое прямо не запрещено соответствующим договором, может быть применено к иностранным подданным (...) Он видимо забывает при этом о возможности такого же отношения к нашим подданным со стороны иностранных

Правительств, о возможности для них прибегнуть к репрессиям и о политических осложнениях» (423). Кроме того, он отмечал, что в деле ограничения труда китайских рабочих мы идем по стопам других европейских государств, и Китай не может принять адекватных мер, т.к. русских рабочих там нет, но дело ограничения торговли может принять весьма опасный, с политической точки зрения, оборот. Однако неудовольствие улеглось, и в 1914 г. Н.Л. Гондатти счел возможным увеличить срок пребывания по малым билетам до 5 дней.

Несмотря на те сложности, которыми сопровождалось введение правил для порубежных жителей, объективно они представляли собой льготное исключение из общего порядка пропуска иностранцев в Россию.

Ряд изменений был внесен и в процесс регистрации китайцев в Приамурском генерал-губернаторстве. 25 февраля 1911 г., вскоре после вступления в должность генерал-губернатора, Н.Л. Гондатти издал обязательное для Благовещенска, Владивостока, Николаевска, Никольска-Уссурийского, Хабаровска постановление. Этим документом запрещалось «кому бы то ни было иметь у себя в качестве прислуги, низших служащих и домашних рабочих китайцев без личных наемных книжек» (424). Форма личных наемных книжек устанавливались городскими полицейскими управлениями самостоятельно. Единственное общее требование – наличие фотографии. Ответственность за выполнение постановления возлагалась на тех, кто пользовался китайской наемной рабочей силой. За отступление от буквы закона предусматривались: пятисотрублевый штраф или трехмесячное заключение (425). Год спустя система регистрации китайцев подверглась усовершенствованию. В марте 1912 г. было решено применять фотографирование ко всем китайцам, проживавшим в Амурской области (426), а согласно обязательному постановлению приамурского генерал-губернатора № 20 от 12 апреля 1912 г., все наниматели китайской прислуги и домашних рабочих, проживавшие в черте городской оседлости городов Владивостока, Благовещенска, Хабаровска, Никольск-Уссурийского, Николаевска и Зеи должны были проверять национальный паспорт, русский билет, наемную книжку. На местах для фактической регистрации и выдачи личных наемных книжек учреждались особые Бюро по регистрации китайцев (427). Их права и обязанности были точно определены инструкцией Заведующим Бюро утвержденной генерал-губернатором лишь 20 марта 1915 г. (428).

Право самостоятельного определения формы личной книжки и порядка регистрации китайцев по прежнему предоставлялось городским полицейским управлениям. Суммы, вырученные от продажи книжек, зачислялись в депозиты полицейских управлений и должны были расходоваться на нужды регистрации китайцев и усиление штатов полицейских учреждений (429).

Действительно, в каждой области был разработан собственный тип личной наемной книжки. Различалась и сумма сбора, взимаемая при ее выдаче. Например, в Амурской области сбор составлял 75 коп., в Сахалинской и Приморской по 1 руб., при этом фотографии представлялись лицами, подлежащими регистрации. Однако со временем порядок личного предоставления фотографий признали неудачным, и ввели фотографию при городских полицейских управлениях. В связи с этим стоимость книжки (с двумя фотографиями) возросла: в Амурской области взималось по 1 руб. 75 коп., в Сахалинской по 2 руб. 50 коп., в Приморской по 1 руб. 50 коп. (430).

В 1914 г. проведенная комплексная проверка выявила, что зачастую суммы, полученные от продажи книжек, расходуются не по назначению: на премии, дополнительные выплаты чиновникам и т.п. В связи с этим в 1915 г. генерал-губернатор изменил порядок регистрации китайцев и расходования регистрационных сумм. 20 марта 1915 г. он утвердил особую инструкцию для заведующих Бюро по регистрации китайцев, в которой строго определялся порядок регистрации, отчетность по расходованию личных книжек. Согласно этой инструкции, в городах Приамурского генерал-губернаторства, на которые распространялось действие п. 4 разд. I обязательного постановления от 12 апреля 1912 г. № 20, каждый китаец, попадавший под действие данного пункта, кроме национального паспорта, русского билета, должен еще иметь личную книжку установленной формы. Той же инструкцией устанавливалась новая форма книжки причем, особо оговаривалось, что все книжки должны печататься в типографии генерал-губернатора. Одновременно унифицировали и размер сбора – во всех городах края взималось по 2 руб. 75 коп. за книжку и фотографии. Изменения коснулись и порядка распоряжения средствами: первоначально они зачислялись на специальные депозиты Приамурского генерал-губернатора, а затем расходовались согласно представленным и утвержденным в начале года сметам Бюро.

Введение личных книжек значительно удорожало стоимость пребывания китайцев в России (русский билет 5 руб. 40 коп., визирование паспорта 30 коп., личная книжка 2 руб. 75 коп.). Иногда эта сумма возрастала за счет принудительных сборов. Внезапная проверка Благовещенского бюро в июне 1915 г. установила, что китайцы вносили на 1 руб. 10 копеек больше, нежели указывалось в квитанции. Заведующий бюро Желинский, кстати, ранее, занимавший должность помощника пристава 4 участка, объяснил, что это добровольные пожертвования на военный воздушный флот (1 рубль), Красный Крест и приют «Ясли» (10 копеек). Как позже выяснилось, регистрировавшиеся в этой конторе китайские торговцы и чернорабочие даже не догадывались, что выступают в роли благотворителей и

меценатов (431). Не менее интересно, что деньги в фонды перечислялись по подписным листам полицмейстера города Н.А. Баранова (502 руб.), пристава 2 участка В.А. Грудинского (505 руб.) содержателя гостиницы «Кувшиновское подворье» (507 руб.). Все они получили золотые нагрудные знаки, выдаваемые лицам, пожертвовавшим не менее 500 руб. (432).

Многие пришедшие на заработки китайцы стремились либо вообще проигнорировать распоряжение русских властей о личных книжках, либо пытались использовать одну и ту же книжку многократно. В приграничных районах Китая можно было по дешевке купить русские документы. В многочисленных китайских фотографиях в Сахалияне за умеренную плату всегда можно было сделать новый снимок, вклеить его в документы, подделав необходимые знаки. Этот вид бизнеса приобрел широкое распространение с начала 1915 г. (433).

Тем не менее, через Бюро по регистрации проходило значительное количество человек. Так, Благовещенским Бюро в течение 1912 г. зарегистрировало 8117 человек, 1913 г. – 14323, в том числе 1182 приисковых рабочих, в 1914 г. – 9941 человека, в 1915 г. было выдано 9459 книжек и продано китайцам и корейцам 13989 русских билетов (434). Хабаровское Бюро к 15 сентября 1915 г. зарегистрировало 10083 человека и планировало к концу года увеличить эту цифру до 12000 человек (435). Бюро в Никольск-Уссурийском выдавало в среднем около 2000 книжек в год (436). Значительно меньшими были объемы в Николаевске – за 1915 г. личные книжки получили 596 китайцев (437).

Несмотря на негативное отношение к нововведению китайских консульских представителей, опыт выдачи личных наемных книжек был признан удачным. Даже при ликвидации дел Приамурского генерал-губернаторства в 1917 г. комиссар Временного Правительства по делам Дальнего Востока, член Государственной Думы А.Н. Русанов выразил согласие не изменять сложившиеся формы паспортного и регистрационного дела, а передать их в ведение областных комиссаров.

Политика, проводимая Н.Л. Гондатти в отношении китайцев, а точнее и отношении применения китайского труда расколола дальневосточное общество на два лагеря.

Среди сторонников проводимого местной администрацией курса был уже упоминавшийся С.Д. Меркулов. В 1912 г. он опубликовал в Петербурге работу «Русское дело на Дальнем Востоке», развивавшую идеи, изложенные в записке 1909 г. Автор связывал возможность надежного закрепления Россией края с успешной колонизацией: «нельзя делать русское дело на Дальнем Востоке, не околонизовав окраины русскими трудовыми массами» (438). Далее предлагался комплекс мероприятий, способствующих созданию постоянного контингента русского населе-

ния: помощь переселенцам, запрещение использования желтого труда на казенных предприятиях; разрешение русским принимать в компаньоны иностранцев; улучшение транспортных артерий; принятие мер, направленных на уменьшение выгодности китайского труда (запрещение работать в христианские праздники, обложение налогом китайских квартир, опекурилен, игорных домов; надзор за соблюдением китайцами санитарных условий) (439).

А.В. Спицын, редактор газеты «Юань дун бао», издававшейся для китайцев в Харбине, в январе 1913 г. писал Н.Л. Гондатти о своевременности борьбы с «желтым засильем». Это письмо интересно тем, что помимо общих фраз о необходимости освобождения «окраины от господства в ней желтых во всех отраслях ее хозяйственной и экономической жизни», в нем предлагалась «стройная, строго продуманная и планомерная система» действий в отношении выходцев из Восточной Азии (440). Для выработки и проведения мероприятий «по борьбе с желтыми», а также осуществления общего надзора за проживающими в крае иностранцами предлагалось создать специальные органы. Для этой цели могли бы подойти уже существовавшие пограничные комиссарства, но в реформированном виде. Спектр вопросов, которые предстояло решать комиссарствам, был чрезвычайно широк: объединение деятельности всех ведомств, причастных «к борьбе с желтыми в крае»; сбор материалов по «желтому вопросу»; выработка новых и надзор за выполнением старых мер «стеснения и ограничения желтых»; учет и регистрация корейцев и китайцев; изучение политических настроений; борьба с преступностью и пороками среди китайцев и корейцев.

Для объединения деятельности комиссарств признавалось целесообразным создание при генерал-губернаторе канцелярии по желтому вопросу и надзору за иностранцами. Возглавить канцелярию поручалось чиновнику по желтому вопросу при генерал-губернаторе. В его обязанности включалась обработка, систематизация сведений по желтому вопросу, выработка инструкций, общий надзор за деятельностью комиссарств, а также анализ военного, экономического, политического развития соседних стран – Китая, Маньчжурии и Кореи (441). Несмотря на то, что комплекс мер, предложенный в записке, не был реализован, показателен сам факт возникновения идеи создания в структуре управления приамурского генерал-губернаторства специального подразделения, предназначенного для планомерной работы с китайскими и корейскими мигрантами.

Однако далеко не все разделяли те позиции, на которых стояла местная администрация. Точку зрения ее противников четко сформулировал редактор газеты «Дальний Восток» В.А. Панов, считавший, что применение труда китайцев необходимо и выгодно для русского Дальнего Востока. Они.

получая русские деньги, оставляли плоды своего труда (сооружения, дороги, обработанные почвы, продукты промышленного производства), таким образом, происходил равноценный обмен.

Широкое применение китайского труда фактически во всех отраслях производства не могло не отражаться на настроениях предпринимателей, не считавших наплыв китайцев опасным, и рассматривавших ситуацию с позиций экономической эффективности использования «желтого труда».

Наиболее ярко несогласие части дальневосточной буржуазии с новой политикой администрации края проявились в конфликте между Владивостокским Биржевым Комитетом, возглавлявшимся А.А. Масленниковым, и Приамурским генерал-губернатором. В январе 1913 г. А.А. Масленников представил комитету два доклада: «О критическом положении торгово-промышленных дел на Дальнем Востоке» и «Желтый труд в промышленности на Дальнем Востоке». В них автор констатирует наличие в крае «экономического погрома», возникшего по вине правительства и банков. Первое запретило иностранный каботаж и ограничило применение «желтого труда», вторые – сократили кредитные операции.

29 января и 5 февраля 1913 г. от имени членов биржевого комитета Председателю совета Министров и министру торговли и промышленности были посланы телеграммы, сообщавшие о тяжелом финансово-экономическом и торгово-промышленном состоянии края, назывались причины кризиса и предсказывалось скорое банкротство всему русскому делу в крае. В начале марта того же года биржевой комитет отправляет записку Председателю Совета Министров и министру торговли и промышленности, которая дополняет и раскрывает содержание телеграмм, отосланных ранее. «Экономический кризис» в крае рисуется следующим образом: «из портфелей банков опротестовано минимум 50 % векселей, получение по которым безнадежно, при этом протесты продолжают из дня в день. Целый ряд имуществ переходит банкам (один Русско-Азиатский банк получил имуществ на 2,5 млн. руб.). Ряд лиц, имевших здоровые промыслы и предприятия в менее благоприятное время, оказались разоренными и выброшенными из дел. Произошел полный погром, экономическая катастрофа, едва ли, где и когда-либо наблюдавшаяся» (442). По мнению автора записки, такое положение дел обусловлено: крайне неудачной ломкой экономического строя жизни края; нерегулярными расчетами казны со своими контрагентами; сокращением банками активных операций при отсутствии нормального кредита. Для нормализации экономической жизни края Биржевой комитет считал необходимым: учредить правительственный торгово-промышленный банк с независимым капиталом для обслуживания нужд края; допустить желтый труд во всех областях его применения там, где по условиям жизни труд русских рабочих или слишком дорог,

или отсутствует; предоставить желтому торгующему купечеству права одинаковые с правами японцев и прочих иностранцев в области; разрешить использование иностранного каботажа, при условии перевозки промышленных грузов не менее 300 тонн; обеспечить своевременное открытие кредитов на казенное строительство. В конце записки выражалась надежда на то, что критическое положение края будет срочно рассмотрено и разрешено правительством.

Таким образом, политика, неуклонно проводимая местной администрацией в жизнь, коренным образом меняла условия хозяйствования для предпринимателей, сложившиеся за пятьдесят лет предыдущего развития. Владивостокский биржевой комитет попытался выступить в качестве защитника интересов дальневосточных предпринимателей. Время, когда были посланы телеграммы и записка, были выбраны не случайно. В этот период Н.Л. Гондатти находился в Петербурге. Вполне возможно, что обращение через голову Гондатти было решающей попыткой повлиять на правительство и, тем самым заставить Приамурского генерал-губернатора изменить курс. Однако Совет Министров признал возможным передать эти материалы на рассмотрение МеждудеPARTMENTовенному Совещанию по делам Дальнего Востока под руководством шталмейстера Н.Л. Гондатти, образованному постановлением Совета Министров от 7 февраля 1913 г.

Целью этого совещания, работавшего с 20 марта по 1 мая 1913 г., была выработка мероприятий, содействовавших удовлетворению торгово-промышленных нужд. Главным условием принятия решений было недопущение изменений в действовавших на Дальнем Востоке ограничениях на использование желтого труда (закон от 21 июня 1910 г.) или иностранного каботажа, ни, тем более, общего пересмотра этих положений.

На заседании 9 апреля 1913 г. обсуждались вопросы, связанные с изданием общего иммиграционного закона для областей Дальнего Востока, а также с запрещением иностранцам пребывать в районе Амурской железной дороги. Отмечалась острая необходимость в иммиграционном законе, т.к. «наплыв иноземцев недопустим не только по экономическим основаниям, но по политическим» (443). Совещание постановило поручить МВД подготовку законопроекта о запрещении нахождения иностранных подданных в указанном районе (444). Проект был подготовлен и представлен членам совещания. Согласно документу, иностранные подданные не имели права прибывать в район, тяготеющий к Амурской железной дороге, определяемый территорией площади, ограниченной рр. Шилкой, Амуром и линией, идущей на 50 верст выше от полосы дороги в пределах Забайкальской, Амурской и Приморской областями. Присутствие иностранцев допускалось только при наличии специального разрешения, выданного русскими властями. За организацию «привоза или эмиграции» ино-

странных подданных устанавливался солидный штраф – 500 руб. плюс по 50 руб. за каждого человека.

Касаясь общих вопросов об условиях въезда иностранцев на Дальний Восток, совещание пришло к выводу о необходимости установить надзор за их вселением и проживанием в пределах Приамурского генерал-губернаторства; Иркутской, Забайкальской, Якутской областей Иркутского генерал-губернаторства. Для этого предлагалось ввести новые должности полицейских чинов, врачей, фельдшеров при канцеляриях военных губернаторов Амурской и Забайкальской областей, Иркутского губернского правления, Приморского и Якутского областных правлений. В целом совещание одобрило правила об условиях вселения в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства, разработанные МВД.

В целом совещание подтвердило продолжение проводимого Приамурским генерал-губернатором курса. Однако и после этого решения Биржевой комитет не прекратил популяризировать идею «кризиса». Для членов Государственной Думы Н.В. Некрасова, Ф.И. Родичева, А.Н. Русанова и члена Государственного Совета Денисова были сделаны доклады о кризисе (445).

Однако противники позиции А.А. Масленникова и биржевого комитета принимали контршаги. Еще до отправления комитетом записки во Владивостоке, с разрешения начальства, 10 февраля состоялось совещание выборных мещанского общества, собрания приказчиков, членов биржевой коммерческой артели, первой Владивостокской ломовой артели, Общества взаимного мелкого кредита, Владивостокского Морского общества, общественных деятелей, лиц свободной профессии, хозяев мелочной торговли, ремесленников – всего собралось свыше 700 человек. Собрание выразило протест против деятельности Биржевого комитета и постановило донести об этом до сведения Председателя Совета Министров, Министра торговли и промышленности и Приамурского генерал-губернатора. В телеграмме в частности говорилось: «... биржевой комитет, состоящий преимущественно из иностранцев и крупных промышленников, которым интересы своего кармана дороже интересов нашей родины, а нужды трудящегося класса совершенно чужды. Биржевой комитет до сих пор всегда шел против всякого русского начинания, направленного на пользу края. Не сделав ничего для поддержания русского дела, он спешит погубить его, когда оно начало заметно развиваться. Край стал похож на русскую землю, но желтые при поддержке биржевого комитета, укрепились, и невозможно стало русским людям одолеть их, для этого нужна поддержка правительства» (446). Ту же точку зрения высказал и Н.Л. Гондатти. В письме С.П. Тимашеву он писал: «В выступлениях своих Масленников проявил

себя всецело проникнутым не любовью к родине, русскому делу, а исключительно узко материалистическими соображениями выгод и невыгод в данный период времени того класса, к которому он сам принадлежит» (447). Кроме обвинений А.А. Масленникова в корысти, пытались разыграть и еврейскую карту в его отношении. Было проведено расследование с целью установления – не еврей ли Масленников. Но результаты оказались отрицательными (448). Таким образом, обсуждение вопроса о кризисе сместилось из экономической плоскости в политическую. Ситуация усложнилась после того, как 13, 17, 20 и 22 ноября прошли совещания представителей банков, которые заявили об отсутствии кризиса в крае. «В 1912 – 1913 гг. наблюдались денежные затруднения и неплатежи в отдельных непрочных и слабых предприятиях» (449). Этой же точки зрения придерживался и генерал-губернатор: «Кризиса в крае нет, ... ощущается лишь потребность в свободной наличности, в широком доступном кредите» (450). Таким образом, все силы, против политики которых была направлена критика Биржевого комитета, (администрация, банки) заявили об отсутствии в крае кризиса. Вскоре разразился скандал в самом Владивостокском биржевом комитете, закончившийся отставкой А.А. Масленникова.

В общественном мнении утвердилось положение, высказанное Дюковым 23 марта 1914 г. в докладе об обложении пошлиной маньчжурского зерна: «Три года назад, когда правительство в лице Главного Начальника края, решило предоставить русский край для русских, дать широкую дорогу русским рабочим, сельскохозяйственным предпринимателям, эти господа, под руководством бывшего Председателя Биржевого Комитета Масленникова, состоявшего иностранным консулом и редактором газеты «Дальний Восток», напрягали все усилия на защиту иностранных рабочих, преимущественно китайцев, в ущерб жизненным интересам русского рабочего и экономическому развитию края. На русского человека, на русского рабочего Владивостокским Биржевым Комитетом возводились невероятные обвинения на страницах газеты «Дальний Восток» (451).

Курс на ограничение «желтого труда» продолжился. В апреле 1914 г. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти в письме № 202 на имя председателя Совета Министров И.Л. Горемыкина поставил вопрос, переданный на рассмотрение Комитета по заселению Дальнего Востока, о принятии мер к ограничению наплыва китайцев в пределы Западной Сибири и Европейской России. Мотивируя свою инициативу, он писал: «За время моего управления Приамурским краем (...) я пришел к твердому убеждению, что китайская эмиграция, высасывающая государственные и народные средства, ничего, кроме вреда не приносит. [Китайские подданные – Е.Н.] благодаря чисто своим расовым особенностям и принципам смотрят на многие вопросы совершенно иначе, чем русские и вообще ев-

ропейцы, они во время своего пребывания в наших пределах являются элементом в высшей степени незакономерным, совершающим самые тяжчайшие преступления, и затем источником всевозможных инфекционных болезней» (452). Копия письма была разослана во все заинтересованные ведомства, мнения министров разделились. Министры иностранных дел С.Д. Сазонов, торговли и промышленности С.И. Тимашев не поддержали позицию Н.Л. Гондатти, министр внутренних дел В.А. Маклаков и главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин разделили точку зрения Приамурского генерал-губернатора (453).

После обсуждения письма Комитетом по заселению Дальнего Востока летом 1914 г. было принято решение о несвоевременности каких-либо ограничений. Спустя год после этих событий в близкой к мидовским кругам газете «Новое время», появился открытый ответ МИДа на письмо Н.Л. Гондатти, содержащий критику позиции Приамурского генерал-губернатора.

В 1914 г. министром внутренних дел внесен в Государственную Думу проект «Об условиях вселения и проживания иностранных подданных в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства». Основная его цель – запрещение доступа к ним неимущих и неработоспособных иностранцев. Проект предусматривал обязательную покупку русских билетов азиатскими мигрантами. Стоимость проектировавшихся годовых билетов возросла до 10 руб. Подтверждалась возможность пересечения границы только в определенных пунктах перехода и при наличии визы. Новшеством, заимствованным из зарубежного иммиграционного законодательства, являлся денежный минимум, который каждый иностранец должен был иметь при себе (по 50 руб. плюс по 20 руб. на каждого члена семьи). Для прекращения использования дешевого труда безбилетных китайцев и корейцев предполагалось ввести штраф с нарушителей (по 100 руб. с человека) (454). Однако ряд статей вызвал возражения МИДа, и проект был отозван из Думы (455).

Начавшаяся Первая мировая война кардинальным образом изменила ситуацию на дальневосточном рынке труда. В связи с этим 21 июля 1914 г. Совет Министров постановил министерству внутренних дел «безотлагательно озаботиться временным, до окончания войны, приостановлением действия ст. 3 отдела 2 Высочайше утвержденного 21 июня 1910 г. закона об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства, Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве». При этом к казенным работам предполагалось привлекать в первую очередь корейцев, затем китайцев, и лишь в крайнем случае японцев (456).

С другой стороны, Первая Мировая война заставила по-новому взгля-

нуть на внутреннюю безопасность края. В первую очередь опасения вызвали подданные государств непосредственных противников – Германии и Австро-Венгрии. Однако и присутствие значительной массы мигрантов из стран Восточной Азии давало повод для известного беспокойства. Нельзя сказать, что опасения были безосновательными. Так, в 1915 г. помощник военного агента в Китае полковник В.В. Блонский сообщал в штаб крепости Владивосток о деятельности созданной в Китае организации «Гун-вей-туань». Инициаторами ее создания стали немцы. Позволим себе процитировать значительный фрагмент из инструкции, подготовленной этой организацией. «Всем известны истинно дружественные отношения между Китаем и Германией, с давних пор. Всем известна лояльность германских купцов, соблюдение ими существующих в Китае законов и добрые справедливые отношения к китайскому населению. Со времени вторжения русских в Маньчжурию и занятия японцами Ляодунского полуострова и пограничья русскими и японскими властями китайских правительственных властей – Германия не может оставаться в стороне. Если Китай пожелает организовать свои живые силы, Германия не пожалеет материальных средств на расходы и содержание личного состава, лишь бы поддержать Китай и помочь ему в затруднении. С этой же целью наше правительство приказало посланнику в Пекине назначить хорошо знакомого с делами Китая господина Му-линь-цзинь во главе организации «Гун-вей-туань» (Общество нерушимой охраны)». (457). В качестве целей, ради которой создавалась организация – декларировались: поддержка Восточной Азии, объединение китайцев, удаление из Китая России и Японии, причинение России «как можно больше вреда, пользуясь тем, что она занята войной в Европе». Организацией планировались и осуществлялись конкретные мероприятия не только на территории Маньчжурии, но и в пределах русского Дальнего Востока. Так, для «организации интриг против русских, внушения взаимного недоверия между русскими во Владивостоке, Хабаровске и вообще в пределах русского Дальнего Востока» были приглашены хорошо владеющие русским языком корейцы Е Цию и Ли-Ко-Цекин. Кроме того, планировалось издание во Владивостоке антирусского журнала на корейском языке.

Значительное внимание уделялось диверсионной работе. В Сибирь был послан еврей На бэ-лэй для повреждения железной дороги. Двое шаньдунцев, Цзинь-Ван-и и Хэ-Мин-Цзюнь, командировались с подобной целью во Владивосток. Им поручалось минирование акватории порта. Тесные контакты были установлены с главарями хунхузов Гай Саньшенем, Кун – И-дэ, Тянь Ся-хао и другими, которым поручался грабеж русских поселков, разрушение военных учреждений.

Не забыта была и тактика подкупа. Китайцу Чжан Яо-саню, хорошо

накомому с Россией, выделялись крупные суммы денег на взятки русским чиновникам.

В инструкции излагались суммы вознаграждения за ту или иную операцию. Так, за сожжение интендантских складов, казарм, арсеналов предлагалось 30000 марок; за успешную пропаганду – 2000 марок и т.д. (458).

По сведениям, полученным русской разведкой, в Хабаровск должен был прибыть немец, переодетый китайцем и с китайским паспортом на имя Хэ-ерр-ва-тэ. Он занимался вербовкой китайцев в диверсионные отряды для действий в России. В 1915 г. общество выплатило от 10 до 30 тысяч марок за сожжение моста и интендантского склада на русской территории. По данным русских жандармов, пленные немцы поддерживали контакты с главарями хунхузов. Агенты полиции из Никольск-Уссурийского доносили, что в различных пунктах Приморской области образовывались шайки хунхузов для совершения нападений на территории России. Военнопленные славяне из австро-венгерской армии сообщали, что «после ухода войск хунхузы нападут на Никольское, Спасское, Иман, Раздольное и Благовещенск, разграбят города, освободят немцев, за это им заплачено» (459).

Российский консул в Гирине сообщал, что проживавший в том же городе немецкий коммерсант Ретгер (китайская фамилия Ли-дэ-ли) в конце 1916 г. отправился в Сансин в сопровождении китайских переводчиков и трех служащих для подготовки побега из Приамурья в Маньчжурию немецких военнопленных. Китайские власти выдали немецкому «коммерсманту» охранный лист для беспрепятственного передвижения и сопровождающих. Деньги на поездку были получены от германского консульства. Отправляясь в путешествие, Ретгер взял с собой 40 комплектов одежды для тех военнопленных, которым уже удалось бежать. Для реализации этого плана он командировал в Хабаровск и Владивосток агентов-китайцев, «на обязанности коих лежит оказание содействия к побегу находящимся в Приамурье военнопленным». По свидетельству военного губернатора Амурской области свою миссию Ретгер по всей видимости выполнил успешно, так как в начале 1917 г. увеличилось число удачных побегов на китайский берег по направлению к Лахасусу (устье Сунгари) и в У-юн-чун (поселение напротив станицы Иннокентьевской) (460).

Русской разведке удалось установить схему германской деятельности в Северном Китае. Штаб-квартира находилась в Мукдене, а центром, откуда осуществлялись указания, являлся Чанчунь. Антирусская деятельность осуществлялась по трем направлениям:

- 1) Диверсии на железных дорогах, уничтожение имущества, принадлежавшего Российскому государству.
- 2) антирусская агитация среди китайцев;
- 3) оказание побегов немецких военнопленных из России (461).

Следует напомнить, что в этот же период в Китае действовала крупная японская разведывательная организация «Восточно-Азиатское кооперативное общество» (То-а Киокай). В ее уставе отмечалось: «Хотя в продолжение августейшего и блестящего царствования нашего Микадо мы присоединили Формозу и Корею, но из этого ни в коем случае не следует заключать, что наше национальное благополучие достигло своего зенита и что мы должны быть довольными нашим настоящим положением. Наоборот, мы должны стремиться к тому, чтобы подчинить нашему влиянию весь азиатский континент. В делах, касающихся войны, дипломатии, торговли и колонизации, мы должны занять настолько прочное положение, чтобы не иметь себе равных противников, только тогда японская нация может быть вполне удовлетворенной». Для достижения поставленных целей все японцы, состоявшие на действительной службе или в запасе, разведчики и другие лица, находившиеся за границей, знакомые с местным положением и языком, считались членами общества (462). Русская администрация имела многочисленные свидетельства о шпионской деятельности японских обществ в Приамурье.

Получала полиция и сведения о том, что приехавшие из Китая пропагандисты на собраниях в Хабаровске заявляли: «Настало время и для китайцев отомстить за обиды... вы думаете, что живете на русской территории. – Нет, Хабаровск есть китайская земля» (463).

Усложнение международной обстановки, необходимость обеспечения надзора за иммигрантами привели к тому, что в ряде населенных пунктов края вводятся должности стражников для наблюдения за китайским и корейским населением. В 1915 г. в Хабаровском уезде этим занималось три человека: наблюдающий за китайским и корейским населением И.А. Иваненко, старший стражник – Г.И. Пеньков, младший стражник – К. Толмачев (464). Удалось установить, что подобная должность существовала и в с. Николо-Александровском.

В 1915 г. военный губернатор Приморской области А.Д. Сташевский предложил ряд мер, способствовавших повышению эффективности борьбы с хунхузами, в том числе: перестроить корейские селения по образцу русских, с более компактной постановкой домов; запретить китайцам и корейцам селиться в отдельно стоящих фанзах. Разумеется, в разгар войны в бюджете не было средств на столь масштабные преобразования, но Приамурский генерал-губернатор счел возможным частичную реализацию предложенных мер (465). 21 августа 1915 г. свет увидело обязательное постановление № 5 следующего содержания:

«На основании правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, определяю:

- 1) Воспретить китайцам и корейцам устраивать свои жилища вне населенных мест, без особого на это моего в каждом отдельном случае разрешения.

- 2) Виновные в нарушении настоящего обязательного постановления подвергаются административным порядком штрафу до 3000 рублей или тюремному заключению сроком до трех месяцев.
- 3) Действие настоящего постановления распространяется на все приамурское генерал-губернаторство и вступает в силу со дня опубликования.
- 4) Наложение взысканий за нарушение изложенного постановления предоставляется военным губернаторам Приморской и Амурской областей и губернаторам камчатскому и сахалинскому.

Приамурский генерал-губернатор Н. Гондатти» (466).

Однако уже полгода спустя, в феврале 1916 г. Н.Л. Гондатти давал разъяснения, что эти ограничения не касаются фанз, сооруженных до выхода постановления. Он доводил до сведения приморского губернатора, «что в виду исключительного положения, вызванного обстоятельствами войны, мною не предполагается отменить данные разрешения относительно пользования желтым трудом на сельскохозяйственных работах, вследствие чего и существующие фанзы могут остаться пока на старых местах до особого моего на этот предмет указания» (467).

Тяготы, вызванные войной, ярко высветили противоречие, назревавшее в последние годы – понимание нежелательности допущения (по политическим соображениям) массовой миграции китайцев в Россию, при экономической заинтересованности в дешевом «желтом труде». В 1914–1915 гг. заказы на доставку партий китайских рабочих поступали не только от казенных предприятий, но и от частных лиц. Так, князь Абамелек-Шагарев хотел привести на Урал для добычи каменного угля 3000 китайцев, Бирбратор планировал использовать китайских углекопов в Донцком бассейне (468). Расширялась и география применения желтого труда: к традиционному Дальнему Востоку добавлялись и центральные регионы страны. Тем не менее, 21 апреля 1915 г. увидело свет постановление Совета министров о нежелательности допущения китайцев за предел меридиана Волги (469), но при этом 30 июля 1915 г. Совет министров распорядился об отмене паспортных ограничений для китайцев.

Однако рабочих рук в Империи явно не хватает. В марте 1915 г. Харбинский биржевой комитет прислал телеграмму о желании комитета взять на себя посредничество по доставке китайских рабочих на рудники и заводы. (470). В августе 1915 г. управляющий МВД рассылает губернаторам, градоначальникам и начальникам областей письмо, в котором констатирует, что на заводах юга России ощущается недостаток в железной руде, т.к. на рудниках отсутствует необходимое количество рабочих. В связи

с этим признается целесообразным использование труда военнопленных и представителей желтой расы.

«Временно признано необходимым, до особого распоряжения, допустить беспрепятственный пропуск в пределы империи тех китайских подданных, а также корейцев, кои приглашены на работы в наших металлургических, либо каменноугольных предприятиях, при условии предъявления этими лицами своих национальных паспортов, снабженных визою наших консульских установлений, а равно сведений на какой именно завод и на какие именно рудники лицо это приглашено. Никакие иные паспортные формальности, установленные в отношении китайцев и корейцев действующими законами или распоряжениями местных властей, не исключая и обязанности обменивать документы, по коим они пропущены внутрь Империи, на русские билеты, для упомянутых категорий не обязательны» (471).

В марте 1916 г. Совет Министров распорядился паспортные льготы, предоставленные китайцам и корейцам постановлениями Совета министров от 30 июля 1915 г. и 3 ноября 1915 г., впредь распространять только на организованные группы рабочих, имевшие во главе ответственное лицо, известное российским консульствам.

Подверглись детальной регламентации правила следования по территории Российской империи. Надзор за наймом рабочих, справочная, посредническая деятельность, а также сам найм, если он совершался по запросу правительственных учреждений и земских управ, возлагался на справочные бюро во Владивостоке и в Хабаровске, а также на агентства этих бюро в Харбине и на станции Маньчжурия.

На границе национальные паспорта должны были отбираться и высылаться по месту работы, а старосте партии планировалось выдавать одно проходное свидетельство с указанием имен членов партии и места назначения. После санитарного осмотра поезд формировался таким образом, чтобы в нем группировались партии, отправлявшиеся в один район. Каждый поезд сопровождался агентами бюро до конечной станции. Перевозку, медицинскую помощь, питание оплачивал наниматель. На месте приписки партия сдавалась заказчику. Обратный путь закончившие работы контрактники должны были проделать по такой же схеме, и так же организовано покинуть пределы страны. По-прежнему оставались территориальные ограничения в применении желтого труда. Труд китайцев и корейцев допускался – на восток – начиная от района о. Байкал к западу и на запад от правого берега Волги к востоку, с изъятием района 25-верстной полосы по обе стороны Сибирской магистрали и Троицкой дороги. В этом районе разрешалось использовать «желтый труд» в металлургии, горной промышленности, на механических и железодельных предприятиях, а равно на сельхозработах и на работах по ведомству путей сообщения (472).

Правила применения в империи труда рабочих желтой расы изменились Особыми журналами Совета Министров от 5 августа и 6 сентября 1916 г. (473). Теперь их труд допускался в местностях к западу от о. Байкал, за исключением района военных действий. Организация и надзор за наймом возлагались на управление КВЖД. Рабочие, нанятые этим управлением, имели льготы: освобождались от выборки русских паспортов; перевозились особыми вагонами по тарифу 4 класса; обеспечивались бесплатным питанием, медицинской помощью. Однако управление КВЖД занималось контрактацией крупных партий рабочих – не менее 1000 человек и срок вербовки не меньше 9 месяцев (474).

В 1916 г. на различного рода работы в Российскую Империю (по КВЖД) было отправлено 49272 китайца, из них 15656 человек использовались в Полевом строительном управлении, 7674 человека трудились на строительстве Мурманской железной дороги, 1821 человек – на строительстве Северной железной дороги (475).

Размах вербовки вызвал неудовольствие Пекина. В 1916 г. российский посланник сообщал, что китайское правительство отрицательно относится к вербовке Россией китайских рабочих и по мере возможности мешает деятельности русских агентов. На эту позицию оказали влияние несколько факторов. Во-первых, получили огласку злоупотребления подрядчиков в России. Во-вторых, китайцы уезжали слишком далеко, прерывались связи с родиной, чего не было при миграции в приграничный Приамурский край. В-третьих, китайское правительство не хотело осложнять отношения с Германией, ибо исход войны был не ясен, а Германия неоднократно являла протесты по этому поводу. В китайской прессе неоднократно публиковались недружественные по отношению к России статьи. В кантонской газете «Шимянь жибао» (4.10.1915 г.) была напечатана статья «Странный слух о найме Россией китайских кули для сражений на фронте». Автор сообщал, что, после того как немцы заняли Варшаву, боевые силы России сильно уменьшились. Далее он констатировал, что в Ляодуне появился слух, будто бы русское правительство послало агентов в Чифу, Мукден, Инкоу, Чаньчунь, Кайюань, Телин, Гунчжулин, Харбин, Владивосток, на Амур и в другие места, чтобы нанять 100000 китайских кули под видом рабочих для рудников, но на самом деле, чтобы отправить их сражаться на фронте. Кроме того, ему стало известно, что немецкий посланник в Пекине получил телеграмму от своего правительства о том, что германскими войсками на русском фронте задержано 13000 кули, вооруженных японским оружием (476). Подобные публикации не были редкостью.

В конце концов, осенью 1916 г. депутат китайского парламента Хуан Чжэнсу сделал запрос правительству по вопросу о найме русскими китайских рабочих. Правительство, ведшее до этого с Россией переговоры о

неприменении китайцев в работах, имеющих военное значение, решило выбрать из учившихся в России студентов двоих наиболее дельных и поручить им сбор сведений о положении китайских рабочих (477).

А в ноябре 1916 г. Совет Министров обсуждал проект с названием, подчеркивавшим политику дальневосточных администраторов, проводившуюся в последние десятилетия – «О мерах к усилению притока рабочих желтой расы» (478).

В нем, в частности, говорилось: «В связи с войной, в различных отраслях отечественной промышленности обнаружился ныне недостаток в рабочих руках, особенно остро ощущаемый в горнопромышленных предприятиях и на постройках железной дороги. В тоже время, почти совершенно прекратился приток в Россию рабочих китайцев». Основную причину видели в чинимых китайскими властями препятствиях – отказе в выдаче отъезжающим национальных паспортов, без которых невозможен был въезд в Россию, а также в циркулировавших в Китае слухах, о невыносимом положении китайцев в России. Совет министров посчитал возможным согласиться с предложением, выработанным междуведомственным совещанием под председательством товарища правления общества КВЖД А.Н. Вентцеля, о необходимости разрешения пропуска китайских рабочих не только по национальным паспортам, но и на основании особых выдаваемых российскими консульствами свидетельств. Кроме того, признано было полезным оказать содействие в осмотре членами китайской миссии в Петербурге мест проживания китайских рабочих. В марте 1917 г. Временное правительство подтвердило свою готовность оказывать содействие китайскому посланнику в деле ознакомления с условиями жизни его земляков. В мае 1917 г. китайский посланник командировал на Московскую-Виндаво-Рыбинскую железную дорогу комиссию во главе с секретарем китайской миссии Ли-чжэ-чжуном и атташе Ли Юй-хуа для ознакомления с положением рабочих. На месте изучив суть проблем с которыми сталкивались китайцы в России, комиссия обратилась с предложением создать Временный комитет. В его компетенцию должно было входить: определением норм труда и обеспечение медицинской помощью; производство расследований в отношении подрядчиков, нанимавших рабочих и не производивших никаких расчетов за труд; надзор за соблюдением запрета истязаний и самосуда подрядчиков над рабочими (479).

7 сентября 1917 г. президент Китайской Республики распорядился о создании Управления по заведованию делами рабочих за границей (Цяо-гун ши-ву-цзюй).

Подводя итог политике в отношении китайской миграции в Россию в последней четверти XIX – начале XX вв., можно отметить, что в Российской империи вплоть до Первой мировой войны миграция из Китая при-

знавалась нежелательной, при этом отсутствовала четкая система ее ограничения. Вплоть до Первой мировой войны так и не был создан общеимперский иммиграционный закон. В результате отсутствовала правовая база, определявшая единое разрешение ситуаций на территории всего государства. Инициаторами принятия законов, регулировавших или ограничивавших количество китайских иммигрантов в приграничных районах, почти всегда выступали местные власти. Однако необходимо отметить отсутствие единых методов реализации политического курса среди Приамурских генерал-губернаторов. При общей декларации нежелательности присутствия китайцев в России ими избирались различные стратегии. Так, А.Н. Корф, наряду с введением экономических ограничений, все же делал попытки наладить русскую систему управления этим населением. Сменивший его С.М. Духовской взял курс на хотя бы временное заселение пустынного края выходцами из Азии для развития в крае экономической жизни, предполагая впоследствии либо вытеснить их русским трудом, либо принять меры к быстрейшему обрусению. Эта политика вызвала значительный приток в край китайцев и корейцев. Если в 1881 г. число китайцев в Приморской и Амурской областях составляло 15228 человек, то перепись 1897 г. учла только в Приморской области 30281 китайцев (480). При этом он ликвидировал введенную А.Н. Корфом систему управления китайским населением в городах и подчинил их общему полицейскому надзору, что привело к фактической утрате возможности контроля над этой группой населения. С приходом на пост генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера линия на сокращение желтого труда стала доминирующей, но он считал корейцев более неблагоприятным элементом, чем китайцев, так как последние не стремились осесть на землю. Политика усиления контроля над китайцами и вытеснение их с российского Дальнего Востока свое законченное выражение получила при последнем приамурском генерал-губернаторе Н.Л. Гондатти. Абсолютное большинство мер носило характер экономических ограничений, хотя ситуация на рынке труда не позволяла отказаться от китайской рабочей силы. Однако попытки Н.Л. Гондатти по проведению систематической политики ограничения роста численности китайского населения на Дальнем Востоке были нарушены Первой мировой войной.

При анализе исторического материала, начиная с 80-х гг. XIX в. все яснее просматривается противоречие, препятствовавшее динамичному развитию данного региона – политические приоритеты империи и экономические потребности края зачастую лежали в разных плоскостях. С точки зрения сохранения целостности государства, успешной инкорпорации этой территории в политическое пространство империи, в условиях слабости и отдаленности центров власти, при малейшей дестабилизации международного положения присутствие многотысячной группы иностран-

ранцев представляло реально угрозой. Экономическое развитие края помимо прочих факторов обуславливалось наличием достаточного количества рабочей силы, необходимой как частному предпринимательству, так и государственным структурам (военному, морскому ведомствам и т.д.). При отсутствии (в необходимых объемах) и дороговизне русского труда, «желтый труд» естественным образом заполнял возникавшую лакуну. Возникал парадокс – китаец признавался не желательным элементом, а дешевый китайский труд был экономически выгоден и потому широко применяем. Зачастую представители Военного ведомства, поддерживавшие меры по ограничению применения «желтого труда», понимавшие их государственное значение, выступали инициаторами найма на строительные работы китайцев, в порядке исключения и в качестве временной меры, затягивавшейся на годы.

Большим вопросом на протяжении всего периода оставался контроль над условиями пребывания китайцев в России. Мы можем констатировать, что после А.Н. Корфа никем из представителей русской администрации не делалось попыток введения комплексной системы управления китайским населением, а все усилия были сконцентрированы на организации системы контроля, учета, надзора.

Литература

1. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1976. – С. 93.
2. Троицкая Н.А. Формирование и деятельность крупной буржуазии на русском Дальнем Востоке. Дис. ... к. и. н. – Томск, 1989. – С. 36.
3. Алексеев А.И, Морозов Б.М. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в.- 1917 г.). М., 1989. – С. 12.
4. Алексеев А.И, Морозов Б.М. Освоение русского Дальнего ... – С. 12.
5. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 69 а, л. 7.
6. Алексеев А.И, Морозов Б.М. Освоение русского Дальнего ... – С. 12.
7. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 69 а, л. 19.
8. Нам С.Г. Российские корейцы: история и культура (1860-1925 гг.) М., 1998. С. 52
9. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. (Дальневосточный период). М., 1993. С. 76-77.
10. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 69 а, л. 131 об.
11. Алексеев А.И, Морозов Б.М. Освоение русского Дальнего ... – С. 12.
12. Рыбаковский Л.Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. М., 1965. С. 15.
13. Галлямова Л.И. Формирование рабочего класса на Дальнем Востоке России (1860-1917 гг.). Дис. ... к. и. н. Владивосток, 1980. – С. 16.
14. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 80 – 81.
15. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 32 об.
16. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339. л. 109-109 об.; АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2755, л. 124 об.
17. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 106.
18. АВПРИ. Ф.148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1086, л. 31-31 об.

19. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 32 об.
20. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 233, л. 71-73.
21. В 1908 г. на Пекинской улице во Владивостоке обнаружили подпольную фабрику по изготовлению фальшивых паспортов. И это был далеко не единственный случай. – См.: Приамурские ведомости. 1908. – № 1314. – С. 4.
22. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2755, л. 42 об.
23. Богословский Л. Крепость-город Владивосток и китайцы // Вестник Азии. 1913. – № 1. – С. 21-22.
24. РГИАДВ. Ф. 1. оп. 7, д. 128, л. 30-45.
25. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2755, л. 43.
26. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (к. XIX – н. XX вв.) Дис. ... к. и. н. Омск, 1998. – С. 126.
27. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 4 – 5.
28. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 539, л. 51, 53.
29. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 31.
30. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 11 об., 12, 23 об.
31. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 24 об. – 25.
32. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 27 – 28.
33. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 24 об. – 25.
34. В 1885 г. в г. Хабаровске, по инициативе приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа, состоялось совещание с участием руководства края, представителей различных ведомств, предпринимателей, получившее название Хабаровского съезда. Подобное совещание, прошедшее в 1886 г. получило название II Хабаровского съезда.
35. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 326.
36. А. С. Ш. На Хабаровском съезде // Восточное обозрение. 1886 – № 30. – С. 10.
37. Зимой 1885 г. приамурский генерал-губернатор отдал распоряжение о распространении натуральных повинностей, исполнявшихся до этого крестьянами и корейцами, на «китайцев, и всех лиц других сословий и национальностей, пользующихся земельными участками в одном с крестьянами районе». – См.: РГИАДВ. Ф. 1, оп. 5, д. 484, л. 1.
38. А. С. Ш. На Хабаровском съезде... – С. 10-11.
39. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, л. 158, л. 1.
40. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 770, л. 165.
41. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 9 об.-10.
42. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера-история. М., 1996. – С. 179.
43. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 32 – 32 об.
44. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 6.
45. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 4 – 4 об.
46. К сожалению, вслед за В.В. Граве в отечественной историографии утвердилось представление, что эти правила просуществовали не более года. Ряд исследователей повторяет его же вывод о том, что управляли общественными управлениями чиновники из Китая. – См.: Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). М., 1993. – С. 81.
47. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 53.
48. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 56 – 56 об.
49. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 21 – 21 об.
50. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 52.
51. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1317, л. 3 об., 6.

52. В связи с постоянным искажением китайских имен в русском делопроизводстве. остается предположить, что возможно Тань-ю, избранный в 1891 г. и Тан-юнджи Катчан, избиравшийся главою общества в 1892 и 1893 гг., является одним и тем же человеком.— См.: РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1317, л. 2; Марков В. Здравствуй, Владивосток! Владивосток, 1988. — С. 106.
53. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 71, л. 26 об.
54. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 71, л. 27.
55. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 50 — 50 об.
56. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 74 об.
57. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 21 об. — 22.
58. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 102-102 об.
59. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 479, л. 3 — 3 об.
60. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 751, л. 109.
61. Санкт – Петербургские ведомости.-1898 – № 41.
62. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 22.
63. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 479, л. 2 об.
64. Маркова Н.А. «Имею честь почтительно донести...» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск., 2003. — Т. 5 — С. 54.
65. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. февраль 1917 г.) — М., 1990. —Т. 2. — С. 252.
66. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. 19 — нач 20 вв.). Благовещенск, 2003. — С. 82.
67. Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в.-1917 г.). Хабаровск, 2001 — С. 240.
68. Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск, 1894. — С. 31.
69. Маркова Н.А. «Имею честь почтительно... — С. 55.
70. Кейзерлинг А. Воспоминания о русской службе. М., 2001. — С. 261.
71. Кириллов А. Географическо-статистический словарь — С. 31.
72. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999. — С. 97.
73. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 5, д. 231, л. 5, 6, 7.
74. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 5, д. 231, л. 18-18 об., 22.
75. История Дальнего Востока ... — С. 252.
76. Маркова Н.А. «Имею честь почтительно... — С. 55.
77. Маркова Н.А. «Имею честь почтительно... — С. 56.
78. Кейзерлинг А. Воспоминания о русской службе... — С. 263-264.
79. Хроленок С.Ф. Китайские и корейские отходники на золотых приисках русского Дальнего Востока (конец XIX — начало XX в.) // Восток.-1995. — № 6. — С. 71.
80. Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство... — С. 240.
81. Кириллов А. Географическо-статистический словарь... — С. 153; Тимофеев О.А. Желтугинские события и их влияние на отношения между пограничными властями России и Китая в первой половине 80-х гг. XIX в. // Из истории российско-китайских отношений. Благовещенск, 1999. — С. 34.
82. Шиндялова И.П. Приамурье как регион взаимодействия населения сопредельных государств: вторая половина XIX — начало XX вв. // Из истории российско-китайских отношений. Благовещенск, 1999. — С. 169; Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. — С. 23.

83. Кейзерлинг А. Воспоминания о русской службе... – С. 107, 112; Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. – С. 23.
84. Кириллов А. Географическо-статистический словарь... – С. 153; Тимофеев О.А. Желтугинские события и их ... – С. 34 – 35.
85. Кейзерлинг А. Воспоминания о русской службе... – С. 113; Тимофеев О.А. Желтугинские события и их ... – С. 35.
86. Тимофеев О.А. Желтугинские события и их ... – С. 34.
87. Тимофеев О.А. Желтугинские события и их... – С. 36.
88. Хроленок С.Ф. Китайские и корейские отходники... – С. 72.
89. Ромас А.А. Китайские рабочие-мигранты в Приамурском крае (60-е гг. 19 в.-1917 г.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. – Т. 2. – С. 26; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... – С. 84.
90. Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. – 1911 – № 12. – С.34.
91. Хроленок С.Ф. Китайские и корейские отходники ... – С. 72. США, столкнувшись с проблемой китайских старателей, а в 1870 г. в Калифорнии 57,3 % всех рудокопов составляли китайцы, также принимали ограничительные меры к этой группе населения. Первые дискриминационные меры экономического характера, запрещавшие китайцам заниматься разработкой полезных ископаемых были приняты в графствах Марипоза и Колумбия. В 1850 г., с принятием закона «О налоге с иностранных рудокопов», вводятся ограничения на уровне штата Калифорния. Согласно этому закону с «иностранных рудокопов» взималось по 3 доллара в месяц. Подобные законы издавались в 1853 и в 1855 гг. В 1855 г. в штате Калифорния принято решение о взимании 55 долларов денежного взноса с каждого китайца. – См. Бирюков В.И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М., 1983. – С. 11; Лайнгер С.Р. Из истории китайского эмиграционного движения середины XIX – начала XX веков. Дис. ... к.и.н. М., 1975. – С. 114.
92. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения... – С. 87.
93. Хроленок С.Ф. Китайские и корейские отходники... – С. 75, 77, 78.
94. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1097, л. 97.
95. Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах... – С. 37.
96. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. оп. 491, д. 2755, л. 21.
97. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. оп. 487, д. 1097, л. 98.
98. Алепко А.В. Китайцы в Амурской тайге // Россия и АТР.-1996. – № 1. – С. 83.
99. Алепко А.В. Китайцы в Амурской тайге ... – С. 83.
100. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 11; Алепко А.В. Труд китайских рабочих в освоении Приамурья в 1906–1914 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. – Т. 2. – С. 26.
101. Алепко А.В. Китайцы в Амурской тайге ... – С. 83.
102. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 750, л. 57 об.
103. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 750, л. 64.
104. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения ... – С. 267.
105. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1048, л. 3 – 4; Ф. 202. Вице-консульство в Айгуне, оп. 882, д. 3, л. 133-134.
106. Алепко А.В. Китайцы в Амурской тайге...С. 84.
107. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 3–3 об.
108. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 4.
109. Алепко А.В. Китайцы в Амурской тайге... – С. 85.
110. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 6 – 6 об.
111. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 6 об.

112. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 54.
113. Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в.-1917 г. Хабаровск. 2001 – С. 307.
114. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 67.
115. Алепко А.В. Китайцы в Амурской ... – С. 85.
116. Sigelbaum L. H. «Yellow Peril»: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. Vol. 12, part 2, April, 1978. – P. 325.
117. Южаков С.Н. Добровolec Петербург. СПб., 1894. – С. 28.
118. Матвеев Н. Владивосток в 60-х гг. // *Далекая окраина*. 1910 – № 927. – С. 2. По его же данным, изложенные С. Максимовым сведения о существовании в 8 верстах от Владивостока китайской деревни не подтверждаются старожилами.
119. Бурачек Е.С. Воспоминания замурского моряка... – С. 120.
120. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 4а, л. 2; д. 7, л. 45 об. – 46, 52.
121. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивосток. Владивосток. 1990. – С. 104; РГИАДВ Ф. 28, оп. 1, д. 15, л. 49.
122. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 15, л. 5, 11, 12, 16, 17, 18, 19. 25-26.
123. Происхождение названия «Миллионка» точно не выяснено. Одни считают, что оно связано с многочисленностью населения этих кварталов, другие с многомиллионными состояниями, циркулировавшими в нелегальном бизнесе, процветавшем там.
124. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 4, л. 76-76 об.
125. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 60, л. 36.
126. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 234, л. 126.
127. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 8.
128. Расчет сделан автором на основании «Списка всех обывателей г. Владивостока, имеющих недвижимую собственность во Владивостоке». РГИАДВ. Ф. 702. оп. 1. д. 1434. л. 39-92.
129. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1. д. 1434, л. 41, 47 об., 92.
130. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. оп. 487, д. 770, л. 14.
131. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 37.
132. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 234, л. 126-127.
133. Владивосток. Штрихи к портрету. Владивосток, 1985. – С.30 – 31.
134. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 4, д. 980, л. 7 об.
135. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 4, д. 980, л. 7 – 9.
136. Яворская Е.Д. Деятельность Владивостокского городского управления по регламентации проживания китайского населения (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Благовещенск, 2002. – Т. 3. – С. 362.
137. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 4, д. 980, л. 7 об.
138. Яворская Е.Д. Деятельность Владивостокского городского... – С. 362.
139. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 234, л. 96.
140. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 234, л. 4.
141. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 234, л. 8-10.
142. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 234, л. 92.
143. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 234, л. 92. 106-108.
144. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 234, л. 110.
145. Эпидемии азиатской холеры были зафиксированы на территории города и прилегающих к нему слободок в 1885, 1886, 1890, 1892, 1902, 1909 гг. натуральной оспы – в 1896 г. Эпидемиологическая обстановка в Северном Китае внушала опасения заноса чумы

146. РГИАДВ.Ф. 702, оп. 5, д. 380, л. 30 – 31.
147. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 234, л. 332.
148. Яворская Е.Д. Деятельность Владивостокского городского... – С. 363-364.
149. РГИАДВ.Ф. 702, оп. 5, д. 380, л. 30 – 31.
150. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 639, л. 4, 6.
151. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 639, л. 167.
152. Даже стороннему наблюдателю было видно, что Владивосток перенасыщен представителями властей различных уровней. Посланник России в Корею Г.А. Плансон, посетивший в 1906 г. Владивосток, писал: «Главное, что поражает во Владивостоке, это избытие властей». Из Хабаровска управляет краем Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, но его власть парализуется присутствием во Владивостоке (...) Андреева – «человека очень умного и симпатичного»; тут же есть комендант крепости – генерал Ирман, но «он бессилен что-то предпринять, потому что генерал Андреев тоже почему-то исполняет обязанности коменданта: кроме того, есть военный губернатор генерал В.Е. Флуг. человек исполненный добрых намерений, он прилагает все усилия к поднятию благосостояния и благоустройству города; развитию торговли, проведению и улучшению дорог и т.п.; но власть его в значительной степени парализована Думой, состоящей из самых революционных элементов и не признающих никаких властей и по-видимому никаких обязанностей, ибо улицы Владивостока почти непроходимы. Но и Дума очень стеснена тем обстоятельством, что часть города и порта совершенно изъята из ее ведения, ибо принадлежит Морскому ведомству, ревниво охраняющему там свою автономию». ГАРФ. Ф. 818, оп. 1, д. 164. л. 17 об.
153. РГИАДВ. Ф. 28. оп. 1, д. 377, ч. 1, л. 78; Яворская Е.Д. Деятельность Владивостокского городского... – С. 364.
154. ГАХК. Ф. П-44, оп. 1. д. 593. л. 43.
155. Далекая окраина.-1911.-12 марта – С. 2.
156. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. – С. 125.
157. Далекая окраина.-1911. – № 1123. – С. 4.
158. Далекая окраина.-1911. – № 1134. – С. 4.
159. Яворская Е.Д. Деятельность Владивостокского городского... – С. 364.
160. Далекая окраина.-1914. – № 2103. – С. 3. В состав комиссии входили: Б.М. Поляновский, А.В. Бабинцев, Н.Л. Белов, Ф.А. Вальден, М.Я. Кравец, Н.И. Кохановский, И.Е. Манаев, Н.И. Мильман, Ф.Е. Никиевич, А.А. Сызранский. – См.: РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 391. л. 68.
161. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 391, л. 70.
162. ГАПК. Ф. 530, оп. 1, д. 17. л. 192, 196.
163. Далекая окраина.-1914. – № 2130. – С. 4.
164. РГИАДВ. Ф. 159, оп. 1, д. 21, л. 44 об.
165. РГИАДВ. Ф. 159, оп. 1, д. 21, л. 44 об.
166. РГИАДВ. Ф.1. оп.5, д. 1126, л. 1.
167. Дальний Восток.-1895. – № 53. – С. 2.
168. РГИАДВ. Ф. 1. оп. 5, д. 1126, л. 28 – 28 об.
169. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 376, л. 3, 4, 10 об., 11, 12. 14.
170. Утверждено военным губернатором Приморской области 14 января 1912 г. № 2315.
171. РГИАДВ. Ф. 702. оп. 1, д. 181, л. 13.
172. Жукон А. Китайцы в Хабаровске // Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории. Третьи Гродековские чтения. – Хабаровск. 2001. – Ч. 1. – С.55 – 56.

173. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 751, л. 184-184 об.
174. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 751, л. 182.
175. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 751, л. 174.
176. Приамурские ведомости.-1900. — № 334. — С. 9.
177. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 627, л. 7.
178. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 751, л. 185 об.
179. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы...; РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 181, л. 12.
180. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы ...— С. 126-127.
181. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1004, л. 4.
182. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 181, л. 21 об.
183. В 1910 г. учреждена должность особого околоточного надзирателя в китайской слободке за счет хабаровского китайского общества. Полицейский пост в слободке был телефонизирован. См.: Приамурье.-1910. — № 1242. — С. 3.
184. В конце XIX — начале XX вв. на Дальнем Востоке образовалась целая прослойка китайцев, неплохо знавших русский язык, работавших в русских учреждениях письмоводителями, переводчиками китайского языка. В 1912 г. исполнявший обязанности отдельного цензора по иностранной печати на восточных языках в г. Владивостоке А.Н. Занковский предпринял попытку анализа роли таких переводчиков в структуре русской администрации. Он отмечал, что контингент китайцев-переводчиков образовался и пополняется из так называемых боек, т.е. домашней и конторской прислуги, которая более-менее сносно освоила русский разговорный язык. Несмотря на то, что в крае появились собственные, русские кадры, изучавшие дальневосточные языки, администрация мало стремилась использовать их знания, продолжая пользоваться более дешевыми услугами китайских переводчиков, пусть не всегда достаточно квалифицированных. А.Н. Занковский указывал на порочность такой практики, выделяя две главные причины. Во-первых, китайцы-переводчики, являясь иностранными подданными, были прекрасно осведомлены о внутривластной ситуации в крае. Они изучают «входы и выходы официальной и закулисной сторон влиятельных сфер края благодаря личным знакомствам и связям». Во-вторых, эта категория служащих очень часто за определенную плату играла роль «хозяев» за своих соотечественников, внося в среду последних «непоколебимую уверенность в силе подкупа, разлагавшего в них уважение к русской гражданской законности». Анализ документов позволяет выделить еще одну причину — зачастую китайцы-переводчики обзаводились высокопоставленными покровителями, благодаря доброму расположению которых становилось возможным безнаказанное нарушение закона. Примером комбинации удачного стечения обстоятельств при наличии покровителей в русских властных сферах служит история открытия и существования во Владивостоке Китайского национального общественного собрания, созданного потомственным дворянином бароном В.А. Остен-Сакеном и китайцем Ван-го-туном. — См.: АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 759., л. 46 об., 47.
185. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 751, л. 204-205.
186. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 3.
187. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 569, л. 29.
188. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 569, л. 29.
189. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 569, л. 29. По распоряжению приамурского генерал-губернатора от 16 января 1898 г. управление китайским и корейским поселением должно быть исключительно русским и надзор за этой группой был возло-

- жен на общем основании на полицию. – См.: РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 569, л. 29.
190. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 101-102.
191. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 137, л. 10.
192. Сорокина Т.Н. К вопросу о благоустройстве китайского квартала в Благовещенске: 1912-1914 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. – Т. 2. – С. 63.
193. Сорокина Т.Н. К вопросу о благоустройстве... – С. 63.
194. Сорокина Т.Н. К вопросу о благоустройстве... – С. 63-65.
195. Сорокина Т.Н. К вопросу о благоустройстве... – С. 66.
196. РГВИА. Ф. 1573, оп. 3, д. 109, л. 113.
197. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 479, л. 3 об.
198. Сорокина Т.Н. К вопросу о благоустройстве... – С. 67.
199. Сорокина Т.Н. К вопросу о благоустройстве... – С. 68.
100. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 137, л. 2 – 3.
101. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 137, л. 3.
102. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 137, л. 9.
103. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 137, л. 12.
104. Бужков А.М. Наркобизнес в Приморье и на Дальнем Востоке России: исторический экскурс в проблему // Записки общества изучения Амурского края. – 1992. – Т. XXVIII. – С. 63 – 64.
105. Богословский Л. Крепость-город Владивосток ... – С. 25.
106. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 1220, л. 15.
107. Васкевич П. Очерк быта японцев в Приамурском крае. Верхнеудинск, 1905. – С. 3.
108. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. – Т. 2, вып. 2. – Б/м.. 1883. – С. 78.
109. РГИАДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 124, л. 34.
110. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 809, л. 1.
111. Hsu I.C.Y. China's Entrance into the Family of Nations. Cambridge, 1960. – P. 195.
112. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 809, л. 16, 29.
113. В ноте – ходатайстве о назначении на должность коммерческого агента, оформленной согласно протоколу на французском языке, фамилия передана как Li Tshiao Ao, тем не менее, в русской официальной переписке мы можем увидеть и Ли Тяао, и Ли Чжао Ao, и Ли Цзя Ao. Автор использует наиболее часто встречающийся вариант написания фамилии.
114. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 2161, л. 109.
115. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 243, л. 16 об.
116. АВПРИ. Ф. 150. Японский стол, оп. 493, д. 77, л. 21 об. – 22.
117. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 809, л. 17.
118. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 809, л. 20.
119. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 243, л. 24.
120. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 243, л. 5 – 9 об.

221. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 243, л. 11-12.
222. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 243, л. 49 об.
223. ГАХК. Ф. П-44, оп. 1, д. 593, л. 75. В феврале 1907 г. Куэй Фан, сменивший на посту коммерческого агента Ли Тьяо, изменил решение русского судьи по исковому делу между китайцами Ван-тен-сыном и Ван-хан-шу. В ответ на их заявление, что дело может быть разбираемо только русским судом, как лица, проживающих на русской территории, коммерческий агент приказал бить их палками и посадить в специально отстроенный при правлении китайского купеческого общества карцер. – См.: АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. оп. 487, д. 809, л. 67; РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 899, л. 23.
224. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 243, л. 27.
225. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 32.
226. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 40.
227. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 35.
228. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2229, л. 2.
229. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. – С. 200.
230. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 1 – 2.
231. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 2 об.
232. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 3.
233. История Дальнего Востока СССР. М., 1991. – Ч. 2. – С. 343; Владивосток Штрихи к портрету. Владивосток, 1985. – С. 55.
234. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 968, л. 10, 53. Видимо об этой помощи упоминается в прошении нескольких десятков владивостокских китайцев, отмечавших: «Ли-тъя-ао деньги эти полностью распределил между торговцами III разряда, своими земляками и вообще близко стоящим к нему лицам, мы же бедняки, из этой суммы не получили ни одного сантима». – См. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 968, л. 187 об.
235. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. оп. 487, д. 968, л. 17.
236. Далекая окраина.-1910. – № 933. – С. 3.
237. Новая должность г. Ли-тъяо // Далекая окраина.-1914. – С. 4.
238. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. оп. 487, д. 968, л. 251 – 252.
239. Приамурье.-1910 – № 1192. – С. 3.
240. Отголосок. Наше интервью у китайского сановника // Приамурская жизнь. 1910. – № 427.- С. 2.
241. Отголосок. Наше интервью у ... – С. 2.
242. Отголосок. Наше интервью у ... – С. 2.
243. Н. К отъезду из Владивостока г-на Куэфана // Далекая окраина.-1911. – № 1351 С. 2; Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. – С. 240 259, 262.
244. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. оп. 487, д. 809, л. 29.
245. Богословский Л. Крепость-город Владивосток... – С. 25.
246. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. оп. 491, д. 2237, л. 1, 3, 5.
247. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. оп. 487, д. 968, л. 109.
248. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. оп. 487, д. 968, л. 104 об., 147.
249. Приамурские ведомости.-1911. – № 1694. – С. 4.
250. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 968, л. 109.
251. АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. оп. 493, д. 77, л. 20 об.
252. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 810, л. 1, 17 об., 38.

153. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 809, л. 40.
154. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 809, л. 66 об.
155. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 809, л. 66 об.
156. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2755, л. 84.
157. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 809, л. 94.
158. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 809, л. 106.
159. АВПРИ. Ф. 150. Японский стол, оп. 493, д. 77, л. 20 об.
160. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1097, л. 26 об. – 27.
161. Н. К отъезду из Владивостока... – С. 3 – 4.
162. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1097, л. 27.
163. Цит. по: Ларин А.Г. Китайцы в России. М., 2000. – С. 38.
164. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 871, л. 16-17; Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 63, л. 69.
165. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 997. л. 46 – 47; Дацышен В.Г. История изучения китайского языка в российской империи. Красноярск, 2000.
166. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 15, л. 134.
167. -ь. Что такое хунгузы? // Восточное обозрение.-1885. – № 39. – С. 14.
168. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 146 об.
169. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 12, 73.
170. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 15.
171. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 73 об.
172. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917). М.,-1989. – С. 77.
173. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2760, л. 20 – 20 об.
174. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2760, л. 7 об.
175. Далекая окраина. – 1910. – С. 3; Приамурье.-1910. – С. 3. Представляется любопытным текст памятного адреса, прочитанного председателем китайского торгового общества Машомо. «Родственной нам Великой России Приморский губернатор генерал Флуг! До сего времени пребывая здесь и занимая высокий пост, вы заботливо относились к нашему китайскому населению: оберегая интересы честных граждан и удаляя преступных! При исполнении вашего высокого служебного долга вы были чрезвычайно справедливы и прямы! Будучи человеком высокого ума, чистым, честным и безукоризненным, вы нелицеприятно и внимательно относились к нуждам всех обращающихся к вам. Поистине, блестящее внешнее соответствует в вас с высокопрекрасным внутренним: во всех мероприятиях вашего управления вы основывались на строгом исполнении закона. Поэтому-то нет ни одного обиженного среди нас, живущих здесь, и ваша справедливая деятельность привлекала многих издалека. Мы не находим слов выразить полноту вашей справедливости.
- Теперь, когда вы призванные к высшему посту, – покидаете Владивосток, мы, китайский народ, не находим такого драгоценного подарка, который соответствовал бы вашим высоким заслугам. Преклоняясь, отдаем вам прощальный привет и да будет с вами много счастья, много успехов и великая долговечность. Владивосток. 1 января 1910 г.» – См.: Далская окраина. – 1910. – С. 3.
176. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 304, л. 70.
177. Первый номер ежедневной восьмиполосной газеты на китайском языке «Юань дун бао» («Вестник Дальнего Востока») вышел в Харбине 1 марта 1906 г.: газета издавалась тиражом более 3 тыс. экземпляров. – См.: Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. – С. 286.

278. Ларин А.Г. Китайцы в России. М., 2000. – С. 40.
279. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 2, д. 1001, л. 5.
280. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 759, л. 44.
281. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 53 – 54.
282. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем ... – С. 76.
283. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 2, д. 1001, л. 5.
284. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 56.
285. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 2, д. 1001, л. 9.
286. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 107.
287. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 2, д. 1001, л. 38 об.
288. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 868, л. 2.
289. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1792, л. 36.
290. Ван Венсан поселился в Хабаровске около 1890 г., занимался торговлей, владел недвижимостью. В 1900–1902 гг. в качестве вольнонаемного переводчика занимал штатную должность в Хабаровском полицейском управлении. В 1898 г. городская управа назначила его санитарным попечителем китайской слободки. За добросовестное выполнение этого поручения в течение более 10 лет он был представлен Городской управой к правительственной награде. 11 мая 1911 г. награжден серебряной нагрудной медалью с надписью «За усердие» на Станиславской ленте. Активно занимался благотворительной деятельностью в Хабаровске: в течение нескольких лет оплачивал похоронные расходы неимущих китайцев; построил и содержал на свои деньги приют для бедных соотечественников; участвовал в деятельности общества спасения на водах. – См.: АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2258, л. 1; РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 579а. л. 26 об., 33 – 33 об., 168 об.
291. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 579 а. л. 26 – 26 об.
292. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190. л. 22 – 22 об.
293. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 579 а. л. 168 об.
294. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1792. л. 23.
295. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 23, 24.
296. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 28.
297. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 868, л. 4 об.
298. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190. л. 25 – 25 об.
299. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190. л. 25 об. – 26.
300. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 26.
301. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 479, л. 4 об.
302. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 479, л. 5.
303. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 479. л. 5 об.
304. Ли-юн-сун – подрядчик строительных работ, имел промысловое свидетельство III разряда. В Благовещенске построил каменный двухэтажный магазин торгового дома «Н.В. Косицын с С-ми», кирпичное здание школы им. Императора Александра Благословенного общества молокан г. Благовещенска. реконструировал здание торгового дома «И.Я. Чурин и К» и др. Везде характеризовался положительно, в рекомендательных письмах отмечалось, что он обеспечивал рабочих хорошие условия жизни. причем в местах их проживания не было ни пьянства, ни наркомании, ни азартных игр. – См.: РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 447, л. 92, 94 – 96.
305. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 479, л. 6 об. – 7.
306. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 447, л. 20 об.
307. Персона Ван-го-туна (дуна) достаточно любопытна и заслуживает отдельного повествования. Ван-го-тун прибыл в Россию в начале XX в. Проработав более

двух лет (с 22 февраля 1902 г. по 8 августа 1904 г.) переводчиком при Управлении Строительства Порт-Артура и изучив за это время русский язык, он приехал во Владивосток и устроился переводчиком китайского языка при 3 полицейской части Владивостока и в Приамурский военно-окружной суд. Там он и познакомился с В.А. Остен-Сакеном, служившим помощником секретаря. И тот, и другой, судя по всему, были людьми предприимчивыми и не очень щепетильными в отношении закона. Согласно документам, именно этот тандем стал инициатором создания во Владивостоке Китайского национального общественного собрания. Краткая история его существования такова. 5 декабря 1907 г. В.А. Остен-Сакен представил военному губернатору Приморской области проект Устава Китайского национального общественного собрания. Рассмотрев содержание Устава, Приморское областное присутствие по делам об обществах и союзах отклонило просьбу о регистрации собрания, мотивировав отказ тем, что текст устава не отвечает требованиям закона. 17 января 1908 г. приведенный в соответствие с законодательством Устав был вторично рассмотрен областным присутствием под председательством военного губернатора и зарегистрирован. Открытие собрания омрачилось инцидентом с комендантом крепости Владивосток. В ответ на просьбу Остен-Сакена принять на себя звание почетного председателя собрания, комендант крепости направил 11 марта 1908 г. военному губернатору письмо, в котором высказал свое мнение о неуместности образования подобного собрания и просил не разрешать его открытия. Тем временем, в марте 1908 г., на столбах и заборах Владивостока появились подписанные Остен-Сакеном и его сподвижниками объявления на китайском языке следующего содержания: «Доводится всем до сведения, что в настоящее время Владивостокский губернатор и полицмейстер открыли вместе ... казенный игорный дом. Желających играть просим приходить когда угодно. Заведующие не могут делать препятствий».

27 марта 1908 г. небольшая пауза, возникшая после письма коменданта крепости, завершилась официальным открытием собрания в доме № 36 (дом Первалова) по Алеутской улице. Однако, по свидетельству буфетчика собрания П.В. Миронова, китайская половина собрания была открыта еще 25 марта. а европейская – 30.

Не прошло и месяца, как полицмейстер обратился к высшему руководству области с ходатайством о закрытии собрания. Что же послужило причиной закрытия собрания, на открытие которого было потрачено столько сил и времени, и, которое просуществовало так недолго. Ответ прост и банален. Под вывеской китайского национального общественного собрания, целью которого было «доставление членам оногo и их семьям и гостям проводить свободное время с пользой, удобством и удовольствием», был открыт банальный игорный дом, в котором велась игра в банкoвку и другие азартные игры. Согласно отношению санитарного врача Порвoтова, также, кстати, настаивавшего на закрытии собрания, «в помещении Китайского клуба до невозможности грязно, все комнаты набиты рабочими китайцами, играющими в азартную игру банкoвку; во всех десяти комнатах 15 столов с банкoвкой, китайцев не менее 500 человек».

Губернатор распорядился временно приостановить работу собрания, а 5 августа 1908 г. ввиду «безнравственного направления деятельности» собрания оно было закрыто. Однако главный учредитель собрания барон Остен-Сакен не терял оптимизма. Он слегка подкорректировал Устав, включив пункт о допуске в собрании только игр, разрешенных администрацией, вновь возбудил дело о его регистрации. Несмотря на традиционный бюрократизм и волокиту,

новое ходатайство было удовлетворено с поразительной скоростью. 2 сентября 1908 г. Устав зарегистрировали.

Однако направленность развлечений в китайском собрании мало изменилась. Проверка, проведенная сотрудниками канцелярии приамурского генерал-губернатора в январе 1909 г., подтвердила не только факт игры в азартные игры, но и покровительство отдельных чинов полиции этому заведению. Так, у входа в собрание дежурил городской, а всего за счет собрания содержалось четверо городских. В момент проверки, 25 января, в гостях у Остен-Сакена находился пристав 2 участка, который не мог не знать про характер игры. Вторичная проверка, 29 января, выявила и нарушения другого рода. Так, предусмотренная правилами входная плата (25 коп.) не взималась, фиксация количества посетителей была фиктивной – по записям значилось 64 человека, а протоколом зарегистрировано 159 человек. Зато с игроков взимались не предусмотренные правилами 2 рубля со стола за час игры. По свидетельству очевидцев, за короткое время в собрании проигрывались огромные суммы. Помощник полицеймейстера Петров заявил, что служивший у него сыщиком китаец Ванго-лан проиграл там 1500 руб.

Остается только предполагать, с чем связана лояльность русской администрации к заведению подобного рода. Ведь согласно Уставу губернатор, являющийся почетным членом собрания, мог закрыть его «всегда, когда признает это нужным по дошедшим до него сведениям о беспорядках или каком-нибудь нарушении устава собрания»

Однако к этому времени Китайское общественное национальное собрание теряет для Ван-го-туна, былую актуальность.

В 1909 г. ему удалось получить обманным путем деньги по ассигновке из штаба крепости и скрыться. До этого, в том же 1909 г. Ван-го-тун состоял под следствием по обвинению в мошенничестве по поставке партии рабочих-корейцев на рудники Бринера по взятым на прокат паспортам. Кроме того, в декабре 1909 г. стало известно, что он через китайца-сторожа с Миллионки сообщал владельцам банковок и опиумокурилен на Семеновской улице об обысках, которые планировала сделать у них полиция. За подобного рода услуги Ван-го-тун получал со всех владельцев по 70 рублей.

В Россию наш герой возвращается лишь в 1912 г., но уже не во Владивосток, а в Благовещенск. Хорошо владея русским языком, он становится ходатаем по китайским делам, приобретает авторитет и в конце августа 1913 г. жители китайского квартала избирают его на должность переводчика-посредника. Кандидаты на эту должность официально утверждались военным губернатором Амурской области. Судя по всему, и в Благовещенске отношения с некоторыми чинами русской администрации у Ван-го-туна складываются неплохо.

Среди китайцев Ван-го-тун неоднократно похвалялся, что пограничный комиссар Спешнев для него «мала шишка», и что у него есть «побольше приятель». Вероятно не без помощи «приятеля» он получает в начале 1914 г. должность переводчика регистрационной конторы, несмотря на то, что на эту вакансию (неплохо, кстати, оплачиваемую—1200 рублей в год) претендовали и русские кандидаты. Это было явным нарушением правил, т.к. еще в августе 1910 г. вышло секретное постановление военного губернатора Амурской области № 978 не разрешавшее (из-за опасений шпионажа) принимать на службу переводчиками в местные казенные учреждения китайцев, корейцев (иностранных подданных), японцев. В том же 1914 г. произошло еще одно знаменательное событие в жизни Ван-го-туна – он стал православным христианином. Остается только гадать, какие мотивы им двигали, но 28 августа 1914 г. он

- принял крещение и русское имя Владимир Николаевич. Любопытно, что его крестными родителями были титулярный советник Н.В. Римский-Корсаков и ... жена благовещенского полицмейстера А.И. Баранова. – См.: РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 447, л. 18 об., 25, 162; оп. 1, д. 644, л. 5 – 6 об., 8 об.; оп. 7, д. 890, л. 20 об., 25; РГВИА. Ф. 1573, оп. 2, д. 570, л. 50; Буюков А.М., Буюков О.А. Китайская полиция во Владивостоке в начале XX в. // Записки общества изучения Амурского края. Владивосток, 2000. – Т. 35 – С. 75.
308. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 447, л. 1 – 4.
309. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы... – С. 114.
310. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 868, л. 4 об.
311. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 24 об. – 25. Иманское китайское общество, также как и Благовещенское, не было признано официально русскими властями. 18 января 1907 г. на имя военного губернатора Приморской области было подано прошение, подписанное проживавшими в Имане доверенными лицами фирм «Чжао-ли-тун», «Фу-чун-хо» – Сун-шу-ти и другими китайцами, с просьбой разрешить открытие в поселке китайского общества. Просьбу поддержал и председатель владивостокского китайского общества. Однако положительного решения не последовало. – См.: РГВИА. Ф. 1582, оп. 1, д. 20, л. 49 – 50.
312. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 759, л. 10 об.
313. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 759, л. 35 – 36.
314. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 98 об.
315. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 759, л. 45.
316. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 759, л. 46.
317. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 868, л. 5.
318. Ларин А.Г. Китайцы в России. М., 2000. – С. 98.
319. Ларин А.Г. Китайцы в России... – С. 99.
320. ГАХК. Ф. П 2, оп. 1, д. 65, л. 158-161, 169, 172-173.
321. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем ... – С. 87.
322. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем ... – С. 87.
323. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1495, л. 153-153 об.
324. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 579 а, л. 338 об.
325. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 579 а, л. 308 об.
326. Приамурье.-1910. – № 1141. – С. 2.
327. Восточное обозренис.-1885. – № 39. – С. 12.
328. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 4 – 5.
329. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 10.
330. Буюков А.М., Буюков О.А. Китайская полиция во Владивостоке ... – С. 69-79.
331. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1792, л. 10.
332. АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 55, л. 2.
333. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1792, л. 1.
334. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1792, л. 8.
335. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 579 а, л. 20.
336. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 579 а, л. 33 – 34.
337. Приамурье.-1910. – № 1263 – С. 3; Буюков А.М., Буюков О.А. Китайская полиция во Владивостоке ... – С. 71.
338. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 654, л. 21 об.
339. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 997, л. 60.
340. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 422, л. 1.
341. В жалобе китайских купцов, поданной Прокурору Владивостокского Округно-

го Суда, главой полицейских десятников назывался хозяин фирмы «Сан-шин-ю» китайский подданный Сун-жи-хио. – См.: РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 654. л. 5.

342. По другим данным переводчик получал – 50 рублей, сыщики – по 40 рублей. сборщик денег – 60 рублей. – См.: РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 654, л. 80.
343. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 654, л. 79.
344. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 654, л. 80 об.
345. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 654, л. 14.
346. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 654, л. 20 об.
347. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 654, л. 21 об.
348. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 15, л. 129.
349. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 147.
350. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 58, л. 49.
351. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 899, л. 26 – 26 об.
352. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 899, л. 19.
353. РГИАДВ. Ф. 1, оп. 7, д. 899, л. 51.
354. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 2, д. 1001, л. 30 об.
355. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 2, д. 1001, л. 30 об., 41.
356. Буюков А.М., Буюков О.А. Китайская полиция во Владивостоке... – С. 73.
357. Буюков А.М., Буюков О.А. Китайская полиция во Владивостоке... – С. 74-75.
358. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 2, д. 1001, л. 58.
359. Буюков А.М., Буюков О.А. Китайская полиция во Владивостоке... – С. 76.
360. РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 997, л. 60 об.
361. Буюков А.М., Буюков О.А. Китайская полиция во Владивостоке... – С. 78.
362. Эхо.-1910. - № 619. – С. 2.
363. Приамурье.-1910. – № 1263. – С. 3.
364. РГИАДВ. Ф. 702. оп. 3, д. 376, л. 9 об.
365. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем ... – С. 88.
366. Поповичева Ю.Н. «Желтый вопрос» в деятельности высшей дальневосточной администрации (1883 –1900) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск. – 2001. –Т. 2. – С. 17.
367. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем ... – С. 88.
368. Буюков А.М., Буюков О.А. Китайская полиция во Владивостоке... – С. 70.
369. Приамурье.-1910. – № 1247. – С. 3.
370. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы... – С. 115.
371. РГВИА. Ф. 1582, оп. 1, д. 20, л. 49, 52.
372. РГВИА. Ф. 1582, оп. 1, д. 20, л. 49 – 51, 52, 53.
373. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1495, л. 155.
374. Обзоры Приморской области за 1890-1900, 1911, 1913 гг. Владивосток, 1891-1915.
375. Приамурье. Факты, цифры и наблюдения. М., 1909. – С. 160.
376. РГИАДВ. Ф. 702. оп. 1. д. 1596, л. 73.
377. РГИАДВ. Ф. 702. оп. 1. д. 1596, л. 75 об.
378. РГИАДВ. Ф. 702. оп. 1, д. 1596, л. 73 об. Работа по составлению проекта «Положения о китайских и корейских подданных» и соответствующих инструкций к нему для исполнительных органов выполнена пограничным комиссаром в Приморской области статским советником Е.Т. Смирновым по указаниям и под руководством военного губернатора Н.М. Чичагова.
379. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339, л. 73.
380. В 1915 г. в Приморской области насчитывалось 65 учреждений и лиц на которых возлагалась выдача русских билетов китайцам и корейцам: 36 таможен.

- ных учреждений, три городских полицейских управления. при которых 6 приставов, 4 уездных управлениях, а при них еще 8 станowych, 4 начальника участка по казачьему району и 4 станичных правления. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 420, л. 16 об.
181. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1610, л. 24, 30, 31.
182. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1596, л. 23.
183. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1610, л. 82.
- 184 РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1596, л. 36 об. – 37.
185. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 67 об.
186. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339, л. 80.
187. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339, л. 80 об. – 81.
188. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339, л. 81 об.
189. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2755, л. 44; Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 770, л. 18.
190. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339, л. 42 – 45.
191. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 339, л. 48 – 51.
192. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 65.
193. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 73 об.
194. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 74.
195. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских ... – С. 205.
196. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1610, л. 34.
192. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1596, л. 49 – 49 об.
198. Газета, издаваемая русскими на китайском языке, все же появилась, но в Маньчжурии. В 1904 г. – начале 1905 г. при военном комиссаре по распоряжению генерал-адъютанта Алексеева выходила в Мукдене газета «Шэнцзин бао» («Мукденский вестник»). затем она стала издаваться в Ганчжулине, а с февраля 1906 г. – в Харбине. Сюда же поступила китайская типография, выписанная для нее из Шанхая. Позднее по распоряжению Н.И. Гродекова типография была безвозмездно передана железной дороге. Бывший «Шэнцзин бао» был переименован в «Юаньдун бао». См.: Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. – С. 286.
199. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. – М., 1991. – С. 127.
400. Мнение Государственного Совета от 18 июля 1892 г., запрещавшее иностранцам приобретение земель в Амурской и Приморской областях; правила, запретившие для иностранцев рыбный промысел в водах Дальнего Востока (за исключением юга Сахалина) (1899 г.); распоряжение о выдаче в заливе Петра Великого лодочных билетов лишь русским подданным (1910 г.); закон «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства, некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» (1910 г.); закон о развитии судоходства в водах Дальнего Востока (1911 г.), запретивший иностранной каботаж на русском Дальнем Востоке. Разумеется, большинство из этих актов направлены на сокращение азиатского присутствия на русском Дальнем Востоке, но эти ограничения не сформулированы прямо.
401. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 569, л. 42.
402. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2755, л. 22 – 35.
403. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 569, л. 52.
404. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 569, л. 63 об, 64.
405. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 569, л. 66.
406. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2755, л. 10-12 об.

407. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2755, л. 57.
408. РГИА. Ф. 1284, оп. 190, д. 105 а, л. 182 об.; Унтербергер П.Ф. Приамурский край (1906-1910 гг.). СПб., 1912. – С. 78.
409. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 763, л. 3.
410. РГИА. Ф. 1284, оп. 190, д. 105 а, л. 182 об.
411. РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 832, л. 235 об.
412. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 763, л. 55 – 57 об.
413. Столыпин П.А. Нам нужна Великая... – С. 166.
414. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 2755, л. 152-157.
415. Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973. – С. 138.
416. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 143, л. 62.
417. Sigelbaum L. H. «Yellow Peril»: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. – Vol. 12, part 2. – April. 1978.
418. Далекая окраина.-1911. – № 1139. – С. 3.
419. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1027, л. 1.
420. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1027, л. 2.
421. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1027, л. 24, 73.
422. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1027, л. 32 – 33.
423. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 770, л. 104.
424. Петров А.И. Об одном из первых нововведений Н.Л. Гондатти в отношении китайских мигрантов // Из истории российско-китайских отношений. Благовещенск, 1999. – С. 54. Там же. Подробнее о форме личных книжек.
425. Далекая окраина.-1911. – № 1132. – С. 4.
426. АВПРИ. Ф. 202. Вице-консульство в Айгуне. оп. 882, д. 3, л. 135.
427. В 1915 г. штат благовещенского бюро был следующим: заведующий конторой переводчик китайского языка, младший и старший конторщики, три писца. два фотографа, городской, сторож. – См.: РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1189, л. 50.
428. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1259, л. 4 об. – 5 об.
429. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1376, л. 100.
430. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1376, л. 114 об.
431. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1189, л. 9.
432. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1189, л. 9 об.
433. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1189, л. 14-16.
434. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1305, л. 1. 5 об.: д. 1189, л. 17.
435. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1802, л. 32.
436. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1858, л. 29.
437. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 1799, л. 4 об.
438. Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке. СПб., 1912. – С. 14.
439. Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем... – С. 47-48.
440. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 811, л. 3 – 4.
441. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 811, л. 4 об. – 7.
442. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 937, л. 2 – 2 об.
443. РГИА. Ф. 1284, оп. 190, д. 105 а, л. 245.
444. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 826, л. 10 об.
445. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 937, л. 6 об.
446. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 937, л. 4 – 4 об.
447. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 843 а, л. 28.
448. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 843 а, л. 93.
449. Панов В.А. Кризис. Владивосток, 1913. – С. 1.

450. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 843 а, л. 28 об.
451. Панов В.А. На новом пути. Владивосток, 1914. – с. 32.
452. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 770, л. 178.
453. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1056, л. 47 – 49 об.
454. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 826, л. 14-14 об.
455. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 759, л. 246 – 248.
456. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 3179, л. 5 об.
457. РГАВМФ. Ф. 1122, оп. 1, д. 301, л. 13-13 об. По данным русской разведки организацию возглавлял немец, причем Му-ли (яп. Мури) – транскрипция фамилии, а Цзинь – имени. Исследователь В.В. Синиченко установил, что китайско-корейскими наемниками командовал немецкий разведчик Вернер фон Папенгейм. – См.: РГАВМФ. Ф. 1122, оп. 1, д. 301, л. 14. об.; Синиченко В.В. Преступность и азиатские мигранты на Дальнем Востоке и Восточной Сибири (1856-1917 гг.) // Восток. – 2003. – № 5. – С. 146.
458. РГАВМФ. Ф. 1122, оп. 1, д. 301. л. 13 об.-15.
459. Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине 19 – начале 20 вв. Кызыл. 2000. – С. 172; Синиченко В.В. Преступность и азиатские мигранты... – С. 146.
460. РГВИА. Ф. 1573, оп. 2, д. 796, л. 8 – 8 об., 12.
461. РГВИА. Ф. 1573, оп. 2, д. 796, л. 12 об.
462. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 376, л. 113, 116.
463. Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской... – С. 17.
464. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 420, л. 115.
465. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1097, л. 82 – 83.
466. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 462, л. 1.
467. РГИАДВ. Ф. 702. оп. 5. д. 462. л. 5.
468. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. оп. 487, д. 1060, л. 5.
469. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. оп. 487, д. 1060, л. 5-6.
470. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 4 об.
471. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 37.
472. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 58-59.
473. Правила высочайше утверждены 27 сентября 1916 г.
474. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 67 об. – 68.
475. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 192.
476. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 50-51.
477. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 99.
478. Проект утвержден 18 января 1917 г.
479. АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1060, л. 368, 382.
480. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем... – С. 38.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С заключением на основе норм международного права Российской и Цинской империями Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров официально подтверждено включение Приамурского края в состав России. Россия получила огромную почти не заселенную и не освоенную территорию. В этой связи Особое совещание по Амурским делам отмечало, что «по возвращении Амура и Усури мы нашли эти страны в более первобытном состоянии, чем в эпоху Нерчинского договора» (1).

Важнейшей задачей стало заселение края. Проблема создания контингента постоянного населения могла быть решена несколькими путями: заселением края подданными Российской империи, привлечением колонистов из Европы и Америки, открытием границ для мигрантов из Китая, Кореи, Японии, либо комбинацией этих вариантов. В конечном итоге модель колонизации, провозглашенная на начальном этапе освоения края, базировавшаяся на свободном без участия государства переселении, реализована не была. Для центрального правительства приоритетным являлось политическое и стратегическое значение региона, а не вопросы экономического, социального развития. Важнейшей проблемой на протяжении всей истории края оставалась необходимость создания постоянного контингента русского населения.

Среди прочих задач присоединение к Российской империи Приамурья выдвинуло на первый план проблему создания эффективной системы управления, способной обеспечить безопасность окраин и целостность государства. Поиск оптимальных способов колонизации и управления не прекращался в течение всей второй половины XIX в. Наряду с этим в государственную систему управления необходимо было включить и структуры управления аборигенными народами юга Дальнего Востока. Кроме того, требовало юридического решения и оформления присутствия китайцев и корейцев, проживавших на территории края. Мы можем выделить две категории китайского населения:

1. зазейские маньчжуры, компактно проживавшие на левом берегу Амура, управляемые из Китая;
2. китайские мигранты, организованные в самоуправляющиеся об-

щины, проживавшие в Уссурийском крае, численность которых долгое время оставалась неизвестной.

Статус китайцев, относившихся ко второй категории, по договорам точно определен не был. Россия объявила их своими подданными, но не провела должных мероприятий по воплощению этого решения в жизнь. Китайские приграничные власти считали их подданными Цинской империи и предпринимали попытки подчинения своему контролю.

Таким образом, перед русской администрацией вновь присоединенных территорий встала задача создания структур управления краем с учетом проживания там неоднородного населения, более того, подданных другого государства, с сильно развитым этноцентризмом. Исходя из этого, опыт, полученный ранее при колонизации Сибири, не мог быть использован в полной мере.

Особенностью контактной ситуации в Приамурье являлся тот факт, что китайским мигрантам не пришлось вписываться в российскую структуру управления, так как она находилась в начальной стадии формирования. При этом русские власти на ранних этапах делали очень слабые попытки включения китайских общин в сферу своего влияния в силу плохого знакомства с этим населением и неясности статуса китайских подданных в России. В отчете военного губернатора Приморской области за 1893 г. отмечалось: «до 1883 года лучшие местности Южно-Уссурийского края были заняты китайцами, которые, не признавая русской власти, распоряжались в крае как хотели... Русская администрация (...) не имела возможности не только остановить наплыв китайцев, ежегодно увеличивающийся, и управлять живущими уже здесь, но даже часто не знала, где и в каком количестве живут китайцы и последние жили и управлялись у нас своими старшинами, по своим же законам» (2). Таким образом, на территории русского Приамурья формировались независимые и долгое время не пересекавшиеся системы управления – русская, на основе законодательства Российской Империи, распространявшая свое действие на русское население и делавшая первые робкие шаги распространить свое влияние на малочисленные народы Дальнего Востока, и китайская, формировавшаяся на основе китайского обычного права. Китайские законы и правила, как отмечали члены комиссии, командированные в Амурскую область для изучения желтого вопроса в 1914 г., частично вытекали из конфуцианской морали и учения классиков, частично из практических условий, нужд и стремлений поселенцев.

Исследование исторического материала, архивных документов позволяет выделить несколько этапов в административном строительстве, взаимодействии русской администрации с китайским населением.

1 этап – 1858-1868 гг. (от подписания Айгуньского договора до маньчжурской войны) – взаимодействие русской администрации и проживавших

на русской территории китайцев фактически сводилось к контактам на бытовом уровне и невмешательству в дела друг друга.

2 этап – 1868-1884 гг. характеризуется изменением оценки китайского населения как колонизационного элемента, появляются первые проекты институционального оформления процесса взаимодействия с китайским населением. Одной из первых таких попыток стали проекты М.С. Корсакова и Н.П. Синельникова, в которых проектируемая система гражданского управления учитывала необходимость включения в нее китайских структур самоуправления. В конце 60-х начале 70-х годов русская администрация разработала и осуществила ряд мер, направленных на определение численности этой группы населения в крае, изучения социальной структуры и установлению взаимодействия с китайцами, проживавшими в Приамурском крае. В этот период проведена перепись китайцев, признана власть старшин над китайскими общинами и их ответственность перед русской администрацией, спроектировано создание органов гражданского управления, в ведении которых находились бы не только русские переселенцы, но и китайцы, корейцы. Параллельно у чиновников, управлявших краем, складывается и закрепляется образ китайцев, как чуждого и опасного элемента. Таким образом, именно проекты и мероприятия конца 60-х – начала 70-х гг. заложили фундамент последующей политики России по отношению к китайским мигрантам на территории русского Дальнего Востока.

3 этап – 1884-1893 гг. связан с образованием Приамурского генерал-губернаторства и деятельностью А.Н. Корфа. При нем был законодательно определен правовой статус китайцев, введена билетная система, долгое время остававшаяся единственным средством учета и регулирования миграционного потока, улучшена охрана в приграничных районах, легализованы и поставлены под русский контроль органы китайского самоуправления в городах. Реализация комплекса этих мероприятий подняла уровень взаимодействия русской администрации и китайцев на качественно новую ступень, определив законодательную базу такого взаимодействия. Одной из отличительных особенностей этого этапа является то, что именно в это время по ходатайству А.Н. Корфа был принят закон, предоставивший приамурскому генерал-губернатору право принимать китайцев и корейцев в русское подданство, хотя и общественное мнение, и позиция администрации, сходились на том, что принятие китайцев нежелательно по политическим мотивам.

4 этап – 1893-1914 гг. С назначением на должность Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского взят курс на свертывание китайского самоуправления, китайцы подчиняются общему надзору и судопроизводству, происходит дальнейшее ограничение их прав, принимаются новые

меры по ограничению китайского миграционного потока. К началу XX в. наблюдается переход к систематической политике ограничения китайской иммиграции и сокращения сферы применения их труда, что наиболее ярко проявилось в период генерал-губернаторства Н.Л. Гондатти.

5 этап – 1915-1917 гг. Трудности, вызванные Первой мировой войной, вносят значительную корректировку в курс, проводимый дальневосточными администраторами. Центральное правительство, заинтересованное в массовых поставках китайских рабочих, принимает ряд мер облегчавших приток китайцев в Россию.

Отдельным вопросом в контексте общей проблемы взаимодействия русской администрации с китайским населением стоят отношения с зачейскими маньчжурами. Различная трактовка статьи I Айгуньского договора русскими и китайскими администрациями привели к тому, что китайские подданные, проживавшие на русской территории, не признавали русских законов и находились под юрисдикцией китайских властей. Вплоть до начала XX в. эта проблема не была решена дипломатическим путем и утратила свою актуальность лишь после боксерского восстания.

Исследование проблемы взаимодействия русской администрации и китайского населения, находившегося на территории русского Дальнего Востока, выявили следующие причины неудач русской администрации в деле установления контроля над китайскими мигрантами: не включение на ранних этапах китайского вопроса в число приоритетных задач; отсутствие правовой базы, позволявшей разрешать ситуации, характерные для Примурья; непоследовательность политического курса, отсутствие преемственности и единых методов в его реализации; нехватку чиновников, знавших китайский и маньчжурский языки, обычаи и традиции, способных принимать решения с учетом национальной специфики китайцев. Анализ истории развития отношений между русской администрацией и китайскими общинами во второй половине XIX в. показывает существование тенденций к реализации обеих моделей взаимодействия с китайскими мигрантами. На начальном этапе освоения края русская администрация в отношении китайского населения проводила политику близкую к голландской модели: наличие иноэтнического населения не рассматривалось как проблема; отношение к китайцам было добродушно благожелательным, на практике применялся принцип невмешательства во внутреннюю жизнь китайских общин. Позже, не сумев реализовать эффективную систему управления и контроля, русское правительство и местная администрация были вынуждены взять курс на вытеснение китайцев с территории русского Дальнего Востока. Закрытие С.М. Духовским китайских общественных управлений, политика, проводившаяся Н.Л. Гондатти, выявляют иную тенденцию – тяготение к американскому варианту.

В зависимости от конкретно-исторических условий в рамках коммуникативного пространства «русская власть – китайцы» применялись как «жесткие» методы (закрепление «своего» и жесткое вытеснение «чужого»), так «мягкие» формы, преследовавшие цель создания некой подвижной границы между «своим» и «чужим» и создававшие условия для одновременного существования двух различных инокультурных миров. Жесткие формы были связаны с «образами», господствовавшими идеологемами, т.е. больше с тем, что связано с духовным этосом народа и проявлялись зачастую неосознанно (3). Однако мы можем выделить ряд идеологем («чужой», «желтая опасность»), сознательно культивировавшихся государственной властью и находивших реальное выражение в структурах городского управления, в особенностях переселенческой политики, в хозяйственном освоении Приморья.

Присутствие «чужого», да еще столь явно отличного от «своего» в ситуации пограничья, было дополнительным фактором, стимулирующим не только пробуждение и поддержание национального самосознания, но и национализм. В начале XX в. национализм, возведенный на русском Дальнем Востоке в ранг государственной политики, «конфисковал» расплывчатую гетерофобию и мобилизовал ее на службу государству. Таким образом, политика российского правительства на Дальнем Востоке объективно способствовала формированию и закреплению на уровне государственной идеологии этностатусных представлений в виде иерархичной лестницы – на вершине пирамиды находились подданные Российской империи, затем иностранцы европейцы, японцы (за исключением периода русско-японской войны), низшую ступень занимал переменный элемент – китайцы или корейцы. В зависимости от точки зрения местного и центрального руководства, политической обстановки, в разные периоды шло формирование положительного общественного мнения то по отношению к корейцам, то к китайцам, соответственно менялось и их положение в этностатусной иерархии.

Как видно из материалов исследования, проблема взаимодействия русской администрации сложна и многопланова. Остается перспективным для исследования только намеченная автором тема изучения образа «чужого» в колонизационных процессах, тесно связанная с исследованием истории формирования региональных образов Китая и китайцев, Кореи и корейцев, Японии и японцев. Переход на качественно новый уровень исследования темы возможен в случае привлечения китайских источников, позволяющих увидеть проблему взаимодействия русской администрации и китайских мигрантов с иных позиций. Особенно ценным представляется введение в научный оборот китайской мемуарной литературы.

Стремительное экономическое развитие Китая, расширение региональ-

ных экономических и политических связей России и Китая, увеличение китайского миграционного потока на русский Дальний Восток и ряд других моментов делают особенно актуальным изучение исторического опыта взаимодействия русской государственной власти и китайского населения, проживавшего на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. По всей видимости в условиях «открытых границ» российский Дальний Восток исторически «обречен» на прием мигрантов из Китая. Это объясняется как существующей потребностью у жителей Дальнего Востока в сравнительно недорогих китайских товарах и услугах, так и демографической ситуацией в самом Китае. Не все сто миллионов жителей трех сопредельных с Россией Северо-Восточных провинций Китая могут найти применение своим силам на родине. По мнению экспертов на дальневосточной границе с Россией проживает 25 млн. безработных китайцев, притом, что численность жителей России на юге Дальнего Востока в 2001 г. составляла 4859 тыс. человек (4). Тем не менее представляется бессмысленной риторика в терминах «желтой опасности», подменяющая собой решение существующих проблем и поиск оптимальной модели развития региона, учитывающей китайский фактор. Обращает на себя внимание, что многие трудности с которыми сейчас приходится сталкиваться властям приграничных регионов традиционны в ситуации, когда принимающая миграционный поток сторона не выработала собственную четкую позицию по этому вопросу. Либерализация процедуры перехода границы и пребывания на территории России, развертывание приграничной торговли требовали ясного понимания зачем и каким образом это делается. К сожалению – не случилось. Как показало исследование В.Л. Ларина, противоречивость, вызванная неопределенностью позиций, расплывчатостью целей, аморфностью интересов, стала основной характеристикой политики российских дальневосточных властей начала 90-х годов XX в. (5).

В результате, несмотря на то, что за последние сто лет мир изменился до неузнаваемости, властям приграничных с Китаем районов приходится сталкиваться с теми же проблемами, что и в конце XIX – начале XX вв. Важнейшей из них безусловно является проблема нелегальной миграции. Как и в императорской России в 90-е годы XX в. почему-то не существовало надежной статистики относительно числа китайцев, прибывавших на территорию российского Дальнего Востока и там проживавших (как временно, так и постоянно) (6). В 2000 г. по данным МВД на Дальнем Востоке официально зарегистрировано 237 тыс. китайских граждан, а количество нелегалов колебалось от 400 до 700 тыс. человек (7). Даже если предположить, что оценка численности нелегалов является несколько завышенной, то все равно цифра получается значительной, особенно, если

учесть численность российского населения на этой территории. Основная масса нелегалов – это не те кто, ночью темной переходили контрольно-следовую полосу, а приехавшие по линии безвизового туризма, по трудовым контрактам, для ведения бизнеса и растворившиеся в бескрайних просторах нашей родины. В начале 90-х гг. получили распространение и другие нарушения: въезд по фиктивным приглашениям, уклонение от регистрации в органах внутренних дел, без их уведомления дальние передвижения по российской территории (8). Администраторы прошлого видели причины неудач в установлении контроля за выходцами из Азии в отсутствии специалистов, хорошо знающих Китай, проницаемости границы, сложности идентификации личности мигрантов, несовершенстве законодательной базы, регламентировавшей условия пребывания иностранцев в приграничном крае.

Сегодня паспортно-визовая система существует (даже фотографии в паспорта вклеены, не то что в XIX в.), специалистов, профессионально знающих китайских язык, только во Владивостоке ежегодно выпускает минимум три вуза, граница защищена, а проблема осталась. Хотя как показывает современный опыт при определенных усилиях местной администрации можно добиться, чтобы все гости возвращались домой вовремя. По мнению исследователей с конца 80-х гг. по 1991 г. (включительно) нелегальная миграция из КНР фактически отсутствовала (9), а вот в 1994 г. своевременно покинули Приморье 44 % туристов, в 1995 г. 66 % (10).

Другой вопрос, не потерявший актуальность – организация легальной трудовой деятельности китайцев на территории русского Дальнего Востока, обеспечение уплаты ими налогов. В прошлом эта проблема не была решена успешно, не видно особого прогресса и сегодня. Не секрет, что значительная часть доходов от китайской торговли и предоставления услуг вращается в теневом бизнесе. В середине 90-х гг. в Амурской области лишь 29 % иностранцев имели разрешение на работу (11). По оценкам Н.П. Рыжовой только в Благовещенске годовой товарооборот приграничной торговли достигает около 200 млн. долларов, при этом львиная его доля нелегальна, а следовательно не облагаема налогами (12). Можно и дальше приводить далеко не радующую статистику и примеры контрабанды, браконьерства, вывоза капитала и стратегически важного сырья.

Но возникают вопросы: «Является ли эта проблема специфически «китайской»?» Почему Россия на своей территории не смогла в прошлом и не может сегодня организовать игру по своим правилам, т.е. поставить мигрантов в условия соблюдения законов. Только ли закрытость и специфическая организация китайской диаспоры тому причина? Могла ли возник-

нать подобная ситуация без заинтересованного участия российских граждан, чиновников, определенных политических конфигураций? Вопросов много и все они ждут своего исследования.

Литература

1. Деревянко А.П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия. Владивосток, 1999. – С. 256.
2. РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 55, л. 64 об.
3. Гороховская Л.Г., Нестерова Е.И. Колонизация юга Дальнего Востока: образ и действительность (на примере Владивостока) // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 1997 год. Сборник рефератов избранных работ. Екатеринбург, 2001. – С. 23 – 26.
4. Мотрич Е.Л. Китайцы на российском Дальнем Востоке: проблемы и перспективы // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. – Т. 3. – С. 323, 325.
5. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России. Владивосток, 1998.
6. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток... – С. 104.
7. Мотрич Е.Л. Китайцы на российском Дальнем ... – С. 324.
8. Вашук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. – С. 200.
9. Вашук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье... – С. 200.
10. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток... – С. 125.
11. Якимович М.Ф. О миграционных процессах на Дальнем Востоке и использовании рабочей силы. Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. – Т. 2. – С. 76.
12. Рыжова Н.П. Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как форма китайско-российского симбиоза // Диаспоры. – 2003. – № 2. – С. 93.

**Краткие биографические сведения о чиновниках,
путешественниках, предпринимателях, дипломатических
представителях, государственных и общественных деятелях,
чьи имена встречаются в тексте**

Алексеев Евгений Иванович (11.05.1843 – 27.05.1917). В 1863 г. окончил Морской кадетский корпус. В 1863-1867 гг. совершил кругосветное плавание на корвете «Варяг» с пребыванием на Дальнем Востоке. В 1868-1878 гг. плавал на Балтике и в Атлантическом океане. В 1878-1883 гг. дважды плавал в морях Дальнего Востока, руководил гидрографическими работами у берегов Камчатки и Командорских островов. 1884-1886 гг. – морской агент во Франции. 1 января 1892 г. произведен в контр-адмиралы с назначением помощником начальника Главного морского штаба. В 1895-1897 гг. – командующий Тихоокеанской эскадрой, в 1897-1899 гг. в чине вице-адмирала – Черноморской флотской дивизией. В 1899 г. назначен главным начальником и командующим войсками Квантунской области и Морскими силами Тихого океана. В 1900-1901 гг. командующий русскими войсками и тихоокеанской эскадрой при подавлении восстания ихэтуаней в Северном Китае. Руководил взятием Дагу и Тяньцзина. 30.07.1903 г. назначен заместником на Дальнем Востоке. Участник русско-японской войны. С февраля по октябрь 1904 г. главнокомандующий сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. С 1905 г. по 1917 г. член государственного Совета.

Аносов Павел Павлович. Окончил курс в Алексеевском лицее. 24.05.1859 г. поступил в Главное управление Восточной Сибири. 17.06.1861 г. перешел на должность чиновника особых поручений при Забайкальском областном правлении; 7.08.1861 г. переведен младшим чиновником особых поручений при ГУВС; 7.08.1865 г. назначен старшим чиновником особых поручений при ГУВС; с 1.01.1867 г. – старший советник Приморского областного правления; 25.09.1869 г. назначен старшим чиновником особых поручений при ГУВС. В 1870 г. уволен со службы. 20.05.1870 г. зачислен в министерство государственных имуществ. 31.05.1873 г. уволен. 24.05.1884 г. причислен к МВД. 12.07.1884 г. назначен старшим чиновником особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе.

Анучин Дмитрий Гаврилович (9.04.1833-17.01.1900, Петербург), генерал от инфантерии (1891), военный писатель. Окончил Павловский кадетский корпус, Императорскую военную академию. С 1851 г. на военной и государственной службе в западных губерниях России. Участник рус-

ско-турецкой войны 1877-1878 гг., состоял заведующим гражданской частью при главнокомандующем. С 1880 по 1884 гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири, командующий войсками Восточно-Сибирского военного округа. С 1885 г. – сенатор, первый почетный член ОИАК.

Арсеньев Владимир Клавдиевич (29.08.1872, Санкт–Петербург – 4.09.1930, Владивосток), известный исследователь Дальнего Востока, этнограф, археолог, писатель. Окончил Петербургское пехотное юнкерское училище (1895). С 1900 г. проходил службу на Дальнем Востоке. В 1902-1903 гг. предпринял ряд экспедиций для топографического, географического и военно-статистического изучения отдельных районов Южного Приморья. В 1906-1907 гг., а затем в 1908-1910 гг. исследовал горы Сихотэ-Алиня. Ушел в отставку в чине подполковника в 1917 г. В 1910-1919 гг. и в 1924-1925 гг. являлся директором Хабаровского краеведческого музея. В 1918 г. совершил путешествие на Камчатку, в 1923 г. – на Командорские острова. В 1927 г. предпринял крупную экспедицию по маршруту Советская Гавань – Хабаровск.

Арсеньев Дмитрий Гаврилович (5.11.1840 – ?), генерал-лейтенант. Из дворян Тульской губернии. Окончил II кадетский корпус. 16.06.1859 г. начал службу прапорщиком в III гвардейской гренадерской артиллерийской бригаде. С 5.01.1863 г. по 1.05.1864 г. находился в составе войск Варшавского военного округа во время восстания в пределах Царства Польского. 18.01.1875 г. назначен командиром I е.и.в. генерал-фельдцейхмейстера батареи лейб-гвардии II артиллерийской бригады. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. 4.11.1884 г. уволен со службы. С 4.11.1884 г. по 12.09.1885 г. служба в болгарском войске с зачислением по артиллерии. Вернулся на службу (12.11.1885 г.) и назначен командиром I батареи лейб-гвардии I артиллерийской бригады. 1.06.1887 г. командир 41 артиллерийской бригады, генерал-майор. 10.02.1890 г. и.д. начальника артиллерии Приамурского военного округа. С 17.06.1892 г. по 11.06.1897 г. военный губернатор Амурской области, командующий войсками Амурской области, наказной атаман Амурского казачьего войска. С 1896 г. генерал-лейтенант. 11.06.1897 г. назначен Пермским губернатором. С 5.03.1903 г. по 14.08.1903 г. – Одесский градоначальник. В августе 1903 г. назначен членом Совета министра внутренних дел. 12.11.1903 г. назначен членом от МВД в учрежденный при Главном Управлении Торгового мореплавания и Портов Особый совет по делам торгового мореплавания. 23.12.1909 г. произведен в генералы от артиллерии и уволен. Награжден орденами Белого Орла, Св. Владимира II ст., Св. Анны и Св. Станислава I, II, III ст., Св. Владимира III ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, французским командорским знаком ордена Почетного легиона, черногорским князя Данила III ст. и другими.

Бабинцев Василий Петрович (1838-17.04.1905, Вена), православный, цеховой из Вятки. В 60-е гг. доверенный купца Русанова на Дальнем Востоке. С 1870 г. купец II гильдии в Николаевске-на-Амуре, доверенный А.В. Касьянова. С 1886 г. николаевский купец I гильдии. В 1887 г. причислен к владивостокскому купеческому обществу. Один из учредителей Уссурийского горно-промышленного общества. Гласный Владивостокской городской думы. Член Попечительного совета Владивостокской женской прогимназии (с 17.06.1902). Член комиссии по обсуждению вопроса о переносе останков Муравьева-Амурского во Владивосток (с 20.08.1903). Действительный член общества изучения Амурского края (с 12.01.1887). Потомственный почетный гражданин г. Владивостока. Награжден серебряной медалью за заслуги по духовному ведомству.

Баранов Иосиф Гаврилович (28.03.1835, Минская губерния-1893, Печерск (?)). Из дворян. В 1853 г. окончил Полоцкий кадетский корпус, в звании поручика зачислен в Полоцкий пехотный полк. Участвовал в русско-турецкой войне, в 1855 г. «за отличие против турок произведен в штабс-капитаны». 1859-1861 гг. обучение в Николаевской академии Генерального штаба. В 1864 г. получил назначение на Дальний Восток – в Амурское телеграфное управление. В 1864-1865 гг. начальник экспедиции по прокладке телеграфной линии от Хабаровки до Новгородского поста. 14.01.1866 г. назначен и.д. старшего адъютанта управления войск Приморской области. В 1869 г. назначен и.о. начальника штаба войск Приморской области. 6.03.1872 г. утвержден в должности начальника штаба войск Приморской области. В 1877-1878 гг. принимал участие в боевых действиях против Турции. 5.04.1880 г. назначен военным губернатором Амурской области, находился в должности до 1881 г. С 4.05.1881 г. по 1888 г. занимал пост военного губернатора Приморской области. Принимал участие в подписании Новокиевских соглашений. Награжден медалями и орденами – Св. Станислава I и II ст., Св. Владимира III ст. с мечами, Св. Анны I, II, III ст., Двойного Дракона II ст. II класса (Китай).

Баранов Н.А. (1864 – 31.07.1927, Харбин), полицмейстер Иркутска, Новониколаевска, Владивостока и Благовещенска.

Баранов Эдуард Трофимович (1811-1884), граф генерал-адъютант, член Государственного совета (1868). Получил образование в пансионе Царскосельского лицея. Начал службу в лейб-гвардии Измайловском полку, принимал участие в военных действиях на Кавказе, где, затем командовал лейб-гвардии Преображенским полком. В 1866 г. назначен ливонским, эстляндским и курляндским генерал-губернатором и командующим войсками рижского военного округа, и в том же году – генерал-губернатором северо-западных губерний и командующим войсками виленского военного округа. В 1881 г. назначен членом председателем департамента госу-

личественной экономики; председательствовал в известной «Барановской» комиссии, результатом работы которой явился общий устав российских железных дорог. В 1883 г. руководил совещанием по Амурским делам, посвященном целесообразности выделения из состава Восточной Сибири Приамурского генерал-губернаторства.

Бневский Аркадий Семенович (29.3.1840, г. Брест-1910), общественный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1901). Лютеранин. Из дворян. В 1859 г. окончил Константиновское военное училище, в 1864 г. Николаевскую академию генштаба. С 1859 г. на службе в Киевском военном округе, Костромском пехотном полку. Участник русско-турецкой войны (1877-1878 гг.). 15 мая 1880 г. назначен помощником начальника штаба Восточно-Сибирского военного округа. В 1883 г. командирован для участия в комиссии по укреплению Владивостока и Николаевска-на-Амуре. 14.07.1884 г. назначен помощником начальника штаба Приамурского военного округа. С 27.02.1886 г. по 14.08.1891 г. – военный губернатор Амурской области, с 14.08.1891 г. – и.о. Приамурского генерал-губернатора. С 1892 г. – на службе в Киевском военном округе, Генеральном штабе, в распоряжении военного министра. С 04.1898 г. помощник Приамурского генерал-губернатора, и.о. генерал-губернатора (1898-1899 гг., 1902 гг.). В феврале 1903 г. назначен членом Военного Совета. Награжден русскими и иностранными орденами: Белого Орла, Св. Владимира II, III, IV ст., Св. Анны I, II, III ст., Св. Станислава I, II, III ст., командорским крестом французского ордена Почетного легиона, прусским орденом Красного Орла I класса и медалями. Почетный гражданин г. Благовещенска (10.07.1896 г.) и г. Хабаровска (1903 г.).

Блонский Василий Васильевич (3.01.1875, Николаев Херсонской губернии – после 1945). В мае 1908 г. окончил Восточный институт во Владивостоке. Участник русско-японской войны. В 1908 г. поступил в распоряжение Главного управления Генерального штаба. С (1909) 12.1910 по 1922 гг. помощник военного атташе в генеральном консульстве в Мукдене. С 1922 г. глава русского благотворительного общества в Мукдене. Старшина Мукденской эмигрантской общины и вице-председатель православного братства. С 1925 г. Уполномоченный главы российской эмиграции на Дальнем Востоке и директор реального училища в Мукдене. В марте 1932 г. арестован японцами, но вскоре выпущен. В 11.1935 г. был вынужден вступить в БРЭМ.

Богословский Леонид Алексеевич (1978? – ?). Из семьи священнослужителя. Обучался в Санкт-Петербургской Духовной семинарии. В 1899 г. поступил в Восточный институт. Во время русско-японской войны откомандирован в распоряжении командующего войсками Сибирского военного округа, затем в распоряжении Главного штаба при военноплен-

ных (Пенза). 1910 (1911?)-1916 (1917?) гг. студент при консульстве в Сеуле, июнь 1912 г. студент при консульстве в Токио.

Богоявленский Николай Вячеславович (? – 20.06.1945, Сизтл). Окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета. 4.12.1892 г. поступил на службу в МИД. 7.08.1893 г. назначен секретарем консульства в Чугучаке, 7.07.1899 г. перевелся на ту же должность в Кульджу. Во время боксерского движения в Китае был командирован в Маньчжурию. 5.01.1902 г. назначен консулом в Урумчи. С 1.07.1908 г. по 1913 г. занимал должность чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Последний российский генеральный консул в Номе и Сизтле. Награжден орденами: Св. Анны II и III ст., Св. Станислава II и III ст.

Бринер Юлий Иванович (Юлиус Иоганн) (1849, Швейцария-1920), швейцарец, владивостокский купец I гильдии (1896), судовладелец, промышленник, владелец свинцовых и цинковых рудников в с. Тетюхе, коммерческий агент Голландии и Норвегии, потомственный почетный гражданин Владивостока. Обучался в коммерческой гимназии в Женеве. С 1870 г. совладелец английской торговой паровой фирмы с филиалами на Дальнем Востоке. Вел деятельность в Шанхае, Иокогаме, Корее. В 1880 г. поселился во Владивостоке. В 1890 г. принял русское подданство. Владел экспортно-импортную конторой, инвестировал деньги в лесную, угольную, полиметаллическую промышленности края. Один из создателей и акционер «Акционерного горнопромышленного общества «Тетюхе»».

Будищев Алексей Федорович (1830-1868, ст. Казакевичево), один из первых исследователей лесов Приморья, лесоустроитель, подполковник корпуса лесничих. Выпускник лесного института, в 1850 г. произведен в прапорщики и приписан к корпусу лесничих в Петербурге. 12.04.1859 г. присвоен чин штабс-капитана, а 8 мая 1859 г. командирован в Восточную Сибирь для изучения лесов Приморья и Приамурья. Общая протяженность пройденного маршрута в Приморье – две тысячи верст, лесные угодья описаны на 1250 верстах.

Будогосский Константин Федорович (1822-1875), полковник, оберквартирмейстер при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Муравьева, начальник Уссурийской топографической экспедиции (1859-1860 гг.) Окончил Николаевскую военную академию генерального штаба. Участник заключения Айгуньского договора с Китаем (1858).

Бурачек Евгений Степанович (7.01.1836, Петербург – 24.03.1911, Петербург), один из основателей Владивостока. В 1851 г. окончил Морской корпус, в 1852 – 1859 гг. служил на Балтийском море. 09.1860 г. – старший офицер клипера «Разбойник». В 1861-1863 гг. командир порта и команды поста Владивосток. 1863-1886 гг. служба в 6, 7, 8 Флотских экипа-

жах. В 1888 г. произведен в контр-адмиралы и уволен на пенсию. С 1888 по 1908 гг. – служба в Государственном контроле. Награжден орденами Св. Станислава II и III ст., Св. Анны III ст.

Буссе Николай Васильевич (Вильгельмович) (1826 (1828?), Петербург – 28.08.1866 г., Благовещенск). Сподвижник Г.И. Невельского в Амурской экспедиции. Окончил Пажеский корпус, служил в Семеновском полку. С 1848 г. – чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве. В 1853 г. – подполковник, в 1856 г. – полковник. В 1853-1855 гг. – первый начальник русской администрации на о. Сахалине, командовал сплавом по Амуру в 1856 г. В 1857 г. – начальник штаба войск Восточной Сибири. В 1858-1866 гг. в чине генерал-майора – первый военный губернатор Амурской области.

Бюцов (Бютцов) Евгений Карлович (1837-1904), русский дипломат. С 1856 г. секретарь по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной Сибири, участвовал в переговорах, приведших к заключению Айгуньского договора 1858 г. с Китаем. С 1858 г. на службе в МИД России. Работал в дипломатических и консульских представительствах в Китае и Японии: 1862-1865 гг. – консул в Тяньцзине; 1866-1870 г. консул, а с 1871 по 1873 гг. генеральный консул в Хакодате. В 1873 (74*)-1883 г. посланник в Китае. В 1883-1884 гг. – в отставке. В 1884-1889 гг. посланник России в Турции, в 1889-1897 гг. – в Иране, в 1897-1904 гг. – посланник «при дворе короля Швеции и Норвегии».

* Lensen G. Russian diplomatic and consular officials in East Asia. Florida. 1968. – P. 22.

Валуев Аркадий Михайлович (1.02.1861, Санкт-Петербург – ?), генерал-майор. Потомственный дворянин Смоленской губернии. Воспитывался в V Санкт-Петербургской гимназии, окончил курс Варшавского пехотного юнкерского училища (1882) и Николаевской академии генерального штаба (1889). В 1889 г. назначен на службу в Кавказский военный округ. 26.09.1893 г. назначен начальником строевого отделения штаба Севастопольской крепости. 22.11.1895 г. назначен и.д. старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа. С 13.04.1899 г. командующий 6 Восточно-Сибирского линейного батальона. 25.06.1899 г. назначен начальником обороны устьев р. Амур. С 31.08.1900 г. командир Николаевского крепостного пехотного батальона. 6.07.1904 г. назначен командиром 47 пехотного Украинского полка. С 22.07.1905 г. командир 59 пехотного Гурийского полка. 1.09.1905 г. командирован и.д. начальника штаба заамурского округа пограничной стражи. 13.09.1905 г. распоряжением главнокомандующего назначен военным губернатором и начальником войск Сахалина, с 19.04.1906 г. военный губернатор о. Сахалин, произведен в генерал-майоры. С 20.10.1910 г. по 1913 г. занимал пост военного губернатора Амур-

ской области и наказного атамана Амурского казачьего войска. В 1913 г. произведен в генерал-лейтенанты и уволен со службы в отставку. Почетный гражданин г. Благовещенска (2.04.1914 г.). Награжден медалями и орденами Св. Станислава II и III ст., Св. Анны II и III ст., Св. Владимира III ст., японским орденом Священного сокровища II ст.

Вальден Аксель Кириллович (?-1916). Выходец из Финляндии. Провизор. Заместитель первого городского головы Владивостока (1875). Член Биржевого комитета.

Вальден Франц Акселевич (16.08.1871, Владивосток-1943, Шанхай). Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Жил во Владивостоке и Харбине. Преподавал на юридическом факультете в Харбине. В конце жизни переехал в Шанхай.

Венюков Михаил Иванович (23.04.1832, с. Никитское Рязанской губернии – 4.07.1901, Ницца), русский географ, путешественник, историк, этнограф. Дворянин. Окончил кадетский корпус (1850), Академию Генерального штаба (1856). С 1857 г. на государственной службе в Восточной Сибири, участник сплавов по Уссури и Амуру. В 1859-1860 гг. служил в Средней Азии, в 1861-1863 гг. – на Кавказе, в 1863-1867 гг. – в Польше. Исследовал р. Амур, дал научное описание оз. Иссык-Куль и верховьев р. Чу, составил географическое и этнографическое описание Северо-Западного Кавказа. В 1868 г. совершил путешествие вокруг света. В 1869-1870 гг. в заграничной командировке по странам Дальнего Востока. В 1877 г. эмигрировал из России. В 1880-1900 гг. совершил поездки с научными целями в Индокитай, Северную Африку, Южную и Центральную Америку и др.

Витте Сергей Юльевич (17.06.1849, Тбилиси, — 28.02.1915, Петроград), граф, русский государственный деятель. Окончил в 1870 г. физико-математический факультет Новороссийского университета (Одесса). В том же году назначен начальником движения Одесской железной дороги, в дальнейшем (около 20 лет) работал в частных железнодорожных обществах. С 1889 г. директор департамента железных дорог министерства финансов; с февраля 1892 г. министр путей сообщений, а с августа 1892 г. министр финансов. Председатель Комитета министров с 1903 г., Совета Министров в 1905-1906 гг. Ушел в отставку 16.04.1906 г. Последние годы жизни провёл в Петербурге и за границей.

Галкин-Враский Михаил Николаевич (1834-1916), начальник Главного тюремного управления в 1879 – 1896 гг.

Гельмерсен Петр Андреевич (Александрович)* (?-1877), Генштаба штабс-капитан при штабе сухопутных и морских сил Восточной Сибири, в 70-е гг. полковник Генштаба, действительный член русского географического общества. Исследователь северной части Внутренней Монголии.

В 1864, 1865 гг. руководил экспедициями по изучению Южно-Уссурийского края.

* Селищев А. Контакты русских и корейцев (1860-е годы) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. – № 4. – С. 130.

Гирс Николай Карлович (9.05.1820, близ г. Радзивилов-14.01.1895, Петербург), русский дипломат. Родился в семье чиновника. Начал службу в Азиатском департаменте министерства иностранных дел в 1838 г. В 1856-1858 гг. – генеральный консул в Египте, в 1858-1863 гг. – в Молдове и Валахии. В 1863-1869 гг. – посланник России в Иране, в 1869-1872 гг. – в Швейцарии, в 1872-1875 гг. – в Швеции. В 1875-1882 гг. товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом МИД, сенатор. В отсутствие канцлера А.М. Горчакова неоднократно управлял министерством. В 1882-1895 гг. – министр иностранных дел России.

Гомбоев Георгий Николаевич. Окончил Иркутскую гимназию курс школы переводчиков и толмачей в Урге (Монголия) 1.06.1898 г. принят на государственную службу канцелярским служителем с зачислением в штат канцелярии Приамурского генерал-губернатора, с откомандированием в распоряжение Российского генерального консульства в г. Урге. 1.09.1900 г. назначен переводчиком китайского языка при пограничном комиссаре Амурской области. В июле 1901 г. перешел на должность переводчика управления гражданской частью в Порт-Артуре. Награжден китайским орденом Двойного Дракона IV ст.

Гондатти Николай Львович (8.11.1861, Москва – 5.04.1946, Харбин), первый гражданский генерал-губернатор Приамурского края, этнограф, приват-доцент Московского университета. Подробнее см. гл. III.

Горемыкин Иван Логгинович (27.10.1839, Новгород, – 11.12.1917, на Кавказе) – государственный деятель. Окончил курс в училище правоведения. Был комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском, с 1866 г. вице-губернатором плоцким, с 1869 г. келецким. В 1873 г. назначен членом комиссии по крестьянским делам Царства Польского при министерстве внутренних дел. В 1880-1881 гг. участвовал в ревизии Саратовской и Самарской губерний, производившейся сенатором И.И. Шамшиным. Составлял гласным боровичского уездного земства. В 1882 г. товарищ обер-прокурора 1-го департамента Сената, в 1884 г. – обер-прокурор 2-го департамента. В 1891 г. назначен товарищем министра юстиции, в 1894 г. сенатором и управляющим межевой частью; 2.04.1895 г. товарищ министра, а 15.10.1895 г. – министр внутренних дел. В 1899 г. оставил должность министра, с назначением членом Государственного совета. В 1905 г. назначен председателем особого совещания по укреплению крестьянского землевладения. С 22 апреля по июль 1906 г. председатель Совета. Вновь

назначен на должность председателя Совета Министров 30.01.1914 г. и занимал ее до 20.01. 1916 г.

Горчаков Александр Михайлович (4.06.1798, Хаапсалу, – 27.02.1883, Баден-Баден, похоронен в Петербурге), князь, русский дипломат, государственный деятель, канцлер Российской империи (с 1867 г.). Воспитывался в Царскосельском лицее. С 1817 г. на дипломатической службе. В 1820–1822 гг. участвовал в работе конгрессов Священного союза в Троппау, Лайбахе и Вероне. В 1824–1841 гг. работал в русских дипломатических представительствах в Лондоне, Риме, Берлине, Флоренции, Вене. В 1841–1850 гг. посланник в Штутгарте; в 1850 – 1854 гг. – чрезвычайный посланник при Германском союзе во Франкфурте-на-Майне; в 1854 – 1856 г. сначала управляющий посольством, затем посланник в Вене, принимал участие в Венской конференции. В 1856–1882 гг. – министр иностранных дел. С 1879 г. по состоянию здоровья фактически отошёл от управления министерством, в 1882 г. получил формальную отставку.

Граве Владимир Владимирович (1880, Санкт-Петербург – 25.02.1930, Мукден), дипломат и востоковед. Окончил Александровский лицей. Уполномоченный министерства иностранных дел в Приамурском крае. Участник Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти. Первый секретарь Российского посольства в Пекине (5.1912 – 1917 гг.). Камер-юнкер, статский советник, награжден орденом Св. Владимира IV степени. Член общества Русских ориенталистов. Чиновник в Русско-Азиатском банке, представитель Харбинских фирм в Пекине. Написал несколько работ о Дальнем Востоке.

Грибский Константин Николаевич (8.09.1845 – ?), генерал-лейтенант, военный губернатор Амурской области. Из дворян Смоленской губернии. Окончил Новгородский кадетский корпус, в 1865 г. I Павловское училище, в 1872 г. Николаевскую академию генерального штаба. 15.04.1872 г. назначен в Киевский военный округ, в марте 1879 г. переведен в Харьковский военный округ. 4.10.1879 г. назначен начальником штаба 35 пехотной дивизии, 28.05.1882 г. назначен начальником штаба I Гренадерской дивизии. В 1890 г. начальник гарнизона г. Моршанска, в 1891 г. начальник штаба Брест-Литовской крепости. 25.09.1892 г. назначен начальником штаба 15 армейского корпуса. 20.07.1895 г. назначен начальником штаба Приамурского военного округа; 2.07.1897 г. военным губернатором Амурской области. 28.02.1902 г. переведен в распоряжение начальника Главного Штаба. Являлся председателем попечительного совета при Хабаровской женской гимназии (1895 г.), избирался товарищем председателя Приамурского Окружного управления Российского общества Красного Креста (1896). Награжден орденами Св. Владимира III и IV ст., Св. Анны II и III ст., Св. Станислава I, II, III ст.

Гродеков Николай Иванович (22.09.1843-12.12.1913, Петербург), Приамурский генерал-губернатор (1898-1902 гг.), генерал от инфантерии, член Государственного Совета (с 1902 г.), постоянный член Государственного Совета Обороны (1905-1913 гг.), первый председатель Приамурского отдела Российского географического общества (1894-1898 гг.). Подробнее см. в гл. II.

Громбчевский Бронислав Людвигович, полковник. Окончил Варшавское пехотное юнкерское училище. Службу начал в Туркестанском округе. 26 июля 1876 г. назначен ординарцем к полковнику флигель-адъютанту князю Зейн-Витгенштейн-Берлембург. 23 января 1880 г. командирован на службу по военно-народному управлению в распоряжение военного губернатора Ферганской области. 11.06.1885 г. назначен старшим чиновником особых поручений при военном губернаторе Ферганской области. 23.05.1892 г. назначен в состав Памирского отряда для введения гражданского управления на Памирах и для заведования на правах уездного начальника Алайским и Памирским населением. 11.07.1892 г. назначен и.д. Омского уездного начальника; с 5.04.1895 г. – младший чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. 23.07.1896 г. назначен пограничным комиссаром Амурской области. С 26.05.1899 г. – пограничный комиссар Южно-Уссурийского края. 26.08.1899 г. назначен комиссаром по гражданской части Квантунской области.

Грушецкий Александр Николаевич (18.08.1862 – 6.01.1910, Мукден), из дворян Московской губернии. Окончил Санкт-Петербургский университет по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду факультета восточных языков. 3.05.1886 г. поступил на службу в Азиатский департамент МИД. Занимал должности студента Миссии в Пекине (1887-1893 гг.), секретаря консульств в Корее, в Бродах, делопроизводителя VIII класса в I департаменте МИД. 14.02.1900 г. назначен чиновником по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. 27.07.1900 г. прибыл в г. Хабаровск, к службе приступил 1.08.1900 г. 11.09.1903 г. командирован в Порт-Артур. С 1.02.1904 г. по 6.02.1905 г. в составе полевого управления Маньчжурской армии; начальник дипломатической канцелярии при главнокомандующем. 1907-1910 гг. – генеральный консул в Мукдене. Кавалер орденов: Св. Станислава II и III ст., Св. Анны III ст., Бухарского Золотой Звезды (III ст.), Персидского Льва и Солнца (IV ст.), Сиамского Белого Слона (IV ст.), Болгарского Александра (IV ст.), серебряной медалью в память императора Александра III, бронзовой медалью за поход в Китай.

Дадешкеллиани Константин Николаевич (19.08.1857, с. Барш (Сванетия) – ?). Князь. В апреле 1876 г. окончил 6 классов Кутаисской гимназии. С 18 июля 1886 г. исправляющий должность сверхштатного чиновника

особых поручений 7 класса при Приамурском генерал-губернаторе. За время службы в этой должности совершил командировку в Корею (1884-1885), в.и. должность заседателя окружного суда Приморской области (с 28.10.1885 г. по 6.01.1886 г.), был личным секретарем А.Н. Корфа во время проведения в 1886 г. съезда сведущих людей в Хабаровске, полгода находился в командировке в Амурской области, изучая местность между р. Амуром и двумя притоками – Амгунью и Буреєю, в 1887 г. возглавил караван с золотом шедший из Иркутска в Санкт-Петербург. 19.01.1888 г. уволен в отставку и уехал в Тифлис. Награжден орденами Св. Станислава III ст., Св. Анны III ст.

Датган Адольф Васильевич (1849, Тюрингия-1924, Наумбург), владивостокский купец I гильдии (1885), действительный статский советник (1911), гласный Владивостокской городской Думы. Родился в семье священника, лютеранин. В 1871 г. переехал во Владивосток, а с 1886 г. стал совладельцем фирмы «Кунст и Альберс». В 1884 г. принял русское подданство. В 1887 г. стал гласным владивостокской городской Думы. В 1914 г. обвинен в шпионаже, сослан в Томскую область. В 1919 г. возвратился во Владивосток, а в начале 20-х эмигрировал из России. Награжден медалью «За усердие» и орденом Св. Станислава III ст.

Деспот-Зенович Александр Иванович (1828-1895), кяхтинский градоначальник в 1859-1862 гг. Дворянин, католик, окончил юридический факультет Московского университета. В 1849 г. за неблагонадежность выслан в Пермь под надзор, в 1850 г. – переведен на службу в Восточную Сибирь, 1851 г. – чиновник особых поручений ГУВС, 1852 г. – кяхтинский пограничный комиссар, в 1855 г. снят надзор, в 1859 г. – кяхтинский градоначальник, в 1860 г. статский советник, в 1862-1867 гг., тобольский губернатор.

Доброловский Илья Амвлихович (1874 (1877?), г. Каменец Подольской губернии – 22.03.1920, Харбин). Родился в семье священника. Окончил духовную семинарию; китайско-маньчжурское отделение Восточного института. В 1904 г. студентом-старшекурсником прикомандирован к штабу 17 армейского корпуса, затем при комиссаре Мукденской провинции. Совершил поездку в низовья Сунгари для изучения языка и быта гольдов. Получив диплом, поселился в Харбине. С 1909 по 1916 гг. – помощник редактора газеты «Юань дун бао». С 1915 г. председатель общества русских ориенталистов в Харбине. Ответственный редактор журнала «Вестник Азии». В 1920 г. возглавил редакцию журнала «Экономический вестник Маньчжурии». Покончил жизнь самоубийством. Награжден китайским правительством орденом «за выдающиеся заслуги газеты в деле сближения Китая и России на почве культурно-экономического взаимодействия» (1913).

Духовской Сергей Михайлович (7.10.1838-1.03.1901), Приамурский генерал-губернатор, генерал от инфантерии, член Государственного Совета. Подробнее см. в гл. II.

Евсеев Александр Гаврилович (1841, Минусинск – 24.08.1892, Владивосток) гласный Владивостокской городской думы, член управы. В 1876 г. приехал во Владивосток.

Еремеев Иннокентий Иванович (27.02.1869, Киевская губерния-12.11.1925, Харбин). Окончил Александровское военное училище. С 08.1896 г. служил офицером в Приамурском военном округе. Городской голова Хабаровска (1906-1913 гг.) и Владивостока (1919-1920 гг.). С 20.11.1912 г. редактор-издатель газеты «Известия Хабаровского городского самоуправления». Во время гражданской войны участвовал в правительствах братьев Меркуловых и М.Е. Дитерихса.

Жариков Василий Анисимович (Онисимович) (1858, Благовещенск (?)) – 14.03.1927, Владивосток), православный, предприниматель, купец I гильдии. Образование домашнее. С 1877 г. занимался подрядными работами во Владивостоке, крупный владелец недвижимости. Старшина собрания приказчиков во Владивостоке и редактор-издатель его органа «Листка объявлений общества приказчиков во Владивостоке (с 21.06.1908 г.). Член владивостокской городской управы, гласный Владивостокской городской Думы. Торговый депутат от Думы (17.06.1902 г., 18.12.1907 г.). Член оценочной комиссии городского имущества, ревизионной комиссии, депутации по приемке Высочайшей грамоты (26.04.1903 г.), учетного комитета городского банка. Председатель церковно-приходского попечительства, член попечительства о тюрьмах.

Занадворов Полиевкт Алексеевич. Состоял в службе с 19.02.1859 г., в ведомстве с 17.02.1862 г., в должности Южно-Уссурийского исправника с 25.08.1882 г. Награжден орденами: Св. Станислава II и III ст. и Св. Анны III ст.

Игнатъев Николай Павлович (17.01.1832, Петербург – 20.06.1908, имение Круподерницы Киевской губернии) граф, российский государственный деятель, дипломат, генерал от инфантерии (1878). Учился в пажеском корпусе. В 1848 г. поступил в лейб-гвардии гусарский е.и.в. полк. В 1851 г. окончил академию Генерального штаба. В 1856 г. назначен военным агентом в Лондон. В 1857-1858 гг. – возглавлял военно-дипломатическую миссию в Хиву и Бухару, в ходе которой подписал торговый договор с Бухарой. В 1859-1861 гг. уполномоченный с особым поручением в Китае, вел переговоры об утверждении китайским правительством Айгуньского договора. После начала англо-французской интервенции в Китае выступил посредником между воюющими сторонами, подписал Пекинский договор. В 1861-1864 гг. директор Азиатского департамента МИД России. В 1864-

1877 г. – посланник, затем посол, в Константинополе. С 1878 г. – в отставке. В 1881-1882 гг. министр внутренних дел.

Казакевич Петр Васильевич (1816 (1817) – 11.12.1887), адмирал, первый военный губернатор Приморской области. Дворянин. Окончил Морской кадетский корпус в 1833 г. В 1834-1848 гг. служил на Балтике. В Сибири с 1849 г., участвовал в экспедиции Г.И. Невельского. В 1851 г. занял должность офицера для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. В 1854 г. командовал первым амурским сплавом. С 26.03.1856 г. назначен и.о. Камчатского военного губернатора. В конце 1856 г. произведен в контр-адмиралы с назначением военным губернатором учрежденной Приморской области. В 1861 г. состоял комиссаром «по разграничению При-Амурского края с китайскими владениями». В 1865 г. переведен на Балтику, с произведением 27.03.1866 г. в вице-адмиралы. В (1866) 1871 г. – главный командир и военный губернатор Кронштадта. В 1883 г. – член Военного Совета и Совета Адмиралтейства.

Казаринов Антоний Михайлович, (14.04.1858, Тульская губерния после 1916) коллежский советник. Закончил первую Московскую военную гимназию, Александровское военное училище. 16.04.1878 г. произведен в прапорщики в 6 резервную артиллерийскую бригаду, 16.11.1878 г. переведен в 22 артиллерийскую бригаду, 5.08.1887 г. вышел в отставку штабс-капитаном. С 27.03.1896 г. назначен главным комиссионером Нерчинского горного округа. 19.06.1897 г. назначен почетным мировым судьей округа Читинского окружного суда. 2.04.1904 г. перешел на службу по ведомству МВД начальником Влощевского уезда Келецкой губернии Царства Польского. Во время войны с Японией в 1904-1905 гг. состоял уполномоченным Российского общества Красного Креста в г. Хабаровске. 16.05.1905 г. назначен чиновником особых поручений VI класса при Приамурском генерал-губернаторе сверх штата, 1.09.1905 г. зачислен в штат и повышен в классе. В августе 1912 г. назначен на должность горного исправника Приморской области. В 26.04.1913 г. утвержден директором Николаевского отделения комитета попечительного о тюрьмах общества. Награжден орденами Св. Станислава II и III ст., Св. Анны II ст.

Карпов В.Д. В 1855 г. закончил юридический факультет Петербургского университета, недолго прослужил в Петербургской городской думе, затем после короткой отставки поступил в ГУВС. В ГУВС некоторое время числился столоначальником, после – чиновник особых поручений, глава «путевой канцелярии генерал-губернатора». Замещал кяхтинского пограничного комиссара. В 1861 г. стал членом Совета ГУВСа, управляющим его IV отделением (личная канцелярия генерал-губернатора). В 1867 г. оставлен при МВД «для рассмотрения вопроса об устройстве быта ссыльных Сибири», затем стал членом Совета министров.

Кассини Артур Павлович (1835-1919), граф, русский дипломат, русский посланник в Пекине (1891-1897 гг.), Вашингтоне.

Кафаров Петр Иванович (Архимандрит Палладий) (17.09.1817, м. Старошешминск, Чистопольского уезда, Казанской губернии – 6.12.1878, Марсель), ученый–востоковед. Родился в семье священника. Учился в Казанской духовной семинарии (1832-1838 гг.) и Петербургской духовной академии. В 1839 г. зачислен в состав Духовной миссии в Пекине, пострижен в монахи и наречен Палладием, начальник 13 Духовной миссии в Пекине. 1860-1864 гг. настоятель церкви Русского посольства в Риме. В 1864 г. вновь возглавил Духовную миссию в Пекине. Совершил, по предложению географического общества, экспедицию в Уссурийский край для этнографических и археологических исследований (1870-1871 гг.).

Кейзерлинг Карл-Генрих-Теодор-Альфред (Альфред Гугович) (13.05.1861, Поневеж, Ковенской губернии – 7.04.1939, Каунас), надворный советник, граф. Окончил курс в Дерптском университете по предмету политической экономии историко-филологического факультета и статистики со званием действительного студента. Поступил 4.05.1887 г. в департамент неокладных сборов; 1.09.1888 г. назначен и.д. младшего чиновника особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе. В 1891 г. покинул Дальний Восток. В 1892-1897 гг. Секретарь совета императорского воспитательного общества благородных девиц (Смольного института). С 1902 г. член, позже, председатель Царскосельской уездной земской управы (до 1914 г.). Во время I мировой войны (3.08.1914 – 29.08.1914 гг.) был арестован по подозрению в шпионаже. После революции выехал в Латвию. Награжден орденом Св. Станислава III ст.

Коковцев Владимир Николаевич (6.4.1853, Новгород, – 1943, Париж), российский государственный деятель, граф (1914), сенатор, член Государственного Совета. По окончании курса в Александровском лицее служил в министерстве юстиции, потом по тюремному ведомству; в 1890 г. перешел в Государственную канцелярию. В 1896-1902 гг. товарищ министра финансов (С.Ю. Витте). В 1902 – 1904 гг. государственный секретарь. В начале 1904 г. назначен министром финансов. 24 октября 1905 г. его место занял И.П. Шипов. С 24.04.1906 г. по январь 1914 г. – министр финансов. 30.01.1914 г. уволен от должности министра финансов и председателя совета министров.

Колюбакин Алексей Михайлович. Генерал-майор. Окружной дежурный генерал штаба Туркестанского военного округа. Военный губернатор Приморской области с 18.01.1903 г. по 10.08.1905 г. И.д. начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска.

Коростовец Иван Яковлевич (25.08.1862 – 1.01.1933, Париж), дипломат, востоковед. В 1884 г. окончил Царскосельский лицей. С 13.06.1884 г.

приступил к работе в Азиатском отделе. С 1.05.1890 г. по 1894 г. – второй секретарь миссии в Пекине. С 29.08.1899 г. чиновник по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области. С 5 августа по 7 сентября 1900 г. исполнял обязанности консула в Тяньцзине. С 24.04.1902 г. российский генеральный консул в Бушире. С 8.06.1902 г. делопроизводитель V класса в первом департаменте МИДа. Секретарь С.Ю. Витте при заключении русско-японского договора в Портсмуте в 1905 г. С 10.03.1906 г. вице-директор Первого департамента МИД. 9.05.1908 г. назначен Чрезвычайным и полномочным посланником в Пекине. С 28.05.1912 г. Чрезвычайный и полномочный посланник в Марокко. 15.08.1912 г. командирован в Ургу. С 30.10.1912 г. Чрезвычайный и полномочный посланник при Персидском дворе. Тайный советник (с 22.03.1915). Председатель Учетно-ссудного банка Персии. 24.07.1915 – 19.07.1917 гг. Член совета МИД.

Корсаков Михаил Семенович (1826-16.03.1871, Петербург) – государственный деятель, член Государственного Совета. До 15 лет воспитывался при родителях в подмосковном имении; в 1845 г. окончил школу гвардейских прапорщиков; в 1848 г. назначен офицером по особым поручениям к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву; участвовал в экспедиции на Амур в 1851 г. В 1855 г. назначен командующим Амурскими войсками. С 15.02.1856 г. по 16.05.1860 г. – военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска. В 1860 г. назначен председателем Совета главного управления Восточной Сибири. С 1861 по 1871 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири.

Корф Андрей Николаевич (10.02.1831 – 7.02.1893, Хабаровск), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, первый приамурский генерал-губернатор. Подробнее см. гл. III.

Кояндер Александр Иванович (1847 – 26.10.1910, Швейцария), русский дипломат. Окончил Лазаревский институт восточных языков, в 1865 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел. Прошел курс обучения в учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД. В 1871 г. студент при русской миссии в Пекине, 1872-1882 г. секретарь русской миссии в Пекине, в 1883-1886 г. первый секретарь в Пекинской миссии. С 1886 г. по 1902 г. генеральный консул в Египте, с 1902 г. по 1910 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Лиссабоне.

Крестовский Всеволод Владимирович (11.02.1840, с. М. Березанка, Киевская губерния-18.01.1895, Варшава), русский писатель, журналист. Из старинного дворянского рода. В 1857 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, проучился два года. Стал известен, опубликовав в 1864-1867 гг. роман «Петербургские трущобы». С 1870 г. на военной службе, участвовал в русско-турецкой войне. Летом

1880 г. – секретарь для военно-сухопутных сношений при Главном начальнике русских морских сил в Тихом океане адмирале С.С. Лесовском. Полгода жил в Японии. Позднее чиновник в Туркестане, чиновник особых поручений при МВД, с 1892 г. главный редактор газеты «Варшавский дневник».

Кривошеин Александр Васильевич (19.07.1857, Варшава, – 28.10.1921, Берлин) государственный деятель, гофмейстер, статс-секретарь. Окончил юридический факультет в Петербургском университете. Службу начал в Москве, в архиве министерства юстиции. Министерством внешних дел был командирован во Владивосток, для исследования колонизации; затем занимал должности комиссара по крестьянским делам в Калашской губернии, в 1896–1904 гг. заместитель начальника, в 1904–1905 гг. начальник переселенческого управления министерства внутренних дел. В 1905 г. назначен товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием, в 1906 г. – членом Государственного совета. С октября 1906 г. состоял товарищем министра финансов, заведя дворянским и крестьянским банками. С 21.05.1908 г. по ноябрь 1915 г. занимал пост главноуправляющего землеустройством и земледелием. После революции – глава белогвардейского правительства генерала П.Н. Врангеля в Крыму (1920 г.), затем – в эмигрировал во Францию.

Кропоткин Лев Алексеевич. По окончании курса в I военном Павловском училище, произведен 8.08.1879 г. в подпоручики I В.–С. великого князя Алексея Александровича линейный батальон; 22.04.1881 г. прикомандирован к начальнику Южно-Уссурийского округа для занятий по гражданской части; временно исполняющий должность помощника начальника Южно-Уссурийского округа и начальника Верхне-Уссурийского участка; 25.08.1882 г. земский заседатель. В 1884 г. избран членом комитета Общества изучения Амурского края. 25.10.1884 г. назначен секретарем Южно-Уссурийского переселенческого управления; 2.11.1889 г. вр.и.о. заведующего переселением в Южно-Уссурийском крае. 25.01.1892 г. уволен в отставку по МВД. 1.10.1902 г. вновь принят на государственную службу и назначен на должность крестьянского начальника в Приморскую область в Черниговский участок. 30.01.1905 г. уволен в отставку. Награжден орденом Св. Станислава III ст.

Кроун Александр Егорович (8.04.1823 – 26.01.1900), вице-адмирал, I главный командир портов Восточного океана и военный губернатор Приморской области. В 1841–1850 гг. служил на Балтике, выполнял гидрографические работы в Финляндских шхерах. В апреле 1846 г. произведен в лейтенанты. С июля 1853 г. плавал в эскадре Путятина на корвете «Оливия» и фрегате «Паллада» в Тихом океане и Японском море. 26.08.1856 г. произведен в капитан-лейтенанты и назначен офицером для особых пору-

чений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. В сентябре 1860 г. в Англии принял под командование канонерскую лодку «Морж» и 24.05.1862 г. прибыл на ней в Николаевск. Служил агентом морского министерства в Северо-Американских Соединенных Штатах, Англии. 20.04.1870 г. произведен в контр-адмиралы, назначен командиром портов Восточного океана и военным губернатором Приморской области. 1.07.1875 г. уволен с должности, переведен на Балтийский флот младшим флагманом. С сентября 1876 г. – по июль 1877 г. находился в командировке в Неаполе, США. 20.02.1884 г. назначен командующим отрядом судов в Тихом океане. В 1884-1885 гг. нес крейсерскую службу в морях Дальнего Востока и на Тихом океане. 22.10.1885 г. переведен на Балтийский флот. В 1888 г. произведен в вице-адмиралы.

Кузьмин Никита Дмитриевич (15.07.1866 – ?). Из мещан Санкт-Петербургской губернии. Воспитывался во Владивостокской классической прогимназии и окончил Иркутское пехотное юнкерское училище, а 15.05.1903 г. корейско-китайское отделение Восточного института. В 1884 г. принят на службу в 8 Восточно-Сибирский стрелковый батальон вольноопределяющимся. С 1884-1886 гг. учился в Иркутском юнкерском училище. В 1886 г. вернулся в свою часть. 15.11.1887 г. переведен в 7 Восточно-Сибирский стрелковый батальон. В 1896 г. исполнял обязанности помощника военного агента в Корее (Сеуле). 10.01.1897 г. назначен инструктором корейской императорской охраны гвардии. 20.06.1898 г. прикомандирован к окружному штабу Приамурского военного округа. В 02.1904 г. командирован в штаб Маньчжурской армии, 12.03.1904 г. назначен начальником Разведывательного отделения Восточного отряда Маньчжурской армии. В 1904 г. командирован в штаб заместителя на Дальнем Востоке. 22.03.1906 г. назначен временно исполняющим обязанности пограничного комиссара Амурской области. 15.08.1912 г. назначен и.д. пограничного комиссара Южно-Уссурийского края. 6.12.1912 г. произведен в полковники. 8.05.1914 г. утвержден в должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, исполнял ее по 1923 г. После ликвидации комиссариата – безработный. В 1925 г. главный содержатель имущества морской инспекции частей пограничной охраны Приморского губернского отдела ОГПУ, уволен в ноябре того же года. 21.05.1926 г. арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии. 29.11.1926 г. осужден на три года лагерей. Отбывал наказание в Соловецком лагере ОГПУ. В 06.1997 г. реабилитирован. Награжден орденами Св. Анны II и III ст., Св. Станислава III ст. и II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с бантом, серебряной медалью в память Александра III.

Кунст Густав Иванович (1835-1905), гамбургский купец, известный дальневосточный предприниматель. Вместе с Г.В. Альберсом являлся ос-

нователем и владельцем торговой фирмы «Кунст и Альберс». В 1898 г. вышел из дела.

Купер Генри (Карл-Генри) (?-1911), американский гражданин, владивостокский купец. В 70-е гг. XIX в. приехал во Владивосток. Принял русское подданство. Владелец земельных участков во Владивостоке, гостиниц, трактиров.

Лазарев Петр Степанович, генерал-майор. В службе с 1858 г. Окончил Николаевскую академию. В должности военного губернатора Амурской области, командующего войсками и наказного атамана Амурского казачьего войска с 27.06.1881 г. по 27.02.1886 г. Награжден орденами Св. Владимира III и IV ст., Св. Анны III ст., Св. Станислава I, II, III ст.

Лакшевиц Конрад Александрович, статский советник (ок. 1869 – ?). Лютеранин. 20.12.1889 г. окончил курс в Дерптском университете кандидатом историко-филологического факультета. 16.07.1891 г. поступил на службу чиновником особых поручений при военном губернаторе Приморской области. В 1898 г. назначен советником Приморского областного правления, в том же году переведен правителем канцелярии Нижегородского губернатора. 17.06.1906 г. вновь перешел на службу на Дальний Восток правителем канцелярии Приамурского генерал-губернатора. 6.12.1907 г. произведен за отличие в статские советники. В 1913 г. уволен от службы в отставку по болезни. Награжден орденами Св. Владимира IV ст., Св. Анны II ст., Св. Станислава II и III ст.

Ламздорф Владимир Николаевич (25.12.1844 – 6.03.1907, Сан-Ремо (Италия)), граф, русский государственный деятель. Образование получил в Пажеском корпусе. На службе в министерстве иностранных дел с 1866 г. В 1882-1896 гг. директор канцелярии министерства; ученик и ближайший помощник министра иностранных дел Н.К. Гирса. В 1897 г. товарищ министра иностранных дел; занимал должности управляющего министерства и министра иностранных дел Российской империи (1900-1904 гг., октябрь 1905 – 1906 гг.). С 1906 г. – член Государственного совета.

Ланин Владимир Васильевич (1826 -?). прибыл в Николаевск-на-Амуре в конце 50-х гг. XIX в., купец II гильдии. В 1862 г. открыл в Николаевске-на-Амуре фотографию. В 1870 г. переехал во Владивосток, где продолжил занятия фотографией. С 1881 г. выполнял обязанности общественного нотариуса. Уехал из Владивостока в конце 80-х гг. XIX в.

Лединг Генрих Иванович, полковник. Воспитывался в Митавском реальном училище и в Московском пехотном юнкерском училище. 20.09.1882 г. поступил на службу вольноопределяющимся в 3 пехотный Нарвский полк. 17.06.1893 г. переведен на службу в I Восточно-Сибирский стрелковый батальон, 4.03.1897 г. переведен в Приморский конный дивизион. 15.12.1897 г. прикомандирован к I Забайкальскому казачьему

полку. Служил в Маньчжурии. С 28.12.1905 г. вр.и.д. полицмейстера г. Владивостока, 26.06.1906 г. назначен и.д. полицмейстера г. Владивостока, 8.02.1908 г. утвержден в должности. В 1914 г. поступил в действующую армию, 25.09.1914 г. сдал должность полицмейстера. Награжден орденами Св. Станислава III и II ст. с мечами, Св. Анны III и II ст. оба с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, японским орденом Восходящего солнца IV ст., китайским орденом «Колос ржи» III ст.

Лесовский Степан Степанович (23.08.1817 (1818?) – 26.02.1884) участник первых плаваний русских кораблей в Японском море. Окончил Морской корпус. В 1834-1853 гг. плавал в Балтийском, Черном, Средиземном морях. В 1853-1855 гг. совершил переход к берегам Японского моря. В 1858-1863 гг. капитан над Кронштадским и Петербургскими портами. В 1863-1864 г. командующий Атлантической эскадрой. В 1876-1880 гг. управлял Морским министерством. В 1880 г. возглавлял Морские силы на Тихом океане. В 1882-1884 гг. – адмирал, председатель комиссии по пересмотру Морского Устава.

Линевич Николай Петрович (1838-1908), генерал от инфантерии. Начал военную службу рядовым. В 1900-1903 гг., стоял во главе I сибирского корпуса, во время похода на Пекин командовал русским отрядом. В 1903-1904 гг. исполнял обязанности Приамурского генерал-губернатора. В 1903 г. назначен командующим войсками Приамурского военного округа. С началом русско-японской войны до прибытия на театр военных действий Куропаткина (15.03.1904 г.) командовал маньчжурской армией. При образовании новых армий в октябре 1904 г. назначен командующим I маньчжурской армией. 3.03.1905 г. назначен на место главнокомандующего. После заключения мира остался в Маньчжурии, заведую эвакуацией войск, затрудненной забастовками и бунтами. Нежелание прибегать к особенно крутым мерам против стачечников привело к тому, что было назначено расследование по обвинению в бездействии власти, вскоре прекращенное. В феврале 1906 г. уволен с должности главнокомандующего. Почетный гражданин Никольск-Уссурийска (1904).

Лихачев Иван Федорович (31.03.1826-15.11.1907), участник первых плаваний русских кораблей в Японском море. Окончил Морской корпус. 1844-1850 гг. – служба на Черном море. В 1850 г. на корвете «Оливуца» вышел к берегам Тихого океана. С 1851 г. командир этого судна. Через Сибирь возвратился в Петербург, где некоторое время был помощником редактора «Морского сборника». С началом Крымской войны отправился в Севастополь, занял должность флаг-офицера при В.А. Корнилове и его преемнике Станюковиче. В 1858 г. назначен адъютантом к великому князю Константину Николаевичу, принял деятельное участие в разработке всех начатых при нем преобразований по морскому ведомству. В 1860 г. в ки-

тайских водах сформировал Тихоокеанскую эскадру из 8 кораблей. В 1863–66 гг. командовал на Балтике отрядом крейсеров, а затем Первой русской броненосной эскадрой. Последующие 17 лет служил морским атташе в Англии и Франции. В 1883 г. в чине вице-адмирала ушел в отставку.

Лицзинъюн (Ли-Цзен-Юн, Ли Цзинъюн) (ок. 1835, Хунань – зима 1890, Мохо) – в 80-х гг. пограничный комиссар, заведующий переселением на территории между Омосо и Хуньнуом, помощник управляющего округа Чаньчунь, начальник Гиринаского округа. В 1882 г. чиновник III степени. В 1886 г. участвовал в переговорах по редемаркации границы в устье р. Туманная, в 1887 г. в совместных русско-китайских межевых работах в зазейском анклав. Занимался благотворительной деятельностью – содержал в Тяньцзине несколько странноприимных домов; оказывал материальную помощь переселенцам в Хуньнунском районе. Совершал неоднократные инспекционные поездки в китайские поселения на территории русского Дальнего Востока. После разгона Желтугинской республики назначен в Мохо главноуправляющим делами амурских приисков, с правами даотая.

Маак Ричард Карлович (23.08 (4.09).1825, Арнсбург, Эстония, - 13.11.1886, Петербург), известный географ и натуралист, исследователь Сибири. Окончил Петербургский университет. В 1853-1855 гг. участвовал в экспедиции, впервые описавшей орографию, геологию и население бассейна рек Вилюй, Олёкма и Чона. Исследовал долину р. Амур (1855-1856 гг.). В 1859 г. вместе с сотрудником Сибирского отдела Российского географического общества этнографом А.Д. Брылкиным совершил путешествие по р. Усури до оз. Ханка. Опубликовал первое систематизированное географическое исследование Уссурийского края Главные труды Маака: «Путешествие на Амур» (1859); «Путешествие в долину реки Усури» (1861), «Вилюйский округ Якутской области» (1877-1886); «Очерк флоры Уссурийской страны» (1862).

Макаров Александр Александрович (1857-1919), государственный деятель, член государственного совета. По окончании Санкт-Петербургского университета служил в министерстве юстиции; в 1901 г. – прокурор судебной палаты, затем старший председатель харьковской судебной палаты; с 1906 г. – товарищ министра внутренних дел П.А. Столыпина; руководил полицейской частью министерства и вел борьбу с революционным движением. В сентябре 1911 г., с должности государственного секретаря, назначен министром внутренних дел. 16.12.1912 г. Макаров уволен с должности министра внутренних дел. В 1916 г. – министр юстиции.

Маклаков Николай Алексеевич (9.09.1871 – 23.08.1918, Москва) государственный деятель, действительный статский советник (1911), гофмейстер (1913). Окончил курс филологического факультета в Москве; на-

чал службу податным инспектором в Суздале. В 1900-1909 гг. служил в министерстве финансов, в 1909-1912 гг. черниговский губернатор. 16.12.1912 г. назначен министром внутренних дел. В январе 1915 г. назначен членом Государственного совета. В 1915 г. уволен с должности министра внутренних дел с оставлением членом Государственного совета. 27.02.1917 г. арестован и по постановлению ВЧК расстрелян.

Маковский Игнатий Иосифович (1840 – ?), военный юрист, участник I Хабаровского съезда. С 7.01.1885 г. городской голова Владивостока, повторно выбран на эту должность в ноябре 1887 г.

Манакин Михаил Михайлович (9.02.1862 – ?), из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил 2 санкт-петербургскую гимназию (2 кадетский корпус), в 1882 г. Павловское военное училище, в 1893 г. Николаевскую Академию генерального штаба. 15.06.1893 г. прибыл к месту службы в Виленский военный округ. 20.05.1895 г. назначен обер-офицером для поручений при командующем войсками Амурской области. 4.08.1895 г. назначен помощником старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа. 10.11.1895 г. назначен старшим адъютантом штаба войск Забайкальской области. С 20.04.1900 г. по 20.06.1900 г. временно исполняющий дела начальника штаба Владивостокской крепости. В 1900-1901 гг. принимал участие в операциях в Маньчжурии. С 15.08.1906 г. по 8.03.1907 гг. – исполняющий обязанности военного комиссара в Гирине. С 23.02.1907 г. по 20.06.1910 г. – консул в Цицикаре. 3.07.1910 г. назначен командиром I бригады 10 Сибирской стрелковой дивизии в Благовещенске. 28.02.1911 г. назначен военным губернатором Приморской области и наказным атаманом Уссурийского казачьего войска. 3.01.1914 г. назначен начальником Азиатской части Главного штаба. 26.02.1914 г. назначен представителем от военного министерства (по Туркестанскому краю) в совет по горнопромышленным делам при Министерстве торговли и промышленности. 13.05.1917 г. уволен от службы по болезни. Награжден орденами: Св. Владимира II, III, IV ст. с мечами и без, Св. Анны I и III ст. с мечами и бантами, Св. Станислава I ст., II ст. с мечами и III ст., китайским орденом Двойного дракона II класса II ст., японским орденом Восходящего солнца II ст., сиамским орденом Корона I ст., бухарским «Тадж».

Мартос Николай Николаевич (20.11.1858-1914), из дворян Полтавской губернии. Окончил Петровско-Полтавскую военную гимназию, I Павловское военное училище. Выпущен в 1877 г. с зачислением по армейской пехоте и с прикомандированием к лейб-гвардии Волынскому полку. В 1880 г. поступил в Николаевскую академию генерального штаба. После окончания академии назначен в Кавказский военный округ, с 1894 г. проходил службу в Одесском военном округе. В 1900 г. в качестве начальника

штаба десантного корпуса направляется на Дальний Восток. Участвовал в действиях в Китае в 1900 г. По окончании этих событий направляется в Одесский округ. В 1902 г. получил звание генерал-майора. 17.10.1904 г. назначен в распоряжение командующего II Маньчжурской армией; 16.02.1905 г. назначен начальником штаба 8 армейского корпуса. 6.08.1905 г. назначен командующим 15 пехотной дивизией; 29.12.1907 г. назначен помощником Приамурского генерал-губернатора. В должности помощника Приамурского генерал-губернатора, командующего войсками Приамурского военного округа и войскового наказного атамана Амурского и Уссурийского казачьих войск прослужил до конца 1910 г., затем назначен помощником командующего войсками Виленского военного округа. 27.02.1911 г. назначен командиром 15 армейского корпуса и 31.05.1913 г. произведен в генералы от инфантерии. Погиб в боях с немцами в I Мировую войну. Награжден орденами, в том числе, за участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. орденами: Анны IV ст. с надписью «за храбрость», Станислава III ст.

Масленников Александр Алексеевич (1866 (?) – 24.03.1917, Владивосток), выходец из старинной московской купеческой семьи, прапорщик запаса. Во Владивосток приехал в конце XIX в. Председатель владивостокского биржевого комитета, вице-президент Приморского общества поощрения коннозаводства, учредитель Владивостокского коммерческого банка, Владивостокского купеческого общества взаимного кредита, коммерческого суда, председатель Владивостокского отделения военно-промышленного комитета, почетный мировой судья, нештатный Бельгийский консул. В 02.1915 г. призван в ополчение и направлен в Омский округ, но вскоре приказ отменен. Член правления и Попечительного общества Восточного института, член Общества изучения Амурского края.

Матвеев Николай Петрович (8.01.1865, г. Хакодате-1940 (1941?), г. Кобе), литератор и журналист. Родился в семье фельдшера в российском консульстве в Хакодате. Закончил школу при Владивостокском порту. Работал во владивостокских газетах «Владивосток», «Далекая окраина», «Восточный вестник» и других. Редактор журнала «Природа и люди Дальнего Востока». В 1904 г. присвоено звание личного Почетного гражданина Владивостока. Избирался гласным городской Думы, членом городской управы, председателем публичной библиотеки им. Н.В. Гоголя, товарищем председателя Общества народных чтений, Секретарем общества изучения Амурского края, председателем комиссии по празднованию 50-летия Владивостока. В 1909, 1912, 1914 гг. организовал и возглавил первые экскурсии учащихся Владивостока в Японию. За связь с русскими эмигрантами в Нагасаки арестован. В 1919 (1921) г. эмигрировал в Японию, где занимался литературной и журналистской деятельностью.

Матюнин Николай Гаврилович (?-1908 (?)), коллежский советник, пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае. Окончил Александровский императорский лицей. Состоял на службе с 13.12.1869 г., в должности с 29.07.1885 г. Исполнял обязанности коммерческого агента министерства финансов в Маньчжурии и Корее. С 1888 г. фактически исполнял обязанности российского консула в Северной Корее, в 1893 г. официально назначен консульским агентом в Хамкиендо (Корея). В 1897 г. назначен поверенным в делах в Корее. В августе 1898 г. назначен консулом в Мельбурн. В июле 1899 г., не побывав в Австралии, освобожден от должности консула и вызван из Сеула в Петербург «по случаю возложения на него особого поручения». 13.08.1899 г. бринеровская концессия на р. Ялу оформлена на Н.Г. Матюнина и коммерции советника М.О. Альберта. Один из организаторов в мае 1903 г. «Русского лесопромышленного товарищества на Дальнем Востоке». Награжден отечественными и зарубежными орденами.

Менард (Менар) Август (1831-1902), французский гражданин, владивостокский купец II гильдии (1890) и фермер. С 1875 г. поселился во Владивостоке и занимался поставкой продовольствия для учреждений Морского ведомства. В 1890 г. принял российское подданство. Владел молочным магазином, кафе, рестораном, животноводческой фермой на о. Попова.

Меркулов Спиридон Денисович (1870, Благовещенск-1957, Сан-Франциско). В 1896 г. окончил гимназию в г. Благовещенске. В 1896-1898 гг. учеба на юридическом факультете университета в Санкт-Петербурге. По окончании университета вступил в адвокатуру Владивостокского окружного суда. В 1898-1903 гг. – Приамурский инспектор Северного страхового общества. Участник многочисленных комитетов, съездов, посвященных перспективам развития Дальнего Востока. Председатель Приамурского Временного правительства (с 26.05.1921). Эмигрировал в США.

Муравьев-Амурский Николай Николаевич (11.08.1809, Санкт-Петербург – 12.11.1881, Париж), граф, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847-1861 гг., генерал от инфантерии (1858), член Государственного Совета. В 1827 г. окончил Пажеский корпус. Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и Польском походе 1831 г. С 06.1846 г. по 09.1847 г. – тульский военный и гражданский губернатор, 5.09.1847 г. назначен Иркутским и Енисейским генерал-губернатором, командующим войсками, расположенными в Восточной Сибири. Руководил экспедициями в 1854-55 гг. по Амуру. Был уполномочен вести переговоры с китайским правительством и подписал Айгуньский договор 1858 г., утвердивший государственную границу России с Китаем. С 1861 г. – в отставке.

Надаров Иван Павлович (3.01.1851 – ?) – генерал от инфантерии. 23.06.1897 г. назначен помощником начальника штаба Приамурского военного округа с переводом в Генеральный Штаб. Военный губернатор За-

байкальской области, командующий войсками и наказной атаман Забайкальского казачьего войска (1901-1904). Подробнее см. гл. I.

Некрасов Николай Виссарионович (20.10.1879, Петербург – 7.05.1940), деятель кадетской партии, один из лидеров её левого крыла. Родился в семье священника. Окончил институт путей сообщения. В 1902-1907 гг. преподаватель (профессор) Томского технологического института. В 1908-1917 гг. депутат 3-й и 4-й Государственных дум, 6.11.1916 г. избран товарищем председателя Государственной думы. В годы 1-й мировой войны 1914-1918 гг. товарищ председателя Главного по снабжению армии комитета Всероссийского земского и городского союзов. После Февральской революции член Временного комитета Государственной думы и Временного правительства (министр путей сообщения, заместитель председателя Совета министров, министр финансов). В июле 1917 г. перешёл в радикально-демократическую партию. В сентябре – октябре 1917 г. генерал-губернатор Финляндии. После Октябрьской революции работал в кооперации; в 1921-1930 гг. заведующий отделом и член правления Центросоюза РСФСР и СССР. Преподавал в Московском университете и в Московском институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (1924-1930 гг.).

Нератов Анатолий Анатольевич, товарищ министра иностранных дел (1900-1917), временно управляющий министерством иностранных дел (ноябрь – декабрь 1916 г.)

Омельянович-Павленко Яков Павлович. Тайный советник. Уроженец Полтавской губернии. Окончил физико-математический факультет Харьковского университета, в 1871 г. поступил на службу в хозяйственный департамент МВД. 15.07.1884 г. переведен в канцелярию Приамурского генерал-губернатора на должность делопроизводителя. С 1.10.1886 г. по 6.07.1910 г. вице-губернатор Приморской области. В 1906 г. назначен почетным мировым судьей Владивостокского окружного суда. Награжден орденами: Св. Владимира III и IV ст., Св. Анны I и III ст., Св. Станислава I, II, III ст., японским Восходящего солнца II ст., прусским «Короны» II класса со звездой, китайским «Двойного дракона» II ст. II класса.

Павлов Александр Иванович (? – ?), дипломат. В 1891-1893 гг. атташе в русской миссии в Пекине, 1894 г. студент при миссии в Пекине, 1895 г. второй секретарь, а с 1896 по 1898 гг. первый секретарь в русской миссии, поверенный в делах в Пекине. С 08.1898 г. по 1902 г. поверенный в делах, а с 1903 г. по 20.12.1905 г. посланник в Корею.

Панов Виктор Ананьевич (1854-1922). Окончил техническое училище Морского ведомства и 1.06.1871 г. в Кронштадте вступил в действительную службу. В Сибирской флотилии с 31.08.1879 г. Соредатор газеты «Владивосток» (1885). Заведующий мореходными картами и инструментами при управлении дирекции маяков и лоции Восточного океана

(8.03.1886 – 6.03.1893 гг.). С 30.06.1887 г. по 7.01.1889 г. – директор маяков и лоции Восточного океана. Заведующий Владивостокскими Александровскими мореходными классами (28 ноября 1890 г.). Редактор и издатель газеты «Дальний Восток» (31.12.1891-17.06.1921 гг., не регулярно в 1922 г.). 12 июля 1893 г. уволен в отставку. Городской голова Владивостока (1903-1905 гг.). Мировой судья (1906-1912 гг.).

Перфильев Василий Власьевич (25.01.1865 – 25.06.1914), статский советник. Родился в семье урядника Забайкальского казачьего войска. Окончил Харьковский университет со степенью кандидата физико-математических наук, 19.12.1892 г. – Военно-медицинскую академию со степенью лекаря. В 1893 г. поступил на службу младшим врачом в 168 пехотный резервный Острожский полк. В том же году переведен в Приамурский военный округ врачом для командировок окружного военно-медицинского управления, 7.10.1893 г. прибыл в Хабаровск. 1 ноября 1897 г. перемещен на гражданскую службу по ведомству МВД и назначен делопроизводителем канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Летом 1904 г. назначен чиновником особых поручений V класса при Приамурском генерал-губернаторе. В 1906 г. назначен почетным мировым судьей округа Владивостокского окружного суда на трехлетие 1906-1909 гг. С 1909 г. по 18 июня 1912 г. и.д. губернатора Камчатки. Награжден орденами Св. Станислава II и III ст., Св. Анны II и III ст., Св. Владимира IV ст.

Петелин Илья Иванович (? – ?), журналист, редактор и востоковед. Окончил Восточный институт в 1907 г. Преподаватель китайского языка в Харбинском коммерческом училище КВЖД. Переводчик с китайского и английского языков. Редактор газеты «Голос Родины». Второй редактор ежедневной вечерней газеты «Рупор». Член ОРО.

Петров Федор Иванович, коллежский асессор. 25 июля 1868 г. окончил военно-чертежную школу, поступил на службу писарем II разряда в 87 пехотный Нейшлотский полк; 12.04.1874 г. причислен к Забайкальскому областному правлению; 2.09.1877 г. назначен Нерчинским окружным стряпчим; 16.10.1879 г. перемещен чиновником особых поручений Приморского областного правления; 27.05.1880 г. назначен и.д. полицмейстера Николаевского городского управления. 1.01.1881 г. утвержден в должности. 25.08.1885 г. назначен и.д. полицмейстера г. Владивостока, 17.10.1886 г. утвержден. Награжден орденом Св. Станислава III ст.

Подставин Григорий Владимирович (9.06.1875, Рыбинск – 23.03.1924, Харбин), кореевед. Окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета в 1898 г. Находился в научной командировке в Корее в 1899-1900 гг. С 1900 г. инспектор Восточного института и и.д. профессора корейской словесности. Первый ректор Государственного Дальневосточно-

го университета, профессор по кафедре корейской словесности в 1920-1922 гг. В конце 1922 г. эмигрировал в Корею, а затем уехал в Маньчжурию. Директор гимназии в Харбине.

Пржевальский Николай Михайлович (31.03.1839, д. Кимборово Смоленской губернии – 20.10.1888, с. Каракол), русский путешественник, исследователь Центральной Азии, почетный член Петербургской академии наук, генерал-майор. Родился в семье помещика. Окончил Смоленскую гимназию. 24.11.1856 г. произведен в прапорщики и направлен в Полоцкий пехотный полк. Окончил академию генерального штаба. С 1864 г. преподаватель географии в Варшавском юнкерском училище. В 1867 г. переведен в Сибирь. Руководитель экспедиций в Уссурийский край (1867-1869 гг.), четырех экспедиций в Центральную Азию (1870-1885 гг.).

Родичев Федор Измаилович (1852-1932), общественно-политический деятель, юрист, публицист, член ЦК партии кадетов, депутат 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Государственной думы, комиссар Временного правительства по делам Финляндии (март – май 1917 г.), в 1918-1919 гг. выполнял в Сербии дипломатические поручения Деникина, с 1919 г. жил в Греции, с 1920 г. в Польше, затем в Швейцарии.

Рудаков Аполлинарий Васильевич (9.06.1871, г. Ленкорань Бакинской губернии-11.05.1949, Владивосток). Обучался в 7-й классической гимназии в Санкт-Петербурге (окончил в 1891 г.), в 1896 г. окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета, после три года стажировался в Пекине. В 1899 г. прибыл во Владивосток. Профессор Восточного института. С 1906 г. по апрель 1917 г. директор Восточного института. Профессор китайского языка и китаеведения в ГДУ до 1939 г. После ликвидации университета работал преподавателем китайского языка на военном отделении Института востоковедения, позже преобразованного в курсы военных переводчиков ТОФ.

Русанов Александр Николаевич (7.05.1881-13.07.1936, Шанхай), общественный и политический деятель, педагог. Окончил Санкт-Петербургский университет. В 1908 г. назначен преподавателем естественной истории в Хабаровское реальное училище. Директор Гродековского музея (1909-1910 гг.) В 1912 г. избран депутатом IV Государственной думы. С 03.1917 г. по 11.1917 г. – комиссар Временного правительства по Дальнему Востоку. С 12.1921 г. директор реального училища в Шанхае.

Сазонов Сергей Дмитриевич (29.07.1860 – 25.12.1927, Ницца), государственный деятель, дипломат. Из дворян Рязанской губернии. На дипломатической службе с 1883 г. В 1909-1910 гг. товарищ министра иностранных дел, с сентября 1910 г. по июль 1916 г. – министр иностранных дел. Был посланником в Ватикане, послом в Великобритании (1916-1917 гг.). С 1913 г. присутствующий член Государственного Совета. В 1918-

1920 гг. – член правительств А.И. Деникина и А.В. Колчака. Впоследствии – эмигрант.

Свечин Иван Николаевич (? –1930 (?)). Служил в системе МВД. С 23.01.1910 г. по 26.02.1911 г. военный губернатор Приморской области. Затем оставлен при МВД.

Семенов Яков Лазаревич (1831, Минусинск-1913, Владивосток), первый гражданский житель и первый староста Владивостока. Почетный гражданин города, купец I гильдии. Торговал в Николаевске-на-Амуре, посту Ольга и в 1861 г. переехал во Владивосток. В 1864 г. начал вести торговлю с Китаем. 27.03.1870 г. избран первым старостой Владивостока. В 1870-1875 гг. безвозмездно выполнял обязанности старосты, отдав свой дом под канцелярию. Основатель рыбных промыслов. В течение многих лет был гласным городской Думы, делегатом трех первых Хабаровских съездов.

Синельников Николай Петрович (1805-1894), государственный деятель, генерал от инфантерии, сенатор. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончив курс во втором кадетском корпусе, служил в гренадерском корпусе, затем был последовательно губернатором во Владимире, Житомире, Москве и Воронеже. В 1860-1864 гг. состоял генерал-интендантом Первой армии, расположенной в Царстве Польском, позже – главный управляющий всеми тюрьмами в России (способствовал облегчению участи заключенных, особенно поляков). С 1871 по 1874 гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири. С 1874 г. проживал в Петербурге и в Харькове.

Сколков Иван Григорьевич (1814 – 3.12.1879), генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1832 г. поступил в Морской кадетский корпус. 19 декабря произведен в мичманы с оставлением в офицерском классе (Николаевская морская академия). В 1838 г. сопровождал императора Николая I в Стокгольм и «за отличие произведен в лейтенанты. В 1839 г. участвовал в абхазской экспедиции. В 1841 г. назначен адъютантом к начальнику главного морского штаба. В 1842 г. на фрегате «Камчатка» ходил в Данциг за прусским королем, затем переведен в гвардейский экипаж. В 1845 г. произведен в капитан-лейтенанты. В 1846 г. командовал люгером «Петергоф». В 1851 г. произведен в подполковники корпуса флотских штурманов, с оставлением на прежней должности. В 1853 г. состоял при начальнике главного морского штаба и чрезвычайном посланнике князе Меншикове в Константинополе. 18.11.1853 г. участвовал в Синопском сражении, за что произведен в полковники корпуса штурманов, с назначением флигель-адъютантом. В 1860 г. произведен в генерал-майоры с назначением в свиту его величества и оставлением в прежней должности и по корпусу штурманов. В 1861, 1866 гг. совершал инспекционные поездки в Западную Сибирь, в 1869 г. в чине генерал-адъютанта возглавлял межведомственную комиссию, направленную в Приамурье. Награжден ордена

ми: Св. Владимира с бантом, Св. Владимира III ст., Белого Орла, прусским орденом Красного Орла. Пожалован прусским королем серебряной медалью «за достоинство по служению в звании фельдфебеля из гардемарин».

Слюнин Николай Васильевич (1850-1926). Действительный статский советник, чиновник Министерства финансов. Окончил Медико-хирургическую академию в 1882 г. Служил судебным врачом. Собирал материалы по истории, этнографии, экономике Дальнего Востока. 30.09.1908 г. прикомандирован к Приамурскому генерал-губернатору, как чиновник особых поручений 5 класса при министерстве финансов. Св. Станислава I ст., Св. Владимира III ст.

Смирнов Евгений Тимофеевич (? – ?). Обучался в Самарской и Саратовской духовных семинариях, но полного курса не окончил. 26 января 1871 г. поступил работать помощником бухгалтера, 26 февраля 1875 г. перемещен на должность бухгалтера Ташкентского областного казначейства. 14 августа 1876 г. назначен на должность делопроизводителя Сыр-Дарьинской строительной дорожной комиссии. 1 февраля 1886 г. назначен на должность старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Сыр-Дарьинской области. 20 июня 1897 г. назначен на должность советника Сыр-Дарьинского областного правления. 12 февраля 1899 г. назначен делопроизводителем канцелярии Приамурского генерал-губернатора. 18 сентября 1899 г. назначен пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае. Награжден орденами Св. Станислава II, III ст., Св. Владимира IV ст.

Спешнев Николай Алексеевич, полковник. Проходил службу в 9 Сибирской стрелковой бригаде в Чите. Окончил японско-китайское отделение Восточного института в 1910 г. Пограничный комиссар Амурской области. В годы гражданской войны служил советником штаба американских войск во Владивостоке. В 1922 г. вышел в отставку и проживал на ст. Океанская.

Спицын Александр Васильевич (10.11.1876, Уварово Тамбовской губернии – 24.11.1941, Харбин). Студентом Восточного института во время русско-японской войны прикомандирован к канцелярии военного комиссара Мукденской провинции. В 1906 г. с отличием окончил китайско-маньчжурское отделение Восточного института. С 1906 по 1921 гг. возглавлял редакцию ежедневной газеты «Юань дун бао», издававшейся в Харбине на китайском языке трехтысячным тиражом, редактировал также газету «Шен-цзин-бао». С 14.01.1910 г. определен на службу в министерство финансов. С 10.11.1911 г. по 10.01.1912 г. и.д. Пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, уволен со службы в чине коллежского секретаря. С 1.01.1914 г. приглашен на должность иностранного советника по дипломатическим делам при губернаторе Хэйлуцзянской провинции сро-

ком на три года. С 29.10.1914 г. чиновник особых поручений 6 класса министерства финансов. В мае 1916 г. приглашен на должность советника при Председателе Главного Гиринского Железнодорожного дипломатического бюро в Харбине. В 1917 г. чиновник особых поручений министерства финансов. Участвовал в мирных переговорах с китайскими властями о передаче им КВЖД во время гражданской войны. Один из основателей Мулинских и Шасунских копей. Первый председатель общества русских ориенталистов, член Общества изучения Маньчжурского края. В 1913 г. награжден китайским правительством орденом «за выдающиеся заслуги газеты в деле сближения Китая и России на почве культурно-экономического взаимообщения».

Сташевский Арсений Дмитриевич (30.01.1851 – 28.09.1916), генерал-лейтенант, военный губернатор Приморской области. Окончил I Московскую военную гимназию и III военное Александровское училище. В службу вступил 28.08.1868 г. В 1870 г. произведен в прапорщики, в 1871 г. – поручик, в 1874 г. – штабс-капитан. В 1873 г. участвовал в Хивинском походе, в 1875-1880 гг. – в Кокандской экспедиции под командованием М.Д. Скобелева. Участвовал в турецкой кампании. В 1899 – 1901 гг. находился в запасе. В 1901 г. вернулся на службу, назначен в распоряжение командующего войсками Киевского округа. С декабря 1902 г. командующий Оренбургской казачьей конно-артиллерийской бригады. С 21.01.1914 г. по 1916 г. – военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска. Награжден орденами, в том числе в 1879 г. – орденом Св. Станислава с мечами.

Столыпин Петр Аркадьевич (2.04.1862, Дрезден (Германия) - 5.09.1911, Киев), государственный деятель. Из старинного дворянского рода. Воспитывался в виленской и орловской гимназиях; окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, с 1884 г. служил в министерстве внутренних дел. В 1902 г. губернатор Гродненской, в 1903-1906 гг. – Саратовской губернии. Перед созывом I Государственной думы (26.04.1906) назначен министром внутренних дел. 8.07.1906 г. одновременно с роспуском Думы назначен председателем Совета министров, с сохранением портфеля министра внутренних дел. Смертельно ранен эсером Д.Г. Богровым.

Суботич Деан Иванович (7.05.1852, Вена – ?), генерал-лейтенант, военный губернатор Приморской области, генерал-губернатор Приамурского края. Из австрийских дворян. По окончании шестиклассной гимназии приехал в Россию. 27.09.1867 г. поступил юнкером во II военное Константиновское училище, окончил в 1869 г. В 1871-1874 гг. – учеба в Николаевской академии Генерального штаба. В 1875 г. служил на Кавказе. Участник русско-турецкой войны. В 1894 г. произведен в генерал-майоры с наз-

начением помощником начальника штаба Приамурского военного округа. С 11.06.1897 г. по 29.08.1898 г. – военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска. В 1898-1899 гг. – начальник Квантунского полуострова и командующий, расположенными на нем войсками. В 1899 – 1901 гг. – командующий войсками Квантунской области. В 1901-1902 гг. начальник Закаспийской области и командующий II Туркестанского армейского корпуса. С 2.11.1902 г. по 7.09.1903 г. – Приамурский генерал-губернатор, командующий войсками Приамурского военного округа. С 7.09.1903 г. член военного совета Военного министерства. В 1905 г. назначен Туркестанским генерал-губернатором. В 1906 г. уволен от службы.

Суханов Александр Васильевич (15.08.1863-1921, Владивосток). Воспитанник Благовещенского духовного училища. Службу начал 12.09.1878 г. канцелярским служителем II разряда Забайкальского областного правления. С 7.07.1882 г. секретарь Николаевского-на-Амуре городского полицейского управления. Занимал разные должности в Приморском областном управлении. С 9.05.1884 г. правитель путевой канцелярии военного губернатора Приморской области. С 9.04.1889 г. – пристав Посыетского участка. С 15.01.1890 г. окружной начальник Южно-Уссурийского округа. С 14.10.1895 г. по 27.07.1896 г. и.д. заведующего переселенческим управлением Южно-Уссурийского края. С 29.07.1895 г. старший советник Приморского областного правления. Неоднократно исполнял обязанности губернатора Приморской области. С 1897 г. почетный мировой судья Владивостокского окружного суда. Неоднократно избирался членом Владивостокской городской Думы. В отставке со званием действительный статский советник (с 31.10.1910). Председатель общества сельских хозяев, член попечительного Совета Владивостокской женской гимназии. С 11 февраля 1916 г. редактор журнала «Приморский хозяин».

Сычевский Аркадий Валерьянович (21.01.1860 – ?), генерал от инфантерии (6.12.1914). Участник русско-японской войны. С 18.12.1904 г. командир 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, с 9.03.1905 г. начальник 2-й бригады 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. С 1.3.1906 г. военный губернатор Забайкальской области, с 22.8.1906 г. – Амурской области, а также командующий войсками области и наказной атаман Амурского казачьего войска. С 23.7.1910 г. начальник 10-й Сибирской стрелковой, с 15.2.1911 г. -35-й пехотной дивизии. С 19.02.1913 г. начальник Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи. 28.12.1913 г. назначен командиром V Сибирского АК, 8.02.1914 г. – II Сибирского АК, во главе которого вступил в войну в составе 10-й армии. С 8.05.1915 г. командир IV Сибирского АК, с 1.10.1915 г. – XXIII АК, с 19.10.1916 – VII АК. После Февральской революции потерял пост и

5.4.1917 г. зачислен в резерв чинов при штабе Одесского военного округа
4.05.1917 г. уволен от службы по прошению с мундиром и пенсией.

Таскин Сергей Николаевич, действительный статский советник. В 1883 г. после окончания Александровского лицея поступил на службу в Министерство финансов. 30.09.1884 г. назначен помощником столоначальника хозяйственного департамента. 31.12.1886 г. переведен на должность младшего столоначальника хозяйственного департамента. 9.06.1888 г. назначен Александровским окружным начальником. С 1.01.1898 г. вице-губернатор Амурской области. 26.01.1909 г. по болезни уволен со службы.

Тауц Л.П. (? – ?) Полицейский надзиратель Хабаровского городского полицейского управления, в 1898 г. командирован на ту же должность в Квантуне, затем был начальником участка Бидзыво; в 1903 г. полицмейстер в Порт-Артуре. 4 октября 1906 г. назначен Хабаровским полицмейстером, в 1909 г. назначен исправляющим обязанности Никольск-Уссурийского полицмейстера.

Тимашев Сергей Иванович (1858 – ?) – министр торговли и промышленности. Окончил Александровский лицей. После непродолжительной службы в Сенате, отправился за границу для продолжения образования. В 1866 г. начальник отдела департамента торговли и мануфактуры. В 1893 г. -- товарищ управляющего Государственного Банка, с 1903-1909 гг. – управляющий. В 1909 г. – министр торговли и промышленности, с 1911 г. член Государственного Совета.

Тихменев Михаил Павлович (1834, Богодухов (Харьковская губерния)-1890, Рыбинск), генерал-майор, военный губернатор Приморской области. Из дворян Ярославской губернии. Военную службу начал в 1852 г. унтер-офицером в Угличском егерском полку. 14 мая 1854 г. выпущен прапорщиком в пехотный полк. Участник обороны Севастополя, состоял адъютантом при штабе начальника севастопольского гарнизона князя Васильчикова. В 1860 г. состоял при главном штабе военного министерства. В 1863 г. переведен в Приамурье, в 1865 г. начальник штаба Приморской области. В 1873 г. произведен в генерал-майоры. В 1874 г. командир 35 пехотной дивизии, участник кампании 1877-1878 гг. В 1878-1880 гг. – начальник штаба военного губернатора Приморской области. В Хабаровку прибыл с женой и тремя сыновьями осенью 1880 г., в связи с переводом военной и гражданской администрации Приморской области из Николаевска в Хабаровку. С 4.06.1880 г. по 29.04.1881 г. военный губернатор Приморской области. 26.11.1880 г. избран почетным гражданином Хабаровки. Летом 1881 г. покинул Дальний Восток, обосновался в собственном имении под Рыбинском.

У-да-чэн (Wu Ta-cheng) (6.06.1835 – 6.03.1902), гражданский и военный чиновник, археолог, каллиграф, уроженец провинции Аньхуй. В 1870 г.

секретарь Ли Хунчжана. В 1873-1876 гг. специальный уполномоченный по образованию в Шэньси и Кансу, одновременно в 1871-1873 гг. и в 1876-1879 гг. неоднократно командировается в Чжилийскую провинцию. В начале 1880 г. в качестве чиновника 3 класса направляется в Гири, где под руководством Мин Аня (1828-1911), военного губернатора Гирина (1877-1883) занимается улучшением системы обороны восточной границы. В 1881 г. основал в Гирине артиллерийский арсенал в европейском стиле, и батареи в Сан-Сине и Хуньчуне, написал руководство по артиллерии. В 1881 г. основал колонизационное бюро в районе Хуньчуна. Принимал участие в работе по проверке пограничных знаков на российско-китайской государственной границе и в подписании Ново-Киевских соглашений. В 1884 г. принимал участие в защите Тяньцзиня. В 1886 г. назначен Квантунским губернатором. В 1898 г. назначен директором академии Лунмень (Lung-men) в Шанхае.

Ульяницкий Леонид Григорьевич (16.07.1884, Одесса – после 1944), востоковед, педагог. Окончил китайско-маньчжурское отделение Санкт-Петербургского университета (с отличием) и практическую восточную академию с дипломом I степени (1910). Поступил на службу 4.03.1911 г. Переводчик китайского языка в канцелярии Приамурского генерал-губернатора с 1.08.1912 г. С 1.01.1914 г. старший помощник делопроизводителя в канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Преподавал в Хабаровске. Сотрудник КВЖД (с 1918). Профессор в Харбине. Награжден орденом Станислава III ст. Автор книг «Албазин и албазинцы», «Приамурский край под скипетром Дома Романовых».

Унтербергер Павел-Симон Федорович (9.08.1842, Симбирск – 12.02.1921, Мекленбург). Военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска, Приамурский генерал-губернатор и командующий войсками Приамурского военного округа. Подробнее см. гл. III.

Федоров Михаил Кузьмич (1840 г., Херсонская губерния-1906, Владивосток), статский советник, первый городской голова г. Владивостока (30.11.1875), промышленник, отставной прапорщик. Службу начал 16.02.1856 г. в 11-м рабочем Черноморском экипаже. Через год произведен в унтер-офицеры, судовой механик в компании Днепроовско-Бугского пароходства. С 11.07.1866 г. служба в Амурском экипаже. Летом 1868 г. участвовал в манзовской войне. В 1871 г. – механик на пароходе «Суйфун». 13.12.1887 г. избран Владивостокским головой, переизбирали на этот пост 10.12.1891 г. и 14.05.1896 г. Награжден орденом св. Станислава III ст.

Фельдгаузен Александр (Васильевич, Александрович, Федорович)* (5.10.1832 – 2.07.1907), контр-адмирал. Из дворян Саратовской губернии. 15.04.1848 г. произведен в гардемарины Черноморского флота. В 1853 г.

участвовал в Синопском сражении. В 1859 г. переведен на Балтийский флот. В 1863-1873 гг. служил на коммерческих судах. В 1873-1876 гг. служба на Балтике. В 1877 – 1886 гг. командир Сибирского флотского экипажа, главный командир портов Восточного океана и военный губернатор г. Владивостока. Участник исследований залива Петра Великого. В 1886 г. переведен на Балтийский флот. В 1887 г. в чине вице-адмирала уволен со службы. Почетный гражданин г. Владивостока (21.05.1889 г.).

* В разных источниках приведены разные отчества Фельдгаузена.

Филипченко Владимир Евгеньевич. Отставной лейтенант. Неоднократно избирался гласным думы и членом управы Владивостока. Заведовал библиотекой Морского собрания во Владивостоке. В Обществе изучения Амурского края: действительный член с 15.03.1885 г., член распорядительного комитета (до 24.05.1888 г.), библиотекарь.

Флуг Василий Егорович (19.03.1860 – 3.12.1955, Сан-Франциско), генерал-лейтенант. Окончил II Санкт-Петербургскую военную гимназию. Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию генерального штаба. В 1890 г. направлен на службу в Приамурский военный округ. 4.10.1893 г. назначен командующим 1 эскадрон 11 драгунского Харьковского полка. 16.02.1896 г. назначен и. д. штаб-офицера при управлении 2 Восточно-Сибирской стрелковой бригады. 16.10.1899 г. назначен и. о. начальника военного отдела штаба Квантунской области. Участвовал в походе на Пекин в 1900 г. 21.08.1902 г. назначен начальником штаба Квантунской области. В 1903 г. произведен в генерал-майоры. В годы русско-японской войны генерал-квартирмейстер 2-й Маньчжурской армии. С 21.09.1905 г. по 19.11.1909 г. – военный губернатор Приморской области. 6.12.1908 г. произведен в генерал-лейтенанты. В 1909 г. – начальник 37 пехотной дивизии. В 1913 г. назначен помощником туркестанского генерал-губернатора. С 29.08.1914 г. – генерал от инфантерии. В Первую мировую войну командовал 10 армией Северо-Западного фронта. С 1917 г. в Добровольческой армии. Весной 1918 г. командирован в качестве представителя Добровольческой армии в Сибирь и на Дальний Восток, входил в состав Дальневосточного комитета, а с 3.12.1918 г. стал помощником Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по гражданской части. В 1919 г. вернулся морским путем на юг России, где стал помощником по военной части Главнокомандующего Киевской области. С генералом Врангелем эвакуировался в Югославию (1920). Служил в одном из отделов Военного министерства Югославии. Состоял в РОВС. Перед началом второй мировой войны выехал в Германию, а затем в США. Награжден золотым оружием за взятие крепости Лутай; орденами и медалями, в том числе японским орденом Восходящего солнца II степени, орденом Св. Георгия IV степени (1915). Почетный член Общества русских ветеранов Вели-

кой войны в Сан-Франциско. Постоянно печатался в журналах «Часовой» и «Вестник военных знаний».

Фриз, де; Доганс (Джеймс, Джон) Корнелиус (? – ?) – американец голландского происхождения, николаевский и владивостокский купец II гильдии. В 1858 г. прибыл из Сан-Франциско в Николаевск. В 1859 г. принял русское подданство. Владелец первого частного парохода на Амуре. В 1864 г. переехал из Николаевска во Владивосток. Владелец отеля «Де Лувр», молочной фермы, участков земли. В 1897 г. возвратился в США.

Фуругельм Иван Васильевич (Юган (Юган) Халтусович) (11.3.1821 – 21.09.1909) – исследователь дальневосточных морей. Окончил Мореходное училище в Турку. В 1839-1846 гг. служил на Балтийском море. В 1843-1844 гг. участвовал в гидрографических работах в Финском заливе. В 1846-1847 гг. служил на Черном море. В 1850 г. откомандирован на службу в Российско-Американскую компанию. С 1854-1859 гг. – начальник Аянского порта, в 1859-1864 гг. – главный правитель владений Российско-Американской компании. В 1865 г. произведен в контр-адмиралы. 1865-1870 гг. – военный губернатор Приморской области. С 1870 г. служил на Балтийском море. 1872-1874 гг. – старший флагман Балтийского флота. В 1874-1876 гг. – Таганрогский градоначальник. В 1876-1878 гг. находился на излечении. В 1878-1880 гг. командующий Ревельского порта. В 1880-1886 гг. в распоряжении командира Санкт-Петербургского порта. 24.10.1908 г. произведен в адмиралы с увольнением от службы.

Хагондоков Константин Николаевич (14.09.1871 – ?). Сын войскового старшины из Кабарды. Окончил Николаевскую академию. На Дальнем Востоке начал службу в охранной страже КВЖД в 1898 г. Участник русско-японской войны. Служил в штабе I гвардейской дивизии, потом с 1906 по 1909 год в гвардейском корпусе. Командовал читинским казачьим полком. 20.01.1916 г. назначен военным губернатором Амурской области из Кавказского конного дивизиона. Атаман Амурского казачьего войска. Сложил полномочия в марте 1917 г. Среди наград орден Св. Георгия IV ст. и Георгиевское оружие «За храбрость».

Хрещатицкий Ростислав Александрович (30.03.1841 – 03.1906). Из дворян войска Донского Новониколаевской станицы. Воспитывался в Пажеском корпусе. 16.06.1861 зачислен 25 Донской полк. 27.03.1873 г. назначен командиром 27 Донского казачьего полка. Участник войны с Турцией. 26.03.1881 г. назначен командиром 2 бригады 6 кавалерийской дивизии. 7.05.1884 г. назначен командиром 2 бригады 10 кавалерийской дивизии. 6.10.1888 г. назначен Окружным Начальником Таганрогского округа войска Донского. 17.04.1891 г. назначен командиром 3 бригады 1 гвардейской кавалерийской дивизии. 10.03.1893 г. назначен командующим 2-й казачьей сводной дивизии. 13.06.1899 г. назначен командиром 14 армей-

ского корпуса. 14.11.1904 г. назначен командующим войсками Приамурского военного округа и войсковым наказным атаманом Приамурских казачьих войск. 2.12.1904 г. возложено и.д. Приамурского генерал-губернатора. Награжден орденами: Белого Орла Св. Владимира II и III ст. с мечами и IV ст. с меч. и бантом, Св. Анны I ст., II ст с мечами и III ст., Св. Станислава I и II ст.; награжден золотой шашкой с надписью за храбрость. Кроме того, награжден медалями.

Чаплинский Александр Гаврилович. Воспитывался во Владимирском Киевском кадетском корпусе, окончил курс во II военном Константиновском училище. 5.08.1891 г. произведен в подпоручики в 17 пехотный Архангелогородский великого князя Владимира Александровича полк. 2.03.1892 г. переведен на службу в Кексгольмский гренадерский императора австрийского полк. В 1900 г. уволен в запас. В том же году назначен чиновником особых поручений VIII класса при МВД. 28.01.1908 г. назначен делопроизводителем Комитета о сооружении в Санкт-Петербурге памятника Александру III. 26.01.1909 г. назначен вице-губернатором Амурской области.

Чичагов Николай Михайлович (3.09.1852-1910, Харбин), генерал-лейтенант (1903). Окончил Пажеский корпус; Академию Генерального Штаба (1878). Был военным агентом в Брюсселе и Гааге. С 1894 г. генерал-майор, помощник начальника штаба Одесского военного округа; с 1897 г. начальник штаба Приамурского военного округа. С 4 января 1899 г. по 8 января 1903 г. военный губернатор Приморской области и атаман Уссурийского казачьего войска. В 1903 – 1910 г. – командир особого Заамурского округа отдельного корпуса.

Шевелев Михаил Григорьевич (1861, Верхнеудинск-1903, Владивосток), коммерции советник. 7.11.1879 г. решением правительства ему переданы права на содержание пароходного сообщения в Приморской области Дальнего Востока, с 1881 г. открыты постоянные линии Владивосток – Николаевск-на-Амуре, Владивосток – Шанхай – Ханькоу. Чаеотровец, знаток Китая.

Шимкевич Петр Поликарпович (1862-1920), чиновник по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе. Окончил Санкт-Петербургское училище Св. Анны. В 1882 г. поступил вольнонаемным телеграфистом на Санкт-Петербургскую телеграфную станцию Николаевской железной дороги. Прослушал курс лекций в Высшей телеграфной школе в Париже. В 1885-1887 гг. служил в Вологодском, Смоленском, Московском телеграфных округах. 29.04.1889 г. уволился со службы. 1.06.1892 г. назначен на должность младшего чиновника особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе. Участвовал в экспедициях по Амурской, Приморской, Забайкальской областям. 21.02.1895 г. на-

значен и.д. делопроизводителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора.

Шипов Иван Павлович (1865 – ?), государственный деятель. Окончил Александровский лицей. Занимал должности вице-директора особенной канцелярии по кредитной части, директора общей канцелярии министра финансов (с 1897 г.), директора департамента государственного казначейства. В 1898 г. – член правления Русско-Китайского банка. Эксперт по экономическим вопросам на русско-японских переговорах в Вашингтоне, специализирующийся на дальневосточных делах. С 28.10.1905 г. по 24.04.1906 г. – министр финансов в кабинете графа С.Ю. Витте. В 1908 г. министр торговли и промышленности.

Шишмарев Яков Парфентьевич. Сын казака, служившего переводчиком с монгольского языка в Троицкосавском пограничном управлении. Окончил русско-монгольскую войсковую школу, после нее – переводчик в пограничном управлении. Обучался в русско-китайской школе у К.Г. Крымского. В 1855 г. командирован в экспедицию на Амур. Участвовал в первых сплавах по Амуру, в 1856 г. в чине коллежского регистратора назначен переводчиком по дипломатической части Главного управления. В 1857, 1860 гг. заведовал путевой канцелярией Н.Н. Муравьева. Участвовал в составлении Айгуньского трактата, в комиссии по проведению русско-китайской границы в Уссурийском крае под начальством К.Ф. Будогосского. В 1861 г. назначен управляющим русским консульством в Урге. 1865 г. исполняющий обязанности консула в Урге, 1866–1884 гг. – консул в Урге, 1885–1903, 1908–1911 гг. генеральный консул в Урге.

Шкуркин Павел Васильевич (3.11.1868, Лебедино Харьковской губернии–1.04.1943, Сизтл), востоковед и литератор. Учился в 4-м Московском кадетском корпусе, Александровском военном училище. В 1888 г. направлен служить на Дальний Восток. В 1895 г. назначен приставом Ольгинского участка. 3.11.1899 г. переведен в штат Приморского областного управления, зачислен вольнослушателем в Восточный институт. В 1903 г. окончил Восточный институт. С 20.05.1903 г. помощник владивостокского полицмейстера. Участник русско-японской войны, штабс-капитан, командир разведки Ренненкампа. Служил переводчиком на КВЖД, с 1915 г. по 1925 г. преподавал в учебных заведениях Харбина. Член общества русских ориенталистов. В 1927 г. уехал в США. Имел награды, в том числе китайский орден Двойного Дракона II ст.

Шренк Леопольд Иванович (24.04.1826, имение Хитень Сумского уезда, Харьковской губернии – 8.01.1894, Петербург), русский этнограф, натуралист, академик Петербургской АН (1863). В 1879–1894 гг. директор Музея антропологии и этнографии в Петербурге. В 1854 – 1856 гг. возглавлял экспедицию на Амур и Сахалин, где изучал нивхов и другие народы.

Щербаков Николай Петрович. Окончил томское Алексеевское реальное училище. В 1890 г. поступил в штат канцелярии Томского губернского прокурора канцелярским служителем III разряда. В 1898 г. – крестьянский начальник в Балаганском уезде Иркутской губернии; 3.08.1901 г. назначен и. д. правителя канцелярии военного губернатора; 14.10.1909 г. назначен на должность советника Приморского областного правления. Приказом от 16.08.1911 г. перемещен с должности правителя канцелярии камчатского губернатора на должность советника Приморского областного правления.

Эгерман (Егерман) Эдуард Генрихович (? – ?). 4.09.1870 г. поступил в штурманское училище воспитанником. 31.03.1874 г. произведен в кондукторы Корпуса флотских штурманов; с 1874 г. по 1886 г. служил в I, II, III, IV флотских экипажах; 9.12.1886 г. переведен в Сибирский экипаж ст. штурманом на канонерскую лодку «Сивуч», в 1887 г. вернулся на Балтику. 22.03.1899 г. назначен и.д. капитана над Владивостокским коммерческим портом с зачислением по корпусу флотских штурманов; 9.02.1909 г. уволен от морской службы вследствие достижения предельного возраста; 26.08.1909 г. оставлен на службе и.д. капитана над Владивостокским коммерческим портом. 6.12.1909 г. произведен в генерал-майоры Корпуса флотских штурманов. Награжден орденами Св. Владимира IV ст. с бантом, Св. Анны II и III ст., Св. Станислава III ст., болгарским Св. Александра V ст., японским Восходящего солнца III ст., китайским Двойного Дракона II ст. III кл.

Этолин Александр Адольфович (Альфредович?) (1841, Финляндия – ?). Родился в семье бывшего главного правителя Российско-Американской компании. В 1857 г. определен юнкером в 8-й флотский экипаж, в 1861 г. совершил в должности мичмана корвета «Богатырь» кругосветное плавание на Дальний Восток. В 1866 г. назначен командиром шхуны «Алеут», с 5.08.1868 г. заведующий морской и гражданской частями во Владивостоке, командир поста Владивосток. Руководил обороной Владивостока во время манчжурской войны. Уехал из Владивостока в 1880 г.

При составлении указателя использованы:

1. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1119, л. 19, 72; Ф. 150. Японский стол, оп. 493, д. 46, л. 13, 20, 36, 85; д. 53, л. 51, 79, 80 об., 81; Ф. 188. Миссия в Пекине. оп. 761, д. 946, л. 98.
2. РГВИА. Ф. 99, оп. 1, д. 51, л. 56 об., 67 об.; ф. 395, оп. 49, 1857 г., д. 1833; ф. 409, оп. 1, д. 172244, л. 5, 13 - 20, 27 об.; оп. 2, д. 3774, л. 16 - 27;
3. РГИАДВ. Ф. 1, оп.1, д. 1324, л. 103 об.; оп. 7, д. 1205, л. 125; Ф. 28, оп. 1, д. 98, л. 117; Ф. 702, оп. 1, д. 257, л. 8, 13, 30, 35, 49, 62, 65; д. 843 а, л. 93, 94; д. 1926, л. 14, 54 об., 55, 60, 212 - 212 об.; д. 1949, л. 118, 118 об., 123 - 125, 155, 191; д. 1959, л. 11 -16, 72; д. 2008, л. 14 - 24, 32; д. 2013, л. 1 - 5, 33, 144, 186, 214, 216; д. 2033-а, л. 35 - 36, 57 - 58, 78, 89, 95, 103; д. 2076, л. 3 об. - 4, 86;

- д. 2109, л. 13, 13 об., л. 15, 19, 23; д. 2117, л. 29 об., 107; д. 2126, л. 65, 92 об., 112 об., 178, 181; д. 2156, л. 21, 28 об., 29, 56 об.; д. 2176, л. 5, 19, 112, 140-143, 293, 361 об., 391; д. 2202, л. 7; д. 2232, л. 15, л. 43 об., 74; д. 2236, л. 86 об - 89, 143, 301, 372; оп. 2, д. 465, л. 157; Ф. 704, оп.1, д. 626, л. 9, 28, 39, 49.
4. Алепов А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.). Хабаровск. 2001.
 5. Амурская область. Опыт энциклопедического словаря. Хабаровское книжное издательство. Амурское отделение. Благовещенск, 1989.
 6. Барабаш. Записка о Маньчжурии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. – Вып. I. – С. 4 - 5.
 7. Большая советская энциклопедия. М., 1970-1977.
 8. Бурачек Е.С., Бурачек В.В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток, 1999;
 9. Бурилова М.Ф. Хабаровск купеческий. Хабаровск, 1999.
 10. Буюков А.М. Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 1998. – С. 97 – 116.
 11. Владивосток. Штрихи к портрету. Владивосток, 1985.
 12. Вradiй С.Ю. Профессор Китаеведения А.В. Рудаков // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 1998. – С. 68-74.
 13. Галушко Е. Мост в будущее Анатолия Жукова // http://regions.ng.ru/time/2000-11-14/7_bridge.html
 14. Груздев А.И. Береговая черта: имя на карте. Владивосток, 1996.
 15. Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. – Владивосток. 1999.
 16. Дипломатический словарь. М., 1985 – 1986. - Т. 1-2.
 17. Донесение военному губернатору Приморской области пограничного комиссара в Южно-Усурийском крае Матюнина // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. – Вып. I. – С. 248-292.
 18. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск. 1997.
 19. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2001.
 20. Залесский К.А. Кто был кто в первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.
 21. Зилова К.Н. Роль семьи Матвеевых в развитии культуры на Дальнем Востоке // Духовная жизнь Дальнего Востока России. Хабаровск, 2000.
 22. История ДВГУ в документах и материалах (1899 – 1939 гг.). Владивосток, 1999.
 23. Калинин В., Аюшин Н. Губернатор // Россия и АТР. – 2000. - № 2. – С.112-121.
 24. Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск, 1894.
 25. Матханова. Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине 19 в. Новосибирск, 2002.
 26. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири. Новосибирск, 1998.
 27. Морской биографический справочник Дальнего Востока России и русской Америки. Владивосток, 1998.
 28. Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения (начало XX в. – 1945). Днс. ... к. и. н. Владивосток, 1999.
 29. Петров А.И. Военный губернатор Приморской области Иосиф Гаврилович Баранов // Вестник ДВО РАН. – 2000. -- № 2. – С. 51-61.

30. Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997.
31. Прудкогляд Т.В. Листая пожелтевшие страницы... Владивосток, 2000.
32. Россия и Япония на заре двадцатого столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. М., 1994.
33. Русский биографический словарь. Под ред. А.А. Половцева. СПб., 1896-1918.
34. Советский энциклопедический словарь. М., 1981.
35. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. 19. – нач. 20 вв.) Благовещенск, 2003.
36. Хисамутдинов А.А. Белые паруса на Восточном Поморье. Владивосток, 2001.
37. Хисамутдинов А.А. Из владивостокской старины. Владивосток, 2001.
38. Хисамутдинов А.А. История востоковедения на Дальнем Востоке (1908 – 1940-е гг.). Опыт российской эмиграции. Дис. ... к. и. н. Владивосток, 1998.
39. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2000.
40. Хисамутдинов А.А. Terra incognita или хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток, 1989.
41. Чернавская В.Н. Россия и Австралия во второй половине XIX в. // Россия и АТР. – 2000. – № 2. – С. 136.
42. Энциклопедия. Издание русского библиографического института «Гранат». М., б/г. – Т. 23.
43. Lensen G. Russian diplomatic and consular officials in East Asia. Florida. 1968.
44. Stephan J.J. The Russian Far East: A history. Stanford, 1994. – p. 314.
45. Hummel Ar. Eminent Chinese of the Ching period (1644 – 1912). Washington. 1944. – V. 2. – P. 880-881.
46. Владивосток. – 1891. - № 1. – С. 3 - 4.
47. Далекая окраина. – 1911. - № 1128. – С. 2; 1914. – № 2109 – С. 3; № 2267. – С. 3.
48. Приамурские ведомости. – 1900. - № 323. – С. 13 – 15; 1912 - № 1834; 1913 - № 1943. – С. 3; № 1983. – С. 3; № 2029. – С. 3; 1914 – № 2180. – С. 4 – 5; № 2199. – С. 2.
49. Приамурье. – 1910. - № 1261. – С. 3.
50. Приморский край. – 1911. - № 58. - С. 3.
51. <http://chss.irex.ru/db/zarub/dictionary.asp?l=Ф>

Приложение 2

Список переименованных топонимов Приморской области, встречающихся в тексте

Р. Ваку – р. Малиновка	Р. Сиянхе – р. Комиссаровка
Р. Даубихе – р. Арсеньевка	Р. Судзухе – р. Киевка
Р. Иман – р. Большая Уссурка	Р. Суйфун – р. Раздольная
Р. Лефу – р. Илистая	Р. Сучан – р. Партизанская
Р. Лифудзин – р. Павловка, р. Рудная	Р. Сяухе – р. Соколовка
Р. Майхэ – р. Артемовка	Р. Тадуши – р. Зеркальная
Р. Мо – р. Мельгуновка	Р. Та-Судзухе – р. Киевка
Р. Монгугай – р. Барабашевка	Р. Таудими – р. Литовка
Р. Ното – р. Журавлевка	Р. Таухе – р. Черная

Р. Пхусун – р. Маргаритовка
 Р. Сандагоу – р. Усури
 Р. Сантахеза – р. Спасовка
 С. Сидатун – с. Мельничное

Р. Тюмень-ула – р. Туманная
 Р. Улахе – р. Усури
 Р. Фудзин – р. Павловка
 Р. Цимухе – р. Шкотовка

При составлении списка использованы:

1. Груздев А.И. Концепция возвращения и охраны исторических названий в Приморье // Записки общества изучения Амурского края. – 1992. – Т. XXVIII. – С. 35-46.
2. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. Владивосток, 1990.
3. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М., 1989.

Приложение 3

Таблица 8. Динамика изменения численности населения в Приморской области (1884-1914 гг.)

Год	Русские	Туземцы	Корейцы	Китайцы	Японцы	Европ.	Всего
1884 г.	35000	11700	6800	8000			61500
1890 г.	46179	17105	13480	6215	419	143	83541
1891 г.	49874	37385	15050	7648	451	129	110537
1892 г.	81674	36227	16457	8508	617	257	143740
1893 г.	87213	35912	15219	8275	684	244	147547
1894 г.	91164	35800	14451	9371	1191	243	152220
1895 г.	98440	35261	17869	10663	1665	168	164066
1896 г.	114338	51308	5196	13781	1952	194	186769
1897 г.	128946	44705	23279	29284	2030	580	228824
1898 г.	137872	43100	25655	33809	2168	536	243140
1899 г.	163960	41935	27700	38655	2133	607	274980*
1900 г.	171176	21803	46383	31448	2282	697	273789
1901 г.	185500	38000	28500	25000	3300	700	281000
1902 г.	206221	38708	32298	31039	3556	719	312541
1906 г.	230720	34286	34406	47390	2953	5660	355415
1909 г.	384951	15550	51554	65409	4047	1850	523361
1911 г.	382121	15108	57289	57447	3476	1938	517279
1913 г.	449393	14149	57440	52239	3569	1224	578014
1914 г.	330387	24134			Иностранцы - 48470		401991**

* Правильный результат – 274990

** Правильный результат – 402991

Таблица составлена на основании источников:

1. РГИАДВ. В. 702, оп.1, д. 21, л. 2-3; Материалы по земельному вопросу в Азиатской России.

2. Вып. II. Приамурье. Петроград, 1917. - С. 14; Обзор Приморской области за 1890 г.
3. Владивосток, 1891; Обзор Приморской области за 1891 г. Владивосток, 1892;. Обзор.
4. Приморской области за 1892 г. Владивосток, 1893; Обзор Приморской области за 1893 г.
5. Владивосток, 1894; Обзор Приморской области за 1894 г. Владивосток, 1895; Обзор.
6. Приморской области за 1895 г. Владивосток, 1896; Обзор Приморской области за 1896 г.
7. Владивосток, 1897; Обзор Приморской области за 1897 г. Владивосток, 1899; Обзор.
8. Приморской области за 1898 г. Владивосток, 1900; Обзор Приморской области за 1899 г.
9. Владивосток, 1901; Обзор Приморской области за 1900 г. Владивосток, 1902; Обзор
10. Приморской области за 1901 г. Владивосток, 1904; Обзор Приморской области за 1902 г.
11. Владивосток, 1905;. Обзор Приморской области за 1906 г. Владивосток, 1907; Обзор.
12. Приморской области за 1909 г. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 г.
13. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1913 г. Владивосток, 1915; Обзор.
14. Приморской области за 1914 г. Владивосток, б/г.

Приложение 4

Таблица 9. Сведения о численности китайских подданных в Приамурском генерал-губернаторстве до 1900 г.

Год	Область			Итого
	Амурская	Приморская	Забайкальская	
1886	14500	13000	-	27500
1891	14891	18018	300	33209
1893	20272	8275	321	28868
1900	15106	36000	695	51801

Источник: Сорокина Т.Н. Китайская иммиграция на Дальний Восток России в конце XIX – начале XX вв. // Исторический ежегодник. Омский государственный университет, 1999. – С. 13-23.

Таблица 10. Сведения о количестве китайцев, проживавших в Приморском генерал-губернаторстве в 1910-1914 гг.

Год	Область				Итого
	Приморская	Амурская	Камчатская	Сахалинская	
1910	60586	31648	234	573	93041
1911	57447	18541	200	485	76673
1912	53698	24156	210	528	78592
1913	48181	29818	135	688	78822
1914	38779	32787	191	472	72229

Источник: Сорокина Т.Н. Китайская иммиграция на Дальний Восток России в конце XIX - начале XX вв. // Исторический ежегодник. Омский государственный университет, 1999. - С. 13 - 23.

Приложение 5

Таблица 11. Динамика изменения численности населения в г. Владивостоке (1884-1914 гг.)

Год	Русские	Туземцы	Корейцы	Китайцы	Японцы	Европейцы	Итого
1884 г.	6500	0	400	5000	600		12500
1891 г.	3628	0	842	3607	278	63	8418
1892 г.	12480	0	457	3172	416	183	16708
1893 г.	12827	0	395	3691	364	170	17447
1894 г.	13537	0	630	4938	956	188	20249
1895 г.	13431	0	818	5638	1232	72	21191
1896 г.	16335	0	801	6550	1418	116	25220
1897 г.	15918	0	1361	10181	1261	464	29185
1898 г.	15974	0	1518	11637	1244	474	30847
1899 г.	20680	0	1820	13740	1250	510	38000
1900 г.	23050	0	1900	11150	1300	600	38000
1901 г.	24500	0	2400	6200	2300	600	36000
1902 г.	25852	133	2272	13950	2500	520	45227
1903 г.	27000	0	2050	15000	2400	650	47100
1906 г.	30369	225	3799	23987	2029	1017	61426
1907 г.	42660	378	2764	30844	1595	1458	79699
1908 г.	47484	414	3229	30971	1942	964	85004
1909 г.	50451	2965	3465	29800	2245	1236	90162
1911 г.	52707	985	8445	26328	1660	1339	91464
1912 г.	54673	1167	8998	26787	1830	1480	94935
1913 г.	67030	215	4373	24770	1965	912	99265
1914 г.	37338	496	6595	19001	2011	287	65728

Таблица составлена на основании источников:

РГИАДВ. Ф. 702, оп.1, д. 21, л. 2-3; Обзор Приморской области за 1891 г. Владивосток, 1892.; Обзор Приморской области за 1892 г. Владивосток, 1893.; Обзор Приморской области

за 1893 г. Владивосток, 1894; Обзор Приморской области за 1894 г. Владивосток, 1895; Обзор Приморской области за 1895 г. Владивосток, 1896; Обзор Приморской области за 1896 г. Владивосток, 1897; Обзор Приморской области за 1897 г. Владивосток, 1899; Обзор Приморской области за 1898 г. Владивосток, 1900; Обзор Приморской области за 1899 г. Владивосток, 1901; Обзор Приморской области за 1900 г. Владивосток, 1902; Обзор Приморской области за 1901 г. Владивосток, 1904; Обзор Приморской области за 1902 г. Владивосток, 1905; Обзор Приморской области за 1906 г. Владивосток, 1907; Обзор Приморской области за 1907 г. Владивосток, 1908; Обзор Приморской области за 1908 г. Владивосток, 1910; Обзор Приморской области за 1909 г. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 г. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1912 г. Владивосток, 1914; Обзор Приморской области за 1913 г. Владивосток, 1915; Обзор Приморской области за 1914 г. Владивосток, б/г.; Бруевич А. Русский остров и г. Владивосток // В трущобах Маньчжурии и наших восточных окраин. Одесса, 1910. – С. 242.

Приложение 6

Таблица 12. Динамика изменения численности населения
в г. Хабаровске (1884-1914 гг.)

Годы	Русские	Туземцы	Корейцы	Китайцы	Японцы	Европейцы	Итого
1884 г.							4807
1889 г.				702	38		6939
1891 г.	4537	1	70	435	54	26	5123
1892 г.	7501	2	72	307	51	27	7960
1893 г.	7717	2	69	614	67	19	8488
1894 г.	8301	8	65	1690	56	18	10138
1895 г.	10410	14	162	2119	191	21	12917
1896 г.	11745	11	172	2221	234	16	14399
1897 г.	11067	33	127	3641	187	27	15082
1898 г.	12811	12	194	2122	312	17	15468
1899 г.	13740	15	180	2140	310	15	16400
1900 г.	12395	16	249	2107	210	23	15000
1901 г.	12880	40	240	1510	300	30	15000
1902 г.	13788	27	218	1686	272	21	16012
1906 г.	23885	14	775	7058	327	89	32148
1907 г.	24913	21	874	8924	491	229	35452
1908 г.	39524	43	521	9331	394	213	50026
1909 г.	31724	64	529	7472	834	425	41048
1911 г.	38839	15	765	9069	575	225	49488
1912 г.	40420	21	876	9085	858	277	51537
1913 г.	45624	444	1328	7654	660	128	55838
1914 г.	44364	121	1188	6818	735	286	53512

Таблица составлена на основании источников:

РГИАДВ. Ф. 702, оп.1, д. 21, л. 2-3; Обзор Приморской области за 1891 г. Владивосток. 1892; Обзор Приморской области за 1892 г. Владивосток, 1893; Обзор Приморской

области за 1893 г. Владивосток, 1894; Обзор Приморской области за 1894 г. Владивосток, 1895; Обзор Приморской области за 1895 г. Владивосток, 1896; Обзор Приморской области за 1896 г. Владивосток, 1897; Обзор Приморской области за 1897 г. Владивосток, 1899; Обзор Приморской области за 1898 г. Владивосток, 1900; Обзор Приморской области за 1899 г. Владивосток, 1901; Обзор Приморской области за 1900 г. Владивосток, 1902; Обзор Приморской области за 1901 г. Владивосток, 1904; Обзор Приморской области за 1902 г. Владивосток, 1905; Обзор Приморской области за 1906 г. Владивосток, 1907; Обзор Приморской области за 1907 г. Владивосток, 1908; Обзор Приморской области за 1908 г. Владивосток, 1910; Обзор Приморской области за 1909 г. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 г. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1912 г. Владивосток, 1914; Обзор Приморской области за 1913 г. Владивосток, 1915; Обзор Приморской области за 1914 г. Владивосток, б/г; Муров Г.Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь, быт, нравы. М., 1911. – С. 14.

Приложение 7

**Таблица 13. Динамика изменения численности населения
в г. Никольск-Уссурийском (1898-1914 гг.)**

Годы	Русские	Туземцы	Корейцы	Китайцы	Японцы	Европейцы	Итого
1898 г.	10710	0	585	1793	143	0	13231
1899 г.	13220	0	1260	3610	190	20	18300
1900 г.	17700	0	1386	3300	329	35	22750
1901 г.	16740	30	1050	3750	400	30	22000
1902 г.	18057	32	1590	3971	457	128	24235
1906 г.	10400	0	1204	4000	500	4023	20127
1908 г.	39325	115	1675	10300	615	152	52182
1909 г.	18286	21	2353	7827	489	148	29124
1911 г.	23721	0	4460	5527	726	284	34718
1912 г.	29083	0	2010	3978	670	202	35943
1913 г.	26102	3242	1934	5144	485	86	36993
1914 г.	22022	2312	1520	3769	268	138	30029

Таблица составлена на основании источников:

Обзор Приморской области за 1898 г. Владивосток, 1900; Обзор Приморской области за 1899 г. Владивосток, 1901; Обзор Приморской области за 1900 г. Владивосток, 1902; Обзор Приморской области за 1901 г. Владивосток, 1904; Обзор Приморской области за 1902 г. Владивосток, 1905; Обзор Приморской области за 1906 г. Владивосток, 1907; Обзор Приморской области за 1908 г. Владивосток, 1910; Обзор Приморской области за 1909 г. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 г. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1912 г. Владивосток, 1914; Обзор Приморской области за 1913 г. Владивосток, 1915; Обзор Приморской области за 1914 г. Владивосток, б/г.

Таблица 14. Динамика изменения численности населения
в г. Николаевске (1891-1913 гг.)

Годы	Русские	Туземцы	Корейцы	Китайцы	Японцы	Европейцы	Итого
1891 г.	1386	17	1	104	25	23	1556
1892 г.	2340	21	3	123	25	23	2535
1893 г.	2418	18	9	101	37	24	2607
1894 г.	2396	14	3	99	38	18	2568
1895 г.	2485	5	46	241	48	19	2844
1896 г.	3344	7	107	1206	77	38	4779
1897 г.	4353	8	131	1109	94	31	5726
1898 г.	3778	93	126	958	336	31	5322
1900 г.	7106	17	127	843	331	26	8450
1901 г.	7537	30	140	230	250	13	8200
1902 г.	6367	23	73	486	153	24	7126
1906 г.	7059	2530	0	0	0	527	10116
1907 г.	9512	0	1199	2046	182	25	12964
1908 г.	9671	73	697	1957	257	45	12700
1909 г.	8741	57	797	1920	370	30	11915
1911 г.	10626	25	343	1074	403	45	12516
1912 г.	11155	457	548	1233	459	50	13902
1913 г.	11918	30	837	1179	381	52	14397

Таблица составлена на основании источников:

Обзор Приморской области за 1891 г. Владивосток, 1892; Обзор Приморской области за 1892 г. Владивосток, 1893; Обзор Приморской области за 1893 г. Владивосток, 1894; Обзор Приморской области за 1894 г. Владивосток, 1895; Обзор Приморской области за 1895 г. Владивосток, 1896; Обзор Приморской области за 1896 г. Владивосток, 1897; Обзор Приморской области за 1897 г. Владивосток, 1899; Обзор Приморской области за 1898 г. Владивосток, 1900; Обзор Приморской области за 1900 г. Владивосток, 1902; Обзор Приморской области за 1901 г. Владивосток, 1904; Обзор Приморской области за 1902 г. Владивосток, 1905; Обзор Приморской области за 1906 г. Владивосток, 1907; Обзор Приморской области за 1907 г. Владивосток, 1908; Обзор Приморской области за 1908 г. Владивосток, 1910; Обзор Приморской области за 1909 г. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 г. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1912 г. Владивосток, 1914; Обзор Приморской области за 1913 г. Владивосток, 1915.

**Инструкция отрядам, расположенным в Сучанском участке
Южно-Уссурийского округа в местностях: Владимировке, Пинсоу
и Цемухе, для поддержания порядка в тамошнем китайском
населении**

1. Отряды, расположенные во Владимировке, Цемухэ и Пинсоу непосредственно подчиняются командиру I линейного батальона, на которого и возлагается наблюдение за строевым их образованием и за хозяйственной частью.
2. Цель назначения этих отрядов есть поддержание порядка в местном китайском населении, поэтому они должны зорко следить за всем тем, что делается среди китайского населения, принимать своевременно соответствующие меры к прекращению незаконных действий этого населения и обо всем заслуживающим внимания доносить по команде и доносить земской полиции.
3. Начальники отрядов время от времени должны сами обходить с отрядами все фанзы, находящиеся районе расположения отряда, или посылать для этой цели небольшие команды солдат под начальством благонадежных унтер-офицеров, или рядовых.
4. При обходах необходимо наблюдать за всяким бросающимся в глаза движением населения, за необыкновенной его прибылью, или скоплениям манз в одном пункте: а также не находится ли у манз оружия, пороху и других огнестрельных припасов.
5. В случае большой прибыли или скопления манз разузнавать для какой цели они собрались, если цель собрания носит характер мирный, т.е. касающийся исключительно их сельских нужд, то оставлять в этом пункте до окончания собрания, для наблюдения особую команду, численность которой должна сообразовываться с обстоятельствами и во всяком случае гарантировать ей безопасность от враждебных покушений населения, если же цель собрания оказывается подозрительною, то требовать, чтобы собравшиеся разошлись по домам и объяснять им, что без ведения русских властей никакие сборища не допускаются, и что с виновными в повторении этого будет поступлено по всей строгости законов. В тоже время иметь более усиленное наблюдение как за фанзою, в которой происходило сборище, так и за главными лицами, под руководством которых таковые составились. О подобно-го рода событиях немедленно давать знать, как в соседние отряды, так и Заседателю и доносить по команде.
6. Если где будет найдено оружие, порох и др. огнестрельные принадлежности, то все это конфисковать, а обладателей такового арестовать и содержать при отряде, до прибытия заседателя, для производства расследования.
7. При явном массовом возмущении не повиновении русским властям, если меры убеждения окажутся недейственными и обстоятельства вынудят прибегнуть к оружию, то поступать в этом случае со всею осмотрительностью и благородием.

8. Наблюдать за появлением среди манзовского населения разных агитаторов, китайских чиновников, прокламаций и т.д. Таких людей арестовывать и передавать заседателю, для производства следствия и для дальнейшего поступления с ними по закону. Прокламации стараться собирать и затем пересылать таковые Заседателю, для разыскания виновных в роздаче их.
9. Если манзы вооружены, оказывают сопротивление, а в случае бегства по требованию не останавливаются, то употреблять против них оружие.
10. При посещении отрядами фанз, не обижать населения и ни под каким видом не требовать бесплатно съестных продуктов и тому подобное, а оказывать оному должное покровительство, но без послабления, чтобы манзы видели достоинство и справедливость русской власти.
11. За всякое насилие со стороны чинов отряда, таковые будут предаваться уголовной или дисциплинарной. смотря по проступку ответственности.
12. Начальники отрядов не должны принимать на себя разбора разных дел возникающих среди русского, корейского и манзовского населения, так как это лежит на обязанности чинов земской полиции и сельских властей, и вообще не вмешиваться во внутренние распоряжки участка.
13. По письменному или словесному требованию Земского Заседателя отряды должны беспрекословно следовать куда и действовать как будет им указано. а за ненахождением же Заседателя при отряде действовать по обстоятельствам.
14. Отряды обязаны сопровождать от одного пункта расположения отряда до другого всех арестованных лиц.
15. Отрядам поставляется в непрременную обязанность оказывать чинам Земской полиции при исполнении ими службы всевозможное законное содействие.
16. Если при обходах фанз или при сопровождении арестованных понадобятся для отряда подводы под своз провизии и проч.. то таковые требовать бесплатно, как от русского, корейского, так и манзовского населения. На какой предмет Южно-Уссурийский исправник должен сделать надлежащее распоряжение.
17. Во всех случаях не предусмотренных настоящей инструкцией действовать согласно существующих на сей предмет законоположений, или испрашивать по команде указаний.

Военный губернатор и командующий войсками Приморской области.
генерального штаба генерал-майор И.Г. Баранов
1883 г.

Источник: РГИАДВ. Ф. 1, оп 5, д. 438, л.1 – 4 об.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в 2000г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия

для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования Российской Федерации (Минобразование России) является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в области образования и координирующим деятельность учреждений высшего и среднего профессионального образования, научных и иных организаций системы образования, аттестацию научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Минобразование России участвует совместно с другими федеральными органами исполнительной власти в формировании и реализации государственной научной и научно-технической политики. Разрабатывает федеральные целевые, межгосударственные и межведомственные программы и проекты в области образования, научной деятельности и молодежной политики. Обеспечивает выполнение обязательств Российской Федерации, вытекающих из договоров с иностранными государствами по вопросам образования, международного сотрудничества в области молодежной политики, а также программ международного научно-технического сотрудничества, межведомственных договоров и соглашений.

В структуру Минобразования России входят несколько сот вузов и научных организаций. В составе вузов имеются: проблемные научно-исследовательские лаборатории, технопарки, НИИ, конструкторские бюро, инженерные, научные и методические центры, опытные производства. В вузах и организациях работают около двухсот тысяч человек профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в ис-

следовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Дэсона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в

Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание

Нестерова Елена Ивановна

**Русская администрация
и китайские мигранты
на Юге Дальнего Востока России**

Редактор *В.Г. Дроздов*

Технический редактор *Л.М. Гурова*

Компьютерная верстка *С.В. Филатова*

Подписано в печать 28.10.2004 г.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 21,62. Уч.-изд. л. 21,37.
Тираж 500 экз. Заказ 171.

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического комплекса ДВГУ
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56

 МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

Д

